

СОДЕРЖАНИЕ

МАСТЕР-КЛАССЫ

ЧЕДЖЕМОВ С. Р. НАУЧНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОРЯДКА ПРИСУЖДЕНИЯ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ И ЗВАНИЙ.....	3
МАРЗОВЕВ И. Т. УСТНАЯ ИСТОРИЯ — КАК МЕТОД И ИСТОЧНИК ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	16

I. ИСТОРИЯ

ДЗАЛАЕВА К. Р. БИБЛИОТЕКА КАК КУЛЬТУРНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО СОЦИУМА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА — XIX НАЧАЛО XX ВВ.)	21
ШУРДУМОВА Д. А. ИЗМЕНЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА КРЕСТЬЯНСТВА В ХОДЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ.....	28
ХАЛИДОВА О. Б. МУСУЛЬМАНЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧ. XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ДАГЕСТАНА)	35
МАГОМЕТОВ А. А. ВЗАИМОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В ОСЕТИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	46
ХУБУЛОВА ДЗ. В. СВЯЩЕНСТВО ВЛАДИКАВКАЗСКОЙ ЕПАРХИИ В ТРАНЗИТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ НАЧАЛА XX В.	52
ЧЕДЖЕМОВ А. Ю. , СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ И САНИТАРИИ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ ДО НАЧАЛА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ.....	58
ФИДАРОВ Д. Р. СТАНОВЛЕНИЕ ТЕРСКОГО ИНСТИТУТА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В Г. ВЛАДИКАВКАЗЕ	65
ТИГИЕВ Ч. В. ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В 1НАЧАЛЕ XX ВЕКА	71
БИТИЕВ Б. А., КЕЛЕХСАЕВ Р. К. РЕПРЕССИИ ПРОТИВ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН Г. ВЛАДИКАВКАЗ В 1930-Е ГГ.....	77
АХМАТОВА М. Т., МАМАЕВ Х. М. , ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ И ВОПРОСОВ ХРОНОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ БЫТОВЫХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ПРИТЕРЕЧЬЯ В 30-Х — 40-Х ГГ. XX В. (ИССЛЕДОВАНИЯ А. П. КРУГЛОВА, Б. Е. ДЕГЕН-КОВАЛЕВСКОГО, Е. И. КРУПНОВА)	84
ЗАНГИЕВ Х. В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	95
КУЗНЕЦОВ Т. И. МОЗДОК В ГОДЫ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ (25.08.1942-3.01.1943).....	105

III. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

ГАРСАЕВ Л. М., ГАРСАЕВ А. М. , ЭТНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ЭЛИСТАНЖОЙ.....	111
КУЧУКОВА З. А. ПРОБЛЕМА ВХОЖДЕНИЯ БАЛКАРИИ В СОСТАВ РОССИИ И ОЦЕНКА РЕФОРМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. В ИСТОРИОГРАФИИ 1960-80-Х ГГ.	128
ТАХУШЕВА И. С. ВОПРОСЫ ОСВЕЩЕНИЯ КАВКАЗА В ОТДЕЛЕ ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННОК» «КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ» В 40-50-Х ГГ. XIX В.....	135
МАГОМЕТОВ А. А., ХОЗИЕВ З. Ф. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ТРАДИЦИОННЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ В ТРУДАХ Ф. И. ЛЕОНТОВИЧА	147
БОГОТОВА Ф. Ф. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	156

IV. ЭТНОЛОГИЯ

САБАНОВА Д. Т. ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ОСЕТИНСКИХ СКАЗКАХ	163
ИВАЗОВ А. М. ГЕРОИЧЕСКИЙ НАРТСКИЙ ЭПОС — ПАМЯТНИК ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ АДЫГОВ	170
ДАУЕВА Т. Т. НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ ВРАЖДУЮЩИХ СТОРОН В ДОПРИМИРИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД КРОВНОЙ МЕСТИ	184
ДЗАГОЕВА Э. П. МИРОТВОРЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННОМ ОСЕТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ (КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XIX ВВ.)	191
АЙЛАРОВ А. Э. ГРЕКИ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ — АЛАНИЯ	197
КУЛУМБЕГОВ Р. П. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО БРЕНДА	203
МАКИЕВ А. А. ПРОЕКТ «ПОТЕРЯННАЯ ОСЕТИЯ» КАК ЕДИНАЯ БАЗА ДАННЫХ ДЛЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ	209

V. ФИЛОЛОГИЯ

ДЗАПАРОВА Е. Б. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «ДУБРОВСКИЙ»: ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ НАЦИОНАЛЬНОГО КОЛОРИТА	217
АБАЕВА Ф. О. ЛЕКСИКА ПРЕДМЕТНОГО КОДА ОБРЯДОВОГО ТЕКСТА НЕВЕСТЫ	229
ДЗЛИЕВА Д. М. ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ХОРОВОДЫ В ТРАДИЦИОННОЙ ХОРЕОГРАФИИ ОСЕТИН	239
ДОГУЗОВА З. Г. КАТЕГОРИЯ ГЛАГОЛА В ОСЕТИНСКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ	253
ПЛАЕВА З. К. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СКАЗАНИЙ ОБ АЦАМАЗЕ В ОСЕТИНСКОМ НАРТОВСКОМ ЭПОСЕ	260
СОКУРОВА С. А. ОТРАЖЕНИЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА	267
МАМИЕВА И. В., ЦОКОЛАЕВА Е. Х., СИМВОЛ «МОСТ/ХИД» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ОСЕТИН	272
ДЗЕРАНОВА Н. М. ОТРАЖЕНИЕ НОРМ ОБЫЧНОГО ПРАВА В ЯЗЫКЕ ОСЕТИН	286

VI. ПОЛИТОЛОГИЯ

ДУЛАЕВА З. С. К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XX-XXI ВВ.	293
КЕЛЕХСАЕВ Р. К. КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ МОЗДОКСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ — АЛАНИЯ)	299
АМШОКОВА М. Х. СИНТЕЗ И КОНФЛИКТ РЕЛИГИОЗНОГО И ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ (КОНЕЦ XX — НАЧАЛЕ XXI В.)	306
МАМАРАЕВ Р. М. ПАРЛАМЕНТСКАЯ СИСТЕМА ВЫБОРОВ ГЛАВЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН И МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ	316
ХАЛИЛОВА А. С. ИНТЕРАКЦИЯ ДАГЕСТАНЦЕВ И КУБАНЦЕВ В 1980-2010 ГОДАХ: ТРУДНОСТИ, ОСОБЕННОСТИ И ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ	328

«СТУПЕНЬ В НАУКУ»

АБАЕВА КРИСТИНА. АКСО КОЛИЕВ — ОСНОВАТЕЛЬ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОСЕТИИ	340
МАРДАНОВ КАМРАН. НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ, КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЕТСЯ	348
НОВИКОВ КИРИЛЛ. ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ ЦЕРКВЕЙ В СТАНИЦЕ ПАВЛОДОЛЬСКОЙ	353
ТУККАЕВ ПЕТР. РОДОСЛОВНАЯ ФАМИЛИИ ТУККАЕВЫХ	360
НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ	368

МАСТЕР-КЛАССЫ

**С. Р. ЧЕДЖЕЛОВ,
д.пн, профессор СКГМИ (ГТУ)
(г. Владикавказ)**

НАУЧНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОРЯДКА ПРИСУЖДЕНИЯ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ И ЗВАНИЙ

В статье анализируется содержание нормативно-правовых документов РФ, определяющих порядок присуждения ученых степеней кандидата и доктора наук.

The article analyzes the contents of legal documents of the Russian Federation, which determine the order of award of degrees and Ph.D. candidate.

В современных условиях резко возрастает внимание всей ответственности России к порядку присуждения ученых степеней, ибо от этого во многом зависит будущее нашей науки да и интеллектуальной привлекательности нашего государства. С 1 января 2014 году ступило в силу Постановление Правительства РФ «О Порядке присуждения ученых степеней» [1]. Для реализации этого нормативно-правового акта был издан специальный приказ Министра образования и науки России, лично подписанный министром В. Ливановым [2].

Данные документы, обязательные к исполнению, они по новому очерчивают контуры работы соискателей, аспирантов и докторантов по написанию и защите диссертационных исследований, определяют критерии, которым должны отвечать диссертации на соискание вышеназванных ученых степеней.

Так, ученая степень доктора наук присуждается советом по результатам публичной защиты диссертации соискателем ученой степени, имеющим ученую степень кандидата наук. Ученая степень кандидата наук присуждается диссертационным советом по результатам публичной защиты диссертации соискателем ученой степени, успешно сдавшим 3 кандидатских экзамена — по специальности, иностранному языку, истории и философии науки.

В принципе любой специалист или магистр может защищать кандидатские диссертации по любым наукам за исключением медицинских, ветеринарных и юридических. Здесь требуется наличие диплома о высшем образовании по соответствующей специальности. Это требование заключено в п.4 Постановления правительства РФ.

Министерством образования и науки Российской Федерации может быть принято решение об отмене решения диссертационного совета о присуждении ученой степени. Рассмотрение Комиссией диссертаций осуществляется с привлечением экспертных советов Комиссии, а диссертационные советы несут ответственность за объективность и обоснованность принимаемых решений.

Решение о выдаче диплома доктора наук или кандидата наук принимает Министерство образования и науки Российской Федерации на основании решения диссертационного совета о присуждении ученой степени доктора наук или кандидата наук. Диплом доктора наук выдается Министерством образования и науки Российской Федерации на основании указанного решения и подписывается Министром образования и науки Российской Федерации или по его поручению заместителем Министра образования и науки Российской Федерации. Диплом кандидата наук выдается организацией, где проходила защита диссертации, по результатам которой диссертационным советом, созданным на базе этой организации, присуждена ученая степень кандидата наук, на основании решения Министерства образования и науки Российской Федерации и подписывается руководителем этой организации.

В вышеназванных нормативно-правовых актах содержатся критерии, которым должны отвечать диссертации. Так, диссер-

тация на соискание ученой степени доктора наук должна быть научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, либо решена научная проблема, имеющая важное политическое, социально-экономическое, культурное или хозяйственное значение, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения, внедрение которых вносит значительный вклад в развитие страны, а диссертация на соискание ученой степени кандидата наук должна быть научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний.

Диссертация должна быть написана автором самостоятельно, обладать внутренним единством, содержать новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствовать о личном вкладе автора диссертации в науку. Предложенные автором диссертации решения должны быть аргументированы и оценены по сравнению с другими известными решениями. Основные научные результаты диссертации должны быть опубликованы в рецензируемых научных изданиях, из так называемого перечня ВАК, он имеется на сайте ВАК.

Количество публикаций, в которых излагаются основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора наук, в рецензируемых изданиях должно быть: в области искусствоведения и культурологии, социально-экономических, общественных и гуманитарных наук — не менее 15, в остальных областях — не менее 10. Количество публикаций, в которых излагаются основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, в рецензируемых изданиях должно быть: в области искусствоведения и культурологии, социально-экономических, общественных и гуманитарных наук — не менее 3, в остальных областях — не менее 2.

В диссертации соискатель ученой степени обязан ссылаться на автора и (или) источник заимствования материалов или отдельных результатов. При использовании в диссертации результатов научных работ, выполненных соискателем ученой степени в соавторстве, необходимо указать его ФИО и долю авторского вклада соискателя.

Соискатель ученой степени представляет диссертацию и автореферат на бумажном носителе на правах рукописи на русском языке. Защита диссертации проводится на русском языке, при необходимости диссертационным советом обеспечивается синхронный перевод на иной язык.

Организация, где выполнялась диссертация, дает заключение по диссертации, которое подписывается руководителем или по его поручению заместителем руководителя организации. В заключении отражаются личное участие соискателя ученой степени в получении результатов, изложенных в диссертации, степень достоверности результатов проведенных соискателем ученой степени исследований, их новизна и практическая значимость, ценность научных работ соискателя ученой степени, научная специальность, которой соответствует диссертация, полнота изложения материалов диссертации в работах, опубликованных соискателем ученой степени.

Соискатель ученой степени имеет право представить диссертацию к защите в любой диссертационный совет. При этом научная специальность, по которой выполнена диссертация, должна соответствовать научной специальности и отрасли науки, по которой диссертационному совету Министерством образования и науки Российской Федерации предоставлено право проведения защиты диссертаций.

Соискателю ученой степени, являющемуся руководителем или заместителем руководителя организации либо президентом организации, запрещается представлять к защите диссертацию в диссертационные советы, созданные на базе этой организации. Соискателю ученой степени, являющемуся руководителем органа государственной власти или органа местного самоуправления, а также государственным (муниципальным) служащим, выполняющим работу, которая влечет за собой конфликт интересов, способных повлиять на принимаемые решения по вопросам государственной научной аттестации, запрещается представлять к защите диссертацию в диссертационные советы, созданные на базе организаций, находящихся в ведении этих органов.

Диссертационный совет обязан принять диссертацию к предварительному рассмотрению при наличии положительного заключения организации, где выполнялась диссертация, и документов, предусмотренных перечнем, утвержденным Министерством образования и науки Российской Федерации, а также при условии раз-

мещения соискателем ученой степени полного текста диссертации на официальном сайте организации, на базе которой создан диссертационный совет, в сети «Интернет».

Диссертационный совет создает комиссию, в состав которой входят не менее 3 членов диссертационного совета, являющихся специалистами по проблемам каждой научной специальности защищаемой диссертации, для предварительного ознакомления с диссертацией (далее — комиссия диссертационного совета). В состав комиссии диссертационного совета по решению диссертационного совета могут включаться специалисты в соответствующей области науки, не являющиеся членами диссертационного совета (в том числе не являющиеся работниками организации, на базе которой создан диссертационный совет). Такие специалисты должны соответствовать требованиям к кандидатам в члены диссертационных советов.

Указанная комиссия представляет диссертационному совету заключение о соответствии темы и содержания диссертации научным специальностям и отраслям науки, по которым диссертационному совету предоставлено право принимать к защите диссертации, о полноте изложения материалов диссертации в работах, опубликованных соискателем ученой степени, о выполнении требований к публикации основных научных результатов диссертации.

По результатам предварительного рассмотрения диссертации с учетом заключения комиссии диссертационного совета диссертационный совет принимает диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук к защите в течение 2 месяцев со дня подачи соискателем ученой степени в диссертационный совет всех необходимых документов, на соискание ученой степени доктора наук — в течение 4 месяцев со дня подачи соискателем в диссертационный совет всех необходимых документов или направляет соискателю ученой степени в указанные сроки мотивированное решение об отказе в приеме диссертации к защите. Это размещается на официальном сайте организации, на базе которой создан диссертационный совет.

В случае принятия диссертационным советом решения об отказе в приеме диссертации к защите текст диссертации в течение 5 дней со дня проведения заседания диссертационного совета, на котором было принято соответствующее решение, удаляется с официального сайта организации.

Основаниями для отказа в приеме диссертации к защите является:

1) если соискатель не имеет высшего образования и высшего специального образования по медицине, ветеринарии или юриспруденции для защиты на соискание соответственно ученых степеней по медицинским, ветеринарным или юридическим наукам, — для кандидатской диссертации, или не является кандидатом наук — для докторской диссертации.

2) несоответствие темы и содержания диссертации научным специальностям и отраслям науки, по которым диссертационному совету предоставлено право принимать к защите диссертации.

3) невыполнение требований к публикации основных научных результатов диссертации — количество статей в изданиях из перечня ВАК.

4) использование в диссертации заимствованного материала без ссылки на автора и (или) источник заимствования, результатов научных работ, выполненных соискателем ученой степени в соавторстве, без ссылок на соавторов;

5) представление соискателем ученой степени недостоверных сведений об опубликованных им работах, в которых изложены основные научные результаты диссертации;

5) представление диссертации лицом — руководителем или его заместителем той организации, при которой существует диссертационный совет.

В случае если тема диссертации охватывает несколько научных специальностей, не по всем из которых диссертационному совету предоставлено право проведения защиты диссертаций, диссертационный совет может принять решение о проведении защиты такой диссертации по специальности и отрасли науки, по которым ему предоставлено право проведения защиты диссертаций, с привлечением специалистов в соответствующих областях науки, не являющихся членами данного диссертационного совета. Такие специалисты должны соответствовать требованиям к кандидатам в члены диссертационных советов, т.е. на сегодняшний день основным является наличие публикаций по специальности.

При принятии диссертации к защите диссертационный совет назначает официальных оппонентов по диссертации из числа компетентных в соответствующей отрасли науки ученых, имеющих публикации в соответствующей сфере исследования и давших на это свое согласие (далее — оппоненты).

По диссертации на соискание ученой степени доктора наук назначаются 3 оппонента, имеющие ученую степень доктора наук либо ученую степень, полученную в иностранном государстве, признаваемую в Российской Федерации, обладателю которой предоставлены те же академические и (или) профессиональные права, что и доктору наук в Российской Федерации.

По диссертации на соискание ученой степени кандидата наук назначаются 2 оппонента, из которых один должен быть доктором наук либо иметь ученую степень, полученную в иностранном государстве, признаваемую в Российской Федерации, обладателю которой предоставлены те же академические и (или) профессиональные права, что и доктору наук в Российской Федерации, а другой — доктором наук или кандидатом наук либо иметь ученую степень, полученную в иностранном государстве, признаваемую в Российской Федерации, обладателю которой предоставлены те же академические и (или) профессиональные права, что и доктору или кандидату наук в Российской Федерации.

Оппонентами не могут быть Министр образования и науки Российской Федерации, государственные (муниципальные) служащие, выполняющие работу, которая влечет за собой конфликтов интересов, способных повлиять на принимаемые решения по вопросам государственной научной аттестации, члены Комиссии, члены экспертных советов, члены диссертационного совета, принявшего диссертацию к защите, научные руководители (научные консультанты) соискателя ученой степени, соавторы соискателя ученой степени по опубликованным работам по теме диссертации, а также работники (в том числе работающие по совместительству) организаций, где выполнялась диссертация или работает соискатель ученой степени, его научный руководитель или научный консультант, а также где ведутся научно-исследовательские работы, по которым соискатель ученой степени является руководителем или работником организации-заказчика или исполнителем (соисполнителем). Оппоненты должны являться работниками разных организаций в случае осуществления ими трудовой деятельности.

Оппонент на основе изучения диссертации и опубликованных работ по теме диссертации представляет в диссертационный совет письменный отзыв на диссертацию, в котором оцениваются актуальность избранной темы, степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в дис-

сертации, их достоверность и новизна, а также дается заключение о соответствии диссертации критериям, установленным настоящим Положением.

Подпись оппонента на отзыве заверяется в установленном законом порядке. Оригиналы отзывов оппонентов на диссертацию передаются оппонентами в диссертационный совет не позднее чем за 15 дней до дня защиты диссертации, а копии отзывов вручаются в диссертационном совете соискателю ученой степени не позднее чем за 10 дней до дня защиты диссертации.

В случае несоответствия отзыва оппонента указанным требованиям диссертационный совет до проведения защиты заменяет оппонента, при этом дата защиты диссертации переносится на срок не более 6 месяцев. Сведения об оппонентах и их отзывы на диссертацию размещаются на официальном сайте организации, на базе которой создан диссертационный совет, в сети «Интернет» не позднее чем за 10 дней до дня защиты диссертации.

При принятии диссертации к защите диссертационный совет назначает по диссертации организацию (с ее согласия), широко известную своими достижениями в соответствующей отрасли науки и способную определить научную и (или) практическую ценность диссертации, которая представляет в диссертационный совет отзыв на диссертацию (далее — ведущая организация).

Ведущей организацией не могут быть организации, в которых работают соискатель ученой степени, научные руководители (научные консультанты) соискателя ученой степени, а также организации, где ведутся научно-исследовательские работы, по которым соискатель ученой степени является руководителем или работником организации-заказчика или исполнителем (соисполнителем).

В отзыве ведущей организации на диссертацию отражается значимость полученных автором диссертации результатов для развития соответствующей отрасли науки. В отзыве на диссертацию, имеющую прикладной характер, должны также содержаться конкретные рекомендации по использованию результатов и выводов, приведенных в диссертации.

Отзыв ведущей организации на диссертацию утверждается ее руководителем (заместителем руководителя) на основании заключения структурного подразделения этой организации, одно из основных направлений научно-исследовательской деятельности которого соответствует тематике диссертации, по результатам про-

веденного на его заседании обсуждения диссертации. Подпись руководителя ведущей организации заверяется печатью данной организации.

Оригинал отзыва на диссертацию ведущая организация направляет в диссертационный совет не позднее 15 дней до дня защиты диссертации. Копию отзыва диссертационный совет вручает соискателю ученой степени не позднее чем за 10 дней до дня защиты диссертации.

В случае несоответствия отзыва ведущей организации указанным требованиям диссертационный совет до проведения защиты заменяет ведущую организацию, при этом дата защиты диссертации переносится на срок не более 6 месяцев. Сведения о ведущей организации и ее отзыв на диссертацию размещаются на официальном сайте организации, на базе которой создан диссертационный совет, в сети «Интернет» не позднее чем за 10 дней до дня защиты диссертации.

По диссертациям, принятым к защите, должен быть напечатан на правах рукописи автореферат объемом до 2 авторских листов для диссертации на соискание ученой степени доктора наук и до 1 авторского листа — для диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. По диссертациям на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук в области гуманитарных наук объем автореферата может составлять до 2,5 и до 1,5 авторского листа соответственно.

В автореферате диссертации излагаются основные идеи и выводы диссертации, показываются вклад автора в проведенное исследование, степень новизны и практическая значимость приведенных результатов исследований, содержатся сведения об организации, в которой выполнялась диссертация, об оппонентах и ведущей организации, о научных руководителях и научных консультантах соискателя ученой степени (при наличии), приводится список публикаций автора диссертации, в которых отражены основные научные результаты диссертации.

Автореферат диссертации рассылается членам диссертационного совета, принявшего диссертацию к защите, и заинтересованным организациям не позднее чем за 1 месяц до дня защиты диссертации. Перечень организаций, которым автореферат диссертации рассылается в обязательном порядке, определяется положением о диссертационном совете. Других адресатов, которым необходимо

направить автореферат диссертации, определяет диссертационный совет, принявший диссертацию к защите.

При принятии к защите диссертации на соискание ученой степени доктора наук диссертационный совет не позднее чем за 3 месяца до дня защиты, а при принятии к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата наук — не позднее чем за 2 месяца до дня защиты представляет в Министерство образования и науки Российской Федерации для размещения на официальном сайте Комиссии в сети «Интернет» текст объявления, в котором указываются фамилия, имя, отчество (последнее — при наличии) соискателя ученой степени, название темы представленной к защите диссертации, шифры и наименования научных специальностей и отрасли науки (в соответствии с номенклатурой), по которым выполнена диссертация, наименование и адрес организации, на базе которой создан данный диссертационный совет, ссылка на официальный сайт организации, на базе которой создан диссертационный совет, в сети «Интернет», на котором соискателем ученой степени размещен полный текст диссертации, предполагаемая дата защиты диссертации, а также отзывы научных руководителей или научных консультантов соискателя ученой степени (при наличии) и автореферат диссертации.

Полный текст диссертации должен быть доступен для ознакомления по указанной ссылке для любых лиц до истечения 7 месяцев со дня защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, указанной в объявлении о защите, и до истечения 9 месяцев — со дня защиты диссертации на соискание ученой степени доктора наук, указанной в объявлении о защите.

Такая диссертация размещается сроком на 10 лет со дня принятия Министерством соответствующего решения на официальном сайте организации, на базе которой создан диссертационный совет, в котором проходила защита, в сети «Интернет» с указанием причины принятия Министерством такого решения.

Объявление о защите должно быть доступно для любых лиц в течение 5 месяцев с указанного в нем дня защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук и в течение 8 месяцев — с указанного в нем дня защиты диссертации на соискание ученой степени доктора наук.

В библиотеку организации, на базе которой создан диссертационный совет, не позднее чем за 3 месяца до дня защиты диссертации

ции на соискание ученой степени доктора наук и не позднее чем за 2 месяца до дня защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук передаются 1 экземпляр диссертации, и 2 экземпляра автореферата указанной диссертации.

Отзывы, поступившие на диссертацию и автореферат диссертации, размещаются на официальном сайте организации, на базе которой создан диссертационный совет, принявший данную диссертацию к защите, в сети «Интернет» не позднее 10 дней до дня защиты диссертации. В отзыве указываются фамилия, имя, отчество (последнее — при наличии) лица, представившего отзыв на данную диссертацию (автореферат диссертации), почтовый адрес, телефон (при наличии), адрес электронной почты (при наличии), наименование организации, работником которой является указанное лицо, и должность в этой организации (в случае если лицо, представившее отзыв на данную диссертацию (автореферат диссертации), работает).

Если в отзыве на диссертацию отсутствуют фамилия, имя лица, представившего отзыв на данную диссертацию (автореферат диссертации), его почтовый адрес, присутствуют нецензурные и (или) оскорбительные выражения или не имеется возможности прочитать какую-либо часть текста отзыва на данную диссертацию или автореферат то, такой отзыв на официальном сайте организации, на базе которой создан диссертационный совет, принявший данную диссертацию к защите, в сети «Интернет» не размещается. Отзыв на диссертацию (автореферат диссертации) может быть направлен в диссертационный совет, на бумажном носителе или в электронной форме при условии использования электронной подписи.

Соискатель ученой степени имеет право на проведение защиты диссертации при наличии отрицательных отзывов. Заседание диссертационного совета считается правомочным, если в его работе принимают участие не менее двух третей членов диссертационного совета.

При защите диссертации на соискание ученой степени доктора наук необходимо участие в заседании диссертационного совета не менее 5 докторов наук, являющихся специалистами по проблемам научной специальности защищаемой диссертации, а при защите диссертации на соискание ученой степени кандидата наук — не менее 3 докторов наук.

Решение диссертационного совета по вопросу присуждения ученой степени доктора или кандидата наук считается положи-

тельным, если за него проголосовали не менее двух третей членов диссертационного совета, участвовавших в заседании. Публичная защита диссертации должна носить характер научной дискуссии и проходить в обстановке требовательности, принципиальности и соблюдения научной этики, при этом анализу должны подвергаться достоверность и обоснованность всех выводов и рекомендаций научного и практического характера, содержащихся в диссертации.

На защите диссертации обязан присутствовать соискатель ученой степени, вправе присутствовать иные лица в порядке, установленном организацией, на базе которой создан диссертационный совет. Оппоненты обязаны присутствовать на защите диссертации. Диссертационный совет может принять решение о проведении защиты кандидатской диссертации в отсутствие по уважительной причине одного из оппонентов, давшего на диссертацию положительный отзыв. В этом случае полностью оглашается отзыв отсутствующего оппонента.

На защите диссертации по решению диссертационного совета возможно присутствие 2 оппонентов по диссертации на соискание ученой степени доктора наук, одного оппонента по диссертации на соискание ученой степени кандидата наук в удаленном интерактивном режиме (из-за состояния здоровья, в случае отпуска, командировки и наличия других причин, признанных диссертационным советом уважительными) при условии аудиовизуального контакта с участниками заседания.

При отсутствии оппонента, давшего на диссертацию отрицательный отзыв, заседание диссертационного совета переносится на срок не более 6 месяцев. Оппонент, не явившийся на заседание повторно, заменяется. После окончания защиты диссертации диссертационный совет проводит тайное голосование по присуждению ученой степени. Для проведения подсчета голосов избирается открытым голосованием простым большинством голосов членов диссертационного совета, участвующих в заседании, счетная комиссия в количестве не менее 3 членов диссертационного совета.

В заключении диссертационного совета приводятся результаты голосования по диссертации. При положительном результате голосования по присуждению ученой степени диссертационный совет принимает открытым голосованием заключение диссертационного совета по диссертации согласно специальной форме, рекомендованной ВАК. Заключение диссертационного совета подписывается

председателем или по его поручению заместителем председателя диссертационного совета и ученым секретарем диссертационного совета. Их подписи заверяются печатью организации, на базе которой создан данный диссертационный совет.

Копия заключения диссертационного совета выдается соискателю ученой степени в течение 1 месяца со дня защиты диссертации. При положительном решении по результатам защиты диссертации диссертационный совет в течение 30 дней со дня защиты диссертации направляет в Министерство образования и науки Российской Федерации первый экземпляр аттестационного дела. Второй экземпляр хранится в организации, на базе которой создан диссертационный совет в течение 10 лет.

Диссертационный совет информирует Министерство образования и науки Российской Федерации о принятии отрицательного решения по результатам защиты диссертации в течение 30 дней со дня принятия такого решения. При участии одного или нескольких оппонентов на защите диссертации в удаленном интерактивном режиме в оба экземпляра аттестационного дела включается соответствующая стенограмма.

При отрицательном решении по результатам защиты диссертации первый экземпляр аттестационного дела и диссертация хранятся в организации, на базе которой создан диссертационный совет, в котором проходила защита диссертации, в течение 10 лет. Оформление аттестационного дела производится в порядке, устанавливаемом положением о диссертационном совете. Соискатель ученой степени имеет право ознакомиться с материалами своего аттестационного дела

Источники и литература

1. Постановление Правительства РФ «О Порядке присуждения ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. N 842
2. Приказ Министерства образования и науки РФ об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук от 13 января 2014 г. Зарегистрирован в Министерстве юстиции РФ 24 февраля 2014 г. Рег. № 31504

**И. Т. МАРЗОЕВ,
дин, внс СОИПГСИ
(г. Владикавказ)**

УСТНАЯ ИСТОРИЯ — КАК МЕТОД И ИСТОЧНИК ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Мисирби Томаев
НА СОИГСИ*

Исторические источники могут быть разделены на пять основных видов: 1) вещественные, 2) этнографические, 3) лингвистические, 4) письменные и 5) устные источники.

Устная словесность (устный рассказ, исторические предания, легенды, эпические сказания, песни, сказки, пословицы, поговорки и т.д.), существующая у всех народов, в том числе и у осетин, является древнейшей формой передачи исторических сведений.

При устной передаче отдельные подробности погибают или искажаются, так как

лишь сравнительно небольшие памятники могут быть запоминаемы наизусть. Однако, по наблюдениям ученых, у людей неграмотных или малограмотных память лучше, чем у людей, читающих книги. Привычка к записи уменьшает способность к механическому запоминанию. По словам В.И. Абаева, «при передаче исключительно путем устной традиции, без фиксации в письме, такие утери совершенно неизбежны. То, что дошло до нас, — быть может, не более как фрагменты. Но даже по этим фрагментам можно судить о величии и размахе былого эпического творчества»[1, 67].

Известно около 150 имен известных и талантливых осетинских сказителей. Среди них можно назвать Мисирби Томаева, Гаха Сланова, Бибо Дзугутова, Джанхота Туганова, Вану Гуриева, Кертиби Кертибиева, Дзараха Саулаева, Сабе Медоева, Рамона Дзусова, Кубади Адаева, Саулоха Базиева, Маза Будтуева, Дико Дзагоева, Заурбека Туаева, Али Гарданова, Иналдыко Калагова, Кубади Текоева, Дабега Гатуева, Хату Гусова [2, 544], и др., которые сохраняли в своей памяти сотни народных песен и преданий.

Песни нередко изменялись и дополнялись самими певцами и, таким образом, возникали новые варианты. Записанная устная передача сохраняет черты времени ее записи. Записи устной словесности обычно сохраняют особенности устного народного творчества, отличаясь употреблением различного рода народных слов, особым песенным складом и легендарностью содержания.

В Осетии местом, где чаще всего звучал устный и песенный фольклор, являлся *нихас* — место, где происходили общественные собрания взрослых мужчин. Это был своего рода клуб под открытым небом, традиционный общественный институт сельской общины, выполнявший важные функции в жизни осетинского общества, среди которых организация совместного проведения свободного времени взрослой мужской части населения [3, 45].

Наиболее логичным представляется начать работу с прояснения вопросов о происхождении термина и содержании понятия «устная история», причины появления данного исследовательского направления.

Термин «устная история» был сформулирован американским историком и журналистом, профессором Колумбийского университета (США) А. Невинсом в начале XX века. Но, устные свидетельства использовались в исторических исследованиях задолго до

Гаха Сланов
НА СОИГСИ

формирования особого направления «устной истории». К собиранию такого рода информации прибегали еще в глубокой древности. В разных странах на протяжении веков исторические сведения фиксировались в летописях и хрониках, которые использовали устные мифы, предания, генеалогии и пр.

Как уже было сказано, в Осетии устная история формировалась на основе эпических сказаний, мифологии, исторических преданий и легенд, обрядово-бытового песенного фольклора, сказок, малого фольклорного жанра (поговорок, пословиц, притчей, загадок, скороговорок), представляющие целостную картину духовной жизни осетинского народа [4, 477-492].

Западная же наука, до конца XIX в. развивавшаяся в русле позитивистской историографии, остерегалась использовать устные свидетельства в исторических исследованиях. Историки исходили из убеждения, что действительность прямым и непосредственным образом «запечатлелась» и «отложилась» в первоисточниках. Из этого следовало, что хранящиеся в архивах официальные документы уже содержат все необходимые факты для воссоздания объективной картины прошлого, и исследователю нет нужды прибегать к воспоминаниям участников или свидетелей событий. Считалось, что записи воспоминаний участников или свидетелей событий слишком субъективны и ретроспективны, что сводит их источниковую ценность к нулю.

В конце XIX в. в исторической науке происходил пересмотр представлений о природе источника. Историки пришли к пониманию, что в источнике как официального, так и личного происхождения историческая действительность только отражается, причем избирательно, фрагментарно, и перед нами предстает уже не сама действительность, а лишь ее более или менее адекватное отображение. Изменились и представления о соотношении информационного потенциала источников официального и личного происхождения. В исторических исследованиях возросла роль источников мемуарного жанра: преобладающим стало убеждение, что следует использовать все имеющиеся средства сбора информации.

В России имеется собственная многовековая традиция сбора устных свидетельств, начиная с первых летописаний. В 1657 г. в Москве был учрежден специальный Записной приказ для собирания материалов по истории правления русских царей с последних лет

жизни; Федора Иоановича (с конца XVI в.) до 1657-1658 гг. и составления на их основании новой Степенной книги.

Важным в подготовке и организации историко-научного интервью является определение целей и задач исследования, проблема выбора информаторов, сбор информации о них и составление вопросов.

Первый вопрос, который необходимо решить еще до проведения интервью — это определение целей исследования. Целью может быть освещение или уточнение отдельных фактов биографии человека. От поставленной цели работы зависит список потенциальных информаторов. Например, проект, имеющий своей целью биографическое исследование, требует привлечения в качестве основного собеседника самого человека, чья биография интересна организатору проекта; источниками дополнительной информации могут стать его родственники, друзья, коллеги и др.

Поиск информаторов для историко-научных интервью может проводиться как случайно, так и с привлечением родственных или дружеских связей. После составления списка потенциальных информаторов следующим шагом является непосредственный контакт с выбранными собеседниками, во время которого исследователю предстоит убедительно разъяснить цели проекта, договориться о встрече и получить согласие на использование технических средств аудио и/или видеозаписи. Следует предупредить собеседника о конфиденциальности сообщаемой им информации — доступ к записи интервью может быть предоставлен другим исследователям лишь с предварительного согласия информатора. Некоторые организации, осуществляющие устно-исторические проекты, заключают письменные и юридически оформленные договоры с каждым из своих информаторов, другим — достаточно устных гарантий.

Крайне важно установить место проведения будущей записи. Пожилые люди на пенсии обычно приглашают интервьюера к себе домой. Работающие информаторы предпочитают встречаться в служебной обстановке (например, в своем рабочем кабинете) или на нейтральной территории (в кафе, в парке и т.п.). Некоторые информаторы ожидают от интервьюера, что место встречи предложит он сам. Важно учитывать, что на атмосферу беседы влияет окружающая обстановка. Так, в рабочем кабинете общение будет более официальным, чем, например, дома.

Иногда бывает крайне сложно уговорить человека дать интервью. Такое поведение можно объяснить рядом причин. Многие, особенно пожилые люди суеверны и боятся технических средств записи. Причиной отказа от съемки может послужить неверное восприятие исследователя-интервьюера как представителя прессы. Возможно, респондент уже неоднократно страдал от неадекватного отражения своих слов в средствах массовой информации или просто устал от общения с журналистами. В этом случае историку науки следует уверить собеседника в конфиденциальности предстоящей беседы и ее научно-исторической значимости. Еще одна причина отказа от встречи с исследователем-интервьюером — нежелание делиться с ним определенной информацией. Возможно, информатор боится осуждения своих поступков, стыдится их или ему просто тяжело вызывать в памяти старые воспоминания. Некоторые люди неловко чувствуют себя в окружении микрофонов, видеокамер и фотовспышек.

Некоторые опытные исследователи провоцируют информатора на интервью ненавязчивой саморекламой: «Я брал интервью у того-то и того-то». Этим приемом, по их словам, можно пробудить в собеседнике чувство конкуренции, стремление не отстать от других достойных людей и также записать себя для истории.

Примечания

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1949.
2. Магометов А. А. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.
3. Фидарова Р.Я. История осетинской этики. Монография. В 2-х томах. Т.2. Владикавказ: ИПО СОИГСИ. 2012.
4. Токазов Ф.М. Устное народное творчество // Осетины. М.: Наука, 2012.

I. ИСТОРИЯ

**К. Р. ДЗАЛАЕВА,
кин, снс СОИГСИ
(г. Владикавказ)**

БИБЛИОТЕКА КАК КУЛЬТУРНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО СОЦИУМА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА — XIX НАЧАЛО XX ВВ.)

В статье рассматривается один из важнейших аспектов процесса утверждения общероссийской идентичности на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв., выразившийся в приобщении к достижениям научных знаний и духовно-культурным ценностям российского государства. Определена ключевая роль библиотеки в этом процессе, исследована история появления и распространения библиотек на Северном Кавказе.

Ключевые слова: Северный Кавказ, социум, общероссийская идентичность, культурная потребность, библиотека.

LIBRARY AS A CULTURAL NEED OF THE NORTH CAUCASIAN SOCIETY IN THE CONDITIONS OF APPROVAL OF RUSSIAN IDENTITY (SECOND HALF OF XIX BEGINNING OF XX CENTURIES)

The article considers one of the most important aspects of the approval process of Russian identity in the North Caucasus in the second half of XIX — early XX centuries, as shown in the introduction to the achievements of scientific knowledge and spiritual and cultural values of the Russian state, the crucial role is played by the emergence of libraries.

Key words: North Caucasus, society, national identity, cultural need, library.

Период второй половины XIX — начала XX вв. был ознаменован для России процессом утверждения общегосударственной идентичности, протекающим на фоне модернизационных реформ, в которые, наряду со всей империей, был вовлечен и Северный Кавказ. Обновляющаяся страна нуждалась в квалифицированных профессионалах, эрудированных специалистах во всех областях жизнедеятельности, способных реализовывать более сложные государственные задачи. Новая реальность способствовала трансформации традиционного уклада жизни горцев, их мировоззрения. Для того, чтобы быть равноправным, востребованным членом российского общества, индивид должен был обладать современными знаниями, быть в курсе последних научно-технических достижений, приобщаться к духовным ценностям, единым для всего российского государства. Просвещение теперь не могло ограничиваться учебной программой и должно было длиться на протяжении всей жизни. Такие возможности открывало чтение, формирующее эстетические и нравственные черты личности в неразрывной связи с общественной жизнью, непосредственно влияющее на обогащение культурного потенциала населения. Таким образом, в северокавказском социуме стала отчетливо формироваться потребность в устройстве библиотек, охватывающих все социальные категории.

Первые частные, казенные и общественные библиотеки создавались с целью профессионального и нравственного развития расквартированных военнослужащих из полков Отдельного Кавказского корпуса (в том числе многочисленных представителей военной интеллигенции). На их открытие расходовались как средства казенные, так и частные средства офицеров и чиновников. Библиотеки открывались даже при военных госпиталях и лазаретах при

штабах войск Кавказской линии. Их фонды были представлены литературой медицинской тематики и являлись казенной собственностью. А пользоваться ими имели право все врачи госпиталей и частей войск [1, 59].

Бесспорно, как и всякое начинание, развитие библиотечной сети на Северном Кавказе, равно, как и по всей России, было сопряжено с рядом препятствий. Так, газета «Терские ведомости» писала, что часть общества «жадно искала книги, в ней была громадная потребность развиваться, самосовершенствоваться», но обратиться за помощью долгое время было некуда, поскольку частные библиотеки «открывались, очень скоро прогорали и закрывались, отцветали, не успев расцвести, и, как бы ни была незначительна плата за абонемент, подписчиков не было, и не было возможности содержать библиотеку» [2, 2].

Однако со временем ситуация стала меняться в лучшую сторону. С открытием библиотек большие надежды связывало государство, возлагавшее на них целый ряд задач. Так, в переписке министра внутренних дел графа А. А. Закревского и известного государственного деятеля графа А. Н. Мордвинова еще в 1830 году отмечалось, что с появлением библиотек в городах возродится дух общественности и взаимных советов у жителей, «кои ныне не имеют общего места для встречи и рассуждения о делах, касающихся успехов просвещения и промышленности, в кои могут посылать для обнародования сочинители, изобретатели и предприниматели разных нововведений свои проекты, рассуждения, программы, описания, модели и рисунки разных изображений», откроется возможность «через места сии собирать разные статистические сведения, коих недостаток столь чувствителен в России» [3, 2-3].

Большую активность в области развития библиотечного дела, в существенной степени в силу своего административного статуса и концентрации интеллигенции, проявлял город Владикавказ. Как замечал современник, оглядываясь на историческое прошлое Владикавказа, этот город, как и многие города Кавказа, «появился на свет не вследствие потребности торговли, а в видах политических и военных, державной волею монарха был призван нести начала гражданственности в дикие ущелья гор... он растет и ширится и делается центром умственной жизни Терской области, имеет неотразимое влияние на все условия общественной жизни всего Северного Кавказа» [4, 43-45].

В пореформенный период по всей Российской империи, в том числе и в Терской области, появились первые частные библиотеки. В 1862 году усилиями Владикавказского дворянского собрания была организована библиотека для его членов, которая стала первой в городе. С этого момента идея открытия библиотек для общественного пользования приобретала все большую популярность, что обозначило тенденцию к воплощению этой идеи в жизнь. Так в 1870-х годах стали появляться частные библиотеки-кабинеты [5, 4]. Затем появилась библиотека при реальном училище. Известна в городе была и частная библиотека историка и этнографа Д.Я. Лаврова, появившаяся с 1872 года и располагавшая 8 газетами и 3 журналами, сочинениями Пушкина, Лермонтова, Белинского, Некрасова, Добролюбова, Писарева, Салтыкова-Щедрина, Глеба Успенского, Шекспира. В 1874 году Лавров передал эту библиотеку нотариусу Н.Д. Прохорову, который, в свою очередь, спустя три года, увеличил ее фонд до тысячи. В 1878 году библиотека была продана им владелице книжного магазина Елене Червинской, открывшей в том же году свою библиотеку на условиях платного пользования книгами на дому [6]. В 1874 году была открыта библиотека при Терском областном правлении на средства, отчисляемые из жалованья чиновникам. В начале 1890-х годов свою библиотеку создал и Владикавказский коммерческий клуб. В процесс развития библиотечного дела включилась и церковь. В 1896 году Общество восстановления православия на Кавказе ассигновало 5 тысяч рублей на устройство при каждой из церквей общества небольших библиотек из книг религиозно-нравственного характера [7, 153].

Численность посетителей этих первых библиотек, в виду их специфичности, была существенно ограничена, в то время как город нуждался в общественной библиотеке, способной обслуживать большее количество читателей. Реализовать появившуюся потребность было довольно сложно. Решить эту проблему в 1893 году вызвалась инициативная группа во главе с известным педагогом и меценатом В.Г. Шредерс, обратившейся с соответствующим ходатайством к начальнику Терской области с уставом проекта бесплатной библиотеки. Заведуя воскресной школой, она обратила внимание на то, как мало читают ее учительницы, как много препятствий должны преодолеть они, чтобы из десятых рук получить книгу, которая заинтересовала весь свет, а к ним пришла тогда, когда все уже забыли ее содержание [8, 2].

Решение об открытии общественной библиотеки, активно поддержали сотрудники и сотрудницы В. Г. Шредерс, перед которыми, таким образом, открывалась долгожданная возможность читать различную прессу и следить за литературой. Добиться результатов в этом новом деле было непросто, так как оно стоило большого труда и значимых усилий. Средств не было никаких, как не было и книг. Однако личный энтузиазм и понимание необходимости предпринимаемых шагов, авторитет самой Варвары Григорьевны Шредерс, не позволили единомышленникам опустить руки: дело потихоньку двигалось вперед, устраивались заседания, были собраны народные пожертвования (не деньгами, а книгами). Благодаря общим стараниям, через месяц организаторы библиотеки могли уже подводить первые итоги. Было пожертвовано очень много книг: по большей части это были приложения к «Свету», «Родине», «Ниве», «Живописному обозрению», «Лучу» и т. п.; журналы «Русская мысль», «Вестник Европы», «Русское богатство» за прошлые годы [8, 2].

С 1 февраля 1895 года библиотека начала работать. Как и следовало ожидать, первыми ее подписчиками стали ее основатели. Позднее, на деньги, полученные с абонементов, и на пожертвования были выписаны новые журналы и газеты. На книги же денег все еще не было. Городская управа оказывала общественной библиотеке помощь в виде ежегодных субсидий (сначала в размере 200 рублей, а затем 400 рублей), предоставления помещения.

Учитывая возросший спрос на книги, правление библиотеки в марте 1906 года открыло филиал на Курской слободке. Необходимость в нем действительно была: только в 1906 году библиотеку посетило 14,5 тысяч человек, из них около 6 тысяч были учащимися учебных заведений города [9, 154].

Потребность в развитии библиотечного дела возрастала, с каждым годом все отчетливее стала осознаваться закономерность, что с развитием народного образования, с увеличением числа школ, библиотек, читален уменьшаются расходы государства на постройку и содержание тюрем, повышается уровень народного благосостояния, увеличивается даже средняя продолжительность человеческой жизни [3, 2-3]. Пресса тех лет отмечала, что «эти учреждения, во-первых, послужат многим небогатым людям одним из доступных способов к просвещению, а во-вторых, дадут возможность воспитывавшимся в здешних низших и средних учебных заведениях не забывать и пополнять полученные ими познания и пользоваться так

или иначе всем желающим дальнейшим самообразованием» [10, 3].

Вскоре библиотечное дело стартовало по всему Северному Кавказу. Так, к примеру, в Пятигорске находилась платная абонентная библиотека. В Грозном первоначально библиотека существовала при горской школе, а с 1865 года она стала доступной для всех горожан.

Комплектование фондов пришкольных библиотек происходило как за счет Министерства просвещения, так и из частных пожертвований неравнодушных граждан. Тематика приобретаемых библиотеками книг, как правило, носила гражданственно-воспитательный характер. Чаще всего в библиотечных каталогах преобладала литература краеведческо-историческая, посвященная основам русской государственности и победам русской армии в различных военных сражениях (к примеру, «Русские горы и кавказские горцы», «История войны и владычества русских на Кавказе» и др.). С середины XIX в. для школьных библиотек преобладает выписка книг из Петербурга (фирма Глазуновых), Москвы (фирма братьев Салаевых), в начале 1880-х гг. в комплектование школьных библиотек активно включились всевозможные «книжные склады» [11, 66-67].

В общественном сознании четко наблюдалось осознание того, что образование народа и его развитие, подъем его теоретической мысли, его сознательного отношения к окружающей действительности стали одной из величайших задач времени: «у нас мало работников, мало книг — все это неопровержимые факты. Но не так еще мало работников, как мало единения между ними. Между тем необходима дружная, сознательная, целесообразная работа на общую пользу. Общество должно создать, по примеру Западной Европы, широкую систему внешкольного образования народа. Жизнь вызывает жизнь. Живые элементы находят отзвук в элементах, еще не потерявших способности к жизни, каковых на Руси миллионы» [12, 2].

В связи с этим, в период второй половины XIX — начала XX вв. в среде северокавказского социума уверенно начала формироваться потребность в постоянном получении новых знаний — потребность в чтении. Осуществить эту потребность наиболее эффективно могли библиотеки, появление которых стало существенным импульсом приобщения жителей Северного Кавказа к духовно-культурным ценностям российского государства, от чего в значительной степени зависел успех сложного и длительного процесса утверждения общероссийской идентичности в регионе.

Примечания

1. Пылков О. «В книгах недостаток, остается играть в карты!» Первые библиотеки на Северо-Западном Кавказе // Родина. М., 2008. № 2.
2. Терские ведомости. 1903. № 37. 14 февраля.
3. Терские ведомости. 1894. 6 мая. № 52..
4. Ракович Д.В. Прошлое Владикавказа. Краткая историческая справка ко дню пятидесятилетнего юбилея города 1861 г. — 31 марта — 1911 г. Владикавказ: Ктронеч. Типо-литог. З. Шувалова, 1911.
5. Терские ведомости. 1899. № 30.
6. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 12. Оп. 2. Д. 310. Л. 1-4.
7. Канукова З. В. Старый Владикавказ. Изд. 3-е, испр. и доп. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.
8. Терские ведомости. 1903. № 37. 14 февраля.
9. Канукова З. В. Старый Владикавказ. Изд. 3-е, испр. и доп. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.
10. Северный Кавказ. № 14. 15 февраля. 1896.
11. Слуцкий А. И. Материалы по истории книжного дела региона в фондах государственных учреждений дореволюционного Северного Кавказа // Журналистика: историко-литературный контекст. Вып.1. — Краснодар, 1999.
12. Северный Кавказ. № 33. 25 апреля 1896.

Д. А. ШУРДУМОВА
магистр КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

ИЗМЕНЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА КРЕСТЬЯНСТВА В ХОДЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

В данной статье анализируются условия и причины, при которых происходила трансформация правового положения адыгского крестьянства. Рассматривается влияние внешних и внутренних факторов, разрушавших традиционный уклад жизни.

Ключевые слова: адыги в XIX веке, черкесы, народы Северного Кавказа, политика России на Кавказе, «демократические» группы адыгов, «аристократические» группы адыгов, адыгское крестьянство.

THE CHANGE OF THE LEGAL STATUS OF THE PEASANTRY DURING THE CAUCASIAN WAR

This article discusses the reasons and conditions under which the transformation of the legal status of the adyg peasantry. Examines the impact of external and internal factors, breaks down the traditional way of life.

Keywords: adygs in the XIX century, circassians, peoples of the North Caucasus, «democratic» group adygs, «aristocratic» group adygs, adyg peasantry.

Крестьянство — особое социальное явление и, следовательно, многое, свойственное крестьянской среде, детерминирует общественные процессы в целом [1, 196]. Поскольку в конце XVIII века у адыгов ведущими были феодальные отношения, этот многочисленный класс играл серьезную роль.

Следует отметить, что для феодализма характерны конфликты отдельных крестьян с их сеньорами, зародившиеся еще в раннее средневековье и довольно однотипные во всех странах. Важными факторами выступают также развитие товарно-денежных отношений и усиление эксплуатации. Поэтому, и у адыгов наряду

с внешними факторами, сам процесс внутреннего развития общества вел к тому, что крестьянство в скором времени осознает свое положение и начнет выступать против господствующих классов. Борьба крестьян против феодальной эксплуатации проходит через всю историю феодализма.

Кроме того, именно во второй половине XVIII века Российская империя, задавшись целью прочно утвердить свое господство на Кавказе, от тактики спорадических действий переходит к методам системного наступления. Эти события, закрепившиеся в историографии как Кавказская война, отразились на жизни, как политической элиты адыгских народов, так и на судьбе крестьянства. В то время как дворяне предпринимали действия по объединению северокавказских народов против захвата их территорий, российские чиновники провоцировали массовые восстания крестьян. Но неожиданно для них, крестьяне отказывались креститься и переселяться [2, 130]. Крестьяне оказались в такой ситуации, когда не могли доверять ни России, сулившей им «вольную жизнь» в русских крепостях, оставаясь при этом крепостной, ни своим владельцам, которые для сохранения своего статуса и влияния готовы были сотрудничать с любой державой.

Ситуация усложнялась тем, что одновременно с войной народно-освободительной (против Российской империи) обострялось противостояние между дворянством и крестьянством внутри самих адыгских этносов, что естественно способствовало их ослаблению в борьбе за независимость. Крупные землевладельцы не видели дальше своих мелких собственных интересов, и действительно, им было безразлично с кем объединяться, лишь бы сохранить свое имущество.

Стремление адыгских феодалов подчинить себе еще большие фокотльские массы вызывало ожесточенное сопротивление со стороны последних. Наибольшей остроты, размаха и результатов эта борьба достигла во второй половине XVIII века у шапсугов, натухаевцев и абадзехов, у которых больше, чем у других адыгских народов, сохранилось «свободное крестьянство».

В первой половине XIX века у черкесов было много свободных земель, поэтому имелось налицо свободное общинное землепользование. Формально частная собственность на землю отсутствовала. Но в действительности право владения осуществляли князья и дворяне. Даже в «Правилах» по освобождению зависи-

мых сословий не говорится о наделении освобожденных землей. Как будто земля не являлась основным средством производства для освобождаемого крестьянина — ога, пшитля, унаута [3, 87].

Но свободный народ — тфокотли — упорно боролся за свои права на землю, считая ее общинной собственностью. В общине порядок распределения земель был такой: сперва определяли, какое количество земли необходимо для пахоты всего аула, работали общими силами, а затем по жребию делили земли соразмерно числу работников и волов, данных от каждой семьи. Это свидетельствует об экономической дифференциации внутри общины и неравенстве общинников [3, 89].

Вершиной крестьянского движения второй половины XVIII века была Бзюкская битва. Поводом к усилению борьбы крестьян явилось нападение представителей тлекотлешского рода Шеретлуковых на шапсугского дворянина, оказавшего гостеприимство купцам из Анапы, ограбивших, а затем и убивших двух их защитников. Возмущенная этим, большая группа тфокотлей ворвалась во двор одного из членов рода Шеретлуковых, «разграбила его имущество и освободила унаутов». Усмотрев в этом оскорбление их родовых прав, Шеретлуковы переселились поближе к бжедугам и с помощью их пши и орков начали совершать набеги в Шапсугию. В свою очередь, шапсугские крестьяне призывали бжедугских крестьян последовать их примеру и изгнать своих князей и дворян.

Так, несмотря на поражение в Бзюкской битве, шапсугские крестьяне в ходе длительной борьбы одержали победу над князьями и дворянами, что было редким в истории крестьянских выступлений в период позднего средневековья.

В целом же можно говорить о том, что положение адыгского крестьянства в конце XVIII-XIX века было довольно тяжелым. Жизнь свободных простых людей осложнялась претензиями на их земли, на их личную свободу. Давление оказывалось как со стороны, начавшего планомерный захват территории адыгов, Российского государства, так и со стороны представителей высших сословий. И рассматриваемый период можно характеризовать как время самозащиты крестьянства от психологического, физического и материального давления.

В XIX в. народы Северного Кавказа в силу внутреннего развития (земледелие, ремесло), а также в силу воздействия на их

внутреннюю жизнь русского влияния переживали период социальной ломки старых форм патриархально-родового быта [3, 77].

Господствующая верхушка горцев и мусульманское духовенство старались опереться на местные законы и удержать власть над массами, широко применяя адат и шариат, понимая очень хорошо, что с введением русских законов уничтожится их политическое господство. Народные массы тоже твердо держались за свои обычаи [4, 86]. Эти самые реакционные обычаи, связанные с родовыми отношениями как кровная месть, работорговля и прочее начали слабеть. Падала когда то всеильная власть князя, укрепление России на Кавказе совершенно поколебало ее.

В 1828 г. бжедужские тфокотли, жалуясь на произвол князей Алкаса и Мухаммеда, в коротких, но необычайно ярких словах охарактеризовали все более возраставшие крепостнические притязания адыгейской феодальной знати. Они говорили: «князьям Алкасу и Мамету ни по каким правам во владение не принадлежат, нигде и ни у кого ими не куплены и никакими другими средствами не укреплены, происходят от бжедуж свободного племени. Оставшись с давнего времени около сих князей в соседственном жительстве, сначала из дружественных обращений сносили их работы, уделяли им весьма нечувствительную часть пожитков своих, между чем сии князья, простирая власть свою на их владение, дошли до того, что начали с них требовать всего половину и на подать султану Оттоманской Порты брать у них мужска и женска пола детей» [5, 1].

Об этом свидетельствуют и десятки жалоб, прошений, рапортов, поступавших в Кабардинский временный суд от владельцев, обвинявших своих крестьян в неповиновении.

Например: «узденъ принес жалобу, что заставил заниматься холопов своих работою, но они вместо того чтобы слушать господина своего, нанесли ему кинжалом две раны одну в шею другую в грудь. Защищаясь от них Созаев в свою очередь ранил одного из холопов, уведомляя об этом суд предлагаю в присутствии русских чиновников разобрать совсем беспристрастно кто виноват холоп или господин и как с ними поступить [6, 3]. Прошение кабардинского узденя бек Мурзы Созаева: собственный мой крестьянин с давнего времени сделался ослушником и не хочет мне служить, ложно называя себя вольным. Он пользуясь слабостью и старостью моей не хочет мне служить [6, 5].

Суд вынес решение в пользу крестьянина, оно было следующим: отпустить на волю сына холопа Али — Ахмеда со вносом ему откупной суммы 175 рублей серебром сроком на два с половиной месяца. Ему дали справку о том что получил волю по решению Кабардинского временного суда [6, 9].

Или же рапорт начальнику Центра Кавказской линии о поимке 11 малокабардинцев, подстрекавших народ неповиноваться узденям и не платить оброк: «Владелец в Малой Кабарде подполковник Князь Бекович Черкасский в августе месяце прошедшего 1841 года, донес командующему войсками, что малокабардинские жители (11 человек) всегда уклоняются от исполнения возлагаемых на них обязанностей, преданы разным противозаконным поступкам (...) Если они будут дальше оставаться между жителями Малой Кабарды, то весьма легко может случиться, что следуя научению их, отклонятся от подданства России к чему даже уже замечены в них наклонности» [7, 1].

И поэтому князь Бекович Черкасский просил удалить их из Малой Кабарды. Их немедленно арестовали, обвиняли в том, что они всегда старались подстрекать народ просить начальника об освобождении их, сверх того они научили отказываться от платежа подполковнику князю Бековичу Черкасскому оброка за пользование его землями [7, 5].

Безусловно, такого рода возмущения имели место еще раньше, апогеем стала Бзюкская битва, после которой демократические настроения получили большее распространение и среди восточных групп адыгского суперэтноса.

Таким образом, мы видим, что с ослаблением влияния дворян в народе мысли о свободе и независимости начали возникать все чаще. Народ стал равнодушно смотреть на преимущества дворян, которыми последние гордились, почитая их единственным оплотом против водворяющегося нового порядка.

Изменение соотношения ценности жизни представителей княжеских и дворянских родов с простолюдинами также является свидетельством трансформации правового положения.

По приводимым Л.Я. Люлье данным цена крови (лъы уасэ) измерялась в *сха*. И в прежнее время за убийство пши (князя) полагалось 100 *сха*, за убийство уорка (дворянина) — 42 *сха* и тфокотля (простолюдина) — 20 *сха*. Впоследствии цена крови дворянина была назначена в 30 *сха*, а еще позднее

цена крови простолюдина возвышена до 28, а затем и до 30 сха [8, 43].

Кроме того простолюдины имели право владеть пшителями и унаутами, которые находились в личной зависимости от них и являлись их имуществом [5, 1].

Нельзя опускать и тот момент, что ситуация, в так называемых, аристократических и демократических группах народов несколько различалась.

Сложнее был путь развития феодализма у демократических народов. Неуклонный рост феодально-крепостнических тенденций знати натолкнулся здесь на более упорное сопротивление массы тфокотлей, возглавленное старшинами. При этом тфокотли, опираясь на общину, которая давала им необходимую локальную сплоченность и средство к сопротивлению, отстаивали свое независимое существование. Старшины же видели в этой борьбе средство к уничтожению монополии княжеско-дворянской верхушки на власть.

В аристократических, с явно выраженными чертами складывающегося феодального строя, господствующей ролью владельцев князей и дворян и феодально-зависимым положением значительной части крестьянства также не исключена была возможность сохранения общинно-родовых институтов, которые помогали тфокотлю вести упорную борьбу со своей аристократией вплоть до самого конца Кавказской войны.

Примечания

1. Толстой С. И. Крестьяноведение: предмет, трудности становления, региональный аспект // Актуальные вопросы истории Сибири. [Электронный ресурс] URL <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod2/B4.html> (дата обращения: 2.03.2013).

2. Бижев А. Х., Хаширов М. Ю. Адыгское крестьянство в годы Кавказской войны. Нальчик: Изд-во КБГУ им. Х. М. Бербекова, 2000.

3. Мамонтова А. В. Социально-экономический строй у нижних черкесов (адыгов) накануне крестьянской реформы 1867 года // Ученые записки КБНИИ. Т.1. Нальчик, 1946.

4. Мужев Ф. И. Социально-экономическое развитие Кабарды в 50-60-х годах XIX века // Ученые записки КГПИ. Вып. 7, 1955.

5. Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII — первой половине XIX века. Очерк первый. Социально-экономическое поло-

жение адыгов в конце XVIII — первой половине XIX в. [Электронный ресурс] URL <http://www.budetinteresno.info> (дата обращения: 26.04.2013)

6. Центральный Государственный Архив Кабардино — Балкарской республики. Ф. И-23. Оп. 1. Д. 10. (26.04.1844-27.05.1844). Дело о нанесении раны узденю Созиеву его холопами Али и Ахметом Ташевыми.

7. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп.1. Д. 165. Л. 1. (23 февраля 1842 г. — 23 марта 1843 г.) — рапорта начальнику Центра Кавказской линии о поимке 11 малокабардинцев, подстрекавших народ неповиноваться узденям и не платить оброк.

8. Люлье Л.Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи // Материалы для истории черкесского народа. Майкоп, 1990.

О. Б. ХАЛИДОВА,
кин ФГБУН ИИАЭ ДНЦ РАН,
(г. Махачкала)

МУСУЛЬМАНЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА
В РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧ. XX ВВ.
(на примере Дагестана)

В статье сделана попытка рассмотреть законодательный аспект политики российского царизма в отношении мусульман Северо-Восточного Кавказа, направленный на формирование среди горцев имперской идентичности и сознания.

Ключевые слова: Российская империя, Северо-Восточный Кавказ, Дагестан, мусульмане, российское законодательство

MUSLIMS OF THE NORTH-EASTERN CAUCASUS
IN THE RELIGIOUS-LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN
EMPIRE IN THE SECOND HALF OF XIX — BEG.
TWENTIETH CENTURIES
(Daghestan case-study)

It is tried to considered a legislative aspect of the policy of the Russian tsarist relating to Muslim of Northeast Caucasus region, aimed at the formation of imperial identity and consciousness belong the mountaineers in this article.

Keywords: Russian Empire, the Northeast Caucasus, Dagestan, Muslims, Russian law

С окончанием Кавказской войны в политике царизма наметилась цель «водворить в недавно покоренном крае мир и внешний порядок, создать здесь некоторую личную и имущественную безопасность и тем подготовить почву для проникновения в среду покоренных инородцев начала русской гражданственности и культуры» [1, Л.2; 7]. Тем самым, одной из первоочередных задач для российской администрации являлось стремление создать механизм контроля над религиозной жизнью горцев, но при этом предпочтение

отдавалось «мирным» методам, позволяющим способствовать укреплению российской власти в регионе.

По данным первой Всеобщей переписи населения 1897 г. на Кавказе проживало более 9 миллионов человек, 3.208.857 из которых являлись приверженцами ислама — 1.710.839 мужчин и 1.498.018 женщин [2]. Примерно половина кавказских мусульман переписью 1897 г. определялась как «татары», остальная часть причислялась к горцам Кавказа. Практически все мусульмане на Северном Кавказе придерживались суннитского толка в исламе.

Что касается Дагестанской области, то динамика мусульманского населения в 1880-1900 гг. выглядела следующим образом: 1880 г. — 466793 тыс. чел.; 1894 г. — 579821 тыс. чел.; 1897 г. — 540290 тыс. чел.; 1900 г — 589692 тыс. чел. [3, 59].

Одно из ключевых мест в политике царского правительства занимал вопрос, чтобы оградить горцев от влияния мусульман зарубежного Востока, в частности Турции. Для этого принимался комплекс мер по пресечению и предупреждению действий мусульман, призывавших к переселению в Османскую империю. Миграционный процесс, начавшийся еще в 60-е годы XIX в., и в основе которого лежали социально-экономические причины, продолжался до самой революции 1917 года [4, 4; 81]. Говоря о переселении горцев, А. Касумов, Х. Касумов, указывают на слухи, распространяемые турецкими эмиссарами среди горцев, будто бы по соглашению, заключенному между Османской империей и Россией, «русское правительство уступило Порте всех своих мусульманских подданных в обмен на христианских жителей» [5, 33]. Также они обращают внимание на тот факт, что в течение 1860-1862 гг. более 100 тыс. кавказских горцев выехало в Турцию (с намерением поселиться там) под предлогом «путешествия в Мекку для поклонения гробу Магомета», и российское правительство не препятствовало «паломникам», объясняя это тем, что «мы не хотим и не можем противиться исполнению желания, внушенного религиозной убежденностью» [5, 33].

В 1876 г. вышел циркуляр Главного управления наместника Кавказа об утверждении надзора за турецкими подданными [6, л.1], в котором говорилось, что среди проживающих на Кавказе турецких подданных, могут быть и турецкие агенты, которых «безо всяких затруднений пропускает турецкое консульство», и что необходимо «продолжать самое бдительное наблюдение» [6, л. 4]. В этой связи

со всех населенных пунктов Дагестанской области были потребованы рапорты, о наличии проживающих там турецких подданных. В результате, к началу 1877 г. по всей области проживало 43 человека [6, л. 18].

Администрация стремилась отслеживать посещение мусульманами и святых мест Мекки и Медины (хадж). Как отмечает исследователь И.Л. Бабич, «первые попытки ограничить паломничество северокавказских мусульман в святые места были предприняты российскими чиновниками в 1820-е годы, когда было введено положение, согласно которому мусульмане могли выезжать в святые места только по особым пропускам российской администрации» [7, 72]. Если горец собирался совершить хадж, он должен был получить от Министерства внутренних дел официальное разрешение. Некоторые исследователи полагают, что эти ограничения были связаны с опасениями российской администрации: пребывание в святых местах развивало, с ее точки зрения, чрезмерный мусульманский фанатизм, направленный против христианской религии вообще и против России в особенности; Турция использовала паломников для организации шпионской и миссионерской деятельности на территории Кавказа [8, 72]. Подобная мысль высказывалась в 1872 г. Генеральным консулом в Константинополе Генерал-адъютантом Игнатьевым в своем очередном письме Начальнику Терской области [9, 174]. Хотя с другой стороны запрет на паломничество мусульман в святые места так и не был установлен: в отдельных случаях им даже выделялась помощь от казны [10, 200; 21].

Российской администраций в Кубанской, Терской и Дагестанской областях была создана система заведования и духовными делами мусульман, которая на практике осуществлялась распоряжениями местной администрации. Муллы избирались населением и утверждались областным и губернским начальством [11, 13; 56].

Так, в сентябре 1898 г. дербентским полицмейстером было получено письмо от губернатора Дагестанской области, в котором ему поручалось «предложить шиитам, суннитам и казанским татарам, проживающим в городе Дербенте, избрать из своей среды мулл, имеющих право на это звание, составить об избрании названных лиц в установленной форме приговоры с тем, чтобы выборные муллы вели бы списки об убытии и прибытии мусульманского населения города» [12, лл. 1-1об.]. В ответ на данное письмо, в должности муллы был избран Молла Абдулл Молла Кирхляр Кули оглы, кото-

рый «выдержал соответствующий экзамен к занятию должности городского муллы» [12, л. 9].

В отношении горцев-мусульман велась христианская миссионерская работа. Последнюю, в середине XIX в. митрополит Ставропольский и Бакинский Гедеон характеризовал как внешнюю миссию, направленную на иноверцев-горцев [13, 179-180].

Российскими властями и РПЦ приветствовалось принятие горцами крещения по православному обряду, что также подкреплялось законодательными актами.

«Если исповедующие иную веру пожелают присоединиться к вере Православной, никто ни под каким видом не должен препятствовать им в исполнении сего желания» [14]. Присоединение к православию происходило по желанию горца и в строгом соответствии с общероссийскими законами.

Вообще, для того, чтобы совершить обряд крещения, священнику необходимо было обучить горца правилам христианской веры, и уже после этого, если у человека окажется «искреннее» расположение к православной вере, только в этом случае священник мог провести крещение.

Некоторые исследователи полагают, что «крещение проводилось насильственными мерами, а также при помощи особых льгот, которые предоставлялись принявшим христианство» [15, 30; 71-79]. Но есть и такие, которые при оценке миссионерской деятельности РПЦ на Кавказе в целом не считали «насильственной христианизацию горцев» [16, 26].

И в первом случае, и во втором мы вынуждены согласиться.

Еще в XVIII в. распространением христианства занимался Кизлярский Крестовоздвиженский монастырь. Желая завоевать симпатии горцев и повысить у них интерес к принятию христианства, священники выдавали всем перешедшим в новую веру подарки и предоставляли разные льготы. Горцам, которые после принятия христианства перешли в русское подданство и поселились близ русских городов на Тереке, по Указу правительствующего Сената от 1762 г. давалось единовременное пособие из кизлярских доходов: узденям по 10 рублей, простым горцам по 5 рублей, а женщинам, сверх того, зеркальце и ножницы [17, 93]. Многие принимали христианство в надежде получить подарки. Известны случаи, когда отдельные горцы по 2-3 раза крестились, а затем убегали [16, 26]. «Желание получить эти подарки было так велико, что некоторые

крестились по несколько раз, переменяя для этого свое имя и переходя из своего прежнего местожительства в другое» [18, 180-181]. Следует заметить, что в 60-е годы XIX в. данное действие было отменено положением от 25 марта 1864 г., которое запрещало «выдачу денежного пособия нижним чинам из евреев и магометан и их семействам, по случаю принятия Православия» [19, 261-262]. Но, как указывает Д.С. Васильев, деятельность эту нельзя признать успешной. Горцы неохотно принимали христианство, видя в этом покушение на их свободу [17, 92-93]. С целью приобщения горцев к христианству российские власти шли на предоставление личной свободы беглым холопам, которые выказывали желание креститься [15, 30; 71-79].

В ЦГА РД имеются данные, относящиеся к XIX в., хотя и незначительные, о добровольной инициативе принятия православной веры лицами магометанского вероисповедания.

Так, в марте 1875 г. поступило прошение от жителя с. Карабудахкент Али Баммат оглы о желании им принять православие. С этой просьбой было направлено письмо к священнику Темир-Хан-Шуринской православной церкви Лебединскому с просьбой совершить крещение, на что в июне 1875 г. в своем рапорте кн. Меликову от священника Троицкой церкви докладывалось, что им был совершен обряд над Али Баммат оглы, магометанского вероисповедания, и он был наречен Александром [20, лл. 1-1об., 3-3об., 4-4об.].

В российском законодательстве имелись статьи, по которым принятие православной веры иноверцами чем-то поощрялось. Например, к мещанскому сословию могли быть приписаны «иноверцы, принявшие христианскую веру» [21, 114].

Так, 15 декабря 1894 г. поступило прошение Военному губернатору Дагестанской области от жителя с. Катюрюрта Грозненского округа Гаирбека Дадаева, в котором он заявлял «о своем ревностном желании оставить магометанский закон и принять православную веру ...» [22, л. 14]. Но при этом он пояснял, что сей факт даст ему возможность «приписаться к Обществу Петровских мещан...» [22, л. 14]. Желание Дадаева было удовлетворено и в январе 1896 г. он был присоединен к православной вере через крещение священником Петровской военно-местной церкви и наречен именем Василий [22, л. 19].

15 августа 1874 г. поступило письмо от смотрителя продовольственного магазина г. Петровска Благочинному Кавказских

линейных батальонов, протоирею Петру Поповицкому о «ревностном желании креститься служителя его магазина из магометан Хасалмуттина Абдул-Хакана и о допущении его к православию» [23, л. 37].

Бывало и так, что после поступления прошения о желании принять православное крещение, горец по каким-то причинам передумывал.

Так, 20 июня 1882 г. поступило прошение от мещанина г. Порт-Петровска и Ишкартинского жителя Насруллы Муртузали оглы на имя командующего войском урочища Ишкарты Дагестанской области о разрешении им принять православие. Здесь же говорилось о том, что Насрулла неоднократно обращался с подобной просьбой и уже *подготовился* к принятию христианства [20, лл. 2-2об.]. В ответ, было направлено ходатайство священнику 81 пехотного Апшеронского полка о проведении обряда, на что 20 октября 1885 г. в канцелярию Военного губернатора Дагестанской области пришло письмо от священника Свято-Троицкой церкви Василия Глаголева, в котором говорилось, что «им не было совершено таинство крещения над Насруллой, так как в ходе двухмесячного научения им истинной православной веры он (Насрулла — Х. О.) ушел в октябре 1882 г. в аул к своим родным и уже больше не являлся» [20, л. 9].

Видимо, данный случай был связан с тем, что по адатам дагестанского общества «за отступление от мусульманской религии виновные, если будут находиться во власти общества, по адату тотчас же убиваются, а по шариату первоначально увещиваются покаяться и возвратиться к исламу. Если же отступивший от мусульманской религии успеет скрыться, то лишается всех прав на наследство» [24, 123]. В сведениях, поступавших из районов, населенных мусульманами, неоднократно отмечалось, что «магометанин или еврей, принявший Св. крещение часто подвергается тут же линчеванию, т.е. убивается насмерть своими бывшими единовверцами, и уже обязательно доводится до полного разорения» [25, 68-69].

Таким образом, переходы в православие приветствовались, но светские и епархиальные власти следили за тем, чтобы переход осуществлялся добровольно и с пониманием смысла этого поступка. После крещения горцев, согласно общероссийской практике, старались сразу же переселять в станицы и города, к православному населению, как правило, по выбору крещенного [26, л. 1; л. 2; лл.

1-2; 147], считая, что поселение новокрещенного к православным в среду будет способствовать укреплению веры. Указанное правило действовало до начала XX в. — позже областные власти вели наблюдение за тем, чтобы права горцев, принявших православие, но не сменивших место жительства, не ущемлялись их бывшими единоверцами [27, л. 4; л. 16; 147].

Таким образом, российская администрация всячески изыскивала альтернативные методы религиозного воздействия на население края.

Но нужно констатировать, что приведенные выше архивные данные свидетельствуют о том, что прозелитизм в крае не получил широкого распространения. Имели место лишь единичные случаи.

Несмотря на то, что на формальном уровне Российская империя признавала свободу на вероисповедание ее подданных, о чем сказано в своде ее законов: «...все, присягая царю на верность подданства на кресте и Евангелии или *по своей вере* и закону, становятся русскими подданными, независимо от национальности и вероисповедания» [28, 28], в России свобода проповеди принадлежала исключительно православной церкви, как господствовавшей, а следовательно, привилегированной. Хотя нужно констатировать, что Русская православная церковь фактически находилась в полном подчинении светской власти, являясь частью политической системы имперской России. Многие историки еще в советский период приводили фразу В.И. Ленина, называя «позорным и проклятым» когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости от государственной церкви» [29, 47].

Иноверцы, в том числе и мусульмане, не могли обращать в свою веру православных. Всякое отпадение от православия считалось преступлением, против которого принимались как предупредительные, так и карательные меры. Отвлечение и отступление из православия в другую веру несло «совратителю» каторгу. Решением Сената от 12 марта 1891 г. наказывались лица, препятствовавшие убеждением, угрозами и насилием принимать другим людям крещение. Однако в российском законодательстве так и остался открытым вопрос о наказаниях за насильственное обращение иноверца в христианское исповедание [30].

В начале XX века, под давлением общественного движения, российские власти все же заявили о своей готовности пойти на некоторые уступки неправославным конфессиям, издав Указ от 17 апреля

1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости». Основное положение данного манифеста гласило: «признать то, что отход от Православной веры в другие христианские исповедания или вероучения не подлежит преследованию и не должен влечь за собой каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий» [31], то есть впервые признавалось юридически возможным равенство вероисповеданий. Однако в новой редакции «Основных законов Российской империи» оставалась статья, провозглашавшая православную церковь первенствующей и господствующей. По-прежнему существовали некоторые запреты на переход в иные конфессии, и в частности, в исламскую религию. Так, в 1909 г. министр внутренних дел и департамент духовных дел уведомляет военного губернатора Дагестанской области, что «1) действующими в Российской империи узаконениями переход из православия в нехристианские вероисповедания, в том числе и в магометанство, не допускается...» [22, лл. 8-9].

Следствием либеральной политики властей явились изменения в общественной жизни, которые выразились в появлении целого ряда мусульманских общественных организаций и собраний (мусульманская фракция в I-IV Государственных Думах, мусульманские союзы, съезды и т.д.) [32, 12]. Хотя и здесь существовали различия между христианами и нехристианами по допущению к некоторым видам общественной деятельности. Например, для выборов в городские думы было установлено процентное отношение гласных христиан к нехристианам [33, 8].

Но с другой стороны, как отмечают исследователи Д. Ю. Арапов и Е. И. Ларина, «подъем мусульманского движения начала XX в. был воспринят главой царского правительства и министром внутренних дел П. А. Столыпиным как «серьезная угроза историческим задачам русской государственного» [34, 92; 79]. В начале XX века в одном из своих отчетов граф Воронцов-Дашков отмечал, что «именно от мусульманского населения Кавказа в будущем России следует опасаться сепаратизма и вспышек религиозного фанатизма, и, прежде всего из-за соседства Кавказа с мусульманскими государствами» [35, 9]. Но при этом им подчеркивалось, что нельзя оставлять мусульманское население «без наблюдения и игнорировать их потребности», а воздействовать на мусульман посредством их приобщения к русской культуре и насаждения среди них начал русского правосознания [35, 9].

Поэтому в дальнейшей своей политике на Кавказе, в Дагестане в частности, российское правительство, имея настороженное отношение к исламской жизни в крае, пыталось всячески ограничивать деятельность исламских реформаторов.

Примечания

1. ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 455; Пляскин В. П. Система военно-народного управления на Кавказе (вторая половина XIX — начало XX в.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2002. № 2.

2. Общий свод по империи результатов разработки первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г., СПб., 1905, т.2.

3. См.: Сборник сведений о Кавказе. Т. 7. Тифлис; Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб., 1905. Вып. 62; Ибрагимов М.-Р. А. Проблемы этнической демографии Дагестана в трудах Е. И. Козубского // Материалы науч. конф. «Е. И. Козубский как исследователь истории Дагестана конца XIX-нач. XX в.», посв. 155-летию со дня рождения известного кавказоведа (13 июня 2006 г.). Махачкала, 2006.

4. Переселение горцев в Турцию // Материалы по истории горских народов. Ростов-на-Дону, 1925; Абдуллаева М. И. Внутриполитическая ситуация в Дагестане в 70-90-е гг. XIX в. и миграционные процессы. Махачкала, 2006.

5. Касумов А., Касумов Х. Дипломатическая борьба во время выселения и расселения адыгов в Османской империи // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII в. — XIX в.). Майкоп, 1995.

6. ЦГА РД, ф. 126, оп. 2, д. 23.

7. Бабич И. Л. Мусульманская жизнь горцев в контексте религиозной политики России на Северном Кавказе в XIX — начале XX в. // Научная мысль Кавказа. № 1. 2009.

8. Касумов А. Х. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международных отношениях XIX в. Ростов н/Дону, 1989; И. Л. Бабич. Указ.соч.

9. Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию // Материалы по истории горских народов. Ростов-на-Дону, 1925 г.

10. Шамиль на Кавказе и в России: Биографический очерк/Сост. М. Н. Чичагова. СПб., 1889. С. 200; Матвеев В. А. Россий-

ское мусульманство на Северном Кавказе: Исторические аспекты проблемы. Армавир-Ростов-на-Дону, 2004.

11. Рыбаков С. Г. К вопросу об устройстве духовного быта мусульман в России. Обзор русского законодательства и правительственной политики в отношении мусульман. Вопросы управления их духовными делами. Апрель 1917 г. В кн.: Арапов Д. Ю., Ларина Е. И. С. Г. Рыбаков и его «Обзор организации духовной жизни мусульман России (апрель 1917 г.)». М., 2006; Бабиц И. Л. Государственно-правовое регулирование религиозной политики Российской империи на Северном Кавказе (конец XVIII-начало XX вв.) // «Кавказ. Глобализация». Т. 2. Вып. 3. Швеция, 2008.

12. ЦГА РД, ф. 15, оп. 2, д. 73.

13. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. Москва-Пятигорск, 1992.

14. Свод законов Российской империи. Т. 11. 1896 г.

15. Ишмухаметов З. А. Социальная роль и эволюция ислама в Татари. Казань, 1979; Буттаева А. М. Исламское возрождение в России // Вестник Дагестанского научного центра. 2010. № 36.

16. Данилюк М. Ю. Роль Русской православной церкви в политике России в Дагестане во второй половине XVIII — нач. XX века: Автореф. ... к.и.н. Махачкала, 2008.

17. Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека: досоветский период. Махачкала, 1986.

18. Скитский Б. В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Дзауджикау. Т. XI. 1947.

19. ПСЗ РИ. Т. 39 (1864 г.). Ст. 40703.

20. ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 3. Д. 9; Д. 103.

21. Кн. 1 «О разных родах состояний и различий прав, им присвоенных». Ст. 564.

22. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 227; Д. 235

23. ЦГА РД. Ф. 172. Оп. 1. Д. 1.

24. Оразаев Г.-М. Р. Адаты ханств под российским протекторатом: Кодексы Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства // Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V-нач. XX в. Т. II. В царской и ранней советской России. / Сост. и отв. редактор В. О. Бобровников. М., 2009.

25. Храповицкий А. О свободе вероисповедания. Заявление Вы-

сокопреосвященнейшего Антония, архиеп. Волынского, в VI отделе Предсоборного Присутствия 19 мая 1906 года // Храповицкий А. Новый опыт учения о богопознании и другие статьи...

26. ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 289; Там же. Ф. 774. Оп. 2. Д. 422; Там же. Д. 96 // Кумпан Е. Н. Конфессиональная политика Российской империи и ее реализация на Северо-Западном Кавказе. 1861-1917 гг.: Дис. ... к.и.н. Краснодар, 2005.

27. Там же. Ф. 449. Оп. 3. Д. 3770; Там же. Д. 3778; Кумпан Е. Н. Указ. соч.

28. Полный свод законов Российской империи: В 2-х кн./Кн. 1. Т. 1. Спб., 1911.

29. Классики марксизма-ленинизма о религии и церкви // Сборник документов и материалов о религии и церкви. Киев, 1983.

30. Ибрагимова З. Ислам и христианство на Северном Кавказе: история взаимоотношений // «Религия и право» (№1-2, 2006): Электронный ресурс: http://www.sclj.ru/analytics/magazine/arch/detail.php?ELEMENT_ID=1263 (дата обращения: 22.06.2012 г.)

31. Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII — начале XX в. // <http://www.verigi.ru>

32. Арапов Д. Ю. Россия и мусульманский мир // Сборник РИО. Том 7 (155). Россия и мусульманский мир/Под ред. Д. Ю. Арапова М., 2003; Раджабова М. А. Политико-правовое положение мусульман России (XVI — начало XX в.)// Материалы международной юбилейной научной конференции «Россия и Кавказ» (Владикавказ, 6-7 октября 2009 г.) <http://kvkz.ru/history/2487>

33. Быков Ф. А. Национальный вопрос на Кавказе. 8 апреля 1906 г.

34. Арапов Д. Ю., Ларина Е. И. Мусульманское движение в оценках Министерства внутренних дел Российской империи // Исмаил Гаспринский — просветитель народов Востока. М., 2001; И. Л. Бабич. Указ соч.

35. Всеподданнейший отчет за 8 лет Управления Кавказом графа Воронцова-Дашкова. Спб., 1913.

А.А. МАГОМЕТОВ,
аспирант СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В ОСЕТИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье анализируются взаимоотношения государственных органов и общественных институтов в Осетии в период первой русской революции. Автор анализирует роль общественности и органов местной власти в революционных событиях.

Ключевые слова: революция, партия, городская дума.

RELATIONS BETWEEN STATE BODIES AND PUBLIC INSTITUTIONS IN SOUTH OSSETIA DURING THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION

This article analyzes the relationship between public authorities and public institutions in South Ossetia during the first Russian revolution. The author analyzes the role of the public and local authorities in the revolutionary events.

Keywords: Revolution party, City Council.

После начала первой русской революции 29 октября 1905 года Владикавказская городская дума приняла резолюцию о мерах борьбы с революционным движением.

8 июня 1906 года близ завода известного промышленника Сараджева состоялся митинг бастующих рабочих города. Четыре зачинщика были арестованы и владелец пивоваренного завода Тертеров удовлетворил все требования, предъявленные бастующими рабочими завода [11]. Рабочие также предъявили требования к администрации кирпичного завода барона Штейнгеля и Грозмани в г. Владикавказе. Во время июльской забастовки 1906 года бастовали работники центральной электрической станции и служащие трамвая и т.д., но благодаря усилиям городских властей все забастовки

проходили в цивилизованной форме, погромов и расстрелов Владикавказ в то время не знал.

Для обеспечения гражданского мира после событий 12 июля 1906 года была избрана депутация в составе городского головы и трех гласных, которая посетила временного генерал-губернатора с целью выработки общих мер по наведению порядка. Губернатор уверил делегацию, что он защитник порядка и законности, и высказался также против допущения митингов, которые проходили за городом. Но мотивируя свое мнение тем, что эти митинги не нарушают порядка и проходят спокойно, делегаты просили не подвергать их участников никаким репрессиям [5].

В выборах на 1913-1916 годы, при численности населения 77,4 тыс. человек, число избирателей составило 1611 чел. или 1,9%. Следовательно, имели право избирать и быть избранными в городскую думу всего 1-2% населения. И это не являлось особенностью избирательной системы во Владикавказе. Аналогично было и в других городах Российской империи. Например, в 1909 г. избиратели в городскую думу составляли ко всему населению в Ярославле — 1,4%, в Орле — 1,1% и т.д. [12].

Фактически на выборные избирательные собрания являлось не более одной четвертой — одной пятой части всех избирателей. Так, в выборах во Владикавказскую городскую думу в 1897 году участвовало 212 избирателей — 28% от их общего числа и 0,4% от всей численности населения. Думается, что эти цифры образно свидетельствуют об абсентизме, как явлении в политико-правовой жизни Владикавказа и дореволюционной Северной Осетии в целом. Данное положение дел было характерно и в последующем.

В выборах на 1913-1916 годы первое избирательное собрание состоялось 23 сентября 1912 г. Днем на собрание явилось 377 человек — 24,9% всех избирателей, которые избрали 41 гласного. На втором избирательном собрании, состоявшемся 25 сентября днем, были избраны еще два гласных. Назначенное на вечер того же дня избирательное собрание не состоялось из-за того, что собралось мало избирателей. Третье, дополнительное, избирательное собрание состоялось в воскресенье, 14 октября. На это собрание явилось 173 избирателя, которые доизбрали 17 гласных и восемь кандидатов в гласные.

5 марта 1917 года, в телеграмме Владикавказского городского головы Г.В. Баева председателю Исполнительного комитета Го-

сударственной думы Родзянко говорилось о том, что «население Владикавказа и городская дума, воодушевленные героическим подвигом Государственной думы, стремясь оказать посильную поддержку Временному правительству в укреплении нового строя. На экстренном заседании 5 марта 1917 года был организован гражданский исполнительный комитет, который в тесном единении с местным Советом рабочих депутатов и гарнизоном готов, не щадя живота, работать на славу обновленной и свободной отныне Родины» [1].

На этом же заседании городская дума организовала комитет общественного спокойствия, в который вошли пять членов городской думы, по одному от союза городов, гарнизона, военно-промышленного комитета, общества народных чтений, больничной кассы, терского союза кооперативных оптовых закупок, два — от союза рабочих и 17 кандидатов.

В июле 1917 года, прошли выборы во Владикавказскую городскую думу. «Интерес к выборам был огромный, что видно хотя бы из того, что голосовало почти 70% избирателей. Списков было пять. В основном, борьба развернулась между двумя списками кандидатов. Боролись два списка: социалистического блока и кадетский... Кадеты, сблотившись с домовладельцами и торговопромышленниками, приняли все меры, чтобы завоевать достаточное количество мест. Но социалисты, энергично поддерживаемые Советом рабочих и солдатских депутатов, одержали блестящую победу; 36 мест в городской думе распределились так: социалисты 62 (30 мест с.-д. и 32 — с.-р.), кадеты — 17, ремесленники — 1, осетины — 5 и сектанты — 1 [6]. Потерпев такое поражение, кадеты были намерены совершенно устраниваться от ответственных ролей и таким образом, городское самоуправление могло целиком переходить в руки социалистов.

Недовольные таким политическим раскладом сил подали заявление в суд, обращая внимание властей на грубые нарушения законодательства во время выборов. Владикавказский городской суд отменил результаты выборов в городскую думу. Против этого решения протестовали массы рабочих, в частности, рабочие завода «Алагир», но прежняя дума продолжала свою деятельность. Последним ее решением стало принятое 4 января 1918 года постановление о «создании городской гвардии по охране города в количестве не менее тысячи человек с содержанием до 250 рублей в месяц» [7]. Воплощено в жизнь оно не было ввиду установления во Владикавказе Советской власти.

Правда на этот счет есть и другое мнение. Оно заключается в том, что большую организационную роль во второй половине 1917 года в деле интеграции усилий общественных движений Осетии на пути революционного преобразования играла партия «Кермен». Именно она явилась приводным ремнем в деле взаимодействия общества и существовавших тогда институтов власти, в частности, Владикавказской городской думы.

Согласно хронике событий в деятельности Северо-Осетинской партийной организации, составленной профессором Б. Х. Ортабаевым [9, 363-376], партия «Кермен» была создана на учредительном собрании революционно-демократических сил, которое состоялось в сентябре (точная дата не приводилась) 1917 года во Владикавказе. На собрании был избран центральный комитет партии. 12 октября после съезда большевистских организаций Кавказа, которое проходило 12 октября в Тбилиси, произошел разрыв большевиков с меньшевиками в результате чего образовалась самостоятельная Владикавказская большевистская организация. А уже 25 октября 1917 года состоялось экстренное заседание Владикавказского совета, которое проводилось в поддержку победоносного восстания в Петрограде. Спустя девять дней, 4 ноября на заседании этого совета выступил С. М. Киров, рассказавший о революционных событиях и штурме Зимнего дворца.

18 ноября ЦК партии «Кермен» направило приветственную телеграмму В. И. Ленину о поддержке рабоче-крестьянского Советского правительства.

26-28 ноября объединённый блок большевиков и керменистов победил на выборах, как отмечается в тексте «в Учредительное собрание в Северной Осетии, а 3 декабря 1917 года была одержана победа блока большевиков и керменистов на выборах во Владикавказскую городскую думу 30 декабря было издано постановление Владикавказского совета о признании Советской власти и подчинении Совнаркому РСФСР» [9, 365].

Как видим, здесь просматривается очевидная логическая нестыковка, как хронологическая, так и политико-правовая. Как могло приветствовать победу октябрьского вооруженного восстания владикавказская дума в день совершения переворота, который начался в 10-м часу вечера 25 октября при всем при том, что выборы в ее состав прошли 3 декабря?

Предположить, что это собрание проводила предыдущая дума, так же не представляется возможным, ибо состав предыдущей думы, если бы он даже так оперативно собрался, был враждебен задачам октябрьского восстания. Так, по данным профессора С. Р. Чеджемова в выборах Владикавказскую думу преобладало далеко не революционно настроенное большинство. На выборах Думы 1913-1917 годов «первое избирательное собрание состоялось 23 сентября 1912 г. Днем на собрание явилось 377 человек — 24,9% всех избирателей, которые избрали 41 гласного. На втором избирательном собрании, состоявшемся 25 сентября днем, были избраны еще два гласных. Назначенное на вечер того же дня избирательное собрание не состоялось из-за того, что собралось мало избирателей. Третье, дополнительное, избирательное собрание состоялось в воскресенье, 14 октября. На это собрание явилось 173 избирателя, которые доизбрали 17 гласных и восемь кандидатов в гласные.

Газета «Терские ведомости», сетуя на уклонение избирателей от голосования, писала «Дай бог, чтобы их явилось хотя бы пятая часть... Самое большее придут человек 300-200 и решат судьбу города» [13]. Состав избирателей определял, в конечном счете, и состав избранных. Наибольший процент в составе гласных думы занимала активная часть буржуазии — предприниматели, торговцы, фабриканты. В составе гласных, избранных в думу в 1905 году, эта группа составляла 55%» [14, 172-173].

Нам представляется, что в выше процитированной хронике мы имеем дело, скорее всего либо с технической ошибкой — опечаткой, либо с проявлением идеологизации, столь свойственной исследованиям советской эпохи, когда в угоду политической конъюнктуры не только искажалась оценка тех или иных политических событий, но и с поразительной догадливостью интерпретировались некоторые исторические события с позиций классово-целесообразности и т.д.

Что же касается состава Владикавказской думы, избранной 3 декабря, то, к сожалению, точных свидетельств о ее составе до наших дней не дошло. Но, как бы то ни было, местное самоуправление и тогда, и сегодня призвано обеспечить самостоятельное решение населением вопросов местного значения — владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. Оно осуществляется гражданами путем референдума, выборов и других форм прямого волеизъявления через выборные и другие органы местного самоуправления.

Как справедливо отмечали А. В. Дмитриев, Е. И. Степанов и А. Н. Чумиков, в Российской Федерации пока нет «действительной системы местного самоуправления, через которую население могло бы обеспечить реализацию своих насущных повседневных нужд» [3, 20]. Чтобы сделать это, необходимо учитывать исторический аспект данной проблемы как применительно к Центральной России, так и национальных регионов. Неспроста видный российский историк начала XX века Б. Веселовский отмечал в 1918 году: «Мы все же продолжаем исповедовать глубокую веру в то, что самоуправление под натиском погромного «социализма» уцелеет, оно переживет «советы» и явится оплотом для воссоздания у нас государственного порядка на правовых основах. Советы — это очаг анархизма, самоуправление — это величайшая ценность для всякой демократии» [2, 140].

Думается, что учет взаимоотношений государственных органов и общественных институтов в Осетии в период первой русской революции не только дополняют историю российских революций и социальных движений сведениями регионального свойства.

Примечания

1. Баев Г. В. Проект докладной записки о свободном избрании уполномоченных от горского населения для непосредственного общения с высшей властью. ЦГАРСО-Алания, ф. 224, оп. 1, д. 68, л. 17.
2. Веселовский Б. М. Земское дело. 1918. № 2.
3. Дмитриев А. В., Степанов Е. И., Чумиков А. Н. Российский социум в 1995 году // Социологические исследования. 1996. №1. С. 20.
4. Известия городской думы Владикавказа. 1905. 29 октября.
5. Известия городской думы Владикавказа. 1906. 29 июля.
6. Известия городской думы Владикавказа. 1917. 3 августа.
7. Известия городской думы Владикавказа. 1918. 6 января.
8. Кавказ. 1905. № 267. 28 октября.
9. Ортабаев Б. Х. Хроника событий. Очерки истории Северо-Осетинской партийной организации. Орджоникидзе, Ир, 1969.
10. Терские ведомости. 1905. 22 октября; Северный Кавказ. 22 октября; Терек. 1905. №301.
11. Терские ведомости. 1906. 12 июня.
12. Терские ведомости. 1904. 27 марта.
13. Терские ведомости. 1912. 14 октября.
14. Чеджемов С. Р. Развитие государственно-правовых отношений и правовой культуры на юге России. Владикавказ, 2012.

ДЗ. В. ХУБУЛОВА,
аспирант СОИГСИ
(г.Владикавказ)

СВЯЩЕНСТВО ВЛАДИКАВКАЗСКОЙ ЕПАРХИИ В ТРАНЗИТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ НАЧАЛА XX В.

В статье проанализированы основные направления благотворительной деятельности Русской православной церкви в годы Первой мировой войны на территории Владикавказской епархии. На основе изучения архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, автором делается вывод о том, что несмотря на кризисные явления в жизни церкви в начале XX века духовенство с готовностью откликнулось на призыв государства о поддержке русских солдат и их семей.

Ключевые слова: война, Владикавказская епархия, благотворительность.

PRIESTHOOD VLADIKAVKAZ DIOCESE IN TRANSITIVE PROCESS BEGAN THE TWENTIETH CENTURY

The paper analyzes the main areas of charitable activity of the Russian Orthodox Church during the First World War in Vladikavkaz Diocese. Based on a study of archival materials, first introduced in the scientific revolution, the author concludes that, despite the crisis in the life of the Church at the beginning of the XX century the clergy readily responded to the call of the state for keeping the Russian soldiers and their families.

Keywords: war, Vladikavkaz Diocese, charity.

Первая мировая война всколыхнула все слои российского общества. Не остались в стороне представители священства, которые выступили духовной объединительной силой народных масс, стали во главе благотворительных акций населения. Для Терской области поведение духовенства тем более актуально, что население было религиозным.

30 июля 1914 г. со всех амвонов было объявлено населению страны о начале войны и всеобщей мобилизации. Храмы обязаны были каждый день возносить молитвы за здоровье воинов и скорейшую победу русской армии, а также осуществлять кружечный сбор на нужды войны [1, 68]. Все священство, прихожане России активно

участвовало в благотворительных акциях, связанных с оказанием помощи воинам. Только в первый военный год в Св. Синод поступило пожертвований на сумму 137300 руб. [2, 18].

Российское духовенство жертвовало деньгами и разными предметами не только для нуждающихся в России, но и для населения других стран, пострадавших от военных действий, например, Польши. По призыву верховных иерархов страны в 1914-1915 гг. проходил сбор средств в пользу голодающих Буковины, Сербии, Галиции.

Целью данной статьи является анализ благотворительной деятельности православной церкви в годы Первой мировой войны на территории Владикавказской епархии.

Следует отметить, что благотворительность православной церкви в годы войны прошла несколько этапов, отличавшихся методами проведения.

Начальный этап мало отличался от предыдущих лишь небольшими новшествами: тыл должен всячески поддерживать воинство на фронте; духовенство должно служить примером патриотизма. Приоритетными в своей деятельности РПЦ определила следующие направления: патриотическое, воспитательно-просветительское, миссионерское, благотворительное [3, 255].

Каждая епархия вносила свой посильный вклад в дело победы. Уже в июле 1914 г. представители духовенства Владикавказской епархии собрались в Архиерейском доме для создания епархиального комитета под председательством Преосвященного Антонина, там же был объявлен сбор пожертвований на нужды войны [4, 382]. Комитет весьма активно занялся возложенными на него задачами, среди которых наиболее своевременными были следующие: возложить на руководителей причтов сбор средств на нужды войны, установить в каждой церкви кружечные сборы для пожертвований, в учебных и иных заведениях служащим предложить сделать отчисления из содержания, а также разослать подписные листы по всей епархии.

Несмотря на бедность, владикавказское духовенство активно жертвовало на военные нужды. Только за август 1914 г. церковный клир передал в центральный комитет по сбору пожертвований 1145 руб. 59 коп. [5, 129]. На нужды военного времени владикавказское духовенство отчисляло 2% казенного жалованья и кружечного дохода.

Наряду с денежными суммами, священство и прихожане жертвовали одежду, белье, полотенца, сладости, махорку, чай, обувь.

Во Владикавказских епархиальных ведомостях печатались предметы, которые передавались в комитет области. Достаточно привести сведения за 10 декабря 1914 г.: рубашек 186, кальсон 115, полотенец 104, чулок 392, варежек 120 пар, фуфаяк 125, платков 179, кисетов с табаком и бумагой 495, портянок 106 пар, простынь 175, наволочек 206, жилеток 101, шарфов 57, башлыков 52 [6, 92].

Благотворительная помощь государству была отмечена в благодарственном письме военного генерал-губернатора: «Прошу вас принять, — обратился он к съезду депутатов от духовенства епархии, — искреннюю благодарность от лица доблестных защитников Отечества, раненных на войне, и не отказать переждать благодарность духовенству епархии и корпорациям епархиальных учреждений, оборудовавших и содержащих на собственные средства лазарет на 10 кроватей в Духовном училище» [7, 26].

Не только воины российской армии были предметом заботы священства епархии. Немало было сделано также для поддержания семей военнослужащих. Руководству местных церковно-приходских школ был направлен из Владикавказской консистории циркуляр, который определял основные методы социальной работы среди учащихся: «С открытием военных действий многие учащиеся в церковных школах, родители коих призваны на военную службу, остались на попечении своих матерей, часто обремененных семьей и крайне нуждающихся в средствах пропитания. Такие дети по своей бедности часто нуждаются в одежде, обуви, в дневном пропитании, а иногда не располагают средствами на приобретение учебных принадлежностей. Озабочиваясь судьбою сих детей и правильным течением обучения их в школах, Училищный Совет при Святейшем Синоде просит Епархиальный Училищный Совет принять их под особенное попечение и располагать к тому же уездные отделения, членов церковно-школьной инспекции и заведующих церковными школами, для оказания детям воинов возможной помощи раздачею им одежды, обуви, учебных принадлежностей, также устройством для них бесплатных завтраков и ночлежных приютов. Большую помощь в этом отношении могут оказать церковным школам церковно-школьные Попечительства, об открытии которых Епархиальному Училищному Совету надлежит озаботиться безотлагательно, а равно и попечители, и другие благотворители из местных приходов» [8, 126].

По указу Св. Синода при всех приходах были сформированы попечительские советы для оказания социальной помощи семьям военнослужащих. В августе 1914 г. совет для поддержки семей мобилизованных был создан при епархиальном Кафедральном соборе, в него вошли Преосвященный Антонин, о. Д. Дьяченко, о. И. Андриевский, Е. М. Сергеев. Сразу же был объявлен сбор средств, и в казну поступило 177 р. [9].

Четко была налажена работа по приему раненных, в организации тыловых госпиталей были задействованы приходские священники, которым надлежало отвести под лазареты все свободные помещения, заготовливать «предметы лазаретского инвентаря». Уже осенью 1914 г. в г. Владикавказе была развернута лазаретная сеть: общими усилиями приготовлены к приему раненных 10 лазаретов. Вот данные только по лазарету при Духовном училище: в декабре 1914 г. было затрачено на продовольствие для раненных 113 руб. 22 коп., мыло — 5 руб., за чулки и носки — 19 руб. 95 коп. [10, 16]. Служащие духовного училища на свои средства организовали лазарет, в котором на 1 января 1915 г. на излечении находились 12 солдат.

В начале 1915 г. Святейший синод сообщал: «Многие из раненых и больных воинов по выходу из госпиталей нуждаются в спокойном отдыхе для восстановления здоровья и сил. Получившим увечья необходимо призрение до времени, когда будут изысканы для них новые способы дальнейшего обеспечения в жизни. Дети павших в бою требуют приюта...» [11, 555]. В связи с этим Синод напомнил верующим об их долге помогать нуждающимся, откликнуться своим содействием к удовлетворению указанных новых потребностей, вызванных настоящим временем войны.

Преосвященному Владикавказской епархии Антонину предстояло сформировать во всех приходах попечительские советы на широкой социальной основе, на которые возлагалась обязанность «вести списки семей, члены коих призваны в ряды армии, выяснять их имущественное положение и оказывать им пособие до тех пор, пока в этом будет надобность» [12, 212]. 20 ноября такой совет был создан. Перед ним были поставлены задачи поддержания морального духа раненных, проведение духовных беседований, а также чтения церковной литературы. Например, Владикавказское Михайло-Архангельское братство ассигновало на выпуск брошюр и листовок религиозно-нравственного содержания 50 руб. для рассылки этих изданий в лазареты.

Солдаты в своих письмах отмечали, что «наша армия хорошо обмундирована, у всех теплая одежда, пища хорошая, помещения теплые, словом нужды ни в чем нет»[13, 112]. Так, в своем письме на имя станичного священника казак Дорофеев писал: «К Рождеству я получил подарки со склада императрицы Александры Федоровны и мы очень довольны тем, что нас не забывают и заботятся о нас. Я получил 2 мешочка, в которых 2 рубашки, 2-е кальсон, 4 пары носков, 2 наволочки, 1 полотенце, 2 пары портянок, конфеты, мыло, сахар, соль, 2 рубля»[14].

Таким образом, уже в первые дни войны были определены основные направления социальной работы, проводимой церковью.

Однако церковь поддерживала русское войско не только в тылу, но и на передовой. Во Владикавказских епархиальных ведомостях была опубликована заметка о таком бесстрашном пастыре, который являл собой образец истинного священника: «Пехота поднялась и побежала в штыковую атаку на немца. А сам о. Павел уже впереди, высоко подняв крест в правой руке, бежит, словно боится, что его опередят прийти первым к неприятельским окопам. Здесь он и санитар, и пастырь и командир...»[15]. Поддержание в русских воинах веры в победу, смелость и героизм стали главными задачами военных священников на фронте, владикавказских священников — в тылу. Исключительную роль Русской православной церкви отметил Св. Синод: «С самого начала и во все продолжение войны с Германией и Австрией, а затем и с Турцией Отечественная Церковь оказывала не только нравственное содействие государству, укрепляя в народе веру в правоту защищаемого русским оружием святого дела, усиливая в нем молитвенное настроение и возгревая пламень любви и милосердия, но и посильную материальную помощь» [16, 15].

Итак, анализ благотворительной деятельности православной церкви во Владикавказской епархии в 1914-1917 гг. показал, что она проявляла понимание необходимости поддержки государства и брала на себя большие расходы по содержанию раненных, помощи семьям военнослужащих, поддержанию морального духа населения. Священство епархии активно включалось в организацию госпиталей, сбор пожертвований, беседы на нравственно-патриотические темы.

Примечания

1. Всеподданейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания. Петроград, 1914.
2. Афиногентова, А.П. Социальная активность Русской православной церкви: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1993.
3. Горожанина, М. Ю. Деятельность православной церкви в годы Первой мировой войны // Доклады Академии военных наук. М. 2006. №5 (23).
4. Церковные Ведомости. СПб, 1914. №30.
5. Владикавказские епархиальные ведомости (далее — ВЕВ). Владикавказ, 1915, 15 февраля.
6. ВЕВ, 1915, 15 марта.
7. ВЕВ, 1916, 15 апр.
8. Церковные Ведомости. СПб, 1916, №10.
9. Горобец А. Социальное служение Владикавказско-Моздокской епархии в годы Первой мировой войны. // <http://ive1875.narod.ru>
10. ВЕВ, 1915, 15 марта.
11. ВЕВ, 1916, 15 апр.
12. ВЕВ, 1915, 15 янв.
13. ВЕВ, 1915, 15 апр.
14. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп.52. Д. 112. Л. 5
15. ЦГА РСО-А. Ф. 54. Оп.5. Д. 1114. Л. 8
16. ВЕВ, 15 нояб.

А. Ю. ЧЕДЖЕЛОВ,
соискатель СОГУ им.К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ И САНИТАРИИ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ ДО НАЧАЛА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В статье исследуется проблема становления и развития системы советской медицинской помощи и санитарии в Северной Осетии в период с установления Советской власти до начала первых пятилеток.

Ключевые слова: медицина, помощь, санитария, здравоохранение.

DEVELOPMENT OF SOVIET MODEL HEALTH CARE AND SANITATION IN NORTH OSSETIA BEFORE SOCIALIST MODERNIZATION

Keywords: medicine, care, sanitation, health

The paper investigates the problem of formation and development of the Soviet health care and sanitation in North Ossetia in the period from the establishment of Soviet power until the beginning of the first five.

В советские годы стала хрестоматийным утверждение о том, что царское правительство не принимало надлежащих мер в области организации здравоохранения, в том числе и в Осетии, где остро ощущалась нехватка медицинских кадров. Во всей северной Осетии насчитывались лишь единицы врачей [1,2]. Историк С.Д. Кулов проделав большую работу по сбору источников, характеризующих систему советского здравоохранения в 1917-1941 годах отмечал: «В самом худшем положении находились народы национальных окраин России. Колониальный режим, установленный царизмом на Северном Кавказе, в том числе и в Осетии, закрыл доступ широких народных масс к просвещению, держал их в темноте и невежестве [2, 401-448]. Далее этот же автор патетически восклицал «В Терской

области на 560 тысяч горцев не было ни одной больницы, работало всего пять врачей по одному на округ. Газета «Терек» по этому поводу с горькой иронией писала, что в «смысле заботы о здоровье, скоты находились в гораздо лучших условиях, чем люди [2, 23].

Применительно к истории Осетии советский период развития здравоохранения можно датировать 1918 годом. К этому периоду после Октябрьской революции на территории бывшей Терской области возникла Терская Республика в составе РСФСР. В обстановке гражданской войны обозначился паралич власти. Значительно ухудшилось и практически распалась система здравоохранения. Только благодаря подвижнической деятельности отдельных представителей врачебных профессии медицинская помощь оказывалась нуждающимся в ней. Органы советской власти — в частности правительство Терской Республики — Совет народных комиссаров попыталась остановить процесс распада государственно-правовых отношений и, в частности, наладить систему оказания медицинской помощи и организации санитарного контроля. В этих целях группа ответственных советских работников во главе с Председателем СНК С. Г. Буачидзе, военного комиссара Бутырина, комиссара финансов Андреева, комиссара внутренних дел Фигатнера и секретаря СНК Ратнера выступили с инициативой проведения специального заседания посвященного вопросам санитарии и оказания медицинской помощи населению.

Это заседание СНК состоялось 15 мая 1918 года. На нем было решено обратиться в СНК Российской Федерации с просьбой отпуска средств, необходимых для оказания медицинской помощи населению. В докладной записке направленной на имя В. И. Ленина говорилось: «Терскому Совнаркому необходимы суммы на правильную и рациональную постановку медицинской помощи населению и санитарии в крае, ибо то положение медицинской помощи и санитарии, какое существует теперь. Является угрозой не только для края и для всего Северного Кавказа, но и для всего юга России. Терская область представляется всеми, кто сталкивается с постановкой медицины крае — медицинской пустыней. И если на казачьей территории есть хоть тень, какой ни будь медицинской помощи, то на горских землях медицина абсолютно отсутствует» [3, 37].

Данные слова обращения являлись констатацией фактического положения дел. В республике свирепствовали эпидемии сыпного тифа, холеры, брюшного тифа и других инфекционных заболеваний.

Гражданская война лишь усугубляла положение дел, но именно в это время многие представители врачебного корпуса продолжали самоотверженно оказывать медицинскую помощь.

Так, в самый разгар братоубийственной войны в Осетии, летом 1918 года город Владикавказ захватили белые. Положение усугублялось разгулом брюшного тифа который, буквально косил военнопленных. Белогвардейское командование приняло решение не кормить пленных красноармейцев во избежание распространения инфекции. Узнав об этом известный владикавказский врач, представитель старинной интеллигентной осетинской семьи Э.Т. Шанаев, вместе с супругой содержавший частную клинику отправился на прием к коменданту города полковнику Шкуро. Надев оставшийся еще с русско-японской войны, в которой он участвовал в качестве военного врача китель с орденами он добился аудиенции и приказа о выдаче горячего питания пленным [5, 82].

Борьба эпидемиями требовала организационного единства здравоохранения, ликвидации ведомственной и национальной раздробленности в этом вопросе — в Осетии существовали казачьи и осетинские амбулатории и больницы, железнодорожные, военные и т.п.

Пагубность положения усугубляла нехватка квалифицированных медицинских кадров. Молодое Советское государство приступило к реализации ленинского плана в системе здравоохранения, а именно законодательно ввели оказание помощи пострадавшим от несчастных случаев на предприятиях, бесплатно были переданы больничные кассы всех лечебных учреждений предприятиям и введено обязательное страхование рабочих и служащих на случай их болезни.

В условиях советской власти в сфере здравоохранения наметился не столько слом старой системы, сколько ее творческое возрождение. Этот наш вывод мы выносим в качестве одного из элементов научной новизны нашей работы. Об этом убедительно свидетельствуют воссоздание медико-санитарных отделов и врачебных коллегий.

В то же время основной задачей совета врачебных коллегий оставалось объединение усилий в области здравоохранения в масштабах всей страны. В связи с этим велась работа по подготовке Всероссийского съезда представителей Медико-санитарных отделов, которому предстояло решить вопрос об образовании Народного комиссариата здравоохранения РСФСР.

15 мая 1920 года после окончательного установления Советской власти в Северной Осетии вопросы здравоохранения обсуждались на заседании Владикавказского окружного революционного комитета. Была одобрена деятельность и перспективный план отдела здравоохранения, в состав которого входил фармацевтический подотдел.

Для организации текущей медицинской и фармацевтической деятельности вся территория современной Северной Осетии, за исключением Моздокского района была разделена на 13 медицинских участков — Беслановский, Даргкохский, Эльхотовский, Ардоский, Христиановский, Магометановский, Махчешский. Алагирский, Мизурский. Зарамагский, Даллагкау-Хидиусский, Гизельский и Даргавский. В трех организовывались районные больницы — в Беслане, в Христианоском и в Садоне [2].

1 ноября 1922 года народный комиссариат здравоохранения Горской Советской Социалистической Республики, куда в то время входила современная Северная Осетия, констатировал определенные успехи в оказании медицинской помощи населению. Так, например, обращаемость в лечебные заведения во Владикавказе за первое полугодие 1921 года составило 159805 человек, в сравнении с первым полугодием 1917 года.

В 1920 году отмечалось 1209 случаев заболеваний холерой, из которых было 412 смертельных исходов, а также эпидемиологическая угроза таких инфекционных болезней, как малярия, брюшной тиф. В борьбе с инфекционными заболеваниями, как достижения Советской власти констатировались сформированные эпидемические отряды. Объективности ради следует признать, что это была одна из наработок дореволюционной медицины. В тоже время проведение противохолерных и противооспенных прививок в массовом масштабе несомненное достижение Советской власти в сфере здравоохранения.

С 1922 года в северной Осетии стала успешно действовать система прививочных отрядов и санитарного просвещения. Учреждались две освобожденные должности врачей-лекторов санитарного просвещения. Большую роль в борьбе с инфекционными заболеваниями на Северном Кавказе сыграла действующий, судя по всему во Владикавказе еще с дореволюционных времен, Горский химико-биологический институт.

В Северной Осетии широко развивалось аптечное дело одновременно с медицинской сетью. В округе было организовано пять

районных аптек в Ардоне, Алагире, Христиановском, Беслане, Садо-не. Аптеки в те годы являлись не только центрами торговли медика-ментами, но и выполняли определенную медико-просветительскую функцию. Так, по информации одного из первых заведующих район-ным отделом здравоохранения Кировского района Фузы Хосаевны Чеджемовой (в девичестве Салбиевой), в аптеках работали не про-давцы, а фельдшеры-аптекари. Готовых к употреблению лекарств было мало. Аптеки тех лет состояли в основном из рецептурного отдела, если исходить из современной медицинской терминологии. Многие лекарственные препараты изготавливались в самих апте-ках, в современном понимании розничная торговля медикамента-ми была развита довольно слабо.

Другой наш информатор — Вера Захаровна Арутюнова (в де-вичестве Татулова) работавшая в г. Дагестанские Огни, ныне нахо-дящегося в составе Казахстана, а в 30-е годы XX века входившего в состав РСФСР заведующей амбулаторией стекольного завода подтверждала эти сведения отмечая, что люди в условиях нехватки врачей часто обращались в аптеки за медицинской помощью. Как видим, ситуация и в Северной Осетии и в Дагестане была схожей.

Медицинский персонал действовавших на март месяц 1925 года городской Владикавказской больницы, психиатрической больни-цы, тюремной больницы, больницы венерического института, а также специализированной амбулатории проделывали большую медико-разъяснительную работу по чтению лекций как по отдель-ным предприятиям и профсоюзам, так и для всех желающих граж-дан, в том числе и своим пациентам. Эти лекции проводились в местах отдыха населения, в центральном парке, домах культуры и т.д. и пользовались, как отмечалось в архивном источнике боль-шим успехом. Только во Владикавказе за пять месяцев 1925 года было прочитано 40 подобных лекций, на которых присутствовало 7500 слушателей [2].

В значительной мере способствовали укреплению связи органов государственной власти и общественных институтов широко прак-тиковавшиеся в годы советской власти съезды работников отрасли с приглашением на них представителей массовых общественных организаций. Первый съезд медицинских работников состоялся в марте 1925 года. С докладом о санитарно-эпидемиологическом по-ложении в Северо-Осетинской автономной области выступили от-ветственные работники народного комиссариат здравоохранения

области, представители трудящихся, партийные, беспартийные, комсомольцы.

В резолюции съезда обосновывалась необходимость обеспечения всех врачей средствами передвижения, создать при больницах клиничко-диагностические лаборатории. Снабдив их микроскопами и необходимыми реактивами, выделить на каждом участке профилактический день и снабдить все медицинские участки, а кабинеты санитарно-просветительской работы наглядными пособиями и популярной литературой для ведения борьбы с санитарной безграмотностью через медицинские участки, избы читальни, клубы, женские кружки, школы, пионерские организации [2, 348].

Как наглядно видно из этого архивного источника взаимосвязь органов власти в лице комиссариата здравоохранения и общественных организаций признавалась необходимым условием развития медицинской помощи населению. Вместе с констатацией очевидных успехов совместная деятельность органов власти и представителей общественных организаций позволяла выявлять слабые места в медицинской деятельности. Так, например. В постановлении центрального исполнительного комитета Северо-Осетинской автономной области 31 декабря 1925 года резкой критике подверглась деятельность Дзуарикауского врачебно-амбулаторного пункта [2].

Начиная с 1926 года, в Северной Осетии ускоренными темпами велось строительство санаториев и профилакториев. Эта задача была поставлена делегатами II съезда советов автономной области и выполнялась по мере наличия средств. Первым санаторием стала здравница в Цее, предназначенная для больных туберкулезом. В этом же году перед министерством здравоохранения была поставлена задача организовать при всех больницах области, так называемые заразные отделения. Эти отделения должны были иметь собственные входы-выходы, чтобы не допускать заражения инфекционными заболеваниями.

Эта была трудная и своевременная задача, она требовала наличия определенных финансовых средств, как для переоборудования помещений, так и для их строительства. Данное мероприятие имело большое значение в деле развития здравоохранения и расширения медико-санитарного сектора в общем спектре социальной работы государства. В материалах II съезда советов также ставилась задача «повышения долевого участия здравоохранения в местном бюджете».

те как по линии строительства, и по линии расширения лечебно-санитарной части» [2].

Таким образом, медико-санитарное дело в Северной Осетии в те годы развивалось на основе синтеза усилий центральной и местной власти. Большую роль в развитии санитарного просвещения играла интеллигенция края. Видные ее представители своим личным примером и лекционной работой пропагандировали здоровый образ жизни, гигиену и чистоту в быту и на работе.

Примечания

1. История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе: Ир, 1987. Т.1.
2. Культурное строительство в Северной Осетии 1917-1941. Здоровоохранение. Т. 1. Орджоникидзе, 1974.
3. Под знаменем Ленина. Сборник документов. Орджоникидзе, 1970.
4. Постановление II съезда Советов СОАО. Орджоникидзе. 1926.
5. Научный архив СОИГСИ им. В.И. Абаева. Ф. Шанаева Э.Т. Оп.1. Д.426. Заметки.

**Д. Р. ФИДАРОВ,
соискатель СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)**

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕРСКОГО ИНСТИТУТА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В Г. ВЛАДИКАВКАЗЕ

Статья посвящена истории подготовки научно-педагогических кадров в Северной Осетии в 1920-е годы. Автором рассматриваются основные формы и пути решения проблемы подготовки новых кадров в Терском институте народного образования. Исследуется проблема педагогического образования как составная часть духовной культуры личности. Используются неопубликованные материалы фондов государственного архива РСО-Алания, периодической печати Осетии 1920-х гг.

Ключевые слова: образование, национальные кадры, интеллигенция.

BECOMING TERSKIKH INSTITUTE OF EDUCATION IN VLADIKAVKAZ

The article is devoted to the history of the preparation of the teaching staff in North Ossetia in 1920. The author discusses the basic forms and ways of solving the problem of training of new personnel into the Terek Institute of Education. We investigate the problem of teacher education as an integral part of the spiritual culture of the person. Used unpublished materials the State Archives of North Ossetia-Alania, periodicals Ossetia 1920s.

Keywords: education, national staff, intellectuals.

Образование является составной частью культурной жизни любого социума. Поэтому любые реформы в сфере образования могут иметь положительный результат лишь в случае опоры на имеющийся опыт предшествующих поколений, их исторического опыта. Вместе с тем, отметим, что слепое копирование предыду-

щего опыта без глубокого и всестороннего анализа может иметь негативные последствия.

В современной России осуществляются крупномасштабные реформы в культурно-образовательной сфере, которые несомненно должны учитывать основные тенденции, национальные особенности образовательного пространства страны.

Педагогическое образование в Северо-Кавказском регионе в своем развитии прошло несколько этапов. Один из них связан с периодом создания цельной системы образования, подготовки педагогических кадров в первые годы советской власти.

В данной статье автор исследует деятельность местных органов власти по созданию системы образования в Терской области в 1918-1920 гг.

Провозглашение советской власти в марте 1918 г. в Терской области обусловило радикальные изменения в педагогическом образовании, которые находились в русле общероссийского реформирования народного образования.

В начале 1918 г. начались преобразования органов управления образованием, присущей дореволюционной России. Основопологающим правовым документом при этом стал декрет от 5 июня 1918 г. «О передаче в ведение Народного комиссариата по просвещению учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств» [1]. Позже началось создание системы трудовой школы, предусматривавшей, во-первых, школы I степени для детей от 8 до 12 лет для четырех возрастов; во-вторых, школы II степени для детей от 12 до 17 лет — для пяти возрастных групп.

Реформа потребовала от правительства существенных затрат на образование. Поэтому, невзирая на финансовые затруднения, Терский ревком сумел сохранить и даже увеличить в регионе школьную сеть, обеспечивая ее необходимыми средствами. В 1920 г. в регионе действовало 4025 школ I степени, где обучалось 435,3 тыс. человек, в 190 школах II степени занималось 25 тыс. учащихся [2, 176].

Курс на ликвидацию неграмотности, увеличение количества учебных заведений потребовало расширения сети среднего и высшего профессионального образования. Большевики активно разрабатывали проект высшего учебного заведения, призванного готовить педагогические кадры для многонациональной Терской области. В условиях перехода к обязательному начальному обра-

зованию такая идея была актуальной и насущной, ибо возникла острая необходимость в увеличении числа подготовленных учительских кадров и открытии новых учебных заведений, прежде всего, в национальных окраинах.

Все местные мероприятия исходили из установок центральной власти в области высшего образования. Тем более, что зимой 1918 г. на 3-м Всероссийском съезде Советов этот вопрос рассматривался одним из значимых.

Уже весной 1918 г. первые проекты реформирования были представлены на суд высшего руководства. Рефреном проходила идея демократизации высшей школы, что было встречено с радостью частью студенчества и профессорско-преподавательского состава. Реформа должна была существенно изменить социальный состав учащихся, сделать его более демократичным, а высшее образование — доступным.

Как продолжение своей политики формирования системы высшего образования на Северном Кавказе советским руководством летом 1920 г. во Владикавказе был открыт Терский институт народного образования (ТИНО) [3], который явился первым на Северном Кавказе высшим педагогическим учебным заведением.

Отметим, что ТИНО возник не на пустом месте, существовавшие до революции в городе Владикавказский учительский институт, Терская войсковая учительская семинария, Осетинская учительская семинария и областные фребелевские курсы послужили материальной базой для передового по тем временам института народного образования. В приказе Терского облисполкома было сказано, что «здания, имущество и кредиты преобразуемых учебных заведений переходят по принадлежности к Терскому институту народного образования», а порядок зачисления студентов определяется советом института [3].

Основная задача института состояла в подготовке высококвалифицированных преподавательских кадров для республик и областей Северного Кавказа, ибо прежние учителя состояли из священников и мулл, а другие получили образование в духовных училищах, духовных миссионерских семинариях и в «силу полученного образования, или бессознательно, благодаря узости кругозора, вели воспитание и образование своих воспитанников» [4, 3].

Институт состоял из четырех отделений: 1) дошкольного; 2) школьного для подготовки преподавателей II ступени и 4) от-

деления трудовых процессов. Кроме того, в институте начали функционировать три факультета: общественно-исторический (с отделениями социально-историческим и словесным), физико-математический (с физико-математическим и естественно-географическим отделениями) и рабочий факультет, который призван был помочь молодежи преодолеть пробелы в образовании и подготовить к поступлению в вуз.

Столь радикальное реформирование высшей школы преследовало определенные политические задачи: демократизация состава студенчества, приспособление вузовского управления к новым условиям работы, и как следствие, перестройка учебного процесса, его идеологизация.

В первые годы советской власти были проведены важнейшие мероприятия в области политических преобразований в высшей школе. Прежде всего, это коснулось преподавания общественных наук, призванных формировать мировоззрение «нового человека».

В первый год работы ТИНО количество студентов не превышало 210. Отметим, что с начала осуществления реформы высшего образования власть была нацелена на первоочередное право для детей социально близких слоев (рабочих, беднейшего крестьянства) нерусских народов на получение высшего образования В.И. Ленин говорил о необходимости осуществления «безусловного приема лиц из среды пролетариата и беднейшего крестьянства».

Поставленные цели определили и направления работы: разработка нового Устава высшей школы, создание системы управления вузами, сети высших учебных заведений, а также формирование комплекса льгот для поступления в вузы рабоче-крестьянской молодежи.

Студенты были набраны на 1-й и 2-й курсы, причем второй курс был укомплектован в основном учащимися бывшего Владикавказского учительского института. Радикальная реформа образования, происходившая по декрету СНК РСФСР от 2.08.1918 г. устанавливала, что в число слушателей любого вуза мог быть принят каждый, кто достиг 16-летнего возраста [5]. Однако конкурс с первого года был столь высокий, что для отбора наиболее подготовленных в институте был проведен коллоквиум.

При институте были открыты также опытно-показательные школы I и II ступени, детский сад, курсы по подготовке учителей дошкольного воспитания и школ 1-й ступени.

Комплектование института преподавательскими кадрами проходило в нелегких условиях: преподаватели не получали во время зарплату, в вузе не хватало оборудования для кабинетов и лабораторий; обучение в три смены сильно утомляло лекторов и т. д. Определенные трудности были связаны с отсутствием четких учебных планов и программ. Кроме того, в результате двухразового приема в институт учебный процесс усложнялся. Отрицательное влияние на процесс обучения оказывала продолжительность практики, занимавшей около 50% учебного курса, что разрывало преподавание учебных дисциплин более чем на два месяца.

Не всегда преподаватели владели спецификой педагогического обучения, нередко нехватку кадров восполняли приглашенные сотрудники Владикавказского политехнического института, демократическое учительство, а также бывшие преподаватели закрытых учебных заведений Области. Пединститут должен был решать не только задачи подготовки педагогических кадров, но и вести научно-методическую и общественную работу. Ученые формировали методические материалы для школ, писали новые учебники, активно участвовали в создании письменности для народов региона. Кроме того, занимались общественной работой и в том числе на ниве ликвидации неграмотности населения, а также проводили большую культурно-массовую и просветительскую работу на предприятиях, в клубах, избах-читальнях.

Немало трудностей в работе института было связано со слабой материальной базой, приходилось изыскивать не только помещения под учебные аудитории, но также решать вопросы размещения студентов и преподавателей в общежитиях. Без государственной помощи эти трудности преодолены, конечно же, не могли быть [6, 28].

Итак, первый год становления Терского пединститута был непростым, не все проблемы были решены. Однако достигнуто было главное — на Северном Кавказе начал свою работу первый педагогический вуз, готовивший национальные кадры.

Примечания

1. Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. №39.
2. Культурное строительство в Северной Осетии (1917-1977 гг.). Сборник док-тов и материалов. Т.1. Орджоникидзе, 1978.
3. ЦГА РСО-А. ФР. 303. Оп.1. Д. 70. Л. 17.
4. Алборов Б. А. О постановке педагогического образования среди горцев Кавказа // Известия городского Института народного образования. Вып. 1-й. Владикавказ, 1923. С.3.
5. ЦГА РСО-А. ФР. 81. Оп.1. Д. 254. Л. 66.
6. Демидова Е.И. Становление и развитие советской высшей школы в 1920-1930 гг. Автореф. дисс...докт. ист.наук. Саратов, 2007.

**Ч. В. ТИГИЕВ,
аспирант СОГУ им. К. Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)**

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В данной статье рассматривается проблема ликвидации неграмотности в Северной Осетии после революционных событий 1917 года. Довольно подробно описывается деятельность партийных организаций и властных структур на местах, а так же деятельность ОДН (Общество долой неграмотность) которая непосредственно занималась процессом ликвидации неграмотности, приводятся статистические данные об уровне грамотности населения в Северной Осетии, и рассматривается проблема изучения родного языка.

Ключевые слова: ликвидация неграмотности, декрет, культурпоход, культурмейцы, ликпункт, долой неграмотность.

FIRST STEPS OF SOVIET POWER FOR ERADICATION OF ILLILITERACY IN NORTH OSSETIA IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

This article discusses the problem of eliminating illiteracy in North Ossetia after the revolutionary events of 1917. Pretty details the activities of the Party organizations and authorities in the field, as well as the activities of the society «Down with Illiteracy», which is directly involved in the process of eradicating illiteracy, provides statistics on the level of literacy in North Ossetia, and the problem of studying the native language.

Key words: liquidation of illiteracy, decree, the cultural outing, away with illiteracy.

История сложилась таким образом, что культура просветительская в полной мере пришла к трудящимся нашей страны вместе с социализмом, с культурной революцией. В этом одна из исторических особенностей нашего культурного развития.

Когда в некоторых европейских странах народной демократии

вопрос ликвидации неграмотности вовсе не стоял, в нашей стране ликвидация тотальной безграмотности, как и в целом ряде стран Азии, Африки, Латинской Америки явилась одним из фундаментальных действий социализма.

Дореволюционная Россия по просвещению занимала одно из последних мест в Европе. По данным переписи 1897 года, в России на тысячу жителей приходилось 223 грамотных. Иначе говоря, почти 100 из 125 миллионов мужчин и женщин не умели читать и писать. Среди народов, так называемых национальных окраин — как известно, они составляли подавляющую часть населения страны (57%) — грамотные насчитывались единицами [1, 171].

Так, по данным той же Всероссийской переписи населения 1897 года на каждые сто осетин старше 8 лет грамотных приходилось лишь двое [6, 10].

Царские чиновники считали, что необходимо не менее 300 лет, чтобы покончить с неграмотностью взрослого населения [1, 171].

Образование является одним из решающих факторов прогресса общества. Вожди мирового пролетариата понимали, что массовая неграмотность была вопиющим злом и могла затормозить осуществление всех задач строительства нового общества, а ее ликвидация поможет Россию отсталую превратить в могучую, индустриальную державу.

Борьбу с неграмотностью нельзя трактовать как процесс, преследующий чисто просветительские цели. Просвещение — составляющая часть культурной революции и средство культурного роста трудящихся. Но культурная революция охватывает широкую сферу знания и умения, творческое совершенствование всех сторон жизни и деятельности общества [2, 168].

Подлинная культура начинается там, где знание, грамотность, образование, даваемые школой, соединяются с практическим умением организовать и наладить работу в сфере государственного аппарата и хозяйственного строительства, где происходит органическое слияние духовного совершенствования личности с подъемом общественной самодеятельности масс. Именно сочетание, объединение этих двух задач образует реальное содержание социалистической культурной революции [2, 169]. То есть ликвидация безграмотности преследовала политические и экономические цели. Здесь ждали своего решения вопросы общей культуры в быту, семейных отношениях, отношении к женщине и т. д. [2, 166].

Неслучайно одним из важных Декретов страны победившей революции стал Декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», подписанный Лениным 26 декабря и опубликованный 30 декабря 1919 года. Он был отпечатан в сотнях экземпляров и разослан во все концы республики. В нем «в целях предоставления гражданам... возможности сознательного участия в политической жизни страны» «все население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязывалось обучаться грамоте на родном или русском языке, по желанию». Значение этого декрета, манифеста культурной революции, трудно переоценить. Впервые в истории человечества правительство заявляло о том, что овладение знаниями является общегосударственным, а не личным делом каждого [1, 172].

С «легкой руки» Н. К. Крупской движение по уничтожению неграмотности среди взрослых стало называться «ликвидацией безграмотности» (ликбез), а школа по обучению грамоте — «ликпунктом» [1,171].

Проводя в жизнь декрет Совнаркома о ликвидации неграмотности населения, правительство Горской республики 18 июля 1921 года приняло соответствующее постановление, обязывавшее всех граждан от 14 до 30 лет обучаться грамоте на родном или русском языке в особых школах ликвидации неграмотности. Все посещающие пункты по ликвидации безграмотности освобождались от работы в дни занятий на 2 часа раньше с сохранением за это время заработной платы. Постановление мобилизовало на борьбу с неграмотностью всех грамотных в возрасте от 18 лет [2, 172].

Лица, уклонявшиеся от обязательного обучения, как равно и препятствовавшие неграмотным посещать школы, привлекались к уголовной ответственности по всем строгостям революционного суда [3, 130].

Поначалу трудно решались вопросы ликвидации безграмотности в национальных республиках. Не хватало ликвидаторов неграмотности, не было необходимых пособий, не доставало средств. Ликвидация неграмотности проводилась, главным образом, среди организованного населения: членов сельских советов, профсоюзов, комсомольцев, делегатов и т.д. Занятия проводились в клубах, при школах, а иногда и на дому у кого-либо из неграмотных.

Важным недостатком в области народного образования было отсутствие должного внимания к вопросам изучения осетинского

языка, преподавания на осетинском языке и создания национальных учебников [4, 293].

В 1924 году Северо-Осетинский обком партии и облисполком образовали областное общество «Долой неграмотность» (ОДН) и областную Чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности. Обком партии обязал первичные партийные организации создать ударные бригады культурмейцев из числа, коммунистов комсомольцев, студентов вузов и техникумов, сосредоточив их в местных ячейках общества «Долой неграмотность» (ОДН), При этом обком партии потребовал уделить особое внимание делу просвещения сельского населения. По инициативе коммунистов были созданы на всех предприятиях и селах ячейки общества «Долой неграмотность». В 1924/25 учебном году в Северной Осетии работало 25 таких кружков и 18 школ-передвижек, в которых ликвидировали неграмотность 540 человек, в том числе 269 членов партии, 150 комсомольцев и 50 беспартийных крестьян [2, 172].

Силами грамотного населения сел — учителей и учащихся старших классов организовывались подворные обходы по выявлению неграмотных и малограмотных, при школах устраивались пункты ликбеза для бедняцко-батрацкой молодежи, женщин-горянок, первых колхозников и активистов сел [4, 301].

Школьники обучают своих неграмотных и малограмотных родителей, соседей [5, 6].

Быстро росли ряды ОДН. К 1925 году в нем состояло уже 1,6 млн. членов, многие из них стали настоящими энтузиастами просвещения народа.

Главную роль во всенародной борьбе с неграмотностью компартия отводила молодежи и ее боевому авангарду — комсомолу. В программе, принятой на III съезде комсомола, борьба с неграмотностью была объявлена «первой боевой задачей РКСМ» на культурном фронте.

В годы первой пятилетки комсомол выступил зачинателем всесоюзного похода за грамотность. В решении VIII съезда было записано: с 1 августа 1928 года провести месячник ликбеза, мобилизовать тысячу комсомольцев в помощь местным грамоткам, каждый грамотный комсомолец должен обучить одного неграмотного (потом цифры были увеличены трех, затем пять, потом десять человек), но прежде всего надо было ликвидировать неграмотность среди членов ВЛКСМ.

Месячник превратился в культпоход, в котором одновременно решались задачи ликбеза и открытия библиотек, клубов.

В каждой республике, области, крае были созданы комитеты или штабы содействия культпоходу, в которые вошли представители власти, общественных организаций и добровольных обществ. Проводились субботники, устраивались киносеансы, вечера, спектакли, концерты — и заработанные средства шли в фонд культпохода [1,177].

Хачиров в работе «Социалистическая культура и наследие» приводит информацию о работе комсомольские организации Осетии по ликвидации безграмотности. Так члены комсомольской ячейки с. Лескен на своем собрании постановили ликвидировать азбучную и политическую неграмотность среди членов ячейки, а затем распространить эту работу среди всего населения. Комсомольцы своими силами открыли ликпункт, оборудовали его и приступили к учебе. Занятия проходили так организованно, сообщали комсомольцы, что за 3 месяца среди членов ячейки «комсомола не было ни одного неграмотного». Подобные решения были приняты также на собраниях комсомольских ячеек селений Заманкул, Эльхотово Дарг-Кох, Кадгарон, Алагир, Христиановское [2, 173].

В 1924/25 году было открыто 19 ликпунктов на средства собранные комсомольскими и другими общественными организациями вышеуказанных селений.

Обком партии в своем отчете 2-й областной конференции в 1925 году указывал, что ликпункты создавались в отчетный период повсеместно и пользовались огромной поддержкой и авторитетом у населения.

Если с 1920 по 1924 год школы по ликвидации неграмотности в среднем в течение года выпускали по 960 человек, то в 1926/21 учебном году-9110 человек. Грамотность населения Северо-Осетинской автономной области поднялась с 16,87 процента в 1920 году до 27,5 в 1926 году; в том числе осетин с 12,07 до 23,7 процента [2, 174].

Период культпохода был решающим этапом в ликвидации неграмотности. В январе 1924 года первая Кавказская Краевая конференция по ликвидации неграмотности подвела итоги работы в этой области и наметила пути дальнейшей борьбы за сплошную грамотность взрослого населения. Конференция вынесла решение об издании учебников и учебных пособий на родном языке,

что способствовало в дальнейшем успешному завершению этого величайшего дела.

В этот период проблема всеобщего начального образования была уже решена. Тяга осетинского народа к просвещению была настолько велика, что он не мог удовлетвориться начальным образованием. Гигантскими шагами трудящиеся шли по пути осуществления всеобщего семилетнего, а затем и среднего образования [5, 7].

Примечания

1. История СССР (1917-1937 гг.). Под ред. Э. М. Шагина. М.: Просвещение, 1985. 208 с.

2. Хачиров А. К. Социалистическая культура и наследие. Орджоникидзе: Ир, 1976. 230 с.

3. Культурное строительство в Северной Осетии. Сборник документов и материалов. Т.1. Орджоникидзе: Ир, 1974. 544 с.

4. Служение истине и людям: Жизнь и деятельность Х. С. Черджиева/Составитель Л. Т. Таутиева. Владикавказ: Ир, 2006. С.343.

5. Тотров А. Г. Народное образование в Северной Осетии в сборнике Народное образование в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1957. 95 с.

6. От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии / Под ред. Черджиева А. В., Белогурова А. Ю. М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001. 336 с.

7. Текиев В. Д. К сияющим вершинам. Орджоникидзе: Ир, 1988. 140 с.

8. Черджиев Х. С. Очерки по истории Народного образования в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1958.

9. Газаев А. П. Северная Осетия за 30 лет Советской власти. Государственное издательство Северо-Осетинской АССР. Дзауджикау, 1947, 202 с.

Б. А. БИТИЕВ,
магистр СОГУ им. К. Л. Хетагурова
Р. К. КЕЛЕХСАЕВ,
соискатель СОИГСИ
(г. Владикавказ)

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН Г. ВЛАДИКАВКАЗ В 1930-Е ГГ.

В данной статье рассматривается проблема антирелигиозной политики советского государства в 30-е гг., на примере г. Владикавказ-Орджоникидзе. В ней обосновывается идея о весьма печальной судьбе священнослужителей в годы тотального атеизма. Об этом говорит, например судьба известного осетинского священника Х. Д. Цомаева.

Ключевые слова: репрессии, репрессивная политика, религиозные общины, антисоветская деятельность, контрреволюционная деятельность, спекуляции.

REPRESSION AGAINST RELIGIOUS COMMUNITIES OF VLADIKAVKAZ IN 1930

This article deals with the problem of anti-religious policy of the Soviet state in the 30's, on the example of Vladikavkaz Ordzhonikidze. It substantiates the idea of a very sad fate of the clergy during the total atheism. This is evidenced, for example, the fate of the famous Ossetian priest H. J. Tsomaeva.

Keywords: repression, repressive policies, religious communities, anti-Soviet activity, counter-revolutionary activities, speculation.

Изучение государственной политики в области религии позволит внести ясность в вопрос влияния религиозного фактора на жизнь общества и устранил имеющиеся пробелы в истории взаимоотношений государства и института религии в России. Цель данной статьи — изучить репрессивную политику советского государства в отношении религиозных общин г. Владикавказ.

Поскольку статьи, предусматривающей наказание за веру в Бога в советском Уголовном кодексе не значилось, то людей, преследуемых за религиозность, осуждали по другим статьям (пресловутая

58 — антисоветская деятельность, враждебная агитация, шпионаж) и по уголовным и по бытовым (как-то: незаконный промысел, спекуляция). Инструкция НКВД от 1 октября 1929 года «О правах и обязанностях религиозных объединений» относила служителей культа к категории лишенцев.

Главными методами борьбы с религиозными организациями стали конфискация зданий храмов, молитвенных домов, мечетей, синагог; лишение религиозных общин и союзов государственной регистрации, закрытие учебных заведений и изданий, а также фактический запрет на какую-либо активность вне церковных стен.

8 апреля 1929 года вышло Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях». Этот документ (с внесенными в него позднее дополнениями и изменениями) был основным правовым актом, регулировавшим религиозную жизнь в СССР до самого конца советского периода. Принятое 15 февраля 1930 года постановление правительства «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений» предписывало местным органам власти усилить контроль за руководителями религиозных общин, исключать из актива «враждебных советскому строю»; Центральная комиссия по вопросам культов, отмечая «консолидацию контрреволюционного актива в рамках религиозных организаций», признавала, что Постановление от 8 апреля 1929 года «подлежит пересмотру в сторону упрощения процесса закрытия молитвенных зданий».

Новый документ ограничивал деятельность религиозных служителей стенами храмов, монастырей, домов молитвы, мечетей и синагог, а также местом проживания верующих. Запрещалось создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; оказывать материальную поддержку своим членам; организовывать как специально детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т. п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь.

В ходе сворачивания НЭПа, большевики решили ликвидировать частное предпринимательство путем обложения налогом в

таких размерах, что коммерческая деятельность лишалась всякого смысла либо приносила ощутимый убыток. При этом религиозные организации были приравнены к коммерческим предприятиям, а священнослужители — к предпринимателям. За неуплату налога священнослужители могли быть арестованы, а их приходы закрыты.

Также с конца 1920-х годов волна посадок и расстрелов священнослужителей и религиозных активистов всех конфессий стала нарастать. Принятое 15 февраля 1930 года Постановление правительства «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений» предписывало местным органам власти усилить контроль за руководителями религиозных общин, исключать из актива «враждебных советскому строю». Так, УГБ НКВД в 1930-е годы сформулировало основные причины, по которым «церковникам и сектантам» можно выносить обвинительный приговор: религиозная пропаганда среди населения; проникновение в советские учреждения городов, в сельские советы; противодействие культурно-политическим мероприятиям партии и государства; агитация против налоговой политики государства; распространение контрреволюционных, провокационных слухов; связь с зарубежными контрреволюционными белоэмигрантскими организациями и иностранными разведками и т. п.

В 1930-1931 года вышел ряд секретных циркулярных писем и постановлений правительства и Наркомфина об упорядочении налогового обложения религиозных объединений и духовенства, о трудоустройстве лиц, снявших с себя сан. Было увеличено налоговое обложение церковнослужителей. В случае неуплаты налогов их имущество конфисковалось, а сами они выселялись в другие районы СССР.

XVII партийная конференция приняла директивы к составлению второго пятилетнего плана. На конференции была сформулирована главная политическая задача второй пятилетки — окончательно ликвидировать капиталистические элементы и классы вообще, превратив все трудящееся население страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества. В связи с этим произошло усиление антирелигиозной деятельности. В рядах Союза воинствующих безбожников к ноябрю 1931 г. числилось свыше 5 миллионов членов, резко увеличились тиражи антирелигиозной литературы. Безбожники из Антирелигиозной комиссии планировали полностью уничтожить религию в СССР к 1937 году.

Все подобные постановления привели к репрессированию большого числа священнослужителей и в г. Орджоникидзе-Владикавказ. Об особенно известных репрессированных пойдет речь ниже.

Весьма печальная судьба осетинского священника Х.Д. Цомаева. Выпускник Ардонской духовной семинарии, он ряд лет служил в Церкви Рождества Богородицы. В годы гражданской войны спас от расстрела нескольких керменистов, захваченных полковником Беликовым [1, Л. 2] В 1925 г. снял с себя сан священника, активно сотрудничал с Наробразом и издательствами местных газет, занялся переводческой деятельностью, им переведено 19 книг (среди них «Герой нашего времени», «Человек в футляре», «Десять дней, которые потрясли мир» и т.д.). Несмотря на лояльность к новой власти, он был лишен избирательных прав как бывший священник. После долгих разбирательств, 18 декабря 1925 г. он был восстановлен в избирательных правах. Однако уже в начале 1927 г. вновь стал лишенцем, и лишь после вмешательства видных партийных деятелей восстановлен. Последний раз арестован в сентябре 1936 г. В апреле 1937 г. осужден по ст. 58, п.10. ч.1 УК за контрреволюционную деятельность. Приговорен к высшей мере наказания.

Очередной жертвой продуманной акции в отношении католического духовенства стал глава римско-католической общины Владикавказа. Ксендз римско-католической общины А.К. Червинский был арестован 2 декабря 1936 года и обвинен в создании и руководстве «контрреволюционной, фашистской, националистической и террористической группировкой». По приговору Военного трибунала от 1 ноября 1937 года был осужден к расстрелу с конфискацией лично ему принадлежавшего имущества. 27 мая 1958 года Военной коллегией Верховного суда он был реабилитирован. По делу проходили также Э.К. Червинская, И.И. Рот — служитель религиозного культа римско-католического вероисповедания, Б.К. Блехман, В.С. Обухович — органист римско-католического костела. В приговоре сказано: «Подсудимый Рот И., являясь по своим убеждениям противником Советской власти, связался с агентурой фашистско-шпионских организаций одного иностранного государства. Занимался шпионской деятельностью» [2, 84].

Аналогичный процесс был возбужден против проживавших во Владикавказе греков. 16 декабря 1937 года арестована группа владикавказских греков, среди них — директор греческой школы Ф.Д. Левантидис, священник греческой церкви А.С. Какулиди. За

недоказанностью обвинения в организации контрреволюционной шпионской деятельности священник был освобожден и эмигрировал с семьей на родину в Грецию [3, 29].

В середине 30-х гг. по стране прошло несколько громких политических процессов, связанных с разоблачением «шпионской деятельности» немецких поселенцев. Под флагом «борьбы с фашизмом» тоталитарный режим начал мощное наступление на всякое проявление национальной специфики: начались преследования на религиозной почве, вводились запреты на национальные традиции и т.д.

Были репрессированы лютеранские пасторы, в том числе и во Владикавказе-Орджоникидзе. В обвинительном заключении по делу лютеранских пасторов Юргенса и Геросянца было отмечено, что они широко применяли следующие тактические приемы: «широкое использование в контрреволюционных целях евангелическо-лютеранских религиозных общин; активное привлечение к антисоветской работе руководителей этих общин и религиозного актива; стремление оторвать немецкую молодежь из-под влияния комсомольских организаций и втянуть ее в религиозные общины...» [4, 172].

В конце 1920-х гг. набирал силу и процесс репрессий среди мусульманских религиозных деятелей. В этот период было сфабриковано несколько политических дел, проводившихся отработанными ранее методами. Большинство священнослужителей было репрессировано в частном порядке, обвинения предъявлялись не за какие-либо конкретные действия, а в основном за антисоветские высказывания. Лишение гражданских прав, облагаемое непосильными налогами и обязательствами, преследуемое по политическим мотивам духовенство наряду с другими категориями граждан, прежде всего сельскими жителями, в конце 20-х годов попадает под первую массовую волну репрессий. Коллективизация и сопровождающие ее процессы привели к тому, что под волну борьбы с «кулаками» попали и без того бесправные служители культа: они раскулачивались, лишались свободы или выслались, имущество их конфисковалось, а семьи лишались крова. Положение остальных религиозных деятелей оставалось чуть менее тяжелым, так как все они были обложены большими налогами, хотя большинство из них не имело даже собственных хозяйств. Материальное неблагополучие, гражданское бесправие вынудили часть духовенства отречься от сана.

Этот процесс начался в 20-е годы и продолжался в 30-х годах прошлого века. Реакцией на действия властей стало также появление «лапотных» мулл (или «безмечетных»), которые избирались из простых верующих мусульман. Они поддерживали ислам на бытовом уровне, отправляя лишь традиционные религиозные обряды.

Судьба культового имущества была разной, хотя закрытие мечетей оформлялось по одинаковым формулировкам, здания передавались на общественно-культурные цели. Часто клубы и школы существовали лишь на бумаге. Большая часть мечетей использовалась на хозяйственные нужды или пустовала.

В целом антирелигиозная государственная политика в конце 20-х первой половине 30-х годов, как и другие антидемократические процессы в советском обществе, свидетельствовали о формировании тоталитарного политического режима в стране. Воинствующий атеизм как форма отношений между религией и властью нарастал и достиг пика во второй половине 30-х годов.

Первая по-настоящему массовая волна репрессий против духовенства началась в самом конце 20-х годов. Тогда страна приступает к форсированному преобразованию государства во всех его сферах деятельности. Важным препятствием на этом пути оставалась религия с ее носителями в лице духовенства и простых верующих.

Печальные последствия проводимая политика имела в сельской местности, где коллективизация и связанные с ней процессы были направлены на слом традиционного уклада жизни, разрушение крестьянского общинного мировоззрения, в том числе и религиозной идеологии.

К октябрю 1939 года в стране осталось всего несколько десятков церковных иерархов, основная масса духовенства была устранена от богослужений, значительная часть — репрессирована. Итак, в 30-х годах XX века, по сути, формировались новый строй, экономика, политика и идеология. Марксистско-ленинские идеологические постулаты должны были вытеснить устоявшийся религиозный менталитет. Предполагалось в короткое время изменить мировоззрение не только молодых, но и зрелых людей, воспитанных на религиозных догматах.

В результате беспрецедентных по своим масштабам гонений 1930-х годов Церковь в СССР была почти полностью разгромлена. К 1939 году на всей территории страны оставалось лишь около 100 действующих храмов, ни одного монастыря, ни одного церковно-

го учебного заведения и лишь четыре правящих архиерея — митрополит Московский Сергей, митрополит Ленинградский Алексий (Симанский), архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич), управлявший Новгородской и Псковской епархиями, и архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский). Еще несколько архиереев служили настоятелями храмов.

Примечания

1. Научный архив СОИГСИ. Ф. Филология. Д. 609. Л. 2.
2. Канукова З. В., Хубулова С. А. Религия в истории и культуре поликонфессионального города. Владикавказ, 2006.
3. Шахбазов В. А. Греки Владикавказа. Мин-Воды, 1999.
4. Терещенко А. Г., Черненко А. Л. Российские немцы на Юге России и Кавказе. Ростов/Д., 2003.

М. Т. АХМАТОВА,
студентка ЧГУ,
Х. М. МАМАЕВ,
кин,руководитель ЦАИ ИГИ АН ЧР
(г. Грозный)

**ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ
 И ВОПРОСОВ ХРОНОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ
 БЫТОВЫХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ПРИТЕРЕЧЬЯ
 В 30-Х — 40-Х ГГ. XX В. (ИССЛЕДОВАНИЯ
 А. П. КРУГЛОВА, Б. Е. ДЕГЕН-КОВАЛЕВСКОГО,
 Е. И. КРУПНОВА)**

Статья посвящена истории изучения керамики и вопросов хронологии средневековых бытовых памятников Среднего Притеречья в 30-40-е гг. XX в.

Ключевые слова: керамика, хронология, средневековье, бытовые памятники, историография, археологическое изучение, Среднее Притеречье.

**FROM THE HISTORY OF THE STUDY
 OF CERAMICS AND CHRONOLOGY QUESTIONS
 MEDIEVAL MONUMENTS AVERAGE HOUSEHOLD
 PRITERECHYA IN THE 30S — 40S. XX CENTURY
 (RESEARCH A. P. KRUGLOVA, B. E. DEGEN-
 KOVALEVSKAYA E. I. KRUPNOVA)**

Article is devoted to the study of the history of ceramics and household issues chronology medieval monuments Middle Priterechya 30-40 the twentieth century.

Keywords: ceramics, chronology, Middle Ages, household monuments, historiography, archaeological study, Pritereche.

Как известно, основную категорию находок на бытовых памятниках составляет керамика, дающая возможность исследовать вопросы хронологии и этнокультурной принадлежности поселений и городищ. Памятники Среднего Притеречья не являются исключением из этого правила. Понятно также, что изучение керамического комплекса бытовых памятников этой территории непродук-

тивно без привлечения результатов исследований синхронных и культурно- близких городищ и поселений прилегающих субрегионов Северного Кавказа и имеет свою историю (историографию см., например: [1;2]).

Наиболее исследованным бытовым объектом в Среднем Причеречье является Алхан-Калинское городище, в истории изучения которого отчетливо отразились основные этапы изучения средневековых объектов рассматриваемой территории.

Еще в 1888 г. А.А. Бобринский связал в единый комплекс памятник и окружавшие его курганы с катакомбными погребениями, наметив тем самым одно из основных направлений исследования в поисках ответа о дате городища и его культуре [3, ССLVI].

Первая попытка изучения материалов последнего, прежде всего керамического, принадлежит А.П. Круглову, который в 1938 г. кратко описал керамику Алхан-Калинского городища, разделив ее на основные формы — кувшины, миски, сосуды типа пифосов и горшки [4, 11]. Определив для кувшинов одну устойчивую разновидность формы (УРФ по Д. В. Деопику), А. П. Круглов связал с ней ручки сосудов с тремя вариантами оформления верхнего прилепа — поперечный валик, небольшие выпуклости по бокам, имитировавшие заклепки на металлической посуде и округлое углубление. Для мисок были определены две формы — с загнутым внутрь или прямым бортиком, причем перегиб у первой мог быть округлым или угловатым. С пифосами исследователь связал находки стенок с горизонтальными валиками. У горшков были выделены два варианта отогнутых венчиков — с округлым или косо срезанным краем.

К последним, кстати, А.П. Круглов отнес и обломок сосуда с орнаментом в виде валика с защипами по краю венчика, в котором, однако, опознается легко узнаваемый после исследований Е. И. Крупнова [5] фрагмент керамики другой эпохи — раннего железа с характерным декором. Среди других находок выделяются фрагменты цилиндрических форм с резко загнутым внутрь краем — обломки цилиндрических стаканов — курильниц, позднее обнаруженных здесь в большом количестве.

Исследователь отметил сложный характер культурного слоя памятника, не позволивший ему выделить отдельные горизонты внутри основной свиты напластований. Очевидно, что рассмотренная А. П. Кругловым керамика происходила в основном из нижней части

(второго горизонта) основного слоя городища и заполнения ям, в то время как верхний горизонт содержал главным образом находки и иные культурные остатки более позднего чеченского селения Кулары (XVIII-XIX вв.).

В дальнейшем А. П. Круглов, опираясь, прежде всего на параллели среди материалов городищ и курганов первых веков н.э. на Нижнем Дону и Кубани, выделил небольшую группу керамики II-III вв.н.э., заметив, однако, что основная масса последней из-за недостаточной изученности датировке не поддается и, возможно, конечную дату городища следует отодвинуть к IV-V вв. Аргументом здесь послужило определение А. А. Бобринским эпохой переселения народов инкрустированных изделий из раскопанных подкурганных катакомб Алхан-Калинского могильника [1].

Сравнив алхан-калинские находки с керамикой городищ по р. Терек, в частности, Ногай-Мирзаяуртовского (Братского), А. П. Круглов пришел к выводу о синхронности только части материалов обоих памятников. Другая же часть находок с последнего была отнесена к средневековью — обломки сосудов, изготовленных на круге, с горизонтальным рифлением поверхности и др. [4, 8]. Таким образом, керамический комплекс Алхан-Калинского городища уже по данным А. П. Круглова относился к позднесарматскому времени и не имел отношения к раннему средневековью.

В связи с этим показательно также, что определяя хронологию последнего, А. П. Круглов не стал привлекать, например, материалы Заюковского поселения № 2, датированные Б. Е. Деген-Ковалевским VI-VIII вв. [6, 26].

Значительно более масштабные результаты раскопок 1938 г. на Алхан-Кале остались неопубликованными. При этом известно, что Г. В. Подгаецкий зафиксировал тогда три строительных горизонта, связанных с остатками глиняных полов (верхнего глинобитного, нижних — обожженных) с завалами обмазки и следами столбов [7, 29] — т.е. показал возможность выявления относительной хронологии, но она осталась нереализованной.

Сопоставив сосуды из раскопанных в том же году подкурганных катакомб Алхан-Калинского могильника с керамикой городища, он пришел к выводу о синхронности этих материалов, в целом датированных II-III вв.н.э. [8, 86]. Это же представление о хронологии Алхан-Калинского городища было отражено (уже с учетом всех материалов могильника) и в обобщающей информации о раскопах Севе-

рокавказской археологической экспедиции ГАИМК в 1937-1939 гг. [9, л.15].

Таким образом, по мнению исследователей довоенного периода, Алхан-Калинское городище, как и другие бытовые памятники среднего течения р. Сунжи, относились к позднесарматскому времени (см., например: [10, 211]). Б. Е. Деген-Ковалевский, также отмечал, что системы укрепленных городищ по Среднему Тереку и левому берегу р. Сунжи перестают существовать после гуннского нашествия [11, 43,45]. Поэтому последующие хронологические представления Т. М. Минаевой на этот счет не соответствовали реалиям [1, 96].

Выводы ленинградских исследователей разделял в свое время и Е. И. Крупнов. Так, в публикации 1948 г. Алхан-Калинское и Серноводское городища определялись им как типичные для сарматского времени [12, 56]. В известной статье о поселениях скифского времени на Северном Кавказе он писал: «...культурные слои скифской культуры... Ермоловского (Алхан-Калинского) и других городищ Грозненской области залегают... под напластованиями более поздних эпох — эллинистической, а чаще раннеримской, когда впервые сооружались оборонительные укрепления» [13, 38].

Еще в начале 40-х гг. он привлек для исследования в работе «Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи», опубликованной частично в 1948 г., материалы трех известных этому времени для западной части Чечено-Ингушетии памятников — Дзауджикауского (Владикавказского, Орджоникидзевского), Паметского (Джергах) и Алхастинского поселений [14, 38]. Керамика их детально не изучалась (кратко была охарактеризована лишь паметская как черная лощеная и красноватая, хорошо профилированная), хронология определялась принадлежностью к кругу памятников аланской культуры, датируемых VI-X вв. — то есть в тогдашнем понимании всей эпохой раннего средневековья. Следует также отметить, что при раскопках в 1935 г. паметского комплекса памятников (с которого и началось полевое исследование средневековых бытовых объектов на рассматриваемой территории), Е. И. Крупнов, уже в отчете констатировал, что время бытования селища близко или одновременно эпохе существования могильника, который был датирован временем не ранее IX-X вв. Тогда исследователь предположил, что «считать могильник и селище разновременными оснований не имеется». Однако позднее этот вывод изменился — на VI-X вв. для поселения и X-XI вв. для могильника [14, 38,41-42].

В 1946 г. Е.И. Крупнов обследовал два средневековых поселения в окрестностях сунженской станицы Нестеровской. Первое из них — это поселение «Скала». В подъемном материале исследователь выделил две группы керамики — фрагменты толстостенных (?) сосудов сероватого цвета и обломки красной посуды отличной выделки, частично лощеной. Керамика этой группы была покрыта волнистыми и линейными полосами, а также оттисками — «в виде тройных ямочек по краю». Формы сосудов описаны не были [15, 5].

Второй памятник — поселение в ущелье «Мокрая Балка», находки керамики из которого исследователь разделил на три группы. Первая — это обломки серых сосудов большого объема («карасов»), с широкими и плоскими венчиками, толстыми (до 2 см) стенками «прекрасного» обжига, с примесью кварца в тесте. Сюда же были отнесены и фрагменты с кирпично-желтой поверхностью (ангоб?), такие же по качеству и характеру глины. Особенностью декора этой группы была орнаментация венчиков и плечиков волнистыми и прямыми линиями, расположенными широкими зонами.

Вторая группа — это обломки «амфоровидных» сосудов с широкими и высокими горлами, такого же обжига. Третью группу составляли фрагменты горшков с четким профилем, напоминавшие, по определению Е.И. Крупнова, «славянскую керамику из курганных погребений». При этом цвет различался — исследователь особо выделил образцы черной керамики. Орнаментация состояла из зонально расположенных волнистых и линейных полос, а также оттисков зубчатого штампа по скошенному краю венчика, изредка встречались и косые зарубки [15, 8-9].

Керамика поселения «Скалы», по мнению Е.И. Крупнова, была характерна для культур предгорной полосы Северного Кавказа в XIV-XVI вв., находки же из «Мокрой Балки» были датированы более ранним временем — XII-XIV вв. В опубликованном варианте исследователь использовал более общую дату — поселения были отнесены к эпохе позднего средневековья [16, 72].

В 1947 году Е.И. Крупнов обследовал несколько городищ в Кабарде — Герменчик, Рестау къуащэ и Нижний Джулат [17]. Наиболее показательными с точки зрения процесса формирования его представлений о хронологии здешних бытовых памятников оказались работы на городище Герменчик, где исследователь заложил шурфы на всех возвышенных участках памятника, выявившие культурный слой мощностью 0,30-0,55 м., «суммарно» датированный VI-XII вв.

Основанием для датировки стали аналогии найденной керамике из других раннесредневековых памятниках Кабарды, прежде всего Заюковского поселения № 2, ранее уже отнесенного Б. Е. Деген-Ковалевским к VI-VIII вв.

Оценивая сегодня аргументированность такой датировки заюковской керамики, заметим, что сам Б. Е. Деген-Ковалевский, положив в основу ее хронологии приемы орнаментации (лощение и др.), ссылаясь на аналогичные находки в хорошо датированных, по его утверждению, слоях городищ Тамани и Владикавказа. Однако нужно отметить что, если в отношении первого имелись ввиду раскопки А. А. Миллера на Таманском городище в 1930 г., когда были последовательно вскрыты слои от IV до XIII вв. [18, б], то со вторым памятником ситуация была сложнее. Владикавказское городище обследовал тот же А. А. Миллер, который датировал его только по подъемному материалу ранним средневековьем [18]. Других работ там не проводилось [19, 56] и поэтому утверждение Б. Е. Деген-Ковалевского о том, что на этом памятнике, «... с достаточной точностью» выделяются слои, датирующиеся VI-VIII вв., можно считать априорным.

Таким образом, в качестве основных хронологических реперов для Заюкова — орнаментальных, Б. Е. Деген-Ковалевский указал на косые насечки («резки») для горшков, которые были частыми и покрывали практически всю окружность венчиков и накладные острорезберные валики по тулову, а для «подкрепление» (как он выразился) предложенной хронологии — на характер лощения сосудов «чисто «салтовского» типа, датировка которых в могильниках VIII-X вв. к этому времени была уже установленным фактом [20, 121, 124; 21, 3].

Но при этом он не учел, что уже М. И. Артамонов в связи с изучением салтово-маяцкой керамики отмечал, что этот прием обработки — сплошное или лощение полосками «часто встречаются в курганах сарматской эпохи» [22, 56] и, соответственно, Б. Е. Деген-Ковалевский мог бы избежать «формального» обращения к этим аналогиям, неоправданно омолодившим «заюковские» находки.

В целом же рассмотренная публикация была весьма краткой в части керамики, и, хотя с момента выхода в свет эта работа практически вошла чуть не в обязательный перечень источника аналогий для Северного Кавказа исследователи, активно используя ее, в целом не подвергали больше анализу этот материал и выводы. Между

тем уже А. А. Иессен, продолживший раскопки на поселении в следующем, 1934 г., отмечал, что жилой комплекс («жилище № 1») — основной источник суждений Б. Е. Деген-Ковалевского о керамике Заюковского поселения № 2, не был исследован до конца [23, 228, 230].

К сожалению, А. А. Иессен не уделил внимания детальной характеристике собранного материала и в весьма осторожных выражениях ограничился лишь общей абсолютной датировкой, относя полученный материал «примерно ко 2-й половине I тысячелетия н.э.» [23, 228].

Возвращаясь к исследованиям Е. И. Крупнова отметим, что он принял временные рамки Заюково 2 для основной части находок с Герменчикского городища. Вместе с тем для обоснования верхней хронологической грани последнего — XI-XII вв. он обратился к более поздним материалам бытовых памятников Тамани и Дона [24]. Здесь исследователь нашел аналогии двум группам керамики — огромным толстостенным сосудам типа пифосов (карасов) и тонкостенным гончарным горшкам с четким профилем и с венчиками, украшенными косыми вдавливаниями и зарубками.

Важно подчеркнуть одно обстоятельство, определившее для Е. И. Крупнова именно это направление поисков. Похожие большие сосуды для хранения и аналогичные горшки были найдены, как уже отмечалось, годом раньше на поселениях по берегам р. Ассы вместе с характерной керамикой начала эпохи позднего средневековья и датированы в целом временем после XII в. Видимо, поэтому исследователь и обратился к заведомо «поздним» аналогиям из Тамани и Правобережного Цимлянского городища в поисках фактов, подтверждающих верхнюю дату Герменчика и городища «Рестау» (хотя, например, такие же горшки были и в Заюково 2). Однако он не обратил внимания на то, что таманские сосуды И. И. Ляпушкин относил именно к салтовскому (салтово-маяцкому) периоду VIII-X вв. [26]. Кроме того, горшки из Герменчика и Рестау не имели такого (зонального или сплошного) орнамента на тулове, как эти салтово-маяцкие аналогии и, таким образом, последние не могли определять верхнюю дату рассматриваемых кабардинских городищ XI-XII вв.

Салтово-маяцким горшкам значительно ближе оказались упоминавшиеся ранее находки из Мокрой Балки на р. Ассе, напоминавшие характером орнамента древнерусские образцы. Именно это сравнение Е. И. Крупнова позволяет понять, что имел ввиду исследователь, так как в литературе того времени подобное сравнение

именно салтово-маяцких и славянских горшков так называемого курганного типа (а потом и критика подобного подхода) получили широкое распространение [см. по этому поводу — 20, 108; 21, 23].

Что касается пифосов, то И. И. Ляпушкин тогда датировал такие XI-XII вв. [24. Табл. IV, 6, 7], что и побудило Е. И. Крупнова установить верхнюю хронологическую границу городищ Герменчика и Рестау в пределах указанных столетий — т.е. в итоге зависить ее.

Вполне вероятно, что Е. И. Крупнов уже тогда бы скорректировал свои хронологические выводы в сторону удревнения, обратиться он к статье А. П. Круглова о раскопках на Алхан-Калинском городище, где были описаны аналогичные тарные сосуды и горшки [4] или к материалам исследований А. А. Миллера на ст. Моздок в 1935 г., где в погребальных комплексах позднесарматского времени так же были найдены близкие формы.

Однако исследователь истолковал в пользу своих представлений о поздней хронологии даже отмеченные им самим в кабардинских материалах артефакты, которые прямо могли указывать на их более раннюю дату — это миски и стаканы-курильницы. Поздними признаками для первых, определяемых как «миски сарматского облика» — очевидно, образцов с загнутым внутрь краем бортика Е. И. Крупнов посчитал высокое качество лощения (видимо, не без воздействия представлений Б. Е. Деген-Ковалевского — см. выше), эталоном которого, на его взгляд, являлись сосуды из раннесредневековых катакомбных могильников Северной Осетии и Кабарды, а также менее высокие края мисок. Курильницы датировались эпохой раннего средневековья в целом с ссылкой на известную публикацию М. Егорова.

Любопытно, что при этом Е. И. Крупнов был в шаге от установления асинхронности Заюково 2 и раннесредневековых катакомбных могильников Северной Осетии и Кабарды, так как обратил внимание на отсутствие тех же мисок (бывших по Б. Е. Деген-Ковалевскому одной из ведущих форм в Заюково 2 [6, 25] в инвентаре последних, но далее не пошел.

В 1948 г. кавказовед продолжил исследование городищ в Кабарде, у сел. Верхний Акбаш («Шикка» и «Базар куахшэ»), где датируемые формы сосудов оказались теми же — горшки с круто отвернутыми венчиками, орнаментированными редкими косыми нарезками или частыми почти поперечными штрихами, миски различных форм, крупные сосуды с наклепными треугольными в сечении вали-

ками, «гигантские» пифосы (карасы) с круто отогнутыми и уплощенными венчиками.

Исходя из «очень архаических» мисок и «явно поздних» горшков («сарматоидных» мисок и «славяноидных» горшков), Е. И. Крупнов датировал все эти материалы VI-XII вв., руководствуясь тем же набором аналогий — из публикаций Б. Е. Деген-Ковалевского, И. И. Ляпушкина и его собственных, рассмотренных нами выше и опиравшихся на те же источники [25, 215-216, 221-222].

Однако при этом, определяя времени бытования еще одного городища — Заманкульского (Верхне-Акбашское 4-е городище) Е. И. Крупнов, синхронизировав его с городищем «Шикка» (Верхне-Акбашское 3-е) и отметив, что найденная на нем керамика бытовала в период раннего средневековья «вплоть до XIII века» [25, 218], датировал заманкульский памятник значительно уже — домонгольским периодом [25, 217]. Вопреки ожиданиям оказалось, что под последним он имел ввиду не раннее средневековье в целом, а лишь заключительные столетия этого периода — XI-XII вв., то есть предмонгольский период [сравни- 25, 217 и 243]. Эта ситуация отражала не неточность использованных археологом дефиниций, а скорее те колебания, которые он испытывал в поисках хронологических маркеров для бытовых средневековых памятников рассматриваемой территории.

Таким образом, мы рассмотрели некоторые эпизоды начального этапа изучения раннесредневековых бытовых памятников Среднего Притеречья в 30-40-х гг. прошлого века, заложившие начало процессов исследования вопросов хронологии средневековых бытовых памятников и развития материальной культуры населения этой части Северного Кавказа. Свое дальнейшее развитие они получили уже в 60-80 — х гг. XX в. в работах таких специалистов, как В. А. Кузнецов, И. М. Чеченов, В. Б. Ковалевская, Д. В. Деопик и др. (историографию см.: [26-29])

Примечания

1. Мамаев Х.М. Из истории археологического изучения Чечни (к 70-ти летию начала работы Чечено- Ингушской археологической экспедиции ГАИМК и Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 1.2008. Грозный. 2008.

2. Мамаев Х.М. Средневековые бытовые памятники равнинно-предгорной зоны Среднего Притеречья (некоторые вопросы изучения)// Известия высших учебных заведений.Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. 3А.
3. ОАК за 1888 г.// ОАК за 1882-1888 гг. СПб. 1893.
4. Круглов А.П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 года // Записки ЧИНИИЯ. Т.1. Грозный. 1938.
5. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. 520 с.
6. Деген-Ковалевский Б.Е. Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции. Отчет о работах// Археологические раскопки на новостройках. Известия ГАИМК. Вып.110. Л.1935.
7. Северо-Кавказская Экспедиция // КСИИМК. М., 1939.
8. Итоги и перспективы развития советской археологии (материалы для делегатов всесоюзного археологического совещания). М., 1945.
9. Архив ЛО ИА. Ф.45, 1939, № 56.
10. Скалон К.М. Изображение животных на керамике сарматского периода// Труды Отдела истории первобытной культуры. Том I.Л.1941.
11. Деген-Ковалевский Б.Е. Аланы до гуннского нашествия// Глава 1. Готы, аланы, гунны. История СССР. Ч. III-IV. М.-Л.,1939.
12. Крупнов Е.И. К историко-археологическому изучению Грозненской области // Известия Грозненского областного НИИ и музея краеведения. 1947. Вып.1. Грозный, 1948.
13. Крупнов Е.И. К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе // КСИИМК. XXIV. М.-Л., 1949.
14. Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып.XVII. М., 1948.
15. Архив ИА РАН. Ф. 13, №7.
16. Крупнов Е.И. Археологические работы в Грозненской области в 1946 г. // КСИИМК. XX. 1948.
17. Крупнов Е.И. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 года в Кабардинской АССР// Ученые записки КНИИ.Т. IV. Нальчик, 1948.
18. Миллер А.А. Таманская экспедиция ГАИМК // Сообщения ГАИМК. Январь 1931. 1. Л. 1931.
19. Кузнецов В.А. Археологические памятники на южной окра-

ине г. Орджоникидзе// Вопросы осетинской археологии и этнографии. Т. XXXVI. Вып.1. Орджоникидзе.1980.

20. Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р.Дона // МИА 62. Труды Волго-Донской археологической экспедиции.Т.1. М.-Л., 1958.

21. Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.

22. Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. По материалам Северо-Кавказской экспедиции. Л.1935.

23. Иессен А.А. Кабардино-Балкарская АССР. 66. Река Баксан // Археологические исследования в РСФСР. 1934-1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.-Л.,1941.

24. Ляпушкин И.И. Славяно-русские поселения IX-XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. МИА. 6. 1941.

25. Крупнов Е.И. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году// Ученые записки КНИИ. Том V. Нальчик, 1950.

26. Чеченов И.М. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т.3. Нальчик, 1987.

27. Ковалевская В.Б., Кузнецов В.А. Памятники эпохи раннего средневековья (IV-XIII вв.) // Археология Северной Осетии. Часть 2. Владикавказ, 2007.

28. Деопик Д.В. Керамика Центрального Предкавказья в I-IV вв. н.э. по материалам городища Зилги (Северная Осетия) // Материальная культура Востока. Часть II. М., 1988.

29. Кузнецов В.А. Эльхотовские ворота в X-XV веках. Владикавказ, 2003.

**Х. В. ЗАНГИЕВ,
аспирант СОГУ им. К. Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)**

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается правоохранительная деятельность советских органов власти в Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны. Автором проанализировано законодательство военного времени и его соблюдение органами власти на местах, а также содействие советских органов охране общественного порядка; обеспечение охраны государственной, коллективной и личной собственности.

Ключевые слова: законность, правопорядок, преступность, наказание

ACTIVITIES OF STATE BODIES NORTH OSSETIA TO MAINTAIN LAW AND ORDER IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article deals with Soviet law enforcement authorities in North Ossetia during the Great Patriotic War. The author analyzes the law of war and its compliance with the local authorities, as well as the promotion of Soviet protection of public order; ensuring the protection of state, collective and private property.

Keywords: rule of law, the rule of law, crime, punishment

В новых условиях, когда в исторической науке определились современные методологические подходы, в поле зрения ученых попали вопросы, изучение которых в рамках старых научных подходов было невозможно. Так, актуальными и значимыми стали проблемы коллаборационизма в годы войны, массовых этнических репрессий. В этом же ряду следует назвать и борьбу с преступностью в годы Великой Отечественной войны.

Цель данной статьи — изучение механизмов преодоления преступности в условиях войны на территории Северной Осетии.

Растущая преступность в Северной Осетии определялась рядом негативных факторов. Прежде всего, речь идет о резком ухудшении условий жизни, связанных с военными тяготами, ограниченным снабжением населения продуктами первой необходимости, низкой заработной платой.

В годы войны появились новые виды девиантного поведения населения: мародерство, распространение ложных провокационных и панических слухов, нарушение правил светомаскировки, военное и трудовое дезертирство.

Касаясь дезертирства, следует отметить его социальную опасность: оно могло негативно отразиться на сплоченности Красной армии, бесперебойной работе тыла. Дезертиры входили в организованные банды, совершавшие наиболее тяжкие преступления: убийства, грабежи, разбойные нападения. В связи с этим деятельность милиции по борьбе с дезертирством была направлена на стабилизацию оперативной обстановки и охрану правопорядка.

Нередко дезертирство имело политическую окраску, направленную на подрыв государства, создание антисоветских настроений в населении. В оперативных сводках Особого отдела НКВД Орджоникидзевского гарнизона отмечался значительный рост дезертирства в течение второй половины 1941 г. Из одного только 29-го запасного кавалерийского полка с момента его прибытия в город дезертировало 39 человек, в том числе только в октябре 10 человек [2, 90]. По данным Особого отдела НКВД Орджоникидзевского гарнизона в 1942 г. было обнаружено 132 дезертира, которые скрывались в домах местных граждан.

Таким образом, дезертирство было не только новым в условиях войны видом преступления, но было направлено на подрыв военной и политической мощи государства. Попустительство дезертирства могло создать не только криминогенную обстановку, но и привести к нестабильности в тылу и, в итоге, дестабилизировать обстановку в стране [3, 192].

В условиях развертывания военного производства, способного обеспечить потребности армии, выполнение оборонных заказов, стабильность функционирования промышленности в тылу было связано с наличием кадров [4, 69]. Призыв в ряды РККА значительной части мужского населения обострил проблему трудовых ресурсов промышленности тыловых регионов. Работа милиции по борьбе с трудовым дезертирством приобретала в военный пери-

од существенное значение, так как способствовала обеспечению кадровой стабильности оборонного комплекса и тем самым — успешному выполнению производственных программ.

Введение системы всеобщей трудовой повинности населения сопровождалось, как и в годы гражданской войны, введением уголовной ответственности для гражданских лиц в соответствии с законами военного времени. 29 июня 1941 г. была опубликована Директива СНК СССР и ЦК ВКП (б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков, где ставилась задача немедленной перестройки деятельности партийных и советских органов применительно к условиям военного времени, мобилизации всех сил и средств страны на помощь Красной армии и предания суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешал делу обороны, невзирая на лица. Нарушившие трудовой режим приговаривались или к лишению свободы, или к принудительным работам, отбываемым на своем рабочем месте [1, 20].

Самовольно ушедшие с производства и «злостные прогульщики» считались «дезертирами трудового фронта» и наказывались исправительно-трудовыми работами в лагерях и колониях на срок от 5 до 8 лет по статье 58.6 УК РСФСР. Так, в фондах архива отложилось заявление жительницы г. Орджоникидзе Г. С. Мархиевой на имя Председателя комитета обороны Н. Мазина, в котором она пыталась выяснить судьбу сына, направленного на строительство оборонительных сооружений. Ей было указано, что «Мархийев Б. А. за дезертирство с оборонительных работ привлечен к уголовной ответственности по ст. 58-6 УК РСФСР, уголовное дело №2427» [3:196]. Эти дела рассматривались военными трибуналами [5, 17].

Судя по архивным источникам, количество нарушителей и дезертиров в течение военных лет в Осетии было разным. Организованная прокуратурой республики проверка 39 предприятий и учреждений г. Орджоникидзе и районов в ноябре 1942 г. показала, что с 15 октября по 28 ноября 1942 г. число дезертиров выросло, причем в геометрической прогрессии. По представлению Особого отдела НКВД только 28 ноября 1942 г. привлечено к ответственности 112 человек, которые не вышли на работы [6, 95]. Так, комиссар 5-го укрепрайона доносил Председателю комитета обороны Н. Мазину: «За время пребывания на строительстве за нарушение

трудовой дисциплины, за хулиганство и другие проступки осуждено на разные сроки 24 человека и находится под следствием 11 человек» [7,131]. Нередко среди рабочих можно было услышать следующие высказывания: «Я не стальной, чтобы бесплатно работать, мне нужно отдохнуть».

По мнению исследователей, влияние на усиление мотивации труда оказывало материальное и моральное стимулирование [8, 101], а также законы военного времени. В частности, весной 1942 г. было опубликовано два документа, ужесточающих отношение к дисциплине. Так, в Постановлении СНК СССР «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» была определена мера наказания для уклонистов: «Трудоспособные колхозники, не выработавшие без уважительных причин обязательного минимума трудодней по периодам сельскохозяйственных работ, предаются суду и караются исправительно-трудовыми работами в колхозах на срок до 6 мес. с удержанием из оплаты трудодней до 25% в пользу колхоза» [9, 183].

Труд был единственным источником существования в тяжелых условиях военного времени. Ослабляли мотивацию труда также неправильные действия колхозной администрации. Так, колхозникам колхоза «Им. XVII партсъезда» на каждый выработанный трудодень выдано всего лишь по 1,3 кг пшеницы, по 1,5 кг картофеля и по 4 кг овощей. Такое распределение вызвало справедливое возмущение хлеборобов. Например, колхозники колхоза им. Томаева Правобережного района Аликов и Бзиков заявляли местным коммунистам: «Если мы ничего не получим на трудодни, то мы больше в колхозе работать не будем». Колхозник колхоза им. Ворошилова Дарг-Кохского района Чшиев призывал сельчан: «Нас морят голодом, не нужно ждать ничего, а привезти всю кукурузу и распределить ее между колхозниками, а то все заберет государство» [1, 13].

За второе полугодие 1941 г. по Ирафскому району было привлечено к уголовной ответственности и отдано под суд по ст. 59-б УК РСФСР 12 человек. Это люди — «злостно уклоняющиеся от государственной трудповинности, саботировавшие колхозную работу и не выполнившие обязательные госпоставки и налоги» [1, 62].

Участились случаи хищения колхозного скота и хлеба, в связи с чем, например, в Правобережном районе, привлечены к уголовной ответственности 3 охранника. Однако необходимо отметить,

что одними репрессивными мерами к предупреждению случаев хищения колхозного имущества было недостаточно: «прокурор, органы милиции и РК партии должны были принять необходимые меры к укреплению охраны на местах, что ими не сделано» [12,38].

В анализе ситуации, сложившейся в прифронтовых районах Осетии в 1942 г., уполномоченным НКВД указывается на ненормальность обстановки. Так, в сельских районах Осетии многие колхозы прекратили свое существование, «совершенно разграблены». По мнению наркома Внудел СОАССР Текаева, это связано с тем, что «отдельные руководители районов позорно бежали сами и давали указания председателям колхозов, партактиву бежать вместе с ними, несмотря на то, что реальной угрозы для них не было» [13,7]. Более того, руководство колхозов бросилось в панику, стали раздавать в счет трудодней колхозникам добро, «а оставшуюся часть отдать любой проходящей воинской части».

Участились случаи хищения колхозного скота и хлеба, в связи с чем, например, в Правобережном районе, привлечены к уголовной ответственности 3 охранника. Однако необходимо отметить, что одними репрессивными мерами к предупреждению случаев хищения колхозного имущества было недостаточно: «прокурор, органы милиции и РК партии должны были принять необходимые меры к укреплению охраны на местах, что ими не сделано» [14, 25].

В анализе ситуации, сложившейся в прифронтовых районах Осетии в 1942 г., уполномоченным НКВД указывается на ненормальность обстановки. Так, в сельских районах Осетии многие колхозы прекратили свое существование, «совершенно разграблены». По мнению наркома Внудел СОАССР Текаева, это связано с тем, что «отдельные руководители районов позорно бежали сами и давали указания председателям колхозов, партактиву бежать вместе с ними, несмотря на то, что реальной угрозы для них не было». Более того, руководство колхозов бросилось в панику, стали раздавать в счет трудодней колхозникам добро, «а оставшуюся часть отдать любой проходящей воинской части».

Не лучше обстояло дело и в области промышленности. Так, директор сушзавода сбежал, после его побега завод сгорел, там имелось 45 тонн кукурузы и годичный запас горючего.

В справке уполномоченного НКВД по республике особо отмечается, что ценные бумаги партийных и советских организаций Правобережного района полностью уничтожены, секретные до-

кументы были брошены в открытых столах, а часть валялась на улицах.

Директор конезавода сбежал сам, а также взял с собой подручных. Перед побегом они взломали замки, взяли 1 мешок сахара, джем, хозяйственное мыло 125 кусков, 32 пары ботинок [3, 217].

Серьезную проблему представляли незаконные реквизиции сельскохозяйственной продукции и имущества колхозов частями Северной группы войск.

В официальном письме Председателя СНК СОАССР К. Кулова на имя командующего Северной группой И. И. Масленникова были приведены многочисленные факты, «характеризующие отдельные группы бойцов и командиров 9-й Армии и других проходящих частей, как недисциплинированных, занимающихся антигосударственными делами, мародерством, незаконным изъятием колхозного и государственного имущества, в отдельных случаях с угрозой применения оружия» [15, 312]. Среди приведенных случаев были такие, например: в с. Ларс Гизельдонского района проходившие части забрали почти все горючее, перевозимое с 1-й МТС, выкопали картофель на площади 1 га. На предложение немедленно прекратить эти незаконные действия, командиры угрожали нагами» [6, 89].

Если подобные действия можно объяснить военной целесообразностью, то факты откровенного хулиганства не поддаются разумному объяснению. В с. Зильги воинские части без всяких нарядов с применением оружия из-под комбайна забрали и вывезли 25 т зерна; в водный бассейн сбросили ручные гранаты, побили всю рыбу, уничтожили колхозную пасеку. В с. Новый Батакоюрт при уходе бойцы 12-го автополка взломали дверь парткабинета колхоза, открыли несгораемый шкаф, изъяли и уничтожили все партийные документы, также уничтожили акт колхоза на бесплатное закрепление за колхозом земли.

Девиантное поведение военных в тылу проявлялось также в драках, ругани. Так, лейтенант противотанкового батальона А. Н. Исаев, в нетрезвом состоянии учинил дебош в местной гостинице «Интурист», на требование комендантского надзора «вытащил пистолет и рукояткой ударил по голове лейтенанта Сахно»; 30 ноября 1942 г., как явствует из оперативной сводке по г. Орджоникидзе, патрулем гарнизона был задержан проезжавший на бричке неизвестный в форме военнослужащего, который оказал патрулю

сопротивление, «задержанный, пользуясь темнотой, проходя у дома по ул. Коминтерна, бросил гранату, которой тяжело ранил патруль и лошадей... Сам скрылся»[16, 113].

«Человек с ружьем» становится опасным ввиду ненаказуемости и неразберихи военного времени. Пьяная ватага во главе с лейтенантом Тимошенко стала отбирать овец, выделенных на питание колхозников, занятых на строительстве Архонского участка дороги, когда же колхозники стали оказывать сопротивление, бойцы открыли стрельбу из автоматов, был убит стахановец с. Коста И. Мамиев. Как указывал в письме К. Кулов, «подобных фактов мародерства много. Они дезорганизуют тыл и нормальную работу колхозов, на которые сейчас возложена ответственная задача по форсированию уборки урожая, обмолота и вывозки зерна и создают нездоровую политическую обстановку среди населения республики»[11, 62].

Эти факты не могли не отразиться на формировании нездоровых настроений среди отдельных групп населения: «пользуясь сложившейся обстановкой, антисоветские элементы пытаются активизировать свою антисоветскую деятельность, причем какие-то результаты в этом направлении ими достигнуты»[17,63].

Так как подобные факты роняли честь советского солдата, 17 августа 1942 г. было издано Постановление Военного Совета 9-й армии, в котором особо указано: «Винных в самовольном задержании автомашин и изъятии народных ценностей немедленно арестовывать и предавать суду Военного трибунала как мародеров и дезорганизаторов работы войскового и армейского тыла... Лиц, пойманных на месте, как мародеров и оказывающих сопротивление при попытке приостановить мародерство — расстреливать на месте...»[18,6].

Большую работу по организации борьбы с возросшей преступностью проводил Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны, который координировал и наблюдал за деятельностью правоохранительных органов, проводил агитационно-пропагандистскую работу по повышению бдительности.

За время работы комитета обороны (октябрь 1941 — февраль 1944 г.) было издано свыше 200 постановлений, направленных на координацию деятельности правоохранительных органов, на проведение прокурорских проверок, возбуждении уголовных дел

либо о задержании лиц, преступивших закон.

Заслужкой комитета обороны являлась также организация населения в добровольные военные формирования по противодействию преступности и др.

В 1943 г. в республике личный состав групп охраны общественного порядка составил 1650 человека, которые за год задержали 498 воров, 59 хулиганов, 197 дезертиров из Красной армии и 593 дезертира-трудоармейца.

Добровольные военные формирования функционировали в виде истребительных батальонов и частей народного ополчения [19, 19]. В ряды народного ополчения столицы Северной Осетии вступили 800 человек, из них 165 комсомольцев, которые составили основной костяк ополченцев. 150 комсомольцев состояли в истребительном батальоне и 200 девушек в отрядах местной противовоздушной обороны [20, 69].

Перед ополченцами стояла задача охраны стратегически важных объектов. Кроме того, ополченцы обязаны были участвовать в проводимых местными отделами НКВД операциях. Дежурства организовывались группами по 4-6 человек.

Но главная тяжесть борьбы с преступностью лежала на органах НКВД. Местные чекисты испытывали большие трудности с нехваткой кадров. В республике более 45% личного состава НКВД либо ушли на фронт добровольцами, либо были призваны по мобилизации.

Среди основных задач органов НКВД в военный период была скрупулезная работа по пресечению преступлений: оперативно-следственная работа, проведение операций по задержанию преступников, охрана общественного порядка, а также работа с общественностью [19, 20]. В связи с военными условиями появились новые направления в работе органов НКВД: борьба с дезертирами из Красной армии и промышленных предприятий, бандитско-дезертирскими группами, преступлениями в сфере распределительной системы.

Значительное расширение сферы деятельности органов НКВД часто приводила к слабой результативности их работы. Например, в конце 1941 г. по г. Орджоникидзе раскрываемость преступлений составила менее 80%. Накануне военных действий на территории Северной Осетии произошло снижение еще на 10%. Только к началу 1943 г. удалось наладить работу по противодействию пре-

ступности и обеспечить раскрываемость преступлений до 89%. Несмотря на тяжелые условия военного времени и острую нехватку опытных кадров, в регионе удалось сохранить довоенный уровень результативности деятельности органов внутренних дел.

Таким образом, в Северной Осетии местные партийные организации сосредоточили в своих руках координацию деятельности правоохранительных органов, общественных организаций и военных частей по противодействию уголовной преступности. Представители общественности осуществляли организованное противодействие преступности, вступая в ряды групп охраны общественного порядка и добровольческих военизированных формирований. Основными задачами таких организаций в регионе были охрана важнейших для жизни области объектов, наблюдение за местностью и участие в военно-чекистских операциях.

Примечания

1. Гусак В. А. Деятельность советской милиции по обеспечению функционирования тыла в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941-1945 гг.): историко-правовое исследование. М., 2010. 92 с.

2. Центральный государственный архив РСО-Алания (далее — ЦГА РСО-А). Ф.580. Оп.1. Д. 81.

3. Хубулова С. А., Хаблиева Л. Ч., Батыров А. Е. Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны (1941-1944 гг.). Сборник док-тов и материалов. Владикавказ, 2012. 320 с.

4. Гончаров Г. А. Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 2009. 104 с.

5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: 8-е изд. М., 1971. Т.6. 386 с.

6. Государственный архив новейшей истории РСО-Алания (далее — ГАНИ РСО-А). Ф.3. Оп.1. Д. 9.

7. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп.3. Д. 789.

8. Сомов В. А. Война и люди: «нездоровые настроения» советского населения в 1941-1942 гг. // Новый исторический вестник. М., 2008. №1. С. 101-112

9. СП СССР, 1942. №4. С. 12-19

10. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп.3. Д. 789.

11. ГАНИ РСО-А Ф.1. Оп.3. Д. 744.

12. ГАНИ РСО-А Ф.1. Оп.3. Д. 742.
13. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп.3. Д. 798.
14. ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп.3. Д. 799.
15. Хубулова С. А. Негативные настроения и поведение населения в тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах СОАССР)./Мат-лы Всероссийской научной конференции «Народы Юга России в Отечественных войнах». Ростов-на-Дону: изд-во ЮНЦ, 2012. С. 312-317
16. ГАНИ РСО-А. Ф.3. Оп.1. Д. 35.
17. Хубулова С. А. «Белые пятна» истории Великой Отечественной войны (на материалах Центрального государственного архива Республики Северная Осетия — Алания). //Былые годы, 2011, №3. С. 63-67.
18. ГАНИ РСО-А Ф.1. Оп.3. Д. 746.
19. Пашкин А. Г. Уголовная преступность и борьба с ней в Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Автореф. дисс...канд.ист.наук. Казань, 2012. 26 с.
20. ГАНИ РСО-А Ф.1. Оп.3. Д. 740.

**Т. И. КУЗНЕЦОВ,
магистрант СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)**

МОЗДОК В ГОДЫ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ (25.08.1942-3.01.1943)

В статье рассматриваются основные аспекты захвата немцами Моздока и его последующее освобождение от фашистских захватчиков. Отражена политика немцев в Моздоке в период оккупации. Исследованы последствия пребывания немецко-фашистских оккупантов в Моздоке.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, немецкие войска, оккупация, жестокость, освобождение.

MOZDOK IN THE YEARS OF THE GERMAN OCCUPATION (25.08.1942-3.01.1943)

The main aspects of capture Mozdok by Germans and his subsequent release from fascist aggressors are considered. The policy of Germans is reflected in Mozdok during occupation. Consequences of stay of fascist invaders in Mozdok are investigated.

Keywords: Great Patriotic War, German armies, occupation, cruelty, release/

Новость о нападении Германии на СССР была встречена жителями Моздока с тревогой и болью. Во всём городе проходили митинги в поддержку общего спасения страны. 23 июня 1941 г. состоялся общегородской митинг, на котором представители кирпичного завода «Коммунистический маяк», мясокомбината, швейной фабрики, железнодорожников, элеваторного техникума заявили о своей готовности с оружием встретить фашистов.

Главной задачей стала перестройка на военный лад народного хозяйства, наращивание масштабов производства боевой техники, боеприпасов, снаряжения, продовольствия. Местные органы, коллективы промышленных предприятий и организаций города должны были в кратчайший срок перестроить производство, подчинив его нуждам фронта. Это означало работать чётко, высокопроизво-

дительно, исполнять военные заказы как боевые приказы на фронте, своевременно выполнять производственные планы [1, 180-181].

В первой половине августа 1942 года линия фронта приближалась к Моздоку. На дальних подступах к городу возводились оборонительные сооружения, рылись противотанковые траншеи. Вместе с бойцами 10-й сапёрной армии в строительстве оборонительных сооружений здесь принимали участие жители Моздока.

23 августа 1942 г. гитлеровцы силами 3-й и 13-й танковых дивизий и 111-й пехотной дивизии непосредственно начали наступление на Моздок. Отряд майора Корнеева, подразделения 8-й гвардейской стрелковой бригады 2-го гвардейского стрелкового корпуса, курсанты Ростовского артиллерийского училища совместно с частями 26-й запасной стрелковой бригады в течение трёх дней вели ожесточённые бои, но силы были неравными и советские бойцы вынуждены были отходить.

Под давлением превосходящих сил противника 25 августа 1942 года советские войска оставили Моздок. В 2 часа ночи последние защитники города отступили через мост на ст. Вознесенскую.

В боях за Моздок противник потерял 35 танков, 10 бронемашин и 1150 солдат и офицеров. В захвате Моздока, сёл и станиц Моздокского района свою роль сыграл разведывательно-диверсионный батальон Теодора Оберлендера под названием «Бергман» («Горец»), состоявший из отборных солдат и офицеров, впоследствии развёрнутый в полк. Оберлендер был ярким нацистом. Его высоко ценили Гитлер, Гесс и другие главари фашистов. Не случайно в 1934 г. он стал руководить «Восточным союзом немцев», после чего вскоре начал служить в абвере, где был одним из организаторов засылки шпионов в Советский Союз [2, 4-9].

Вскоре после оккупации Моздока фашистами, Оберлендер призвал на помощь гестапо, которое именовало себя «Зихерполицай СД-38». Оно располагалось в доме № 18 по улице Соколовского. Шеф гестапо, гауптштурмфюрер Карл Фингер, его заместитель Эрих Фельдман, офицеры Иоганн Дерпер, Камиш Губерт оказались достойными учениками Оберлендера. Одним из самых преданных ему людей был заместитель шефа гестапо Фельдман. Имеется множество фактов, говорящих о его беспредельной жестокости на моздокской земле.

По его приказу только за один день фашисты арестовали 29 жителей района, чтобы другие боялись и вели себя лояльно по отно-

шению к оккупантам. Для большего устрашения населения их вывезли их пустырь и выстроили ряд на краю глубокого рва, потом прикладами автоматов посшибали в ров живыми и засыпали землёй. Несколько суток оттуда слышны были стоны.

Старания Фельдмана не остались незамеченными немецким командованием. Оберлендер назначил его начальником гестапо г. Нальчика. А в доме № 19 на улице Уварова разместилась разведывательная служба танкового корпуса генерала фон Клейста под маскирующей вывеской «Военный отдел». Сотрудники этого подразделения носили нарукавные нашивки с фашистской свастикой и нагрудные эмблемы с изображением черепа и костей — отличительный знак эсэсовцев.

Как и во всех оккупированных территориях, немцы и здесь начали устанавливать новый порядок. В первый же день оккупации на самых видных местах был вывешен приказ германского верховного командования, который строжайше обязывал всех жителей города сдавать в комендатуру тёплую одежду, бельё, сапоги. Документ заканчивался угрозой: «В случае невыполнения приказа к нарушителям будут приняты меры, вытекающие из законов военного времени» [3, 210-214].

11 ноября появился приказ № 91-133, приговоривший к расстрелу 43 человек. Выполнение этого приказа было возложено на одного из фашистских головорезов — начальника полиции города Чендера [4].

С 12 по 18 сентября 1942 г. 11-й гвардейский стрелковый корпус, в состав дополнительно вошли 57-я и 59-я стрелковые бригады, 176-я и 417-я стрелковые дивизии, рядом последовательных ударов остановил наступление противника и вынудил его перейти к обороне.

Район Моздока стал для гитлеровцев «долиной смерти». 1-я танковая армия потеряла более 6 тыс. солдат и офицеров. В уцелевших ротах осталось по 10-12 человек.

Действиями группы армий «А» на Кавказе Гитлер явно был недоволен. 10 сентября 1942 г. он сместил командующего этой группой генерал-фельдмаршала В. Листа и взял командование группой в свои руки, желая продемонстрировать военное искусство. В течение месяца Гитлер пытался добиться перелома, но не смог этого сделать, и 25 сентября назначил командующим группой армий «А» генерал-полковника Эвальда фон Клейста. Тот, в

свою очередь, заверил, что он поднимет бокал за здоровье фюрера в Баку.

К концу дня 1 января войска 44-й армии, сломив сопротивление 3-й немецкой танковой дивизии, овладели тремя населёнными пунктами, что в 20 км севернее Моздока. На следующий день перешли в наступление войска 58-й армии и к концу дня овладели Кизляром, а к утру 3 января 1943 г. вышли к Тереку южнее Моздока. Войска 417-й стрелковой дивизии под командованием полковника И. А. Шевченко вброд форсировали Терек и неожиданно для противника ворвались в Моздок.

Трупами фашистов были устланы подступы к Моздоку. Среди убитых был Ганс Саар. Вот строки из его дневника: «5 сентября. Я жив, нахожусь на Кавказе. Утром отправился к Моздоку для исправления взорванного русского моста через Терек. 17 ноября. Страшный артиллерийский обстрел. Русские обстреливают нас, как мышей. Этот Моздок — какая-то страшная могила. 15 декабря. Нет, мы, наверно, не сможем перезимовать в Моздоке. Говорят, что русские казаки заходят к нам в тыл. Господи, помоги мне живым уйти из этого проклятого места».

Моздок был освобождён. Но освободителям открылась тяжёлая картина: город лежал в развалинах. Освобождённый Моздок и особенно его исторический центр были полностью разрушены. Гитлеровцы рушили деревянные дома, вырубали вековые деревья в городской роще. Всё это свозилось на правый берег Терека, где в районе станицы Терской фашисты строили утеплённый лагерь, готовясь здесь перезимовать.

В период оккупации всех оставшихся в городе в основном женщин, стариков, подростков сгоняли на строительство дорог, рытьё траншей. Не только неповиновения, но даже косога взгляда порой было достаточно, чтобы оккупант разрядил оружие.

Советские учреждения и организации были распущены. Партийные и советские активисты арестовывались и отправлялись в лагерь или на каторжные работы в Германию. Из Моздока и окружающих его населённых пунктов было угнано свыше 2400 советских граждан для отправки на каторжные работы в Германию, но благодаря успешному наступлению Красной Армии часть была освобождена в районе Тихорецкой.

Гитлеровские захватчики уничтожили в Моздоке и населённых пунктах района сотни мирных, ни в чём не повинных советских граж-

дан. Не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков. Чрезвычайная районная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков 21 января 1943 года обнаружила в пятидесяти метрах левее дороги к хутору Русскому 28 трупов советских граждан, расстрелянных гитлеровцами. Нельзя без боли и ужаса вспоминать о злодеяниях фашистов. В Моздоке они зверски расправились с десятками семей горских евреев.

Особенно бесчинствовали фашисты в Моздоке перед своим отступлением. Только 25 декабря 1942 года за городом они расстреляли 30 советских граждан. Ещё несколько десятков мирных жителей было расстреляно на хуторе Троицком.

О цене, заплаченной немецко-фашистскими захватчиками за этот небольшой город, говорится в книге Х. М. Ибрагимбейли «Битва за Кавказ. Крах операции «Эдельвейс»»: «В полусожжённом Моздоке наши бойцы чуть ли не на каждой улице натыкались на немецкие кладбища. Площади, скверы, пустыри были густо усеяны могильными крестами. Только у вокзала таких могил насчитывалось около тысячи, и на каждом кресте стояла дата 10 или 11 октября. Это были дни, когда враг пытался неожиданным ударом пробиться в Алханчуртскую долину, а затем на Грозный» [5, 142-144].

Советские воины освободили в Моздоке группу красноармейцев, переживших ужасы пережитого плена. Многие в этом лагере погибли от голода, побоев и болезней. Мёртвые неделями находились с живыми в одном помещении. Одна картина ужаснее другой предстала перед глазами освободителей Моздока. Вот что пишет Виталий Закруткин в «Кавказских записках»: «Мне пришлось увидеть страшный «лазарет» для военнопленных в Моздоке на Кооперативной улице в доме № 15. Когда я вошёл в этот дом, сердце сжалось от боли и ярости: окна были выбиты, на полу валялись грязные сугробы снега и по этому снегу, смешанному с навозом и соломой, среди обледелой мочи, испражнений и обглоданных конских костей ползали жёлтые, измождённые люди, еле прикрытыми, задубевшим на морозе, окровавленным тряпьем. По углам, сложенные один на другой и присыпанные снегом, лежали трупы. Живых тут оставалось 49. Один, пятидесятый, умер при нас...

Точно окаменевшие, стояли на пороге этого ужасного дома четыре солдата...» [6, 65].

Огромный был и материальный ущерб, нанесённый городу. По данным районной Чрезвычайной комиссии, он составил 81 миллион рублей, в том числе жилищно-коммунальному хозяйству — свыше 25 миллионов рублей.

Примечания

1. Город Моздок. Исторический очерк. Владикавказ, 1995.
2. Кровавые злодеяния Оберлендера. Отчёт о пресс конференции для советских и иностранных журналистов, состоявшейся в Москве 5 апреля 1960 г. М., 1960.
3. Магометов А. А. Разгром немцев под Владикавказом. Владикавказ, 2008.
4. Центральный государственный архив РСО-Алания. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 12. Л. 3-4.
5. Ибрагимбейли Х. М. Битва за Кавказ. Крах операции «Эдельвейс». М., 2012.
6. Закруткин В. К. Кавказские записки. М., 1970.

III. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

**Л. М. ГАРСАЕВ, дин, профессор;
А. М. ГАРАСАЕВ, стажер-исследователь
Академия наук Чеченской Республики
(г. Грозный)**

ЭТНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ЭЛИСТАНЖОЙ

Статья преимущественно написана на основе полевого материала и посвящена историко-этнографическому описанию этнического общества Элистанжой с древнейших времен, являющимся крупным в Юго-Восточной Чечне. Изучены проблемы, связанные с насильственным переселением данного тайпа на плоскость и обустройством на новом месте, а также выявлены его ответвления (чеч.некъе и гары).

Ключевые слова: Элистанжи, тайп, Элсан, Дишни, Устаз Кунта-Хаджи, предания.

ETHNIC SOCIETY ELISTANJI

Article written primarily based on field data and is devoted to historical and ethnographic description ethnic society Elistanji since ancient times, is the largest in Southeast Chechnya. Studied the problems associated with forced relocation part of Taipa on the plane and settling in a new place, and revealed its offshoots.

Keywords: Elistanji, Taipei, Elsan, Dishni, Ustaz Kunta Haji, legends.

Духовным центром этнического общества Элистанжой считается село Элистанжи, которое расположено на левом берегу реки Элистанжинки между реками Ахк и Аржи-Ахк, к западу от районного центра Ведено (чеч.-плоское место).

Ближайшие населённые пункты: на северо-востоке — сёла Верхатой, Ца-Ведено и Зелимхан-Юрт, на северо-западе — село Хаттунни, на юго-востоке — село Эшилхатой, на западе — села Тевзана и Махкеты.

Элистанжой — крупное этническое общество Веденского района, которое в древности локализовалось на горе *Элистанжойн Лам* (гора элистанжинцев), в местечках *Бильта* и *Элсичовь*. Согласно преданиям, сюда они пришли из прародины нахов Нашха из местечка Х1илах (чуткие, бдительные). Это подтверждает исследователь Ив. Попов, который пишет, что наибство (Веденское — Л. Г.) это заселяют восемь фамилий (тайпанаш), а именно: Харачоевская, Дишни-Веденская, Эрсеноевская, Эхишбатоевская, Гуноевская, Элистанжинская, Чермоевская и Чаберлоевская. Правом превосходства из них по древности рода и правдивости убеждений (с точки зрения ичкеринцев), пользуются элистанжинцы, дишни-веденцы и эрсеноевцы. Далее он отмечает, что два брата, *Элсан* — старший, и *Дишни* — младший, в незапамятные времена были первыми выходцами в Ичкеррию, по левую сторону реки Гудермес, из аула Нашахэ (Нашха — Л. Г.) Аргунского округа; они поселились — первый у подошвы горы, при поляне, получившей впоследствии название своё от собственного имени обывателя на ней, Элсана; второй — на Вэдэна (Ведено — Л. Г.). Имея семейства, братья жили дружно и искренне любя друг друга [1,14].

По мнению Ив. Попова, нынешние элистанжинцы считают себя в 11-м поколении, производя свой род от Элсана. Нисходящая линия идёт в таком порядке: Элсан имел сына Мовка, Мовка — Уока, Уока — Урузбия, Урузбий — Эрсимирзу, Эрсимирза — Исса, Исса — Муссу, Мусса — Бетыша, Бетыш — Даа, Даа — Саада, а это — Есу... [1,14].

Этническое общество Элистанжой представлено четырьмя родовыми селениями, расположенными между реками Басс и Хул-хул: *Элистанжи*, *Хаттуни*, *Тевзана*, *Агишти* (лахара «нижнее»).

В настоящее время в этих селениях кроме основателей-элистанжинцев проживают в дружбе и согласии представители более 20 тайпов (*ригахой*, *нижалой*, *чермой*, *чеври*, *аькххий*, *д1айа*, *ц1икрой*, *макажой*, *бути*, *садой*, *орсой*, *хьарклой*, *ц1онтрой*, *харачой*, *мелар-*

дой, шолардой, т1андой, басой, черкаси, зилой, дишни, кей, дзумсой, битрой...), относящиеся к разным тукхумам и вирдам. Среди них присутствует и очеченившийся инонациональный элемент как даргинцы (чеч. ц1адахъарой), татары (чеч. г1езалой), андийцы (чеч. 1аьндой).

Необходимым условием принятия данных отходников в Элистанжинское общество было обязательство — подтверждение клятвой на Коране последних следовать адату коренного населения, а в случае отступления от обычного права (низам) они будут согласны добровольно покинуть поселение. К их чести, серьезного повода для отчуждения пришлых не возникало.

В связи с этим будет уместно привести справедливое высказывание одного цудахаринца (этнического даргинца, самоназвание — *дарган*, что означает справедливый) следующего содержания: элистанжоша шайн шуьне ховша вайна пурба даларх, цу чудовла г1ертар г1иллакхе ма дац вайна. (Если элистанжинцы позволили нам присоединиться к своей трапезе, не к лицу нам «влезать на накрытый для этого стол»).

В Чечне кроме *цудахарцев* известны еще такие роды даргинского происхождения, как *серхой, кубчий, алмакхой, акхшой, ахтой*, соответственно ведущие свое происхождение из Серго-Кала, Кубачи, Алмакх, Ахты (Дагестан); *серхьой* — производно от аварского названия даргинцев *серахьал*.

Потомки элистанжинцев разделяются на следующие некие (ответвления): *Ашни, Биги, Арсан, Гури, Музи, Эльти, Дарси, Бах1ад, Манкъар, Мустап, Джаватхан*. Эти названия означают собственные имена.

Элистанжи — исторический центр элистанжинского тайпа. В основу названия Элистанжи, согласно одной из легенд, легло: *эла* (князь) + *сту* (княгиня) + *ж1ай* (крест). Легендарным родоначальником элистанжинцев является Орс-Эла. По преданиям, на вершине *Элан-ж1аран-Корта* (княжеского креста вершина) — на ю. стоял большой деревянный крест, воздвигнутый легендарным родоначальником элистанжинцев *Орс-Эла*. Недалеко от этой вершины — на в. имеется Менги баса (Менги склон). Менгу звали сына восточного тирана Чингис-Хана. Согласно преданиям, именно отсюда его войско, доселе не знавшее поражения, позорно бежало под натиском мощного объединенного войска Элистанжинцев и Садоевцев, — сообщает одна из легенд.

Но есть еще другой вариант легенды, связанный с названием в свое время монотайпового села. Считается, что название Элистанжи произошло в результате трансформации имени Элсан: Элсан — Элсанчу — Элстанча — Элстанжа (по-русски Элистанжи). По преданию, Элсан — выходец из села Нашха, который со своим младшим братом Дишни поселились на плоскостях, разделенных невысоким хребтом — Шулукъ. Дишни поселился на побережье Хул-хулау, а Элсан — на побережье реки Аржи-ахк в урочище Бильта. Потомки Элсана последовательно заселяли равнину до самых Алдов, образовав такие поселения, как Хаттуни, Тевзана, Агишты, Устрада-эвл (Аргун), Шали и др. Имена всех потомков Элсана, ушедших из общества Элистанжи, и основавшие новые поселения, к сожалению, нам пока неизвестны.

Для подтверждения данных фактов, будет кстати, привести высказывание общественного и религиозного деятеля начала XX века, эвлия Сугаип-Муллы Гайсумова Шалинского, по призыву которого в Шали были созваны добровольцы для отражения войск генерала Деникина. В их числе были и элистанжинцы. Молодые и задорные, они резвились, кидали в костры патроны, подшучивали над старшими и своим сумасбродством надоели окружающим. Когда недовольные пожаловались на «гарцующих» элистанжинцев Сугаип-Мулле, он сказал: «Ас дешначу Къор1анор элистанжхой къинт1ера ца бовлахъ, шелахой х1окху лаьтта т1ехъ лахъти чу бахка йиш ма яц». (Клянись Кораном, без согласия элистанжинцев шалинцы не могут быть похоронены на этой земле).

Есть еще другой вариант происхождения названия Элистанжи — от калмыцкого Элиста (пески). Это мнение профессора И.Ю. Алироева и других авторитетных ученых республики. Но такого не может быть вовсе, так как здесь очень зеленая зона. Абсурдно называть песками прекрасный ландшафт.

По преданиям, историческая территория общества Элистанжи простиралась на юг до Саьрбала, на востоке — до реки Хул-хул, на западе — до реки Басс, захватывая ее левый берег, на Севере выходила на предгорную равнину аж до Бух1ан-юрт (Черноречье). Также говорят о том, что на юге Элистанжи жили Садой и Пешхой, которые были вытеснены сильным племенем, имя которому было Орс-эла, — пишет этнограф Сулейманов А. [2, 261].

Согласно полевому материалу, Шамиль хотел избрать Элистанжи своей столицей и за территорию села и близлежащих земель хо-

тел заплатить его жителям два мешка серебра, но дальновидные и гордые Элистанжинцы не согласились произвести сделку [3].

Тем не менее с элистанжинцами и в дальнейшем Шамиль поддерживал тесные контакты. В коннице, бывшей основной ударной силой его войска, было немало всадников из Элистанжи. Перед дальними переходами Шамиль имел обыкновение поить коней из местного родника *ЖагI-Иун* (гравия балка), находящегося вблизи Элистанжи. Недалеко отсюда также находился и в данное время находится лечебный источник *Хадарги*, водой из которой лечились раненные воины Шамиля.

На основе анализа источников, фольклорных данных и полевых материалов современное село Элистанжи берет свое начало в середине XIV века, т. е. более 600 лет назад.

По рассказам стариков, в 1747 году оно было полностью уничтожено сожжением после отказа старейшины села подчиниться воле одного из владетелей Чечни. В сражении с войском Кизлярским старейшина погиб.

Второму полному уничтожению село подверглось в 1865 году за участие в вооруженном восстании против царского режима под руководством Тозы Акмирзаева Харачоевского (хаъжхан некъи), которого поддержали Элистанжинцы [4]. Восстание было жестоко подавлено, а Тоза Акмирзаев укрылся у родственников своей жены в Элистанжи. За отказ выдать его аул очередной раз был сожжен царскими войсками, а жители были переселены на плоскость, в том числе в Притеречье Чечни. Среди переселенных в низменную часть Чечни были братья Махъамтха (правнук Хъаъж-1ели), Мисерби и Къедар. Мисерби поселился в селе Девкар — Эвла, а Къедар — в селе Г1ойт1а, а сам Махъамтха в селе Аьчкахит1а, ныне Зебир-Юрт Надтереченого района. Потомки Махъамтха сейчас проживают в Мекен-Юрте. Туда же элистанжинцы переселились из с. Зебир-Юрт в 1876 году. В настоящее время в Надтеречном районе элистанжинцы, в основном, проживают в с. Мекен-Юрт и имеют следующие фамилии: Сулеймановы, Бакашевы, Аслахановы, Солтахановы, Солтубиевы. Также в селе Горагорск живут шесть семей Эльжуркаевых, а в селе Верхний-Наур-две семьи Хаджиева Исы, в селе Знаменское — три семьи Элькиевых, в селе Ищерское — одна семья Хаджиевых. Мы располагаем именами людей, являющихся предками мекенюртовских элистанжинцев по фамилии Сулеймановы. Восходящая линия выглядит следующим образом: Абубакар, Сулим, Мовса, Мохъ-

мад, Махьамтха, 1 еламха, Хьабж-1 ела, Аьрсмик, 1 ожа, Эйса, Бахьад, Г1аьнтемир, Аюб. Кроме Элистанжхой в селе проживают в дружбе и согласии следующие чеченские тайпы; *Аларой, Билтой, Буной, Зандкьой, Курчалой, Чунгрой, Ч1инхой, Ч1аьнтий, Шотой, Ширдий, Харачой, Энгиной*. Здесь уместно отметить, что в селе находится колодец и Зиярат Дени — Шейха Арсанова. Его отец Арсан жил, умер и похоронен в селе, чьи жители гордятся этими людьми и не без основания считают их своими односельчанами.

В годы сталинских репрессий с 1934 по 1938 гг. главой сельсовета был элистанжинец Сулейманов Абубакар Сулимович. До сих пор старожилы всего Притеречья с теплотой вспоминают его как руководителя, который не выдал ни одного человека из села по так называемой разнарядке врагов народа. Из села в те годы не был репрессирован ни один человек. С 1992 по 2012 год руководителем администрации села был его сын Сулейманов Магомед Абубакарович. В годы Отечественной войны 1941-1945 гг. из села было призвано в ряды советской армии 31 человек, 23 из которых не вернулись с полей сражений, в числе которых были элистанжинцы. В данном селе представители тайпа Элистанжой насчитывают 29 семей (более 120-ти человек). У элистанжинцев села есть и свое генеалогическое древо.

Со слов старожил, якобы в 1869 году царь Александр II, объезжая свои владения, посетил село Сержень-Юрт, где в честь его приезда были организованы торжества — «Паччахьан ловзар». На встречу с царем была направлена делегация во главе с Шабой Агатаевым. Цель делегации — передать царю прошение Элистанжинцев разрешить им вернуться на родную землю. В составе делегации был отличный танцор и статный красавец Бурсигов Солса, который виртуозно станцевал лезгинку и в финале танца встал перед царем на пальцы ног и простоял так до тех пор, пока его Величество не велел одарить Солсу червонцами. С достоинством уклонившись от даров, он попросил у царя разрешения заложить заново свой родовой аул Элистанжи на равнинных землях, на что было дано «Высочайшее согласие». По мнению информаторов, нынешнее село Элистанжи заново заложено в 1869 году на 3 км севернее от прежнего места его нахождения. Ровные и широкие улицы села были спроектированы приглашенным землестроителем из крепости Грозная. Таким Элистанжи выглядит и сегодня [4].

Но это — лишь легенда, результат опроса населения старческого

возраста, так называемый полевой материал. Каким же образом и когда был восстановлен аул Элистанжи на самом деле? Обратимся к архивным материалам XIX в. Такие документы имеются в Архивном управлении правительства Чеченской Республики. Это их электронные копии (на правах подлинников) — фонд — 236, опись — 1, дело — 404, лист — 56: «Дело о возвращении жителей аула Элистанжи на прежнее место жительства», которые любезно представил сотрудник этого ведомства В. Бибулатов.

Чтобы не быть голословными и не иметь разных мнений по поводу восстановления Элистанжи якобы в 1869 г., приведем из этого обширного материала на 56 листах наиболее интересные тексты документов.

Текст документа на страницах — 3, 4:

**Письмо начальника главного
управления Наместника Кавказского**
От 18 мая 1873 года

Начальнику Терской области

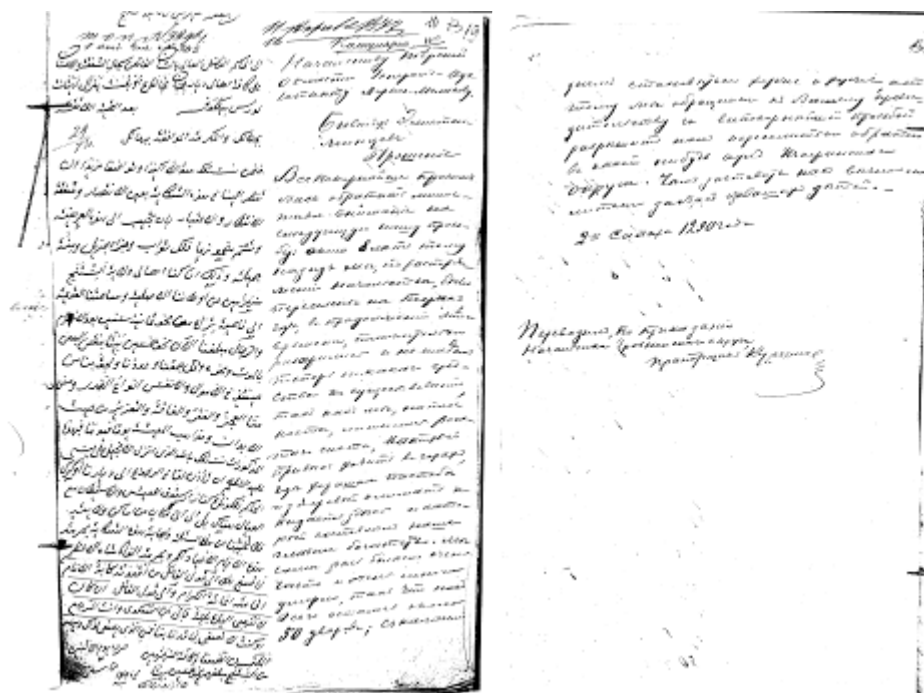
В бытность Государя Императора на Кавказе осенью 1871 года, к его Величеству обратились со всеподданнейшею просьбою жители бывшего аула Елистанжи (Элистанжи — Л. Г.), ныне переселенные в аулы Надтеречного наубства, — о разрешении им переселиться в прежние места во внимание к приведенным в их просьбе уважением.

Препровождая при сем к Вашему Превосходительству означенную всеподданнейшую просьбу, покорнейше прошу приказать со-

брать надлежащие сведения по содержанию этой просьбы и таковы, с возвращением приложения, не оставит мне, а сообщит с Вашим заключением.

**Начальник Главного
управления, Сенатор/подпись/
Статс-секретарь/подпись/**

Информация из интернет-ресурсов (Википедии) о том, что в **1869** году царь Александр II, объезжая свои владения, посетил село Сержень-юрт и элистанжинцы подали ему прошение, мягко говоря, не соответствует действительности, так как в архивном документе, описанном выше, написано: «В бытность Государя Императора на Кавказе осенью 1871 года, к его Величеству обратились со всеподданнейшею просьбою жители бывшего аула Елистанжи». Указана дата не 1869 год, а осень 1871 года.

Второе прошение Элистанжинцев, адресованное Начальнику Терской области

Генерал-адъютанту Лорис-Меликову 31 марта 1873 года.

Текст документа «Прошение» на страницах 19 и 20:

**Начальнику Терской области
Генерал-адъютанту Лорис-Меликову
Бывших Элистанжинцев**

Прошение

Всепокорнейшее просим Вас обратить милостивое внимание на следующую нашу просьбу: около 8 лет тому назад мы, по распоряжению начальства, были переселены на Терек из гор. В продолжение этого времени положительно разорились и не имеем теперь никакого средства к существованию, так как мы, на плоскости, лишились рогатого скота, составлявшего наше главное богатство, который привык ходить в горах, где хорошая пастьба, изящный климат... Мы сами здесь болеем очень часто, и людей много умерло, так что нас всего осталось около 50 дворов; с каждым днем становится хуже и хуже, и потому мы обращаемся к Вашему Превосходительству с всеpokорнейшей просьбой разрешить нам переселиться обратно в какой-нибудь аул Ичкеринского округа. Чем заставите нас вечно молиться за Вас и за ваших детей.

2 Сафар 1290 года по хиджре

Переведено по приказанию Начальника Грозненского округа

Прапорщик   подпись   /Курумов/.

Документ «Прошение» написан представителем Элистанжинцев на арабском алфавите. По Григорианскому календарю датируется 31 марта 1873 года. Переведен на русский язык прапорщиком Курумовым. Из этого документа видно, что из-за переселения на Терек страдает, болеет и умирает не только скот, но и люди. Из-за падежа скота — главного богатства горца, они на плоскости беднеют и разоряются.

Текст документа на страницах — 40, 41, 42:

«Доклад Ассесора Терского Областного Правления по делу о переселении бывших Элистанжинцев в места их прежнего жительства.

Его Превосходительству господину Начальнику Области».

Жители Веденского Округа аула Элистанжи, по распоряжению Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказской Армией, за возмущение в 1865 году, переселены были из прежнего их места жительства в аулы Надтеречного наместничества Грозненского округа, причем, принадлежавшая аулу Элистанжи земля разделена была между соседними аулами, а часть ее Высочайше пожалована одному офицеру. В проезд 1871 года Государя Императора по Кавказу бывшие Элистанжинцы подали Его Величеству всеподданнейшую просьбу, кою ходатайствовали о возвращении их на место преж-

него жительство, во внимание к различным бедствиям, претерпеваемым ими в местах их нового поселения.

Затем, 11 апреля 1873 года, те же лица подали о том же предмете просьбу Его Превосходительству господину Начальнику Области, изъясняя в ней, между прочим, что скот их, не находя себе достаточного корма на плоскости, подвергается беспрестанному и сильному падежу, и что, так как скот составляет главное их богатство, то переселение довело их до полного разорения. Притом сами они, привыкшие к горному воздуху, постоянно болеют от нового, не свойственного им климата, отчего непомерно возросла и еще возрастает смертность между ними. В виду просьбы этой требовалось по ней заключение Начальника Веденского округа, который рапортом от 5 июля прошлого года за № 1312 донес, что, по мнению его, переселение бывших Элистанжинцев в прежние места Веденского округа в настоящее время может быть допущено с полной безопасностью и, тем более, что многие из аулов вверенного ему округа охотно готовы принять этих переселенцев в свою среду.

Но при этом князь Эристов полагает необходимым, в виду большей осмотрительности, дозволить переход бывших Элистанжинцев в аулы Веденского округа только под условием представления ему от них увольнительных и приемных приговоров, — что, с одной стороны, установит постепенность переселения, а с другой — оставить за Начальником округа право и возможность не допустить переход лиц, заявивших свою порочность и неблагонадежность. Вследствие того и в ответ на отзыв

Начальника Главного Управления Наместника Кавказского, коим испрашивалось мнение господина Начальника Области по предмету всеподданнейшей просьбы бывших Элистанжинцев, Его Превосходительство полагал возможным переселить просителей в места их прежнего жительство, но с тем однако, чтобы в виду состоявшегося раздела прежней Элистанжийской земли, расселить их по разным аулам Веденского округа, и затем допустить это переселение не иначе, как по увольнительным и приемным приговорам. Сообщая об этом Начальнику Главного Управления, Его Превосходительство вместе с тем, 20 сентября 1873 года, просил исходатайствовать разрешение Его Императорского Высочества на означенное переселение. Но по делу этому уведомления из Главного Управления еще никакого не имеется.

Ассесор: /подпись/

В данном документе тоже подтверждается год подачи прошения Элистанжинцами: «В проезд 1871 года Государя Императора по Кавказу, бывшие Элистанжинцы подали Его Величеству всеподданнейшую просьбу, кою ходатайствовали о возвращении их на место прежнего жительства, во внимание к различным бедствиям, претерпеваемым ими в местах их нового поселения». И вряд ли село Элистанжи восстановлено в 1869 году. Опять же в архивных документах написано: «Сообщая об этом Начальнику Главного Управления, Его Превосходительство вместе с тем, 20 сентября 1873 года просил исходатайствовать разрешение Его Императорского Высочества на означенное переселение. Но по делу этому уведомления из Главного Управления еще никакого не имеется». Возможно, только после означенного 1873 года и только в последующие годы началось возвращение переселенных в 1865 году в Надтеречный округ Элистанжинцев, фильтруя из них неблагонадежных для властей лиц и их семей.

Хотя прошение и было вначале подано царю, ему для удовлетворения просьбы Элистанжинцев нужно было заключение Начальников Веденского и Грозненского округов. Эти заключения были составлены ими положительно, но с некоторыми оговорками, описанными выше.

Документ на страницах — 47-48:

**Введенское окружное полицейское управление
В Терское областное Правление**
27 февраль 1874 год

Рапорт

Представляя при этом 14 приговоров увольнительным разных аульных обществ 1-го участка Грозненского округа, столько же приговоров приемных, составленных обществами аулов 1-го участка вверенного мне округа, а также 14 посемейных списков/11 написано особо и 3 в увольнительных приговорах/25 семействам, бывших Элистанжинцев, желающим переселиться из Грозненского в Веденский округ, имею честь ходатайствовать перед Областным правлением о разрешении означенным семействам испрашиваемого ими переселения, и о постановлении меня в известность относительно последствий моего ходатайства в возможно непродолжительном времени, дабы я мог сделать прямые распоряжения к совершению переселения раньше приступления населением к выделению земельных угодий на паи для начатия полевых работ.

Начальник округа
Полковник князь Эристов
Секретарь /подпись/
Делопроизводитель /подпись/

Из этого документа видно, что администрация Веденского округа готовится принять 25 семей возвращенцев и выделению переселенцам наделов земель для весеннего посева. Документ датируется мартом 1874 года.

Документ на страницах — 49,50,51:

Начальнику Веденского округа
От Областного Правления
 2 марта 1874 года

Департамент Главного управления наместника Кавказского, отзывает 28 февраля сего года за № 2024, уведомил господина Начальника области, что Великий князь, предоставляя на Всемиловейшее Государя Императора

воззрение Всеподданнейшую просьбу жителей, бывшего аула Элистанжи, Веденского округа, о переселении их обратно на прежние места, изволил полагать предоставить привести во исполнение предположение Его Превосходительства о расселении просителей по аулам Веденского округа, каковое заключение Его Величества удостоилось Высочайшего утверждения.

О таком Высочайшем повелении областное правление по поручению Его Превосходительства дает знать Вашему Сиятельству для надлежащего исполнения, с возвращением, представленных при рапорте Вашем 27 февраля за № 277, 14 увольнительном и столько же приемных приговоров. При этом областное правление просит Ваше Сиятельство о каждом переселившемся семействе сообщать в Ставропольскую казенную палату, с означением всех членов оною, и об исполнении донести сему правлению.

В этом деле есть много документов служебной переписки (рапорта, письма и т.д.) администраций разных округов и региональных учреждений. В них повторяются тексты вышеприведенных документов. Поэтому я не привожу их содержание. Из последнего документа видно, что прошение бывших Элистанжинцев российским императором утверждено. Так что Элистанжинцы, хотя и не все сразу, а поэтапно начали возвращаться на свои земли через 9 лет после принудительного переселения на Терек. Документ датируется мартом 1874 года. Значит, в марте 2014 года исполнилось

139 лет со дня начала возвращения Элистанжинцев на земли своих предков.

Элистанжинцы никогда не стояли в стороне, когда Чечня переживала трудные и трагичные времена. Они всегда принимали деятельное участие в становлении своего края, в боевых действиях чеченцев против захватнических сил. Когда деникинские войска во время гражданской войны окружили тесным кольцом село Алхан-Юрт, элистанжинцы в числе многих представителей других сел пришли на помощь братьям.

Силы в бою оказались неравными и элистанжинцы оказались в плотном окружении вражеских сил. Посоветовавшись, они решили уйти из окружения, прорвав кольцо.

Сын Эди Солтаха из Элистанжи не согласился покинуть поле боя, тем более, что он потерял коня. А без него Солтаха не представлял, как он покажется в Элистанжи перед односельчанами.

Взяв у товарищей нужное количество оружия, Солтаха остался в Алхан-Юрте. Заняв оборону в одном укрепленном помещении, он принял бой. Потеряв надежду приступом взять укрепление, деникинцы подожгли его. Солтаха сгорел заживо, приняв смерть в священном газавате (Дала Глазот къобал дойла цуьнан!).

Элистанжинцы Газиев Муси и Битимиров Эдилсолта забрали прах Солтха и похоронили на родине, а место гибели его алхан-юртовцы назвали «Элистанжо вагийна Ин» (балка, где заживо сожгли элистанжинца) [5].

До выселения чеченцев в 1944 г. вокруг с. Элистанжи было более 70 хуторов, возникших в XIX в период Кавказской войны. Не желавшие оставлять свои родовые очаги и земли уходили в лесные чащобы и тайно от царских властей закладывали хутора. Большинство из них просуществовали до выселения чеченцев в 1944 г. Село Элистанжи после депортации было заселено андийцами и аварцами из горного Дагестана и переименовано в Тандо. Тандо-село в соседнем Ботлихском районе Дагестана. В 1947 году данный населенный пункт был ликвидирован, в результате чего население было переселено в Элистанжи Веденского района ЧИАССР. После возвращения его жителей из ссылки ему было возвращено историческое название Элистанжи.

Как было отмечено, селение несколько раз уничтожалось дотла. Элистанжинцы изгонялись и переселялись к Тереку и на предгорную равнину: Галне, Макане, Дайкур-Эвл; Аргун, Устрада-Эвл,

Гудермес, Шали, Автуры, Гойты, Черноречье (Бух1ан юрт). Особенно трагическим для элистанжинцев днем был 7 октября 1999 г. В этот день в результате бомбовых ударов федеральными ВВС РФ было ранено 65 и убито 33 мирных человека, в т.ч. героический участник боев за Малую Землю, капитан запаса, полный Кавалер Ордена Славы Рамзан Аппазов, а также учитель местной школы Гехаев Адам Межедович, потомок наиба имама Шамиля легендарного Техира и его четверо внучатых племянника. А из семьи Дудаевых погибло пять человек.

В ходе военных действий был разрушен деревообрабатывающий цех по производству паркета. Различные образцы букowego паркета, производимые в этом цеху, вывозились не только в республики бывшего Союза, но даже в дружественные социалистические страны. Разбомбили Элистанжинский пионерский лагерь «Энергетик», в котором отдыхали дети с разных концов страны, а также обустроенную зону отдыха у родника «Девичьи слезы», где отдыхали не только граждане нашей страны, но и интуристы.

В окрестностях Элистанжи есть такие культовые места: Маштакх (большой лесной массив на с.-в. По преданиям, здесь жили наьрт-орстхой), Сюл-Корта (жертвенная вершина на с.-з. Араб.саил-жертва).

В с. Элистанжи в настоящее время проживают представители таких тайпов, как ригахой, хорочой, хой, макажой, калой, сакхкхой, гезалой, лаьндий, туркой.

Из тейпа Элистанжой вышли знаменитые люди — такие, как Шейх Мансур Ушурма (1765-13 апреля 1794 гг.) — первый имам Кавказа (скончался в Шлиссельбургской крепости), военный, религиозный и политический лидер кавказских горцев в конце 18 века, один из видных деятелей Кавказской войны 1785-1791 гг.

Гехаев Телхир — особо приближенный мюрид нашего Устаза (святого) Кунта-Хаджи, наиб имама Шамиля скончался от полученных ранений на Кавказской войне. После его гибели, говорят, имам Шамиль сказал: «Я лишился крыльев».

Гибель Телхира, его активного мурида и родственника, явилась ударом и для Устаза Кунта-Хаджи Кишиева.

Узнав об этом, говорят, Кунта Хаджи двигался пешком от своего села Хьажи — Эвл к Элистанжи, чтобы выразить соболезнование родственникам покойного. Устав от долгого пути, он присел отдохнуть под лесную грушу, росшей на подъеме на Элистанжинскую

равнину. А в это время группа Элистанжинцев, идущая с сообщением о смерти Тлехира к Кунта-Хаджи, встретила с ним, отдыхающим под деревом. — Добрый день, молодые люди. Куда путь держите? — спросил он путников. — Да вот, мы решили навестить тебя и сообщить о смерти вашего родственника. — И я иду на его похороны. У меня было видение о кончине Тлехира. И Кунта-Хаджи с этой группой людей вошел в село, исполняя громкий зикр (ч1агар зуйкар) [5].

Груша, под которой отдыхал Устаз в момент встречи с вестовыми, долгое время любовно и почтительно оберегалась жителями Элистанжи, и часто прохожие привязывали к ее веткам разноцветные лоскутки. Это значило, что люди считали грушу освященной присутствием Устаза и каждый проходящий мимо останавливался возле нее для совершения *доа*, прося милости всевышнего для себя и своих близких в обоих мирах.

Груша так и называлась — *цуйргаш тесна кхор* (груша, увешанная лоскутками). Она продолжала бы шуметь кроной и до наших дней, если бы в ходе боевых действий не была расщеплена ракетно-бомбовым ударом ВВС РФ.

После окончания военной кампании на том же месте был посажен саженец груши Тайсумовым Ала (Дала гечдойла цунна!), потомком легендарного Бурсигова Солсы из Дади-некъе (ветка тайпа). И растет это дерево, становясь с каждым днем все выше и раскидистее, радуя глаз элистанжинцев и напоминая им о Великом Учителе Кунта-Хаджи Кишиеве.

Тлехир похоронен самим Кунтой на древнем кладбище с. Элистанжи. Символично то, что он — первый, кто был похоронен по новому обряду Къадарийского ордена: прах его был положен в могильную нишу с правой стороны (к1елаг1ор лахъта долуш). С тех пор покойника и чеченцы, и ингуши — къадарийцы хоронят таким образом. По рассказам стариков, Кунта Хаджи, стоя над могилой своего любимого мюрида, произнес пророческие слова — «Из этого рода выйдет тот, кто придет после меня». Ранее на холме Эртин-Корта он показал матери (Нана Хеди) на село Элистанжи. — Видишь ли, мать, село? — Извини сын, я плохо вижу. Кунта повторился — Посмотри, мать, ты увидишь. — Да, сын, кажется, я вижу это селение. — Из этого селения должен появиться тот, кто придет после меня, из-за праведности и святости которого оно (село и все его обитатели) попадут в рай.

Глядя на Элистанжи, которое видно из его села Хьажи-Эвла, Кунта-Хаджи своим мюридам говорил: «Во время пяти намазов, совершаемых мною каждый день, село Элистанжи покоится под моими ладонями, сложенными в молитве и чтении доа. Одно это может защитить его перед Аллахом от всяких бед и несчастий»[5].

На этом же кладбище позже была похоронена мать Шамиля Баху-Меседа братьями Тяхири Яхьийой, Шабой и его сыном Гези (дедушка матери автора).

Родом из села Элистанжи: прозорливый алим, поэт, член союза писателей СССР, основоположник чеченской письменной поэзии Абди Дудаев, кунак Льва Николаевича Толстого Садо Мисербиев; *святые* — Мутлу-Шейх, Музаг-Шейх, Межи-Шейх, Шахьта-Шейх, Къахьарма-Шейх, Гюьта-Шейх, Нурмохьмад-Шейх, Адсаламан Мохьмад-Шейх, Хьамад-Шейх; прославленные алимы — Кадыров Дата-мулла, Элимирза-мулла, Асхаб-мулла, Хасмохьмад-мулла, Бола-мулла, Хьаби-мулла, Сату-мулла и их достойные преемники Абдул-Вахид-мулла (убит бандитами в 2003 году), Такалашев Альви-мулла, подающие надежду Закараев Тагир, Басханов Элабек, Магомадов Амарбек; *долгожители* — Газиев Гунукбай, в свое время самый старый человек на планете, проживший 169 лет, Дадаев Хаджимурат, Такалашев Бексолта, проживших соответственно 148 и 130 лет, Магомадова Iашат, Абдурзаков Дарка, прожившие по 120 лет и Магомадова Аминат, прожившая 110 лет.

Желанными гостями элистанжинцев были Устаз Кунта-Хаджи, его лучший мюрид Умар-Хаджи Андийский и, конечно же, дочь устаза Эсет.

В настоящее время Элистанжи является крупным административным центром Элистанжинского сельского поселения. Население его составляет по данным 2010 г. 2570 человек.

В последнее время в селе произошли значительные перемены к лучшему. Заасфальтированы главные улицы села. Построены школа на 834 места, амбулатория. Открыт буквально на днях детский сад. Осуществлен капитальный ремонт местной мечети. Впервые за всю историю села произведена его газификация, что позволяет сохранить ценные леса и сделать более комфортным быт наших сельчан.

Все это выполнено благодаря инициативе и заботе Главы Чеченской республики, Героя России Рамзана Кадырова.

Примечания:

1. Попов Ив. Наибство Веденское // ССКГ, Вып. VI. — Тифлис, 1870.
2. Сулейманов А. С. Топономия Чечни. — Грозный, 2006.
3. Полевой материал, собранный авторами в с. Элистанжи Веденского района ЧР. 1995 г.
4. История Чечни с древнейших времен до наших дней. — Грозный. 2005. — 600 с.
5. Полевой материал, собранный авторами в с. Элистанжи Веденского района ЧР. 1995 г.

**З.А. КУЧУКОВА,
магистрант КБГУ им. Х.М. Бербекова
(г. Нальчик)**

ПРОБЛЕМА ВХОЖДЕНИЯ БАЛКАРИИ В СОСТАВ РОССИИ И ОЦЕНКА РЕФОРМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. В ИСТОРИОГРАФИИ 1960-80-Х ГГ.

Статья посвящена анализу исследований вышедших в советское время и затронувших вопросы русско-балкарских отношений, а также реформ второй половины XIX на Кавказе. В работе представлены различные мнения и оценки ученых о взаимоотношении Балкарии с Россией. По мнению автора, результаты исследования являются необходимым элементом для формирования историографической базы научной реконструкции истории Балкарии дореволюционного периода.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Балкария, балкарцы, Россия, реформа, историография.

PROBLEM OF THE ENTRY BALKARIA RUSSIAN REFORM AND EVALUATION OF THE SECOND HALF XIX B. IN THE HISTORIOGRAPHY OF THE 1960-80

This article analyzes the researches published in the Soviet period and issues affecting Russian-Balkar relations, as well as reforms of the second half of XIX century in the Caucasus. The paper presents the various opinions and estimates of the scientists about the relationship between Balkaria and Russia. According to the author, results of that research are necessary elements for historiographic base formation of scientific reconstruction of pre-revolutionary period of Balkaria history.

Key words: North Caucasus, Balkaria, Balkarians, Russia, reform, historiography.

В этот период как в общих трудах, так и в специальных исследованиях развивался тезис об объективно прогрессивном значении присоединения народов Кавказа к России, несмотря на феодально-крепостнический характер правительства Русского государства и колониальную политику царизма, проявившуюся особенно ярко с XIX в. [1]. В книге Н.А. Смирнова «Политика России на Кавказе в

XVI-XIX вв.» [2] было показано, что связи народов Северного Кавказа с Россией возникли в условиях совместной борьбы с экспансией Турции, Крыма и Ирана. Его оценки присоединения Кавказа к России мало отличались от господствовавшей идеологии.

В 1960 г. вышла книга А. В. Фадеева «Россия и Кавказ первой трети XIX в.» [3]. В ней дан очерк и более ранних взаимоотношений, по этапам, и высказан ряд общих соображений, основанных на марксистской методологии. Автор призывает к всестороннему и глубокому анализу внешней политики России на Кавказе, для того чтобы избежать крайностей — идеализации политики царизма, с одной стороны, с другой — отрицания исторически прогрессивного содержания процесса присоединения нерусских народов к России.

В «Очерках истории балкарского народа», констатировалось, что некоторые балкарские таубии находились в родственных связях с отдельными кабардинскими князьями, а те, в свою очередь, находились в русском подданстве и, следовательно, часть балкарских владетелей находилась в подданстве России [4, 36-37]. Здесь речь идет о XVI-XVIII веках, значит, небольшая часть Балкарии уже была присоединена к России в XVI в. вместе с Кабардой, но в «Очерках...» не указывается какая именно часть была присоединена в XVI в., и когда в состав России вошла вся ее территория. Далее, в 1967 г. в Москве, в издательстве «Наука» была выпущена «История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней», подготовленная учеными Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Третий раздел данного академического издания называется «Присоединение Кабарды и Балкарии к России». Здесь раскрывается тема присоединения Кабарды к России, но ничего не говорится о проблеме присоединения Балкарии к России. Хотя в этом издании есть небольшая глава, где описываются русско-балкарские отношения, но в основном речь идет о поездке Айдабула Артутая в Москву, а также небольшой абзац, где сообщается, что по Ясскому миру 1791 г. Турция признала Кубань границей русских владений на Кавказе, а следовательно, и вхождение Кабарды и Балкарии в состав России [5, 174]. Опять же здесь не говорится о соглашении непосредственно между балкарцами и русскими.

Наиболее весомый вклад в изучение русско-балкарских отношений внес К. Г. Азаматов [6, 273-276]. Его монография стала первой работой, где более определенно высказывалась дата присоеди-

ния Балкарии к России, и приводились архивные документы, непосредственно указывающие на это. Он считает, что присоединение произошло в 1790-х гг. происходит и было подтверждено присягой в 1827 г. В русле господствующей в отечественной историографии 1960-80-х гг. исторической парадигмы, К.Г. Азаматов делал вывод, что с включением Балкарии в состав России таубии (владельческое сословие балкарского общества) еще больше закрепощали зависимые сословия, опираясь на помощь царского правительства. И хотя царизм проводил колонизаторскую политику, присоединение Балкарии к России имело прогрессивное значение в экономическом, политическом и культурном плане.

Другой известный ученый Л. И. Лавров писал, что присоединение к России оказало огромное влияние на последующую историю карачаевского и балкарского народов. В результате его в Карачае и Балкарии утвердились мирные условия жизни. В прежние времена настоящего мира никогда там не было. Присоединение к России избавило карачаевцев и балкарцев от произвола со стороны кабардинских князей. Большинство других положительных результатов присоединения обнаружилось несколько позже, когда Карачай и Балкария, уже как составные части России, оказались втянутыми в общероссийский поток социально-экономического развития. Это были: крестьянская реформа 1867 г., значительный рост поголовья скота в пореформенное время, внедрение новых сельскохозяйственных культур (кукуруза в предгорьях и картофель в горах), проведение первых колесных дорог, рост торговых связей, появление первых промышленных предприятий и начатков школьного образования, ускорение процесса классовой дифференциации населения и пробуждение революционной борьбы. Таковы были главнейшие результаты присоединения Карачая и Балкарии к России [7, 90].

Оценки ученых последующих годов мало отличались от официальной версии изложенной выше. В 1982 г. в сборнике «Великий октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа». Здесь целый ряд статей был посвящен проблемам присоединения Северного Кавказа к России. А.Л. Нарочницкий [8, 25-36] также акцентировал внимание на прогрессивности присоединения к России. Это способствовало, по его мнению, укреплению безопасности и ослаблению угрозы со стороны Османской империи и Ирана. Одним из проявлений прогрессивности была ликвидация

такого явления как рабство и работорговля. Аналогичных взглядов придерживается и М. М. Блиев, который в том же сборнике опубликовал статью где представил историографию проблемы присоединения Народов Северного Кавказа к России [9, 241-248]. Характерно что при рассмотрении вхождения Кабардино-Балкарии он не разделял время присоединения Балкарии от Кабарды. По всей видимости М. М. Блиев придерживался мнения, что Балкария автоматически становилась частью России в момент вхождения в ее состав Кабарды.

В начале 60-х гг. заметно усилился исследовательский интерес к результатам реформы в Кабарде и Балкарии. Различные аспекты преобразований осветили Г. Х. Мамбетов [10, 110-148], Т. Х. Кумыкова [11], М. Ч. Кучмезова [12, 204-226] и др., показавшие сложный процесс проникновения капиталистических отношений в повседневность аула.

Крестьянская реформа, несмотря на всю свою уродливость, внесла, замечает Г. Х. Мамбетов, существенные изменения в общественные отношения горских народов. Лишившись даровой рабочей силы и нуждаясь в средствах, феодальная знать, получившая по условиям реформы значительные земельные наделы в частную собственность, стала продавать свои земельные участки. Из 119106 дес., принадлежавших крупным землевладельцам Кабарды и Балкарии, было продано 56074. Он приходит к выводу, что несмотря на значительное развитие элементов капиталистических отношений в Кабарде и Балкарии, феодальные отношения остались господствующими до 1917 г. [10, 148] Этот вывод спорен и критикуется современными исследователями. Так П. А. Кузьминов пишет: «Что автор (Г. Х. Мамбетов — З. К.) имел в виду, неясно, ведь основа феодальных отношений — в феодальной собственности на землю и внеэкономическом принуждении крестьян — была ликвидирована в эпоху реформ 60-х гг. XIX века» [13, 257].

С конца 50-х гг. выходят работы Т. Х. Кумыков освещающие историю балкарского народа, в том числе и реформы 60-х гг. XIX века. Первым в балкароведении ученый освещает историческую обстановку, в которой шла подготовка преобразований, ход освобождения зависимых сословий в горских обществах Балкарии, подчеркивает особенности аграрных отношений, состоящие в том, что балкарские феодалы отказались несмотря на давление кавказской администрации, признать землю в горах общинной [11, 129].

Крестьянской реформе уделено внимание в первом обобщающем труде по истории Балкарии [4, 98]. Автором главы, в которой освещается отмена крепостного права, был Т.Х. Кумыков. Он считал, что несмотря на грабительские условия освобождения, здесь, как и в Кабарде начали развиваться капиталистические отношения. Реформа была «чисткой земель» для развивавшегося вширь русского капитализма и способствовала втягиванию окраин в систему всероссийского рынка. В результате реформы были значительно подорваны основы феодальной системы хозяйства: натуральное хозяйство, власть феодалов над крестьянами, замкнутость и т.д. Крестьянин из бесправного раба, представлявшего собственность своего господина, превращался в личность, обладающую известными правами. Реформа разрушила сословность феодального землевладения, и хотя она полностью не уничтожила феодально-крепостнические отношения, приспособила Кабарду и Балкарию к интересам русского капитализма, создала предпосылки для развития буржуазных отношений [4, 98].

Среди специальных исследований по проблеме землевладения и землепользования в Балкарии следует отметить работы М. Ч. Кучмезовой, в 1968 г. защитившей кандидатскую диссертацию на тему «Крестьянство Балкарии в пореформенный период» [14] и продолжавшей эту тематику в своих статьях [12]. Она показала расширение земельных владений таубиев в результате «освобождения» крестьян, а также утверждение и усиление института частной собственности за счет «высочайшего пожалования» в конце XIX в. феодалам значительных земельных участков за знатность и «заслуги перед империей».

Она считает, что в пореформенный период обычай преимущественного права родственников на покупку и выкуп земли «утратил свою безапелляционную силу и не мог уже быть серьезной броней родовой фамильной собственности. Земля превращалась в товар, который переходил путем купли-продажи к различным социальным группам» [15, 50].

Проведенный анализ дал М. Ч. Кучмезовой основание для вывода о том, что складывавшиеся у балкарцев формы землевладения регулировались нормами обычного права, но институты обычного права изменились под влиянием элементов капиталистических отношений, проникавших в балкарские общества [12, 204-226].

Таким образом, историческая литература 60-80-х гг. XX в. посвященная вопросам взаимоотношения народов Северного Кавказа и в частности балкарцев с Россией, исходила в основном из той концепции, что присоединение народов Северного Кавказа к России было явлением прогрессивным, имевшим огромную историческую перспективу. При этом особо подчеркивалось, что положительное значение заключалось в том, что они получали больше возможностей для развития экономики, культуры, укрепления обороноспособности. Этим, в свою очередь, объяснялось добровольность вхождения народов Северного Кавказа в состав России.

Оценивая реформы второй половины XIX века большинство исследователей указывало на то, что реформа была грабительской в отношении крестьян, но имела прогрессивное значение для экономики и социальных отношений. Способствовала развитию торговли и капитализма.

Примечания

1. Очерки истории балкарского народа/Под.ред. А.В. Фадеев. М.: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1961. 218 с.; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М.: Изд-во Акад. наук, 1963. 371 с.; Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. 420 с.; История Кабардино-Балкарской АССР./Под. Ред. Т. Х. Кумыкова. Т. 1. М.: Наука, 1967. 477 с.

2. Смирнова Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. Изд-во социально-экономической литературы. М., 1958. 241 с.

3. Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. Издательство Академии наук СССР. М., 1960. 402 с.

4. Очерки истории балкарского народа/Под.ред. А. В. Фадеев. М.: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1961. 218 с.

5. История Кабардино-Балкарской АССР./Под. Ред. Т. Х. Кумыкова. Т. 1. М.: Наука, 1967. 477 с.

6. Азаматов К. Г. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX в. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1968. 108 с.; Азаматов К. Г. К вопросу о русско-балкарских отношениях в XVIII в. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI-70-е XX в.). Грозный: Чечен.-Ингуш. кн. изд-во, 1982.

7. Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х гг. XIX в. // КЭС. М., 1969. Т.4.
8. Нарочницкий А.Л. Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа // Великий октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа-Грозный: (XVI в.70-е годы XX в.), 1982.
9. Блиев М.М. Историография проблемы присоединения народов Северного Кавказа к России // Великий октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа-Грозный: (XVI в.70-е годы XX в.), 1982.
10. Мамбетов Г.Х. К вопросу о проникновении капиталистических отношений в экономику Кабарды и Балкарии во второй половине XIX-начале XX в. // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961. Вып. 9.
11. Кумыков Т.Х. Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии. Нальчик, Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. 172 с.; Он же. Вовлечение Северного Кавказа во все-российский рынок. Нальчик, 1962. 198 с.
12. Кучмезова М. Ч. Проникновение капиталистических отношений в экономику балкарских обществ в пореформенный период // УЗ КБНИИ, 1967. Т. 25 С. 59-82; Ее же. Землевладение и землепользование в Балкарии по обычному праву в XIX веке // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1972. Вып. 6.
13. Кузьминов П. А. Эпоха преобразований 50-70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в новейшей историографии. Нальчик, 2011.536 с.
14. Кучмезова М. Ч. Крестьянство Балкарии в пореформенный период. Нальчик, 1968.
15. Сабанчиев Х. А. Поререформенная Балкария в отечественной историографии. Нальчик, 1989.440 с.

И. С. ТАХУШЕВА
студентка КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

**ВОПРОСЫ ОСВЕЩЕНИЯ КАВКАЗА
В ОТДЕЛЕ ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННОК» «КРИТИКА
И БИБЛИОГРАФИЯ» В 40-50-Х ГГ. XIX В.**

В статье рассматривается публицистическая и библиографическая деятельность сотрудников «Современника», которая позволила разобраться во взглядах передовой российской общественности на кавказскую политику правительства. Публикации выражали политическую позицию журнала, формируя мнение российского читателя, информация при этом подавалась избирательно, часто обсуждались и анализировались лишь сообщения русских офицеров и писателей о событиях на Кавказе.

Ключевые слова: журнал, газета, Кавказ, критика, библиография

**LIGHTING CAUCASUS AT THE MAGAZINE
«CONTEMPORARY» «BOOK REVIEW» IN 40-50'S.
XIX CENTURY**

The article deals with journalistic and bibliographic activities of employees «Contemporary», which allowed to understand the views of the public on the best Russian Caucasus policy of the government. Publications expressed political position of the magazine to form an opinion of the Russian reader, the information thus supplied selectively, often discussed and analyzed only the message of the Russian officers and writers of the events in the Caucasus.

Keywords: magazine, newspaper, the Caucasus, criticism, bibliography

Журнальные издания во все времена являются массовым и доступным видом печати, активно воздействующим на жизнь общества, на коллективное сознание, на ход социальных событий. Злободневность изучения истории периодических органов и их деятельности обусловлена интенсивными, противоречивыми процессами

в сфере масс-медиа и их влиянием на политическую, социальную, духовную жизнь страны.

Во второй половине XIX в. усилилась роль библиографии в идейно-политической и научной жизни. В передовых журналах отделы критики и библиографии использовались в качестве своеобразной трибуны для распространения общественно значимых, авангардных идей. Огромное значение для развития библиографии имела деятельность сотрудников «Современника» Н.Г. Чернышевского, который осуществлял широкую пропаганду «заслуживающей внимания книги», и Н.А. Добролюбова, считавшего, что библиография должна служить прогрессивным общественным интересам. С переходом созданного в 1836 г. великим поэтом А.С. Пушкиным «Современника» в 1846 г. к Н.А. Некрасову и И.И. Панаеву, в журнале произошли изменения, особенно заметные в структурной части: пришедший в журнал В.Г. Белинский создал критико-библиографический отдел «Современника». Он утверждал, что «для журнала библиография есть столько же душа и жизнь, сколько и критика» [1, 48].

Ретроспективное изучение публикации обзоров книг и газет в период с 1847 по 1857 год значимо с точки зрения выявления отношения центрального периодического издания к трудам о Кавказе, получения информации о Северо-Кавказском регионе. Особо ценны описания книг, их разборы, выражение собственных позиций рецензентов в емких библиографических сводках.

Верхние хронологические рамки обусловлены появлением последней библиографической работы в рассматриваемом отделе, выбор нижних — выше обоснован. В целом, в ходе исследовательской работы выявлено 24 заметок в отношении Северо-Кавказского региона в отделе «Критика и библиография» в «Современнике».

Рассматриваемые статьи можно объединить в несколько групп: **а)** анализ на страницах журнала периодических изданий, в частности газеты «Кавказ»; **б)** материалы о Кавказской войне; **в)** путевые очерки; **г)** некоторые издания «Кавказского календаря»; **д)** книги, затрагивающие разные аспекты жизни народов Кавказа.

Большую роль в изучении Кавказа и его народов в географическом, статистическом, историко-этнографическом плане сыграла русская периодическая печать, способствовавшая в то же время появлению из коренных народностей большого числа талантливых исследователей, давших науке ценные сведения о жизни своих народов [2, 94].

Исключительно важное значение имело основание в Тифлисе газеты «Кавказ» (1846-1917), поставившей целью «ознакомить соотечественников с любопытнейшим краем, еще малоизученным» [3, 85], его многочисленными, разноплеменными и разноязычными народами. Выход в свет газеты приветствовал В.Г. Белинский на страницах журнала «Современник», который писал в 1847 году: «Это издание, по своему содержанию столь близкое сердцу даже туземного народонаселения, распространяет между ним образованные привычки и дает возможность грубые средства... заменить полезными и благородными; с другой стороны, газета «Кавказ» знакомит Россию с самым интересным и наименее известным ее краем... Верная своему социальному назначению, эта газета вполне достигает своей цели: ее содержание — неистощимый магазин материалов для истории, географии, статистики и этнографии Кавказа» [4, 85]. Кроме официальных документов, печатались многочисленные материалы по истории, культуре, археологии, экономике края, библиографические обзоры, заметки о пограничных странах.

Газета «Кавказ» являлась частным изданием, издававшимся по инициативе наместника России на Кавказе князя М.С. Воронцова с 1846 года, поэтому «Кавказ» пользовалась поддержкой правительства (новая газета способствовала русификации окраин), будучи заявлена как политико-литературный орган, предназначенный для распространения в крае полезных сведений и современных известий для ознакомления России с особенностями жизни, нравов и обычаев племен, населяющих Кавказский край.

Материалы Кавказской войны представлены в критико-библиографическом отделе «Современника» 7 заметками: отрывками из рукописи подполковника А.А. Неверовского «Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье» [5, 1-32], «Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношении» [6, 85-100], «Истребление аварских ханов в 1834 г.» [7, 1-32], «О начале беспоконийств в Северном и Среднем Дагестане» [8, 85-100]; книгой Д.А. Милютина «Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане» [9, 19-24]; сочинением Е. Вердеревского и Н. Дункель-Веллингга «Шамиль в Париже и Шамиль поближе» [10, 64-65]; книгой Я.И. Костенецкого «Записки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 г.» [11, 68-71].

Всякая весть о Кавказе в первой половине XIX в., как бы она ни была недостаточна и отрывочна, возбуждала живейшее любопытство в России и за рубежом. Ведь там велись упорные бои, лилась кровь, и, вместе с тем, строились города и села, мосты и дороги, школы и больницы. Естественно, что «Современник» внимательно следил за ходом кавказских дел, собирал и публиковал материалы, в частности, отрывки из рукописи подполковника А.А. Неверовского. В них представлены описание военных действий на Кавказе, пролог дагестанской войны — появление Кази-Муллы, его набеги и кончина, описание Северного и Среднего Дагестана, к которому приложена небольшая карта, сведения о нравах и учреждениях дагестанцев. Основываясь на сочинениях русского подполковника, периодическое издание постаралось сделать для своих читателей беглый статистический очерк Кавказа, и в особенности восточной его половины. Для российской аудитории, живо интересующейся далеким регионом, но не имевшей возможности, кроме различных слухов и рассказов, получить сведения о нем, материалы не только о военных экспедициях, но и топографические, статистические, исторические данные от ведущего российского издания были весьма познавательны.

В 1855 г. в Тифлисе вышло сочинение Е. Вердеревского и Н. Дункель-Веллинга «Шамиль в Париже и Шамиль поближе». Книга представляла собой опровержение ложных, сильно идеализированных представлений о Шамиле, ставших популярными во Франции в связи с Восточной войной и основанных на антироссийских настроениях [12, 78]. «Современник» перепечатал первую страницу сочинения, где содержатся любопытные наблюдения относительно восприятия русской действительности во Франции. Критический анализ Н.А. Некрасова брошюры Е. Вердеревского и Н. Дункель-Веллинга «Шамиль в Париже и Шамиль поближе» начинается как раз с истории о невежестве французов. В одной из парижских драм о российской истории Петр Великий появлялся на сцене «в чалме с пером и в бархатном халате с галунами» и жаловал Меншикова «не только в князя, но даже в Долгорукие». Французская публика «не только не находила нелепым подобное представление, но внимала ему с радостным сожалением о северных варварах!» [13, 8].

В Крымскую войну французы, не вникая в историю, нашли себе нового кумира, отдаленного союзника, — кавказского горца Шамиля, ведущего борьбу против России. О нем во Франции писали кни-

ги, диссертации, создавали театральные постановки. Авторы брошюры опровергли «вымысел о Шамиле», ибо «каждому просвещенному» претит «самонадеянное незнание России» [14, с. 65]. При этом мнение иноземцев анализируется в первую очередь с точки зрения адекватности или неадекватности отображения действительности. Несправедливый негативный отзыв, естественно, вызывает потребность отклика-опровержения. Как видим, журнальные обзоры под видом культурных новостей, умело актуализировали для читателя наиболее важные и тревожные политические вопросы.

Книга Я.И. Костенецкого «Записки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 г.» получила восторженные отзывы от сотрудников «Современника». Публикация повествования о походе русских войск против восставших горцев Кази-муллы и комментарии к нему делали журнал политическим «рупором» в России. В записках Костенецкого нашли отражение горный Дагестан, области Чечни, бои русских с горцами, штурм аула Хунзах, других укрепленных пунктов мюридов, сторонников Кази-муллы. В этом сочинении, «оригинальном», «свежем», производящем приятное впечатление ввиду занимательности и важности описываемого предмета, высокий слог, наконец, по мнению редакторов «Современника», уступил место фактам, столь необходимым российской публике [15, 70].

Очерк Д.А. Милютин «Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане» был подробно разобран и изучен сотрудниками «Современника». Полковник Милютин, будущий военный министр Российской империи, участвуя в экспедиции 1839 г. в Дагестане, среди военных трудностей и служебных обязанностей, употреблял свой досуг на собрание сведений о русских военных действиях и издал их описание в 1850 г., в том числе ключевого сражения этого похода, осады Ахульго. Работники библиографического отдела журнала прокомментировали причины освещения в их издании данной книги. Так как уже почти полвека шла война с «полудикими горцами», сравнительно малочисленными, «невежественными в военном искусстве», русский народ удивлялся сложности их окончательного покорения. Любопытство всех было обращено на Кавказ, к военным действиям против горских народов, особенно, когда благоденствие России не возмущалось уже давно никакими внешними врагами. Недоумение и сомнение в собственном могуществе России происходило, по мнению «Современника», из-за отсутствия должной информации о Кавказе и его войне, необходимых знаний

о местных народах. Из-за недостаточности верных сведений, получаемых с фронта военных действий, люди неосновательно судили о легкости покорения кавказских народов. При всеобщем интересе русского народа к делам Кавказа, публикация описаний Милютина в журнале была вполне закономерна. Из его простого очерка выходила довольно ясная картина, дающая понятие о Кавказской войне даже не знающему этого региона, и удовлетворяющая то любопытство, какое возбуждено было в обществе знаменитой восьмидесятидневной осадой Ахульго, первым примером на Кавказе такой долговременной осады горского укрепления [16, 20].

Таким образом, по нашему мнению, публицистическая и библиографическая деятельность сотрудников «Современника» во многом позволила разобраться во взглядах передовой российской общественности на кавказскую политику правительства. Публикации выражали политическую позицию журнала, формируя мнение русского читателя, информация при этом подавалась избирательно, часто обсуждались и анализировались лишь сообщения русских офицеров и писателей о событиях на Кавказе.

Важными для «Современника» являлись сообщения об издаваемых путевых заметках и их разбор в отделе критики и библиографии. Два путевых очерка в отношении Кавказа получили критические отклики периодического издания: «Путешествие по Востоку. Путешествие по Дагестану и Закавказью» ориенталиста, профессора И.Н. Березина [17, 79-86], исследовавшего современный быт народов, языки, литературу и древности восточных государств, и «Закавказский край. Путевые впечатления и воспоминания барона Августа фон Гакстгаузена» в двух частях [18, 64-69], где сообщалось о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. По итогам подробного, по главам, анализа отрывка из «Путешествия по Востоку» Березина, «Современник» пришел к выводу, что он вполне знакомит читающую публику с местностью и историей Дагестана и Закавказья, нравами и обычаями здешних жителей, а что важно, кроме примечаний, где помещены различные ссылки, извлечения из восточных сочинений, мелкие подробности и др., в конце своего труда Березин приводит таблицу метеорологических наблюдений, произведенных в Баку, Тарху и Дербенте; дорожник от Тарху до Астаринского поста, составленный по кавказскому календарю и дневнику автора; таблицу городов Дагестана и Закавказья, с обозначением расстоя-

ния до Тифлиса; статистическую таблицу города Дербента за 1842 г.; статистическую таблицу города Баку за 1841 г. и др. А в самом тексте книги, как заметили редакторы периодического издания, находятся еще изображения Дагестана, видов Дербента, плана города Дербента и пр., что в совокупности делает сочинение Березина важнейшим источником по изучению истории Кавказа.

Одним из наиболее ценных справочных изданий дореволюционного Кавказа является «Кавказский календарь», издававшийся в Тифлисе, при Главном управлении Кавказского наместника, ежегодно с 1845 по 1917 г. В нем собраны статистические, справочные и адресные сведения о Кавказском крае. Оценка и исследование кавказских календарей разного периода на страницах журнала являлось продолжением целенаправленного знакомства российской читающей публики с кавказскими народами. В журнале были прокомментированы пять номеров «Кавказского календаря» за 1851 [19, 91-92], 1852 [20, 39-49], 1853 [21, 3-11], 1854 [22, 28-36], 1855 [23, 14-15] года. В календаре за 1851 г., например, как отмечают редакторы «Современника», статей географических и статистических весьма много, из них можно заимствовать обстоятельные и важные данные. Путешественники смогут найти в этой книге полезное пособие, например, составленный О.И. Константиновым подробный «Путеводитель по Черноморию, Кавказскому и Закавказскому краю от Тамани до Тифлиса», а для статистиков особенно будут любопытны: статья Орловского об Эриванской губернии, преимущественно в хозяйственном отношении, статья Уманца об Араксе и о местностях, по которым она протекает, таблица о числе учебных заведений, таблица учащихся в кавказском учебном округе в 1850 г. и др. В статистическом обозрении календаря 1852 г. даются список монастырей и церквей в Кавказском крае по губерниям, что помогает разобраться в расселении различных народов в этом регионе, демографические показатели в 1849 г. в Кавказском и Закавказском краях, таблица учебных заведений на 1851 г. и пр.

Таким образом, публикация на страницах «Современника» выпусков «Кавказских календарей» углубляла знания русского народа о Кавказе достоверными статистическими, справочными данными.

В последнюю группу материалов, извлеченных из периодического издания, мы объединили различные критические статьи, освещающие разнообразные аспекты жизни народов Кавказского края: отзывы на книгу М.С. Селезнева «Руководство к познанию Кавказа»

[24, 103-104], на книгу «Кавказские минеральные воды, описанные доктором Норманом» [25, 162], на «Дорожник Закавказского края» О.И. Константинова [26, 45], на труд Н.Е. Торнау «Изложение начал мусульманского законовещения» [27, 77-79], разбор Чернышевского издания Е.А. Вердеревского «Зурна, закавказский альманах» [28, 1-7].

Высокая критичность, с которой обрушилась редакция на «Руководство к познанию Кавказа» М.С. Селезнева, вызывает интерес к ее содержанию. Объясняя свою позицию по отношению к труду Селезнева, сотрудники указывают, что автор долгое время находился в изоляции в лесу, и именно там, по-видимому, и написал свою книгу, отличающуюся «дикостью», «ничтожностью», «сухостью», «скучностью», «странностью» [29, 103-104]. По мнению журнала, долгое пребывание в лесу оставило разительные следы на слог и образе мыслей автора и даже отучило его от той степени скромности, которая заставляет людей, не живущих в лесу, не слишком распространяться о достоинстве собственных трудов. Может быть, это и подвигло сотрудников «Современника» на разбор книги Селезнева.

На заявленный в заглавии тезис о возможности найти всем условиям в этой работе необходимые им знания, «Современник» отвечает одной язвительной фразой: «Вот что значит, человеку надолго попасть в лес!» [29, 104]. Журнал, однако, отложил полный разбор «Руководства к познанию Кавказа» до выхода остальных частей сочинения Селезнева, отметив, что если «Современник» будет хранить молчание и по выходе их, то читатель посчитает, что в них так же нет и двух, трех сведений о Кавказе, сколько-нибудь интересных для читателя. Поэтому, можно было надеяться, что в скором времени на страницах журнала «Современник» появятся аналитические сводки относительно пока еще не изданных частей труда М.С. Селезнева.

Таким образом, характер влияния периодической печати на формирование образа мыслей читателей, на общественное мнение здесь показателен, ведь во многом журнал подчинял и направлял в нужное ему русло коллективное сознание. И при ознакомлении с анализом книги, проведенной передовым периодическим изданием, у большинства читателей, на наш взгляд, отпало бы желание обогатить свой багаж знаний содержанием данного сочинения.

На страницах журнала в 1848 г. появилось описание П.Л. Пиккулиным, адъюнктом терапевтического отделения госпитальной

клиники при Московском университете, книги доктора Нормана о Кавказских минеральных водах, исследовавшего их целительные свойства в течение 6 лет.

Пикулин отмечает, что Г. доктор Норман написал целую книгу, чтобы доказать целительное действие Кавминвод, что труд его похвален и составлен добросовестно, так как Норман приводит множество собранных им примеров необыкновенного, почти чудесного исцеления самых тяжких болезней кавказскими водами, наблюдения доктора подтверждены конкретными случаями лечения из жизни. Основная мысль, проходящая красной нитью в небольшом разборе, заключается в стремлении автора донести до читателей идею при первой же болезни отправиться без малейшего колебания на Кавказ, чтобы убедиться на самом деле в справедливости наблюдений, сделанных почтенным доктором. Эффект нарзановых ванн, как показала практика лечения, действительно был, но автор, безусловно, преувеличил их воздействие на человека.

О.И. Константинов составил «Дорожник по пути следования Е.И. В. Государя Наследника по Закавказскому краю в 1850 г.», где описаны подробно и тщательно все местности, находившиеся на пути следования Цесаревича. К описаниям присоединены весьма любопытные примечания, исторические, статистические, этнографические. По мнению «Современника», труд Константинова был составлен хорошо, и мог принести в то время большую пользу всем тем, кто собирался путешествовать в этой занимательной и так мало еще известной для русского народа области обширной Российской империи.

Издание первого закавказского литературного сборника «Зурна» в 1855 г., редактором которого был Е. А. Вердеревский, восторженно было встречено сотрудниками передового русского периодического издания, так как оно свидетельствовало об усилении литературной деятельности на Кавказе. Альманах состоял из прозы и стихов, являвшихся, по мнению редакторов «Современника», литературным достоинством грузинского народа.

Труд Н.Е. Торнау «Изложение начал мусульманского законоведения», по мнению самого автора, имел практическую пригодность к управлению мусульманскими племенами Российской империи и ознакомлением правительственных лиц, администраторов и судей с аспектами основ мусульманского законоведения. Действительно, в исследовательской работе помимо теоретических вопросов ре-

лигии подробно освещаются практическое их приложение на примере общественной и правовой жизни Закавказского края и других губерний Российской Империи первой половины XIX в., особенное внимание обращено на гражданское, уголовное и судебное право мусульман. «Современник» пришел к необходимости разбора данной книги ввиду сложности нахождения каких-либо сведений о судебной практике и обычаях мусульман, за исключением сообщений европейских авторов, что повышало значимость и ценность труда Николая Торнау, использовавшего при написании книги и исследования европейских ученых, и Коран, и судебную практику, и советы сведущих людей.

Таким образом, изучив библиографическую деятельность «Современника» в 1840-50-х гг., мы пришли к следующим выводам. Во-первых, библиография имеет целью информировать читателя о существующих трудах и об их ценности, и «Современник» в лице своих главных сотрудников последовательно занимался разбором книжных и газетных изданий.

Во-вторых, опубликованные редакторским составом эти разборы и критические сводки мы объединили в 5 групп по характеру содержания для удобства исследования: периодические издания, материалы о Кавказской войне, путевые очерки, выпуски «Кавказского календаря», работы, освещающие разные моменты жизни кавказских народов.

В-третьих, оценки опубликованных на страницах журнала в 1840-50-х гг. описаний книг и газет о Кавказе работниками периодического органа печати были амбивалентны. Как в случае, например, с газетой «Кавказ», трудами Костенецкого, Константинова, Березина, одни получили восторженные отзывы, а другие, как с трудом Селезнева, были раскритикованы.

В-четвертых, выявленные сведения, опубликованные в критико-библиографическом отделе «Современника», показывают всплески интереса к отдельным книгам, статьям, газетам, выходящим в XIX в., напротив его угасание, или вообще игнорирование работ, когда они не имеют, с точки зрения журнала, особой ценности.

В-пятых, «Современник» в рассматриваемый период являлся своеобразным политическим «рупором», как в России, так и за границей. Многие научные труды, отражавшие исторические факты, современные события, вызывавшие живой интерес читателей, журнал активно публиковал на своих страницах, удовлетворяя

любопытство читающей публики, но вместе с тем и формируя общественное мнение на основе своих оценок и замечаний.

Примечания

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1953. Т. 2.
2. Казиев Ш. М. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. М., 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litmir.net/bd/?b=145523> (дата обращения: 28.04.2014).
3. Белинский В. Г. Сборник газеты «Кавказ», издаваемый О. И. Константиновым. Первое полугодие 1846 года. Тифлис. 1846 // Современник, 1847. Т. 1.
4. Там же.
5. Неверовский А. А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848 // Современник, 1849. Т. 17.
6. Неверовский А. А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношении. СПб., 1847 // Современник, 1848. Т. 7.
7. Неверовский А. А. Истребление аварских ханов в 1834 г. СПб., 1848. // «Современник», 1849. Т. 17.
8. Неверовский А. А. О начале беспокойств в Северном и Среднем Дагестане. СПб., 1847. // «Современник», 1848. Т. 7.
9. Милютин Д. А. Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане // Современник, 1850. Т. 22.
10. Вердеревский Е. Дункель-Веллинг Н. Шамиль в Париже и Шамиль поближе // Современник, 1855. Т. 51.
11. Костенецкий Я. И. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 г. // Современник, 1851. Т. 26.
12. Орехов В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX в. Симферополь, 2008.
13. Первых Д. К. Крымская война глазами зрителя: театр, игра, солдатская пьеса (1853-1856)
14. Вердеревский Е. Дункель-Веллинг Н. Указ.соч.
15. Костенецкий Я. И. Указ.соч.
16. Милютин Д. А. Указ.соч.
17. Березин И. Н. Путешествие по Востоку. Путешествие по Дагестану и Закавказью // «Современник», 1850. Т. 20.
18. Закавказский край. Путевые впечатления и воспоминания баро-

- на Августа фон Гакстаузена. СПб., 1857 // «Современник», 1857. Т. 65.
19. Кавказский календарь на 1851 г. Тифлис, 1850 // Современник, 1851. Т. 25.
20. Кавказский календарь на 1852 г. Тифлис, 1852 // Современник, 1852, Т. 31.
21. Кавказский календарь на 1853 г. Тифлис, 1852 // Современник, 1853. Т. 38.
22. Кавказский календарь на 1854 г. Тифлис, 1853 // Современник, 1854. Т. 45.
23. Кавказский календарь на 1855 г. Тифлис, 1854 // Современник, 1855. Т. 50.
24. Селезнев М.С. Руководство к познанию Кавказа. СПб., 1847 // Современник, 1847. Т. 6.
25. Пикулин П.Л. Кавказские минеральные воды, описанные доктором Норманом. СПб., 1848 // «Современник», 1848. Т. 11.
26. Дорожник Закавказского края О.И. Константинова // «Современник», 1851. Т. 25.
27. Торнау Н.Е. Изложение начал мусульманского законовещения. СПб., 1850 // «Современник», 1851. Т. 27.
28. Чернышевский Н.Г. Журна, закавказский альманах. Изд. Е. А. Вердеревского. Тифлис, 1855 // «Современник», 1855. Т. 52.
29. Селезнев М.С. Указ.соч.

А. А. МАГОМЕТОВ,
аспирант СОГУ
З. Ф. ХОЗИЕВ
аспирант СОИГСИ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ТРАДИЦИОННЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ В ТРУДАХ Ф. И. ЛЕОНТОВИЧА

В статье, на основе классического исследования Ф.И. Леонтовича исследуются проблемы взаимодействия органов российского государства и осетинского общества в деле правового воспитания в Осетии в середине XIX века. Изучение и обобщение данного опыта, выявление важнейших черт деятельности судебных учреждений с учетом этнорегиональной специфики будет способствовать появлению предложений теоретического и практического характера в целях укрепления институтов российского государства и права, а кодификацию обычного права осетин следует рассматривать как важнейшее средство правового воспитания способствующая взаимодействию власти и общества.

Ключевые слова: Леонтович, Осетия, кодификация, общество, право, государство, правовое воспитание, аккультурация.

INTERACTION BETWEEN STATE AND OSSETIAN SOCIETY IN LEGAL EDUCATION IN OSSETIA IN THE MID-NINETEENTH CENTURY

In the article, on the basis of classical studies of Leontovich is researched the problem of interaction Russian and Ossetian society in the legal education in Ossetia in the middle of the 19th century. The study and generalization of this experience, the identification of the most important features of judicial institutions, taking into account of ethno-regional specificities will lead to the theoretical and practical nature of the proposals to strengthen the institutions of the Russian State and law and codify customary law of the Ossetians should be seen as a major tool of legal education promotes interaction between the authorities and society.

Keywords: Leontovich, Ossetia, codification, society, law, State, legal education, acculturation.

По справедливой мысли видного ученого в области истории государства и права России, профессора И. А. Исаева «россий-

ское право, как и российская государственность — это единый процесс со множеством нюансов и повторений. Особенности его «национального» характера прослеживаются в правовых построениях, структурах, языке права [1,687].

Видная роль в деле организации взаимодействия власти и общества в середине XIX века принадлежит выдающемуся представителю российской интеллигенции Фёдор Иванович Леонтович (1833-1911 год). Он окончил юридический факультет Киевского университета. В историю учений о праве и государстве и педагогики он вошел как умелый организатор высшего юридического образования в качестве ректора Новороссийского университета (находящегося в г. Одесса) 1969-1877 годах. Заложенные им традиции подготовки юридических кадров сделали вуз одним из самых притягательных для молодой кавказской интеллигенции. В нем получил высшее образование первый осетин — мэр дореволюционного Владикавказа Гаппо Васильевич Баев — справедливо отмечал профессор С. Р. Чеджемов [2].

О Ф. И. Леонтовиче скупые строки энциклопедических изданий в основном сообщают то, что он был ректором Новороссийского университета (1869-1877). До этого обучался в Нежинской гимназии и бывшем лицее князя Безбородко, по окончании которого поступил на юридический факультет Киевского университета Святого Владимира, окончил который в 1860 году с золотой медалью. В 1864 получил ученую степень магистра государственного права за «Историческое исследование о правах литовско-русских евреев» (Киев, 1863). В 1865 году он был приглашен в Новороссийский университет доцентом по кафедре истории русского права. В 1868 получил ученую степень доктора государственного права за диссертацию «Древнее хорватско-далматское законодательство» (Одесса, 1868) и в том же году произведен в должность экстраординарного и затем ординарного профессора Новороссийского университета по кафедре истории русского права.

В 1879 он был избран деканом юридического факультета, а в 1881 — проректором Новороссийского университета, потом занимал кафедру в Варшавском университете до 1903. Действительный статский советник. Награжден орденами: св. Анны 2 степени с Императорскою короною и св. Владимира 3 степени. Состоял действительным членом Сербского ученого общества в Белграде и Общества истории и древностей в Одессе.

Между тем опубликованные в начале 80 годов XIX века труды профессора права Одесского университета Федора Леонтовича в виде двухтомника (или как значится в оригинале 2 выпусков) материалов по обычному праву Северного и Восточного Кавказа под общим названием «Адаты кавказских горцев» явились поистине энциклопедическим изданием характеризующим центрального российского государства и обществ Северного Кавказа, в том числе и осетинского по широкому кругу общественно значимых вопросов. Этот труд позволяет с большой долей убедительности говорить о характере правовых взаимоотношений в осетинском обществе, и, в целом, о системе обычного права горских народов Кавказа [3].

Как справедливо отмечал сам составитель, сведения были извлечены из собрания рукописей, подаренных Одесскому университету секретарем Ставропольского статистического комитета Б. В. Бентковским. Это были материалы, собранные в середине XIX века известными исследователями жизни и быта кавказских народов, многие из которых ни до, ни после Ф. И. Леонтовича не издавались, да и за редким исключением не анализировались в историко-правовом контексте.

Данное оценочное высказывание в полной мере относится к истории обычного права осетин. В работе Леонтовича помещены тексты: «Адаты осетин 1836 года», «Сведения об адате и суде осетин 1844 года», «Древние обряды дигорского общества 1844 года», «Выписка о правах и обычаях жителей Владикавказского округа 1849 года», «Описание вредных народных обычаев, существовавших в туземных племенах Военно-осетинского округа 1856 года», «Циркуляр начальника Осетинского округа, полковника Муссы Кундухова, относительно кровной мести и некоторых других вредных обычаев» [3].

Таким образом, в работе Леонтовича были опубликованы собранные им и составленные в начале 40 годов XIX века адаты осетин. Они были обнародованы и одобрены старейшинами осетинских селений на специальном всеосетинском собрании старейшин. Они отражали систему осетинского обычного права, сложившуюся в обществе. Юрисдикция Адаатов распространялась на следующие виды преступлений: 1) убийство, 2) нанесение увечий, 3) насилие, 4) оскорбление женщин и девушек,

5) кража, 6) грабеж, 7) ложное донесение, 8) лжесвидетельство, 9) оскорбление приезжего гостя.

Примечательным является отражение в адатах вопросов, которые можно отнести к процессуальному праву. Статьи 69-84. Здесь описывались суд и процесс по адату. К суду обращались в случае, если истец и ответчик желали решить проблему в соответствии с адатом.

Сам судебный процесс заседания проходил следующим образом: обе стороны садились по разные стороны на таком расстоянии, чтобы их разговоры не были слышны другой стороне. Для судебного обращения стороны избирали посредников. В зависимости от сложности дела количество их колебалось от 1 до 5. Когда стороны приходили к общему мнению, то приступали к выбору судей.

По обычаю, сторона истца выбиралана одного члена суда больше, чем сторона ответчика. Количество судей даже при разрешении таких важных дел, как убийство не превышало 9 человек. Согласно ст. 72 адатов, каждая из сторон имела право не согласиться с предложением той или иной кандидатуры в качестве судьи. В этом случае предлагалась новая кандидатура и так было до того времени, пока состав суда не был полностью сформирован. После этого суд приступал к работе, т. е. он фактически оглашал уже заранее принятое решение посредников. Не называя точного размера штрафа, суд требовал предоставить поручителей. В отличии от адатов других северо-кавказских народов, например, чеченцев, адат осетин требовал, чтобы ответчик заплатил представителям сторон специальную плату.

Согласно ст. 76, во избежание отказа со стороны поручителей от своих обязанностей, суд избирал со стороны истца и со стороны ответчика по одному свидетелю. Деятельность их у осетин также была оплачиваемой. После того, как ответчик почти полностью рассчитывался с истцом, первый, согласно ст. 77, был обязан устроить угощение всем судьям, стороне истца и всем тем, кто участвовал в судебном разбирательстве.

Ст. 78 допускала, что плата по решению суда растягивалась на неопределенное количество лет. Она фактически могла пережить ответчика и, в таком случае, переходила по наследству от отца к сыну, а в случае бездетности его, то к брату покойного.

Статья 79 предусматривала возможность начисления пеннипо истечении года, в течение которого не была уплачена определенная часть долга.

Статья 82 устанавливала, что при рассмотрении дел о наследстве, в суде собирались лишь одни родственники.

Статья 83 предусматривала возможность применения духовного суда и присяги. Они использовались в тех случаях, когда не было веских доказательств, а обвинение основывалось только на подозрениях.

Судебные дела разбирались на ныхасе. Судебные решения подлежали официальному оглашению, а исполнение было строго обязательно для всех.

Согласно «Положению об аульных сходах», в селах, имевших 30 дворов коренных жителей или меньше, в сходе участвовали все домохозяева общества; в селах, имевших не более 300 дворов, на сход посылали по 30 выборных; если же количество дворов превышало 300 — выборных было по одному человеку от каждых 10 дворов.

Только в пореформенное время и то изредка на сельском сходе стали появляться и женщины, но только преклонных лет. Они являлись с просьбами либо в качестве свидетельниц по какому-нибудь делу и даже как подсудимые. Все решения сельского схода стали фиксироваться с письменной форме [4,84]. В это же время в осетинских селах существовали суды, избравшиеся из среды общинников — уазданлагов — и действовавшие на основе обычного права. Судьями становились лица пожилого возраста, имевшие достаточный жизненный опыт,

Одним из основных элементов осетинского судопроизводства была присяга. Статья 23 определяла простейший вид присяги. Присягающий, ударяя собаку, говорил: «Пусть она будет за моего покойника». Перед принятием присяги присягающий должен был провести близь церкви целую неделю. Это было временем своеобразного бдения, поста и молитвы. Согласно записанным древним обрядам дигорского общества (1844 г.), присяга принималась у мусульман на Алькоране (Коране), а идолопоклонники принимали ее по обряду в Цуоар, у так называемого святого дерева, у которого они совершали свои молитвы [3, 12].

Так же как и в российском праве, она рассматривалась в качестве доказательства и вместе с тем была для обвиняемого

элементом защиты. Если обвиняемый отрицал свою вину, суд непременно выносил решение о самооправдании присягой. Сила присяги была исключительно велика. Она принималась в крайне редких случаях, к тому же именем наиболее почитаемого в данной местности святого или прахом покойника-родственника.

У осетин, как и других народов Северного Кавказа, прегрешения перед дзуарами (святыми), небом, землей, перед своими покойниками и богом считались всегда страшными преступлениями, за которые эти божества наказывали людей неумолимо строго [5].

Присяга назначалась судом, главным образом, в делах о краже с целью обнаружения преступника или опровержения подозрений. Частым явлением у горцев были земельные споры (конфликты из-за границ, нарушенных межей, присвоения целых участков и т. д.). Для их разрешения суды также назначали присягу. Присягавшие по обычаю должны были набрать в полы своей одежды землю из спорного участка и произнести клятву в священном месте в том, что правильно указывают настоящую границу своего участка. Такая же присяга принималась при земельных спорах у балкарцев.

Присяга должна была обязательно подкрепляться поручительством со стороны родственников, без чего она не признавалась в качестве судебного доказательства и свидетельства со стороны ответчика. Неисполнение приговора суда, нарушение присяги влекли за собой изгнание нарушителя из общины. В общем, судебная присяга у осетин была схожей с судебными присягами не только кавказских народов, но и восточных славян [6].

Основной функцией осетинского суда являлось третейское разбирательство дел, т. е. посредничество между враждовавшими сторонами, примирение кровников, установление размеров компенсации за причиненный ущерб и иные вопросы казуального характера. Судебная практика не кодифицировалась, хотя отдельные элементы прецедентного права в обычном праве осетин прослеживаются в виде народных песен, в которых торжествует закон и справедливость.

Примечательно, что сельские суды формировались по следующему принципу: сельский сход избирал 7 судей не моложе 35 лет; его ведению подлежали все жители села кроме тех, кто принадлежал к привилегированным сословиям и пользовался

особыми правами. В компетенцию суда входили такие вопросы, как тяжбы между жителями, нарушения общественного приличия, умышленная запашка чужого поля, порча заборов, изгородей и т. п.

Согласно адатам, учитывалась тяжесть причиненного поранения, степень его опасности для жизни. Примечательно, что согласно ст. 14 за поражение рук, глаза и ноги предусматривалось плата, равная плате за убийство. Аналогичное наказание полагалось за причинение раны, повлекшей смерть.

Статьи 17 и 18 адатов квалифицировали такие виды преступления, как кража и грабеж. Кража могла совершаться на стороне. В этом случае краденное конфисковалось. За кражу у своих (родственников) помимо конфискации еще предусматривались и штрафные санкции, шестикратно превышающие размер украденного. Из этого штрафа 5/6 отдавалось потерпевшему, а 1/6 шла обществу. Как правило, она шла на примирительный пир.

Согласно адатам в случае грабежа, как и в случае поджога, взыскивался только убыток, ставший результатом этого противоправного деяния. Обычаи тех лет также не предусматривали наказания за обман и мошенничество. Главное объяснение этому заключается в неразвитости товарно-денежных отношений и патриархальной замкнутости осетинского общества.

Статья 19 приравнивала похищение женщин к убийству, но с оговорками. Так, если укравший женился на ней, то он уплачивал только плату за невесту. Вторая оговорка касалась похищения замужней женщины. Это считалось даже более тяжким преступлением, чем убийство. В данном случае наказание предусматривалось равным наказанию за убийство, но, помимо этого, за каждого имеющегося у женщины ребенка полагалось дополнительное наказание, равное наказанию за убийство. Таким образом, по сути дела, происходило суммирование наказания.

Анализируя содержание «Адатов», следует учитывать, что при описании семейных отношений, как впрочем, и иных отношений, в их содержании имеется ряд неточностей. Так, например, в ст. 30 утверждается о том, что при вступлении осетин в брак никаких обрядов не совершается, кроме того, что молодой сажается на колени 2-х или 3-хлетней мальчик и т. д.

Статьи 97-104 закрепляли отношения между членами семьи на принципах патриархата. Согласно статье 98, родители имели

полную власть над своими детьми, они могли безнаказанно изувечить и даже убить своих детей. Никто не был вправе вмешиваться в расправу между родителями и детьми. Впрочем, данная норма носила декларативный характер. Недовольные решением отца сыновья фактически могли апеллировать к совету фамилии.

Прогнать от себя сына, не выделив ему имущественный пай, запрещала 99 статья адатов. Статья 100 запрещала продажу и дарение детей, хотя подобные случаи имели место. Отношения между мужем и женой регламентировались ст. 101 «Муж есть повелитель и судья своей жены, а жена первая работница в доме... Муж имеет право наказывать жену свою за провинности и словами и побоями, даже до увечья и никто в таком случае не вправе вступаться за жену его, ни даже отец или брат ее».

Статья 102 определяла право мужа на развод. Он имел право прогнать от себя жену и получить тогда от ее родственников половину заплаченного за нее калыма. Основания развода в адатах не упоминались. Статья 103 запрещала передать или подарить свою жену. Статья 104 регламентировала право жены уйти от мужа. В таком случае ее отец или брат, либо новый муж должны были заплатить оставленному мужу 45 коров. Содержание данной статьи юридически уникально, и оно свидетельствует фактически о равноправии женщин. Правда данная гипотеза была лишена диспозиции и существовала де-юре. Данное замечание в значительной мере отличает осетинское обычное право от права других народов Кавказа [7].

Обобщая вышеизложенное следует сказать, что к середине XIX века был накоплен значительный положительный опыт взаимодействия власти и общества в деле правового воспитания населения. Изучение и обобщение данного опыта, выявление важнейших черт деятельности судебных учреждений с учетом этнорегиональной специфики будет способствовать появлению предложений теоретического и практического характера в целях укрепления институтов российского государства и права, а кодификацию обычного права осетин следует рассматривать как важнейшее средство правового воспитания способствующая взаимодействию власти и общества.

Примечания

1. Исаев И. А. История государства и права России. М., 2006.
2. Чеджемов С. Р. Ф. И. Леонтович об адатах кавказских горцев как средствах правового воспитания. Новая правовая мысль. 2013. № 1 (56).
3. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Т.1-2. Адаты осетин. Т.2. Одесса, 1883.
4. Канукова З. В. Этнография осетинского пореформенного села. Владикавказ, 1992.
5. Дзидзоев М. У. Общественно-политическая и государственно-правовая мысль в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1979.
6. Владимирский-Буданов В. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1996.
7. Чеджемов С. Р. Правовые отношения на Кавказе в XVIII-XIX веках. Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. 2012. №2.

Ф. Ф. БОГОТОВА,
студентка КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье ставится задача изучения вопроса о типе и формах научных учреждений, в рамках которых осуществлялось изучение прошлого в дореволюционной историографии.

Ключевые слова: организационные формы, административные органы, периодика, научные общества.

ORGANIZATIONAL FORMS STUDY OF THE HISTORY OF THE NORTH CAUCASUS IN PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY

This article seeks to examine the question of the type and forms of scientific institutions in which the study was carried out in the last pre-revolutionary historiography.

Keywords: organizational forms, administrative bodies, periodicals, scientific societies.

Научному кавказоведению предшествовали столетия накопления разносторонней и разноплановой информации о народах Кавказа. В античной и средневековой историко-географической литературе сведения о данном регионе расширялись и углублялись по мере роста знаний авторов. Изучение Северного Кавказа во второй половине XVIII — первой половине XIX в. осуществлялось в специфических социально-экономических, военно-политических и социокультурных условиях, связанных с процессом колонизации и освоения северокавказских территорий, событиями Кавказской войны, удаленностью от столичных научных центров, приоритетным влиянием академической гуманитарной науки. Проблема научно-ор-

ганизационного процесса изучения народов Северного Кавказа представляется актуальной среди комплекса проблем, решаемых историографией, поскольку решается вопрос о типе и формах научных учреждений, в рамках которых идет изучение прошлого.

Изучение истории становления и развития северокавказской историографической традиции основано на исторических нарративах второй половины XVIII — начала XX в., которые, в свою очередь, условно можно классифицировать по характеру и жанру написания. Они представлены как изданными, так и неизданными трудами исследователей. Это, прежде всего, *обзоры путешествий*, совершенных во второй половине XVIII — первой половине XIX в. на Северный Кавказ, составленные учеными, обладавшими как раннепрофессиональными, так и профессиональными историческими знаниями: С.-Г. Гмелиным, И.А. Гильденштедтом, П.С. Палласом, Я. Рейнеггом, Я. Потоцким, Г.-Ю. Клапротом, К.М. Бэрром, Фредериком Дюбуа де Монпере и др. Их исследования заложили основы интеллектуального кавказоведения, явились началом складывания северокавказской историографической традиции. Труды их, в части исторической, отвечали уровню историко-научных знаний своего времени [1].

Многогранным источником по истории изучения Северного Кавказа являются *труды военных историков* П.Г. Буткова, С.М. Броневского, В.А. Потто, Р.А. Фадеева, Н.Ф. Дубровина, А.Л. Зиссермана и др., в которых содержатся разнообразные материалы по истории, этнографии, географии, торгово-экономической политике России на Кавказе с середины XVI до начала XIX в., о национальных особенностях и самобытности жителей Северного Кавказа. Как отмечает К.Ф. Дзамихов, правительство всячески поощряло этот интерес и рассчитывало, в свою очередь, использовать полученные результаты для укрепления своей власти. Одна Военная академия дала ряд авторов, которые оставили после себя интересные работы по истории адыгов, это: И.Ф. Бларамберг, Ф.Ф. Торнау, М.Я. Ольшевский, К.Ф. Сталь, П.К. Услар и др. [2; 673]. Ценность этих источников состоит и в том, что в их основе лежат сведения, почерпнутые из малоизвестных и малодоступных сочинений, научных трудов ученых, дневников и записок путешественников конца XVIII в., архивных материалов, хранившихся в Коллегии иностранных дел, а также личные наблюдения авторов. Отличающиеся информационной насыщенностью, они не только освещают ход российской колони-

зации Северного Кавказа, но и дают возможность увидеть, как параллельно осуществлялось «познание» нового края. Труды военных историков, представляющие собой определенный этап в «северокавказском историописании», позволяют проследить эволюцию северокавказской историографической традиции [1].

Однако появление многочисленных кавказоведческих работ неверно было бы рассматривать лишь как результат индивидуальных усилий отдельных энтузиастов. Научное познание прошлого народов Кавказа вообще, народов Терека в частности, протекало в определенных организационных формах. И хотя вывод М. О. Косвена об отсутствии единого организующего центра в дореволюционной кавказской этнографии совершенно справедлив, причем такое же положение наблюдается и в других отраслях исторического кавказоведения, все же организационные функции, по мнению Е. С. Тютюниной, в той или иной мере выполняли различные учреждения, среди которых можно выделить три основные группы: административные органы, органы печати, общественные организации (научные общества) [3; 114].

Ведущее место занимали правительственные учреждения: Кавказский комитет, аппарат наместника Кавказа, Кавказское Горское управление, администрации Дагестанской, Кубанской и Терской областей, управления округов и отделов, на которые делились области, многочисленные комитеты и комиссии, создаваемые по различным поводам и случаям. Последние были особенно необходимы для органов власти, поскольку для принятия взвешенных административных решений нужны точные сведения, учитывающие не только конкретную ситуацию, но и историю проблемы, менталитет народа, возможную реакцию горского общества. Наиболее ценный фактологический материал о народах Северного Кавказа был собран сословно-поземельными комиссиями 40-70-х годов XIX в., которые подготовили и провели соответствующие реформы. Важное место в развитии кавказоведения занимали Ставропольский, Кубанский и Терский статистические комитеты, которые, кроме сбора и систематизации материалов, публиковали их в своих периодических изданиях, тем самым популяризируя исторические сведения о прошлом народов Северного Кавказа [4; 37].

Следует отметить, что середина XIX века становится временем созревания академических стандартов российской исторической науки, что имело не только сугубо научные, но и социально-идеоло-

гические коннотации именно в плане поиска субъекта исторического развития (народа) и адресата исторического письма (общественности) в процессе конструирования прошлого. К середине XIX в. исследованием региона начинают заниматься научные учреждения и общества. Среди них — Кавказская археографическая комиссия (1864), сыгравшая значительную роль в деле разбора архивных документов и публикации исторических источников, издававшая «Акты» (Тифлис, 1866-1885), имеющие огромное значение для осмысления исторического наследия прошлого. В комиссии работали известные кавказоведы А. П. Берже (председатель), Е. Г. Вейденбаум, И. Г. Берзенов, Д. З. Бакрадзе, Е. Д. Фелицын, Г. Н. Прозрителев и др. О специальном назначении этой организации, щедро субсидируемой правительством, говорит и строго ограниченное число ее членов, и характер осуществляемой публикации, отличавшейся внешней массивностью, дороговизной и крайне малым тиражом. По существу «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» лишь приоткрыли содержание кавказских архивов, заменив их прежнюю полную недоступность некоторой доступностью для сравнительно небольшого круга лиц [3; 116].

В мае 1863 г. начала работу Терская сословно-поземельная комиссия, официальное утверждение которой состоялось в декабре 1864 г. Сбор необходимых для проведения земельной реформы сведений, собранных комиссией, составили ценный материал по истории народов Северного Кавказа.

Основная организующая роль, особенно с конца 70-х гг. XIX в., принадлежала общественным организациям, которые при отсутствии на Кавказе академических учреждений и высших учебных заведений преследовали непосредственно научные цели. Большое научное и общественное значение имело открытие в 1850 г. Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (КОИРГО), который стал первым провинциальным филиалом РГО. Идея об учреждении КОИРГО возникла в 1848 г. в среде военной интеллигенции, поскольку на Кавказе проходили службу многие известные ученые и просто любознательные инициативные люди, занимающиеся сбором и изучением разнообразного материала по истории горских народов. Сознывая, что выявленный ими материал большей частью остается без употребления в архивах, ряд общественных деятелей обратились к М. С. Воронцову с предложением «открыть на Кавказе местный отдел РГО с целью изучения Кавказ-

ского края в отношениях: географическом, этнографическом и статистическом». Официальная поддержка начинания предопределила положительное решение вопроса. Указом Николая I от 27 июня 1850 г. был утвержден устав КОИРГО и бюджет общества в 2000 руб.

Несмотря на мизерность материальных средств, КОИРГО объединил все малочисленные научные кадры, претендуя на координирующую роль в организации исследований не только в области собственно географии, но также этнографии, статистики, археологии, библиографии и т.д. Не все из намеченного удалось сделать, но открытие филиала самого передового научного общества России в Тифлисе свидетельствовало о том, что курс «на понимание через познание» с местным обществом был стратегическим и не ограничился первыми либеральными начинаниями [4; 32]. Из других научных обществ наиболее активно действовали на Кавказе Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) и Московское археологическое общество [3; 119].

В пореформенный период значительную роль в консолидации регионального культурного сообщества сыграла периодическая печать. Анализ содержания «Ставропольских губернских ведомостей» (1850), «Кубанских войсковых ведомостей» (1863), «Терских областных ведомостей» (1868), «Кубанских областных ведомостей» (1871, с 1915 г. — «Кубанские ведомости»), «Кавказских епархиальных ведомостей» (1873–1886), «Ставропольских епархиальных ведомостей» (1886), «Владикавказских епархиальных ведомостей» (1895) позволил доказать мысль о том, что провинциальное историописание, приемы и методы работы с источниками, включая устную память, а также сами конструкции исторического нарратива, опубликованных в «ведомостях» текстов по северокавказской истории фиксируют различные уровни исторического знания, типы исторического письма, формы и жанры историописания. Первой общекавказской газетой стала газета «Кавказ». Газета «Кавказ» выходила в свет на протяжении 72 лет — с 1846 г. по 1918 г. — и была самым долгосрочным изданием на Кавказе. Первый номер «Кавказа» вышел 5 января 1846 г., где в статье «От редакции» излагались задачи издания: знакомить русского читателя с жизнью Кавказа; знакомить жителей Кавказа с жизнью и политикой России; постоянно напоминать зарубежному Востоку о могуществе и непобедимости Российской империи; проводить русификацию и вносить в Закавказье основы европейской цивилизации. С момента основания в 1846 г. по

февраль 1854 г. газета выпускалась частным издателем — чиновником особых поручений при начальнике Гражданского управления О.И. Константиновым. Исследуя становление и развитие русской периодической печати на Кавказе, Н.А. Махарадзе отмечает, что «газету «Кавказ» отличало чувство ответственности — и в этом ее сила и значение. Будучи еще в «пеленах», она вела за собой читателя, раскрывая ему самого и окружающий его мир, делала из него патриота, воспитывала в нем самоуважение, строя все это на прочном фундаменте изучения края» [4; 29-30].

На колоссальную роль «журналистики в истории исторической науки» обратила серьезное внимание М.П. Мохначева, утверждавшая, что «журналистика в XIX столетии была основным каналом информационного обмена в России» [5; 41].

Таким образом, в организации изучения Кавказа принимали участие различные учреждения. Однако главные усилия научных центров в этот период направлялись все же на сбор разнообразных фактических данных, в основном полевым путем. Наличие специальных и периодических изданий обеспечивало введение новых материалов в научный оборот, популяризацию научных знаний, формирование и воспитание местных кадров ученых. Следует иметь в виду, что в зазоре между профессиональной историографией и историческим сознанием общества располагается деятельность многочисленных исторических, археологических, краеведческих и этнографических обществ, а также полублюбовительских общественных объединений и организаций, связанных с изучением прошлого. И, разумеется, сама сфера исторического знания в том или ином обществе будет заведомо шире, чем область академической исторической науки в этой же стране или регионе [6; 11]. Эту особенность развития исторической науки справедливо можно отнести и к развитию исторической мысли на Северном Кавказе, и к формированию организационных форм изучения народов данного региона.

Вместе с тем на развитие исторического кавказоведения тормозяще сказывались недостатки, присущие организации всей русской науки того периода: правительственная регламентация, ограниченность материальных средств, слабая координация научных сил, отсутствие планомерности в изучении отдельных проблем и т.д. [3; 123].

Примечания

1. Колесникова М.Е. Историографические источники по истории изучения Северного Кавказа во второй половине XVIII — начале XX в. URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/medushevskaja_90/om_kolesnikova/15-1-0-123 (дата обращения: 21.04.2014).
2. Дзамихов К.Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик, 2008.
3. Тютюнина Е.С. К вопросу об организационных формах исторического кавказоведения во второй половине XIX в. // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (Дореволюционный период). Нальчик, 1989.
4. Кузьминов П.А. Эпоха реформ 50-70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. Нальчик, 2009.
5. Мохначева М.П. Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII-XIX вв. М., 1998. Т. 1.
6. Дмитриев А.Н. Прошлое нашего прошлого: проблематика исторической культуры в Российской империи // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012.

IV. ЭТНОЛОГИЯ

Д. Т. САБАНОВА,
аспирант СОИГСИ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ОСЕТИНСКИХ СКАЗКАХ

В статье рассмотрены основные женские образы, встречающиеся в осетинских сказках. Выявляются особенности гендерного восприятия этих образов.

Ключевые слова: сказка, женщина, къулбадæг ус, æфсин, традиционная духовная культура.

THE IMAGE OF WOMEN IN THE OSSETIAN TALES

The article describes the main female characters appearing in Ossetian tales, the peculiarities of gender perception of these images.

Keywords: fairy tale, a woman, traditional spiritual culture

Осетинские сказки, как и сказки других народов, затрагивают все стороны жизни этноса. В них отражены и особенности гендерных представлений осетин.

Проанализировав осетинские сказки, можно выделить три самых часто встречаемых женских образа — образ кълбадæг ус, образ æфсин и образ юной девушки.

Кълбадæг ус (также «кæлæнгæнæг», «хингæнæг», «фыд ус»). Как правило, кълбадæг ус — это отрицательный персонаж, который препятствует главным героям в достижении их целей.

Кълбадæг ус — ведунья, колдунья, коварная женщина, которая сторонится людей и по возможности вредит им. Колдуньи чаще всего принимают вид диких и домашних животных, не теряя при этом своих человеческих черт характера, способностей. Особенно тесно связаны они с собаками и любят перевоплощаться в их образы. Согласно суеверию, колдунья снимает свою человеческую одежду и принимает вид перевоплощаемого объекта. При этом, если спрятать эту одежду, она не сможет больше перевоплотиться в человека. Колдуньи могут летать, влиять на погоду, насылать болезни и т.д. Что касается хингæнæг ус, то и она относится к той же категории духов, но обладает большим даром колдовства. Ею иногда бывают конкретные люди [6, 59].

Образ кълбадæг ус также часто встречается и в художественной осетинской литературе, что свидетельствует о реальном ее существовании. В осетинском обществе считали, что она обладает тайными знаниями («Уæлмæрдмæ хæстæг царди кълубадæг ус. Æппæтдæр фæдта æмæ зыдта» [4, 159]), наводит несчастья и болезни, может предсказывать будущее, делать как лекарства, так и яды. Она лечила и помогала, но в то же время могла навредить, т.е. навести «порчу» на людей или домашних животных, сглазить ребенка и т.п., в результате чего люди и животные болели, гибли, новорожденные не спали по ночам, домочадцы ссорились, свадьбы расстраивались, работа не удавалась и т.д. Поэтому люди боялись ее прогневать, и остерегались ее. Плохой приметой считалось даже просто встретить колдунью на своем пути. В сказке «Егор-æлдары аргъау» æлдар не продолжил путь и вернулся домой, после того, как повстречалась ему кълбадæг ус: «Иу райсом раджы цуанкæнынмæ рарасты. Фæндагыл ыл фембæлди кълбадæгус, æмæ фæстæмæ раздæхти» [3, 98]. «Егор-æлдары аргъау»] На следующее утро кълбадæг ус вновь предстала на пути æлдара. Тогда он разгневался и обругал

ее, за что в ответ был проклят: «Егор-æлдар загъта мæсты хуызæй: «Цы фыдбылызы хай дæ æрбахæссы мæ размæ алы хатт, æхсæв дæр ницæмæй тæрсыс æппын?». Уæд ын уый дзуаппæн загъта: «Ам цы дæ хъуыддаг у, дæ фæндагыл цу æндæр! Мæ фæндагыл мæ ракæсын нал уадзыс?» Уæд ын цуанон загъта: «Цы дæ каст у, цы дæхæдæг, цы дæ къах?!» Уый йын загъта: «Ацу, уæдæ дыл хины сырды амбæлæд» [3, 98]. «Егор-æлдара аргъау»] Охота æлдара оказалась несчастной, и нашел он свою погибель.

Часто люди сами обращались к къулбадæг ус с просьбой навредить тому или иному человеку. Взамен они давали ей деньги, украшения, ткани или домашних животных:

«Иу бон ацыдысты дыууæ усы къулбадæг усмæ, уымæн цыдæр зæрдæ æлхæнæнтæ авæрдгой æмæ йын загътой:

— Дæлæ быдыры лæгъзы лæппу æмæ чызг æрцардысты, уыдон цæмæй нал уой, уый цын бакæн. Мах дын бирæ хæрзиуджытæ ракæндзыстæм. Къулбадæг ус загъта:

— Мæ бар цæ уадзут». [1, 25 «Цуанон Æхсар»]

В сказке «Адæмон мæгуыр лæг æмæ сауджынты аргъау» священник просит къулбадæг ус погубить своего гостя: «Ницы амал ын уары æмæ къулбадæг усæн афтæ: «Исты, дам, мын бацамон, куыд æй фесафон?». [3, 130.»Мæгуыр лæг æмæ сауджынты аргъау»]

Верили, что къулбадæг ус может предсказывать будущее: «Мадæ æхецæн загъта: «Бафæрсон къæсибадæг уоси, гъе атæ 'й, нæбал лæууы, æма ин ци кæнон, зæгъгæ, цума е ба ци зæгъдзæнæй, æ фæндаг ци уодзæнæй, куд уодзæнæй?» Къæсибадæг уосæмæ ниццудæй æма ин æ хабар ракодта» [2, 15].

Самым страшным было проклятие къулбадæг ус. Считалось, что оно всегда сбывается. В сказке «Згиди рæсугъд æма кæсгон æлдари фурт Адилгери» старик рассказывает о несчастье, настигшем его сына: «Мæнæ аци мард мæнæн мæ фурт æй, 'ма 'й фуд уосæ уотæ ралгъиста: куд рамæла 'ма, цалинмæ кæсгон æлдари фурт Адилгери Згиди Рæсугъди æрхона, уæдта ин цалинмæ æ уоси хаст донæй авгидзаг æрхæссайтæ 'ма ин æ хъури рауадзайтæ, уæдмæ куд нæбал æригас уа, уотæ. Гъема дæ хæццæ дæр аци марди туххæй фæццудтæн. Гъе нур ба ин æ уоси дони хастæй авгидзаг æрхæссун гъæуй, 'ма уæд æригас уодзæнæй» [4, 14].

Люди всегда старались угодить къулбадæг ус, чтобы отвести от себя несчастья. Если къулбадæг ус приходила в гости, ее радушно принимали, угощая всем самым лучшим, делали подарки, пытались

ее задобрить. Кольдунья играла значимую роль не только в осетинских сказках, но и в осетинском обществе, в традиционной духовной культуре осетин.

Æфсин. Образ æфсин представлен в осетинских сказках как положительным, так и отрицательным. В первом случае æфсин — это мать семейства, добрая спутница и мудрая советчица своего мужа. Этот образ переплетается с образом женщины-труженицы — хранительницы домашнего очага, где женщина готовит, шьет, смотрит за детьми, готовится к празднику и т.д.:

«Ус-иу куыд вæййы, афтæ кодтамид-хæдзары куыст: сылгоймаджы митæ, хойраг кæнын, нозт, кæрдгæ-хуийгæ æмæ ноджыдæр æндæр куыстытæ» [5, 136 «Андурзахъ»].

«Æфсин бацыди къæбицмæ æмæ хæбизджын скодта, стæй æй-чытæ афыхта æмæ уазæгæн арвыста» [4, 68. «Хæххон æлдары фырты æмæ быдырон æлдары чызджы аргъау»].

Отрицательный образ æфсин чаще всего представлен в образе злой мачехи («фыды ус»), являющейся властной покровительницей своего мужа. Основными ее чертами являются коварство, зависть и нелюбовь к детям:

«Дыккаг ус æрхаста фыд. Цæрынтæ байдыдтой æртæ чызджы сæ фыдыусимæ. Фыдыус разынди фыдсыл: æфхæрынæй, домынæй нæ ауæрста æртæ сабийыл, сæ сæрыл сын бæлас не 'рзайын кодта, сæ риуыл сын куыройы фыдтæ не 'рзылын кодта, уый йеддæмæ сын зындзинадæй цы нæ бавзарын кодта, иу ахæм нал баззади: уæд æлгъыстæй, уæд надæй, уæд фидисæй. Сидзæртæн сæ уд сæ фъвды хæдзары æрдуйæ нарæгдæр сси. Лæг циу? Лæг — лауыз, ус — фæлдахæг» [1, 7. «Æрхуы мæсыджы бадæг Бурчызг»]

«Уæд баздæхт фыдсыл æмæ дзуры лæгæн:

— Лæгай, цæхгæр дын зæгъын: де 'ртæ чызджы куы ничердæм фæкæнай, уæд мæхи дыууæ къухæй æрцæудзæн сæ адзал. Уый зон, æмæ сын а хæдзары нал ис цæрæн бынат». [1, 7. «Æрхуы мæсыджы бадæг Бурчызг»]

«Иу бон куы уыди, уæд фыды ус йæ лæгæн афтæ зæгъы:

— Мæ лæппуйы мын скаст нæ уадзы дæ фыдбоны гуыр. Алас æй искуыдæм! Фесаф æй, науæд фæцæудзынæн мæ цæгатмæ.

Мæгуыр лæг нал уыд йæ усæй. Сразы йæ фæндоныл». [1, 383. «Фыдгæнджытæ»]

Раджыма-раджы цардис æмæ уыдис лæг æмæ ус. Уыди сын ды-

ууæ чызджы; хистæр чызг — сидзæр, дыккаг та — фыды усы чызг. Фыды ус æппындæр нæ уарзта лæджы чызджы, йæ мойæн рагæй дзуры, фесаф æй зæгъгæ. [4, 159. «Æнгуырстуан»]

«Уæдта, силгоймæгтæ налат кæми нæ фауунцæ, æма еу бон кæми фæууы, уоми ба кæстæр æнсувæри уосæ æ лæгæн уотæ зæгъуй:

— Еу унаффæ мæмæ ес, æма дин æй ку зæгъинæ, уотæ мæ фæндуй.

— Зæгъæй, — зæгъгæ, загъта кæстæр æнсувæр æ уосæн.

— Мадта, — зæгъгæ, загъта и уосæ, — ду фургустæй дæ ургтæ дæр æфтауис, дæхебæл нецæмæй аууæрдис; хæдзари кустæй фулдæр ций ес, æма сæ кæнис, дæ хестæр æнсувæр ба хæдзари кусти муггагæй нецæмæ æвналуй, зæрдидзæбæхæн, кæми ци кувд, кæми ци мийнасæ, уонæбæл зелуй, хæдзари сагъæс имæ æппундæр нæййес, уотемæй; æма мæ унаффæ уотæ 'й: ку байуарианæ, уæд дæмæ куд фæккæсдзæнæй? Кæстæр æнсувæр æ уоси унаффæбæл исарази æй, раст зæгъис, ин загъта. Уотемæй еу бон ку адтæй, уæд кæстæр æнсувæр неци кустмæ бавналдта æма мæтæлæй бадуй æ хæдзари» [4, 292-293. «Æртæ æнсувæрæй аргъау»]

Третий и самый популярный женский образ в осетинских сказках — образ юной девушки. Чаще всего она обладает необыкновенной красотой и описывается как «Бæсты рæсугъд»:

«Раджыма-раджы цардис æмæ уыдис иу паддзах йæ иунæг бæстырæсугъд чызгимæ» [4, 44. «Æххуырт»]

«Чызг ахæм рæсугъд уыди, æмæ адæм сæ фыр дисæй дзыххæлиуæй баззадысты» [4, 160. «Æнгуырстуан»]

«Адæм æм се 'ппæт дæр ныккастысты стырæй, чысылæй, афтæ рæсугъд уыди. Иу дзырдæй, йæ сурæтæн æмбал нæ уыд» [4, 139. «Сæрæн чызджы аргъау»].

«Раги Нарти æхсæнТелæхсæн адтæй, 'маин кизгæй фæстæмæ зæнæг н' адтæй. Телæхсæн ку рамардæй, уæд кизгæ хæдзари бундарæн байзадæй. Уой кондæн мадæ некæд низзадæй, фидæ ба некæд исхаста, уотæ рæсугъд адтæй» [4, 15. «Нарти телæхсæни кизгæ касиассæ æма дзанæти дзанæхайтт»]

«Паддзахæн та иунæг чызг уыдис ахæм рæсугъд, æмæ йæ дзыкутæ дыууæ быдæй рæтæнæгъдтау зындысты, йе 'рфгуйтæ — сынты базыртау сау, цæсгом — мæйæнгæс, йæ дæллагхъуыртæ — хурæнгæс; йæ риутæ — хъыбылты хуызæн, йæ астæу та уыдис æхсæры

уисау тасаг; йæ дзыхы ныхас — мырагау, йæ иу баузæлд дæр уыдис мыдау адджын» [4, 35. «Паддзахы хуыгæс»]

Как правило, красавица в осетинских сказках, даже если она является дочерью æлдара, достается в жены бедняку, что говорит о том, что в сказках простой, трудящийся и бедный осетинский народ воплощал свои грезы.

«Фæцин кодтой, стæй сын паддзахы чызг зæгъы хуыгæсæй:

— Ай у мæ уарзон!

Сæхимæ йæ зæдтæ æрбахуыдтой, скуывд сын кодтой, стæй сæ лæвæрттимæ рауагътой, æмæ хуыгæс паддзахы чызгимæ сæхимæ æрцыдис». [4, 40. «Паддзахы хуыгæс»]

«Паддзахы рæсугъд чызг æмæ мæгуыр æххуырсты цæрæнбон æмæ амонды фæдыл хъæубæстæ бирæ гаджидæуттæ фæнызтой паддзахы кæрты» [4, 44. «Æххуырст»].

«Мæгуыр лæппу спаддзах ис адæмæн, алкæй барæвдыдта мад æмæ фыдау. Адæм дæр æй бауарзтой, æмæ стæй лæппу æмæ чызг уым счындыæхсæв кодтой æмæ цæргæйæ баззадысты» [4, 51. «Уарзæттæ»].

Нужно отметить, что в осетинских сказках, в отличие от сказок других народов, нет легкомысленных красавиц, которые денно и нощно глядятся в зеркало и, пользуясь своей красотой, заставляют воздыхателей совершать нелепые подвиги. При всей своей красоте осетинская девушка скромна и нравственна. Понятие красоты — это гармоничное сочетание внутренних и внешних качеств человека. И то, и другое находит свое отражение во всех сказках, где есть образ девушки-красавицы. К примеру, в сказке «Зджыды рæсугъд», несмотря на то, что слава о красоте девушки была известна далеко за пределами ущелья, она была настолько скромна, что даже не выходила из дому и не показывалась на люди: «Фæлæ кæд йæхи никæмæ æвдыста, адæмы æчсæнмæ нæ цыдис, уæддæр йæ рæсугъддзинад нæ басусæг» [5, 107].

Вознаграждением женских добродетелей в осетинских сказках становится удачный брак, счастливая семья и богатство, что является традиционным идеалом женской судьбы.

В целом, если собрать единый образ женщины из сказок, он будет соответствовать образу осетинской женщины. Это скромная, мудрая и нравственная женщина, которая обладает лучшими женскими качествами и является символом красоты.

Примечания:

1. Алæмæты аргъæуттæ. Дзæуджыхъæу, 2010.
2. Дедегкати Дз. Ирон адæмон исфæлдистадæ — Дзæуæгигъæу: Ир, 2008.
3. Ирон адæмон аргъæуттæ, III том. Цхинвал: Хуссар Ирыстоны паддзахадон рауагъдад, 1962.
4. Ирон новеллистикон аргъæуттæ, 1-аг чиныг. Дзæуджыхъæу, 2010.
5. Осетинские народные сказки. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1960.
6. Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.

А. М. ИВАЗОВ,
 аспирант КБГУ им.Х.М. Бербекова
 (г. Нальчик)

ГЕРОИЧЕСКИЙ НАРТСКИЙ ЭПОС — ПАМЯТНИК ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ АДЫГОВ

Статья содержит анализ нарсткого эпоса как важного источника изучения экологического сознания и экологической культуры адыгов. Автор выделяет три основных принципа народной экологии: жизнеутверждающее начало, этика охраны природы, натуралистическое сознание.

Ключевые слова: нартский эпос, традиционная экология, адыгская культура, адыгский этнос.

HEROIC NART SAGAS — MONUMENT OF ECOLOGICAL CULTURE ADYGEA

The article analyzes narstkogo epic study as an important source of environmental awareness and ecological culture Circassians. The author distinguishes three basic principles of traditional ecology: life-affirming principle, ethics conservation, naturalistic consciousness.

Keywords: Nart epic, traditional ecology, Circassian Culture adygsky ethnicity.

Свое мировосприятие окружающей нас природной среды, большинство этносов мира сохранило и передало нам в своих культурологических источниках. К примеру, древние персы передали свое видение Природы через священную книгу Авесту и учение Заратустры, евреи через Ветхий Завет, германцы и скандинавы через Эдду, арабы через Коран, индийцы через Веды.

Адыги, не являются в этом плане исключением. Свое видение и восприятие окружающей нас среды, они передали в героическом эпосе «Нарты». Эпос «Нарты» — древнейший культурологический источник адыгского этноса. Порожденный действительностью он показывает как жили предки адыгов — нарты, как они боролись с невзгодами природы, утверждали идеалы храбрости, добра и человечности.

Героический эпос «Нарты», содержит ценнейший материал об экологическом сознании и экологической культуре предков адыгов.

Прежде чем приступить к экологическому анализу эпоса «Нарты», мы хотели бы внести пояснения, касающиеся двух основополагающих терминов, поскольку без этого, постижение глубинных пластов адыгской экологической культуры будет невозможным.

Термин «биофилия» впервые был введен в гуманитарную науку выдающимся американским психологом и социологом Эриком Фроммом. Э. Фромм описал две поведенческие жизненные установки личности — «биофилию» — любовь к жизни и «некрофилию» — стремление к разрушению. Он основательно исследовал эти две взаимоисключающие друг друга жизненные поведенческие установки. Касаясь сущности явления «биофилии» Э. Фромм писал: «биофилия — это страстная любовь к жизни и ко всему живому, это желание способствовать росту, развитию и расцвету любых форм жизни, будь то растение, животное или идея, социальная группа, или отдельный человек. Человек с установкой на биофилию лучше сделает что-то новое, чем будет поддерживать или реставрировать старое. Он больше ориентирован на бытие, чем на обладание. Он в полной мере наделен способностью удивляться и потому быть может он стремиться лучше увидеть что-то новое, нежели подтверждать и доказывать то, что давно известно. Приключение для него важнее безопасности.

С точки зрения восприятия окружающего мира ему важнее видеть целое, чем отдельные его части, его больше интересует совокупность, чем ее составляющие.

Он стремится творить, формировать, конструировать и проявлять себя в жизни своим примером, умом и любовью, а отнюдь не силой, разрушительностью или бюрократизмом, который предполагает такое отношение к людям, словно это бесчувственные куклы или просто вещи.

Этика биофила имеет свои собственные критерии добра и зла. Добро — это все, что служит жизни, зло — все то, что служит смерти. Поклонение жизни — это хорошо, ибо это уважение ко всему тому, что способствует росту и развитию. Зло — это то, что душит, сужает, разрывает и уничтожает в конце концов саму жизнь» [1, 314-315].

Поскольку исследования Э. Фромма носили больше социально-психологический характер, более широкое экологическое содержание явление «биофилии» получило в работах выдающегося

американского ученого-основателя социобиологии Е. О. Уилсона. В своей работе «Биофилия», изданной в 1984 году в США, он дал новое объяснение термину «биофилия» и ввел в научный оборот новый термин «этика охраны природы».

Как пишет Уилсон: «Любое дерево так богато, так интересно в своем изменчивом бытии, что возле него можно провести всю жизнь, находя все новые источники не только для познания, но и для духовного обогащения. Такое любовное единение с живой природой и есть «биофилия», любовь к жизни вообще, основу которого составляет натуралистическое сознание и «этика охраны природы» [2, 131].

Далее Уилсон пишет: «Натуралистическое видение мира — лишь специализированный продукт биофилического инстинкта, разделяемого всеми нами и нуждающегося в том, чтобы его совершенствовали на благо людей. Человечество имеет право превозносить себя не потому, что мы намного лучше других существ, но потому, что с помощью разума познаем их все лучше и тем самым возвышаем само понятие жизни» [2, 148-149].

Уилсон считает, что «биофилия» настолько связывает тесно нас с другими живыми существами, что способна объяснить не только наш интерес к Природе, но и понять особенности ментального развития человека.

«Я предположил, — пишет Уилсон, — что наше стремление присоединиться к другим формам жизни есть до некоторой степени внутреннее стремление следовательно заслуживающее того, чтобы быть названным «биофилией». Тенденция биофилии ясно проявлена в каждодневной жизни и широко распространена, что заслуживает серьезного внимания. Она открывается в предсказательных фантазиях и реакциях индивидов с самого раннего детства. Это каскад в повторяющихся образах культуры в большинстве или во всех обществах, постоянно отмечаемый в антропологической литературе. Эти процессы проявляются как часть программ мозга. Они отличаются как нечто быстрое и решительное при обучении тому, что относится к жизни растений и животных.

Они также слишком последовательны, чтобы ими можно было пренебречь как результатом чисто исторических событий, работающих на ментальной чистой доске» [2, 148-149].

Уилсон проделал огромную работу, изучив доступные ему культурологические источники индийские Веды, религию инков, грече-

скую и римскую мифологию, сведения о ритуалах различных народов мира и обогатил социальную экологию бесценной информацией о социальном поведении и экологической культуре различных этносов мира. Уилсон также показал тесную взаимосвязь Природы и человека.

«Биофилия» по Уилсону предполагает не только повторяемость, а повторяемость особых качеств отношения к Природе — любви к ней, сопричастности и сострадания.

То, как этнос, нация или народ относится к среде своего обитания и к миру живых существ, — это и есть показатель истинной цивилизованности того или иного этноса, нации или народа. В свете концепции «биофилии» и этики охраны природы мы начнем экологический анализ нартского героического эпоса.

Самое первое, что бросается сразу в глаза при изучении нартского героического эпоса — это всеобщая одухотворенность Природы. В нартском эпосе неодушевленных предметов нет, вся Природа живет единой жизнью: радуется, печалиться, смеется, плачет.

В этом плане, особенно выделяются сказания, о нарте «Ашамезе». Ашамез наделен высоким чувством прекрасного. Его чудесная свирель божественно воздействует на окружающий нартов мир. Настолько умело играет на ней Ашамез, что вокруг все оживает. Даже Природа не может остаться безразличной к задушевному напеву и игре на свирели.

«Взял Ашамез справедливый
Жизни источник — свирель,
Он на свирели играет,
И оживает земля,
Долы, поля расцветают,
Вновь улыбаются лица,
Веселы звери и птицы,
Снова струится река [3, 275-276].

Одушевленными в нартском эпосе являются и дикие звери, птицы, растения. Можно сказать, что они являются такими же действующими лицами эпоса, как и люди. Они наделены человеческим разумом, речью, волей и чувствами.

Древние люди поклонялись животным, обожествляли и наделяли их сверхъестественными силами. Бывая на охоте, нарты замечали преимущества зверей, обладающих качествами, которых не было у

человека. Одни животные летали, другие быстрее бегали, плавали, третьи хорошо видели ночью.

Нарты знали диких животных и птиц как зубр, олень, тур, коза, кабан, медведь, верблюд, волк, барс, белка, заяц, орел, сокол, фазан, сова, перепел и др.

Многие животные и птицы являются друзьями нартов, оказывают им большие услуги, помогают им в трудные минуты, а некоторые вредят им.

Например, ласточка является верным другом нартов. Когда кто-нибудь из нартов попадает в беду, ласточка извещает его соратников.

Сатаней (мать главного героя Сосруко) обычно посылает ласточку за Батаразом и Сосруко, призывает их на помощь.

Когда Сосруко смертельно ранит Жан-Шарх и он истекает кровью, из всех птиц, которых она просит сообщить нартам об этом несчастье, только ласточка выполняет его просьбу (орел, коршун, ворон, галка и лисица враждебно относятся к умирающему герою Сосруко и он их проклиняет; волк, заяц, медведь и перепелка увидев Сосруко в безвыходном положении, плачут от горя, и он их благодарит). Для более подробного анализа биофильной сущности нартского эпоса, приведем отрывок из предания:

«Раненый Сосруко упал с коня и лежал на земле. Прибежали враги Сосруко и кликнули всех птиц и зверей лесных: Кто съест мясо героя, кто выпьет кровь героя?

Прилетела короткохвостая перепелка. — Кто это? — спросила она.

— Сосруко, — ответили нарты.

— Е-ой, разве можно пить кровь Сосруко, — сказала она и не стала пить его кровь и есть его мясо.

— Пусть шум твоих крыльев при взлете наводит страх на людей, подобно удару моей плети, — пожелал ей Сосруко.

Вот почему, когда перепелка взлетает на жнивья, шум ее крыльев подобен звуку удара плети героя Сосруко.

А потом прибежал волк:

— Кто это? — спросил он.

— Сосруко, — ответили ему.

— Не стану я есть тело героя, не буду пить его кровь, — сказал волк и ушел.

— Я делю свою силу на семь равных частей и одну часть отдаю

тебе. Да будет у тебя при нападении мужское сердце, а при отступлении — сердце трусливой женщины, — пожелал ему Сосруко.

Вот почему, говорят, когда волк нападает, он бесстрашен и может тебя разорвать, а когда отступает — трус из трусов. Если бы Сосруко вложил в него всю свою мощь, ни один человек не справился бы с волком.

И заяц не стал пить кровь Сосруко.

— Чтобы ты бегал так быстро, как мой Тхожей (легендарный конь Сосруко) бегаёт, когда его передние ноги спутаны, — сказал ему Сосруко.

Затем, прилетела галка.

— Кто это? — спросила она.

— Сосруко, — ответили ей.

Выпить его кровь — это значит выпить кровь героя, — сказала галка и, сев на Сосруко, напилась его крови.

— Чтобы ты яйца несла через рот, выводила птенцов лежа на спине, а выведенные птенцы в этом году пусть убивают тебя, — проклял ее Сосруко.

Сова также напилась крови Сосруко.

— Проживи свой век, не смея показаться на свет, и обретайся в вечном мраке, — проклял Сосруко и ее.

Говорят, исполнилось все, чего пожелал умирающий герой Сосруко [4, 226-227].

Представления древних нартов связаны с всеобщей одухотворенностью Природы. В нартском эпосе даже шкура животного имеет особую силу.

В адыгском сказании великаны иныжи, узнав о том, что подошвы Тхожея (коня Сосруко) являются мягкими, заставили его скакать по каменному руслу мелкой реки. Тхожей не выносит этого и погибает, но перед этим он советует тяжелораненому Сосруко (колесо «Жан-Шарх» отрубило ему ноги) снять с него шкуру, влезть в нее и продолжать биться с врагами. Сосруко так и поступает и сражается с великанами еще семь дней и семь ночей, пока не кончаются его силы [4, 226-227].

Древние нарты поклонялись огню, воде, животным и растениям, заповедным рощам и скалам, грому и молнии, т.е. Природе.

Нартские легенды и предания подчеркивают неизменную необходимость единства человека и Природы, целостность свойств Природы и животного мира.

В адыгском (черкесском) предании мы находим бога охоты, хозяина леса и диких животных — Мазитха. Он мудр и справедлив. В сказании о том «Как охотились Сосруко и Бадыноко» он становится в споре героев на сторону Бадыноко, решившего отдать шкуру добытой редкой и ценной черной лисицы детям — сиротам с тем, чтобы они изготовили шапки на холодную зиму [3, 187-191].

Животный мир дает человеку пищу, одежду и вдохновение. Шубу из шерсти волка носит старый Насрен, из лебяжьего пуха была шуба матери Ашамеза, нарты угощали гостей олениной.

Прообразом человеческих изобретений служили свойства Природы. Чтобы придумать серп, кузнецу Тлепшу необходимо было металл загнуть как перо на хвосте петуха, чтобы захватывать больше стеблей. Чтоб лучше срезать мелкие зубцы должны были быть, словно «зубы змеиные». Чтобы уберечь руки Тлепша, которыми он «раскаленное железо придерживал рукой», сообразительная Сатаней придумала инструмент и нашла способ сообщить свекру, с которым по обычаю не разговаривала. В лесу убила она двух змей, сложила их крест-накрест, сбила гвоздем и сложила у порога кузницы. Тлепш увидел замысловатый знак и тут же, говорят, он «выковал первые железные клещи» [3, 329-330].

Среди всех животных — друзей нартов-героев особое место занимает конь. Конь для нарта больше чем конь, это его второе «Я». Конь является неразлучным спутником любого нартского героя. В любви к коню, нагляднейшим образом показывается «биофилия» и «этика охраны природы» адыгской экологической культуры, не только архаического периода, но и более позднего времени адыгской истории.

Конь выступает в нартском эпосе таким же всесильным, как и сам герой. Конь в нартском эпосе наделен невероятной силой и возможностями, он наделен сверхъестественной интуицией и речью.

В случае необходимости нартские кони вместе со своими всадниками мгновенно облетают весь мир, поднимаются в небеса, преодолевают любые препятствия, они дают нартам разумные советы, помогают им в поединках и выручают их из самого трудного положения.

Наверное ни в одном эпосе мира нет такой любви и привязанности человека к этому благородному животному, которое есть в адыгском героическом нартском эпосе.

Конь — это аристократ среди животных — героев в нартском эпосе. Конь, пока не испытывает характер своего хозяина, на вер-

ность в дружбе, его отвагу и бесстрашие, не доверится ему никогда. Он не подпускает к себе слабых и трусов. Жизнь нарта была невысказана без верного коня. Почти ни один нарт не совершал ни одного подвига без коня. Идеальный герой богатырь — нарт не возможен без верного коня. «Сказки и предания черкесов изображают обыкновенно древних героев присосными к седлу от продолжительного странствования на коне» [3].

В нартском героическом эпосе характерна эпическая традиция о неразрывности нарта и коня, более того об их душевной «биофильной» взаимосвязи друг с другом. К примеру, во всех адыгских вариантах преданий о гибели Сосруко стабилен кульминационный момент — разговор героя со своим конем Тхожеем, «в котором раскрывается тайна» уязвимого места, как самого героя, так и его коня [6, 222-227; 3, 141-147]. Ни в одном нартском цикле «культ коня» не выступает с такой силой и определенностью как в этом.

Сосруко и его конь Тхожей воспитываются и растут вместе. Тхожей еще жеребенком на заре приходит к Сосруко и ложиться спать около его дома. Тхожей наделен даром речи. В трудную минуту Сосруко (как и все нарты) советуется со своим конем.

Например, когда он подступает к логову великана иныжа, чтобы забрать огонь, Тхожей подсказывает ему, как лучше неслышно пробраться к огню:

«Как поближе подъедем,
Не пойду по-собачьи, —
Подкрадусь по-кошачьи.
Я, рожденный из пены!
Перепрыгну я стены
Этой башни старинной,
Над Иныжем, бесстрашный,
Встану я на дыбы
Победим без борьбы:
Наклонись ты к огню
И хватай головню» [3, 82].

Культ коня настолько силен в цикле о Сосруко, что прямо утверждается мысль о своеобразном параллелизме обрисовки героя нарта и его друга-коня.

К примеру, нарт Тотреш побежден потому, что он остался без коня. Сосруко погибает потому, что не послушался своего коня Тхожея. Его жизнь обрывается вместе с жизнью его коня Тхожея.

Умение выбрать хорошего коня, определить его масть и будущие хорошие свойства, нередко угадать в невзрачном жеребце неумолимого скакуна — необходимые качества воина-нарта.

В нартском героическом эпосе эпитеты содержат точные определения масти коней.

Сосруко — Тхожей означает буланный маленький, у Бадыноко — пегий желтый с белой мордой, у Батараза — вороной, у Ашамеза — черный как смола, либо — гнедой; конь Тлебицы — смолисто-черный.

Эпитеты — индивидуальные определения — преобладают и в описании «внешности» коня. К примеру, на кабардинском языке «Тхъуэжьеижъри тхъэкълумэ лалэу» — «Тхожей вислоухий скакун».

В характеристике Тхожея (коня Сосруко) выдерживается принцип «предварительной недооцененности» (А.П. Скафтымов) коня и эпитеты тут играют основную роль. Рисуя маленького и внешне невзрачного коня, они как бы затеяют его необычайные качества, благодаря которым он помогает своему хозяину Сосруко в его подвигах и благородных деяниях.

Как видно, древним нартам присуща исключительная любовь к лошадям и эту любовь они генетически передали через века своим потомкам — адыгам.

По этому поводу можно привести мнения весьма авторитетных ученых — Е. Крупнова и Е. Алексеева, которые считают, что выращивание и выведение знаменитой кабардинской породы лошадей началось в эпоху бронзы — эпоху глубокой древности — в VIII-VII вв. до нашей эры [4, 164].

Таким образом, адыги на протяжении многих веков в экстремальных условиях работали неустанно над селекцией и совершенствованием своего надежного и вечного спутника жизни — коня.

У адыгов была целая система воспитания и содержания коня. Сам факт, что адыги вывели знаменитую кабардинскую породу лошадей, которая считается одной из самых выносливых на дальних дистанциях среди многих пород лошадей, является убедительным доказательством «биофильной» составляющей адыгской экологической культуры [7-12].

По свидетельствам многих авторов, адыг никогда не расстаются с оружием и конем.

Таким образом, можно уверенно сказать, что конь для адыга был частью его общей культуры (и не только экологической), это его на-

циональное достояние и одна из основных составляющих общего адыгского «биофильного» инстинкта и этики охраны природы.

Отношение адыга к этому благородному и красивому животному также строго и почтительно, как к самому человеку. Древний нарт скорее бы сам голодал, нежели оставил бы своего друга — коня без корма [13, 17-18].

Об особой любви адыгов к лошади свидетельствует многочисленные пословицы и поговорки, сохранившиеся в адыгском фольклоре. Приведем некоторые из них, связанные с конем и с коневодством: «Шыр лы́м и гъуджэц» (Конь — зеркало мужчины), «Шыф́и зи́эм дамэ тетщ» (У кого есть хороший конь, у того есть крылья), «Шым и лъынтхуэм цыхуль ирожэ» (В жилах коня течет человеческая кровь), «Шыфы́м лы́ф́и желэ» (Хороший конь требует хорошего человека), «Шыр тесым егъэдахэ» (Наездник красит коня) и т. д. [12, 73].

В древних нартских сказаниях прославляется природоохранная этика, нарты очень бережно относятся к Природе, животным, растениям, среде своего обитания. Они не убивают животных ради развлечения, если они охотятся только для добывания пищи.

Нартам присущи оригинальная система земледелия. Они сеют и убирают просо, которое с глубокой древности является национальным продуктом адыгской кулинарии и диетологии. Просо они убирают серпом. Просо — это культура, которая занимала ведущее место в системе земледелия адыгов (черкесов) и в традиционную эпоху, эпоху исторической Черкесии.

О широком распространении этой культуры у адыгов (черкесов) в средние века пишет итальянский путешественник Дж. Интериано: у них «много проса и других зерновых, из которых делают хлеб и различные кушанья, а также напиток, называемый буза». Согласно Эвлие Челеби «на побережье просо сеяли повсюду». Русский исследователь Кавказа С. М. Броневский (1810) указывает, что у адыгов из хлебных растений больше всего сеяли просо.

В эпоху исторической Черкесии адыги разводили до 15 сортов проса [14, 17-18].

В нартском эпосе одно из преданий о герое Сосруко посвящено тому, как он вернул нартам семена проса, похищенные великаном Еминежем [3, 62-78].

В нартском эпосе говорится о том, какое важное место в жизни героев занимало просо:

«Бросил Тхаголедж в каждый нартский котел по одному просяному зерну. Нарты развели огонь, повесили свои огромные котлы, и стал варить пасту. Сварили и удивились — из каждого малого зерна вышел целый котел пасты. Принялись пировать нарты и как повелось у них, первую «заздравную чашу осушили в честь Тхаголеджа» [3, 62].

В сказании о Сосруко говорится:

«Ого, как ликовала Хаса! Семь дней плясали, семь дней пили нарты, семь дней продолжались их пиры и игры. А когда закончилось празднество, вспахали нарты землю и посеяли благодатные семена проса.

Семена зрели в нартской земле и дали обильные всходы. Такого урожая не знала еще нартская земля! Сварили нарты из проса пасту и принесли ее в дом Сатаней в огромном медном котле. Оказали нарты почет Сосруко, удостоили его великой чести — первым отведать пасту, приготовленного из нового урожая. То была великая честь, самая великая честь в стране Нартов, самая великая радость, и Сосруко был счастлив, и Сатаней им гордилась» [3, 78].

Нарты внимательно наблюдают за Природой, животными, птицами, растениями и подмечают интересные особенности, которые в дальнейшем и становились основой первых знаний об окружающей среде.

К примеру, они подметили, что излюбленной пищей перепелки является просо. Просо по данным народной медицины обладает интересными, чудесными свойствами.

Перепелка, небольшая птица сем. фазановых, отряда куриных, питающаяся просом, является дважды рекордсменом среди птиц; во-первых, она живет более века, если ее не подстрелят, или не поймает хищник; во-вторых, ей же принадлежат абсолютные рекорды беспосадочных перелетов через океаны — в отличие от других птиц, она может лететь, не нуждаясь в промежуточных финишах. Необычайная сила, до конца еще биохимиками не познанная, сокрыта в крошечных зернышках проса [15, 329].

В адыгском фольклоре сохранилась интересная поговорка, посвященная взаимосвязи питания перепелки с просом. Она гласит:

«Ныбгъуэр хъэм хэсми, хумкIэ маплъэ» (Даже находясь среди ячменя, перепелка ищет просо).

Нарты знали такие виды культур как орех, тыква, яблоню они называли «золотым деревом». В нартском сказании «Золотое дерево» говорится:

«Нартской земле на славу,
 Нартам на удивление
 Дерево золотое
 Вырастил бог плодородия:
 Утреннюю зарю
 Яблоко нарождалось,
 И до заката зрело
 Только одно каждодневно
 Яблоко выростало.
 Зрело на дереве за день,
 Ночью же исчезало...» [3, 349].

Нарты любят виноградное вино — «сано» [3, 36-38; 16]. Для нартов характерно почитание дуба, гадание на фасоли, ношение волчьей шкуры, существуют многочисленные жертвоприношения духам природных стихий.

Нарты в многочисленных битвах побеждают великанов и добывают инжир, черешню и персики.

Некоторые растения в нартском эпосе носят названия аналогичные именам героев эпоса. К примеру лабазник из семейства розовых, известен также под названием таволги, по-адыгски называется «Сатаней удз» (цветок Сатаней).

Цветок Сатаней для древних хлебопашцев и пчеловодов Черкесии заменял хозяйственный календарь. Об этом убедительно свидетельствуют адыгские поговорки:

«Сатаней зацветает
 Борозду новую не прорезай»
 «Сатаней зацветает
 Пчеле подкормку не давай».

Среди животных нарты разводят овец, коров, лошадей, зубров (которых называли буйволами нартов), буйволов; нарты — большие охотники. Они охотятся на диких зверей, используя собак, орлов, соколов. В сказании о нарте Бадыноко говорится:

«Вдруг появился черный всадник
 С самырами, рядом бегущими,
 С прирученными орлами,
 Над головою парящими) [3, 177-178].

В нартском эпосе мы находим и другую породу собак — малых борзых:

«Его малая борзая вспугивает фазана,
 А серый сокол ловит его» [3, 177-178].

Если собак самыров использовали как на охоте, так и в бою, малые борзые выполняли только охотничью роль. Они легко проходили по густым зарослям, где прячется зверь или птица, поднимали их, а дальше к охоте подключался сокол или орел, которые ловили дичь. Сокол или орел могут поймать фазана, зайца, лисицу и других мелких животных.

В многочисленных походах нартских воинов сопровождают прирученные орлы и гончие псы. Земледелие, скотоводство и охота являлись главным хозяйственным занятием нартов.

Нартские боги относятся к древним нартам весьма благожелательно и оказывают им необходимую помощь. К примеру, бог плодородия Тхаголедж дарит семена проса и учит их его выращивать [16, 78-111]; бог кузнечного дела Тлепш делает для нартов оружие, шлемы, кольчуги, бог скотоводства Амыш ловит диких животных и дарит их нартам [16, 78-111] и т. д.

А. М. Горький, познакомившись с устным творчеством адыгов писал:

«Ценность адыгских сказок увеличивается еще и тем, что в них зло всегда побеждено. Это хорошее свидетельство о здоровье народа» [3, 15].

Проведенный нами анализ позволяет утверждать о том, что эпос «Нарты» с точки зрения содержащихся в нем проблем взаимосвязи человека и природы, наличия в нем мотивов сохранения естественных природных богатств, является выдающимся памятником не только экологической культуры не только адыгов и других народов Северного Кавказа, но и всего человечества.

Приведенные многочисленные факты из нартского героического эпоса свидетельствуют о том, что герои эпоса пытались жить в согласии с природой, любить и оберегать ее обитателей.

Резюмируя, можно с уверенностью сказать о том, что нашим предкам в архаический период своей истории, удалось создать оригинальную экологическую культуру в основе которой лежали три основополагающих принципа.

1. Биофильное (жизнеутверждающее, жизнелюбивое) начало
2. Высочайшая этика охраны природы
3. Натуралистическое сознание.

Примечания

1. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Москва, 1994.
2. Карпинская Р.С. Социобиология: критический анализ. Москва, 1988.
3. Нарты. Кабардинский эпос. Нальчик, 2007.
4. Нарты. Адыгский героический эпос. Москва, 1974.
5. Адиль Гирей Кешев (Каламбий). Характер адыгских песен // Терские ведомости. 1869, № 13, 14, 18. Владикавказ.
6. Унежев К.Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик, 1997.
7. Хотко С.Х. Черкесская лошадь. Коневодство и коннозаводство: Сборник источников. Нальчик, 2008.
8. Думанов З.Х. К вопросу истории коневодства в Кабарде. Сб. статей. Совр. гуманитар. исследований. Москва. 2009. №5.
9. Зафесов А.Х. Из истории коневодства в Адыгее // УЗ АНИИ. Майкоп, 1968.
10. Семенов Б.Х. Шагди. Нальчик, 1986.
11. Ашабоков Л.Х. Кабардинские аргмаки и современное коневодство. Нальчик, 1995.
12. Кишев Х.А. Седлайте коней (на кабардинском языке). Нальчик, 2003.
13. Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик. 1994.
14. Половинкина Т.В. Аборигены Кавказского Причерноморья. Культура жизнеобеспечения. Нальчик. 2004- С.17-18.
15. Андреев Ю.А. Три кита здоровья. Санкт-Петербург, 1997.
16. Нарты. Адыгский эпос. Т. 1. Нальчик, 2012.

**Т. Т. ДАУЕВА,
аспирант СОИГСИ
(г. Владикавказ)**

НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ ВРАЖДУЮЩИХ СТОРОН В ДОПРИМИРИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД КРОВНОЙ МЕСТИ

В статье описывается обычай кровной мести как инструмент общественного регулирования в XVIII-XIX вв. По данному временному отрезку сохранились материалы адатов, а также описания рассматриваемого обычая путешественниками. В статье приводятся нормы поведения сторон в допримирительный период кровной мести. Стороны исходного конфликта придерживались поведенческих установок, принятых в осетинском обществе

Ключевые слова: *кровная месть, убийство, осетинское право, допримирительный этап, ныхас*

STANDARDS OF CONDUCT WARRING PARTIES IN DOPRIMIRITELNY PERIOD VENDETTA

The article describes the custom of blood revenge as a tool of social regulation in XVIII-XIX centuries. By time interval adats preserved materials, as well as descriptions considered custom travelers. The article describes the standards of conduct of the parties in the period doprimiritelny vendetta. Hand held source of conflict behaviors adopted in the Ossetian society

Keywords: *blood revenge, murder, Ossetian law doprimiritelny stage Nykhas*

Интерес к обычаю кровной мести обусловлен несколькими факторами. В первую очередь это был социальный институт, который регулировал внутриобщинные отношения осетин. Все общинники были осведомлены о последствиях убийства, о наказаниях, распространявшихся на всю фамилию. В то же время исследователи данного обычая считают его важнейшим социальным регулятором защиты личности и имущества свободного человека. О том, насколько сильно была распространена кровная месть в Осетии, говорят фольклорные данные, полевые материалы. В них сохранились дан-

ные о существовании некогда больших фамилий, представителей из которых на сегодняшний день в Осетии нет по причине истребления в результате мести.

Кровная месть у осетин, как и у других горцев Северного Кавказа, часто вынуждала кровников искать убежище среди других районов Осетии и даже за ее пределами. Если преступник не надеялся на свои силы, что он сможет выдержать все нападки и преследования своих кровников, он вместе со своей семьей переезжал в другое село, в другое ущелье, из Южной Осетии в Северную или наоборот. Переселение большого числа осетин-иронцев в Дигорское ущелье и, наоборот, перемещение многих дигорцев в иронские ущелья были вызваны главным образом кровной мстью [1, 186].

Необходимо брать в расчет нравственные категории горской морали, согласно которым убийство человека на почве мести было не преступлением, а своеобразным долгом, делом чести, только свершив которое, горец мог вновь общаться с людьми, уверенно чувствовать себя в обществе. Отомстивший родственник пользовался уважением в общине, он повышал свой личный авторитет и авторитет семьи.

Причиной длительного сохранения обычая кровной мести являлись и религиозные верования, в частности культ предков. По религиозным понятиям, убитый требовал от родственников не только пищи и одежды, якобы необходимых ему на том свете, но и мести за кровь. Убитый не мог попасть в рай, прежде чем его кровь не будет отомщена кровью убийцы. В более ранний период убийцу, если он попадал в руки мстителей, убивали на могиле его жертвы якобы для того, чтобы напоить ее кровью.

В данной статье рассматривается допримирительный этап кровной мести с учетом следующих факторов: во-первых, преступлением являлось убийство представителя одной из фамилий Осетии, во-вторых, личность преступника была известна, и не было необходимости проводить процедуру выявления его личности.

При рассмотрении вопросов кровной мести большой интерес представляют следующие сведения В. Пфафа, который изучал обычное право осетин: «Кровная месть, т.е. смертная казнь за убийство, по осетинскому коренному праву, назначалась безразлично в следующих случаях: за обдуманно-коварное убийство, совершенное из корыстных или других видов; за обдуманно-открытое убийство во всех его степенях; за чисто случайное убийство во всех таких случа-

ях убийства, которые называются «убийство из чувства самосохранения» [2, 271].

Обычай кровной мести регулировался целым рядом норм и предписаний, касающихся поведенческих форм потерпевшей и виновной сторон.

Как известно, имелся определенный круг лиц, имеющих право мстить. Право наказания принадлежало, по осетинскому праву, только обиженному и его родственникам. «В старые годы, говорит г. Дубровин, привезши в дом труп убитого, родственники его мазали себе лоб, глаза, щеки и подбородок кровью, истекавшей из его раны, заклиная в то же время друг друга отомстить за его смерть» [3, 359]. Родные братья и близкие родственники иногда бросали жребий, и тот, на кого он падал, должен был смыть кровь брата, т.е. убить убийцу или кого-нибудь из его близких родственников [4, д.109, п.58].

Обозначим круг лиц, подвергавшихся кровной мести. Ими являлась вся мужская часть фамилии, в том числе и мальчики с 11 лет. Мечь распространялась на всех родственников убийцы. Несмотря на отсутствие ограничения в выборе жертвы, мститель пытался найти убийцу. В одной из работ по изучению кровной мести осетин автор пишет: «Мстить по обычаю можно родственникам: восходящим, нисходящим, единокровным и даже однофамильцам убийцы» [5, 312]. Мщение за кровь не допускалось внутри одной фамилии.

В архивных материалах содержатся сведения, что кровники обычно старались убивать из мести лучшего из фамилии, но это практиковалось в тех случаях, если нельзя было найти самого убийцу. Известен случай, когда житель селения Цамад Дагомского прихода Д. Б. во время ссоры с Г. Ч. был ранен и от полученных ран скончался. В тот же день брат убитого М. Б., не найдя преступника, отправился в поселок Зинцар, где, как ему было известно, жили родственники убийцы, чтобы отомстить за смерть брата. Встретив родного племянника виновного, который ни о чем не подозревал, М. Ч. выстрелил в него, а затем нанес ему удар кинжалом [6, д. 336].

Касаясь данного аспекта, Л. Л. Штедер уточнял: «... вот почему вся фамилия попадала в осадное положение, и если противники были сильнее, то без вины виноватые никуда не показывались, пашни, сенокосы их оставались невспаханными и нескошенными; хлеб, если он еще был на корне, выкашивался или вытапывался, скотина их падала под выстрелами и ударами шашки...» [7, д.3, л.8-9].

Женская часть семьи и фамилии не подвергалась кровной мести. Женщины обычно оставались дома, не боясь кровной мести, так как

обратить мечь против женщин считалось большим позором. Однако женщины виновной стороны тоже придерживались определенных поведенческих регламентаций — не ходили в те мельницы, которые посещала потерпевшая сторона, а в случае встречи — отходили в сторону, уступали дорогу. Ценные добавления к сказанному содержатся в работе М. А. Мисикова: «Из-за кровной мести женщин никто не беспокоил; но женщины двух враждовавших фамилий между собой не общались, не разговаривали и даже не смотрели друг на друга. Я ни разу не помню и не слышал от стариков, чтобы жертвой мести сделался мальчик, женщина или беспомощный старик. Что касается остальных, то здесь уже не считаются, будут ли они безоружны или при оружии, а при всяком удобном для себя случае будут стараться убить» [8, 81].

Убийца действительно обычно уезжал в другое село, где свою жизнь и судьбу вручал какой-нибудь семье, которая брала на себя обязательство оберегать его от врагов. Чаще всего он не выходил из дома, но в случае крайней необходимости хозяин сопровождал его с оружием, готовый к сражению и к защите своего гостя. В 1879 году некоего Х. Ц. арестовали за убийство односельчанина. Однако фамилия Х., опасаясь кровной мести, переехала под защиту фамилии С. в сел. Христиановское. Выселились все мужчины и дети мужского пола и прожили долгое время у фамилии С., которая, в свою очередь, отвечала за безопасность гостей [9, д. 586, л. 81]. Кроме того, убийцу охраняли его двоюродные братья по матери, их родственники и его друзья. Но и тому, кто выслеживал кровника, тоже должны были помогать братья убитого по матери, их родственники, его племянники и друзья [10, 105].

Роль рядовых сородичей при разрешении конфликтных ситуаций была ограничена. Основную посредническую роль играл ныхас. Посредниками принимались следующие первоначальные меры: прежде всего распределяли улицы в селении: по каким из них кому из враждующих сторон надлежало ходить и ездить, причем преимущество отдавалось потерпевшей стороне. Если противники проживали близко друг к другу, то фамилия убийцы должна была уйти в другое селение. При этом уходила вся мужская ее часть [11, 62].

Сверх выплаты установленного выкупа, который за отдельные виды преступлений взимался с обидчика, со всей его фамилии могли взыскать так называемый бонган — подарок. Его отдавала семья убийцы. По замечанию Н. Дубровина, «побег убийцы позволял

мстителю забрать все его имение и семейство, кроме жены: дети до 12 лет не подвергались мщению за кровь [3, 361]. К. Кох, описывая кровную месть, отмечал: «Чтобы добиться примирения с оскорбленной стороной, обидчик, как правило, делает перед началом переговоров более или менее значительный, в зависимости от обстоятельств, подарок» [12, 255].

В сборнике адатов Дигорского общества Осетии 1844 года описывается: «Если до схоронения убитого родственники его при набегах на виновного захватят добычу, то разделяют ее между собою независимо от уплаты за кровь» [13, 38].

По утверждению М.М. Ковалевского, «виновник преступления обязан был скрыться, чтобы своим присутствием не раздражать родственников обиженного, а ограничение мести им одним не позволяло более мстителю пролить кровь кого-либо из родственников обидчика. Не имея возможности направить свою месть против личности преступника, мститель довольствовался захватом всего оставленного им имущества [14, 9].

Пытаясь заключить перемирие, виновная сторона на похороны убитого посылала быка. Каргиев С. пишет, что на шею жертвенного животного повязывалась красная лента из шелковой материи. По его мнению, это был символ покорности и попытка искупить свою вину [5, 316]. Принятие данного подарка служило гарантом последующего примирения.

Комплексом поведенческих норм также предусматривались встречи убийцы с мстителем. Виновный мог гарантированно избежать смерти в случае, если воспользовался правом убежища в дзуарах. Согласно адату убить кровника считалось позорным, если он, ища спасение, скрывался в доме своего противника или в святилище.

Убийца мог также воспользоваться покровительством матери убитого. Прикосновение к груди означало усыновление чужого человека в качестве ребенка; брата или родственника. Если был убит единственный сын, то молодой убийца бежал с кинжалом к матери убитого и принуждал дать ему грудь [7, д.3, л.8-9].

Существовали различные способы прибегнуть к защите сильных покровителей. Один из них описан в газетной статье: «Если осетин, находящийся в какой-нибудь опасности, прибежал в дом человека из высшего сословия, и достав принадлежащую ему шапку, надевал ее, то это знак, что он прикрыл себя его могуществом; он принимался под защиту всей его фамилии и после этого убить и обидеть его,

значит убить или обидеть одного из членов человека, под чье заступничество он попал. Такое покровительство приобреталось еще 2 способами: если преступник, входил в дом сильного человека и брал в руки надочажную цепь, висящую над домашним очагом, обвивал ее вокруг шеи, то это был знак, что он подвергает судьбу свою соизволению хозяина дома, а потому надеется получить от него верное покровительство и заступление от гонений. Еще один вид получения покровительства — встать на колени пред сильным человеком и накрыть полкой платья свою голову.

Убийство виновного могло быть заменено ритуалом посвящения убийцы убитому, во время которого на могиле убитого символически проливали кровь убийцы, надрезая ему ухо. Акт этот назывался *фалдисын* — посвящение мертвому и считался позорным не только для самого посвященного, но и для всей его фамилии [1, 293]. По верованиям осетин, посвященный человек служил на том свете конем убитому. «Обрезывание ушей и принесение их на могилу осталось только в делах кровомщения, и тогда отомщенный получает для прислуги себе на том свете раба в лице того, кто за него убит» [3, 349]. Между жителями с. Едиси Южной Осетии фамилией Б. и Дз. 8 лет тянулась вражда, несмотря на то, что убийца из фамилии Б. был пойман и отбывал наказание. Дз. отрезали ухо одному из представителей фамилии Б.и зарыли в могилу убитого. Однако, не стерпев такого унижения, фамилия Дз. ответила тем же [15, 139].

Кровная месть вызывала ответную месть, которая могла привести к гибели обоих враждующих коллективов. В таких условиях созрела необходимость создания правил, регулирующих конфликты. В случае нанесения потерпевшей стороной эквивалентного ущерба стороне, инициировавшей конфликт, он считался исчерпанным и вражда прекращалась.

Существование в осетинском обществе определенных поведенческих установок в период кровной мести служило гарантом спасения убийцы в некоторых случаях. Несоблюдение определенных норм, отклонение от «правильного» поведения в допримирительный этап вызывало в обществе недовольство и могло привести к бойкоту со стороны общинников.

Примечания

1. Калоев. Осетины. Историко-этнографическое исследование. 2-е изд. М., 256 с.

2. Пфаф В.Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе (ССК). Тифлис, 1871. Т. 2.
3. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т.1. 650 с.
4. Научный архив Северо-осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева. (НА СОИГСИ). Ф 4. Оп. 1. Д.109. Л. 58.
5. Каргиев С.Г. Примирение кровников // Известия Кавказского отдела императорского русского географического общества Т. XXIV, № 2. Тифлис, 1916.
6. ЦГА РСФСР-А. Ф.113. Оп. 1. Д.336.
7. Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной хоны крепости Моздок во внутренний Кавказ. 1781 год // НА СОИГСИ Ф.4. Оп.1. Д.3. Л.8-9.
8. Мисиков М.А. Этнографические сведения об осетинах. Владикавказ, 2011. С.81.
9. Собиев И. Дигорское ущелье.// НА СОИГСИ. Ф.4. Оп.1. Д.58 Б. Л.30.
10. Хадикова А.Х. Гендерная идентичность осетин как этнокультурный феномен: этнические характеристики и предпосылки формирования // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова 2011. №3 С. 102-109.
11. Канукова З.В. Гендерные процессы в Осетии в период общественных трансформаций // «Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее». Сб. тезисов, докладов и сообщений VI Международной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории. Нальчик-Москва, 2013. Т. 1. С. 62-63.
12. Кох К. Путешествие через Россию к Кавказскому перевалу в 1837 и 1838 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 220-274.
13. Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса. 1883. Вып. II. 317 с.
14. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т.1-2. Владикавказ: Алания, 1995.
15. Новое обозрение 1889, № 1905 // ППКОО под ред. Чибирова Л.А. Цхинвал, 1982. Т.2. 370 с.

Э. П. ДЗАГОЕВА,
аспирант СОИГСИ
(г. Владикавказ)

МИРОТВОРЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННОМ ОСЕТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ (КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XIX ВВ.)

В представленной статье, на основе анализа этнографических источников, в которых приводятся обряды и ритуалы, связанные с обычаем кровной мести, выявляются миротворческие функции и поведенческие стереотипы женщин, их роль в прекращении конфликтов. Особое внимание уделено исследованию миротворческих традиций в осетинской семье, раскрытию роли старшей женщины семьи — æфсин в качестве миротворца.

Ключевые слова: конфликты, обычай кровной мести, покровительство женщины, миротворческая роль женщины, гендерные маркеры, поведенческие стереотипы, æфсин.

PEACEKEEPING ROLE OF WOMEN IN TRADITIONAL OSSETIAN SOCIETY (END XVIII-XIX CENTURIES)

In this article, based on an analysis of ethnographic sources, which are rites and rituals associated with the custom of blood revenge, identified peacekeeping functions and behavioral patterns of women and their role in ending the conflict. Particular attention is paid to the study of peacekeeping traditions Ossetian family

Keywords: the custom of blood feud, the rite of intercession

Гендерная реконструкция функционально-ролевой позиции женщины в урегулировании конфликтов представляется актуальным вопросом для исследования общих черт миротворчества в традиционной культуре осетин. Миротворческие функции женщины в осетинском обществе проявлялись в период конфликтов, и в особенности в обычае кровной мести. Женщина исключалась из объектов и субъектов обычая кровной мести. Любая обида, нанесенная словом или действием, могла привести к кровомщению. В

подобных «мужских» столкновениях вмешательство женщины становилось границей прекращения конфликта. М. А. Мисиков отмечал личное наблюдение: «...в распрях между мужчинами, каким сдерживающим элементом являются женщины! Неоднократно бывало, что присутствие женщины предотвращало несчастье, часто мне самому приходилось слышать фразу: «Благодари Бога, что такая — то присутствовала во время нашей ссоры»» [1, 71]. Не только присутствие, но и вмешательство женщины в конфликт имело сдерживающий характер, о чем свидетельствует Л. Л. Штедер в труде «Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа предпринятого в 1781 г.»: «...когда они вмешиваются в кровавые схватки с криками и распущенными волосами, то все, пристыженные, вкладывают сабли в ножны и расходятся до более благоприятных обстоятельств» [2, 32-33]. Прекращение конфликта женским вмешательством связывается со снятием платка и оголением волос. Так Карпов Ю. Ю. писал: «Естественно, что контакт с волосами, косвенно, а то и прямо связанными с демоническими силами был сопряжен с опасностью для человека, осуществлявшего его» [3, 101]. Усмирение мужской агрессии путем оголения волос, связывается с магическим вмешательством женских сил, что в архаичный период в подсознании мужчин хранило память о негативном влиянии женской магии. В статье «Платок и Хиджаб. Папаха Чалма. О национальных и конфессиональных традициях в costume народов Северного Кавказа» З. Доде отмечала: «В реальности не волшебные свойства последнего (платка — Э. Д.) заставляли мужчин опустить оружие, а просьба прекратить кровопролитие, ассоциирующееся с обнажением женщиной головы и магией ее волос» [4, 141]. В представлениях традиционного мировоззрения осетин на первый план выходил высокий общественный статус женщины и этикетные нормы, в которых ее оскорбление являлось антиобщественным деянием, строго осуждаемым в осетинском обществе. Обида, нанесенная женщине, становилась поводом для кровомщения со стороны ее близких родственников, что также являлось сдерживающим фактором в конфликте. Строгое соблюдение этикетных норм предусматривало запрет для мужчин проявления агрессии в присутствие женщин: «они хорошо знают, что их никто не тронет: кто захочет покрыть свою голову, вместо славы, позором» [1, 73]. Подсознательные и сознательные ограничения становились для мужчины сдерживающим элементом.

Во время конфликта не только оголение волос, но и женский платок заключал в себе сакральные функции, использованные женщиной. «В этой отчаянной игре страстей женщина в трауре была настоящим талисманом, стоило ей только в самый разгар кровопролития войти в толпу ожесточенных врагов, как все расступались, вкладывая окровавленные сабли в ножны и расходились» [5, 370]. Головной покров женщины — один из ключевых показателей социального происхождения (принадлежности), имущественного положения и возраста, также семиотика платка являлась отражением семейного статуса, что усиливало миротворческую функцию женщины. Черный цвет платка семиотически свидетельствовал окружающим о том, что женщина в трауре (вдова). Солидарность к чужому горю, проявлялась в усмирении мужской агрессии. Вмешиваясь в конфликт, она как бы напоминала, к каким последствиям может привести кровопролитие.

Платок, как ярко выраженный гендерный маркер, символ женской атрибутики, был наделен исключительно женскими ритуально — магическими функциями. Женское покровительство в период конфликтов мужчина мог получить, одев на себя платок матери убитого им человека. К.Л. Хетагуров в этнографическом очерке «Особа» свидетельствовал: «Если удастся, убийце прокрасться к матери убитого и надеть на себя ее платок, тогда уж никто из родственников покойного не имеет права мстить ему — он признан братом им же убитого» [5, 358]. Подобную защиту кровник приобретал без согласия женщины. Обычай защищал виновного посредством усыновления, а платок матери являлся символом защиты от смерти. Исследователь традиционного быта осетин К.Д. Кулов приводит пример добровольного помилования убийцы матерью «... мать, перед которой на колени падал убийца ее сына с просьбой простить ему вину, накрывала его своим платком, произнося сквозь слезы: «Ты мне с этого дня сын»» [6, 125]. Аналогичный пример отмечен С.Г. Каргиевым в начале XX века в описании обряда примирения кровников: «У ворот дома Г. вся толпа с предполагаемым убийцей Бимболатом Б. посередине сняв в знак покорности шапки, пояса и кинжалы пала на колени и просила прощения у матери убитого мальчика... к толпе вышла мать Сослана, попросила всех подняться и, подзвав к себе невольного «убийцу», накрывала его краем свое шали...» [7, 231]. Из выраженных миротворческих обрядов в обычае кровной мести следует уделить внимание обряду усыновления кровника матерью убитого проходившего в примирительный период. Если убийца был моложе

30 лет, и при желании матери приобрести в его лице сына она в знак прощения разрешала прикоснуться убийце губами к груди, имитируя кормления его как младенца грудью. «Кроме физического родства осетины признают еще родство фиктивное. Самым близким считается то, которое возникает в силу усыновления», — писал М.М. Ковалевский [8, т. 1, 311]. Высокий статус женщины в традиционном осетинском обществе дополнялся особым уважением к статусу матери. Материнство как основной и самый главный этап в жизни молодой женщины имел свои социальные маркеры, проявляющиеся в изменении внешнего вида и этикетных нормах. Миротворческая роль матери в обряде усыновления позволяла по обычаю признать виновного равнозначным для нее сыном, тем самым остановить конфликт, так как по обычному праву мщение родственникам не допускалось.

Роль женщин во время конфликтов связанных с обычаем кровной мести не ограничивалась исключительно функциями предотвращения дальнейшего кровопролития и покровительства. В период кровной мести мужчины фактически были отстранены от ведения домашнего хозяйства, вынужденные скрываться от кровников они до возможного примирения проводили время в башнях или скрывались у дальних родственников в других селениях. Магомедов А.Х. писал: «Долго продолжавшаяся распря между кровниками часто принимала форму осадной войны» [9, 265]. Вся тяжесть ведения хозяйства ложилась на плечи женщин, чтобы прокормить мужчин и детей, женщины занимались частью полевых работ, следили за живностью и за состоянием дома.

Одну из ярких миротворческих ролей в традиционной осетинской культуре на уровне семьи можно выделить — роль старшей женщины — æфсин. По свидетельству А.Х. Хадиковой в большой патриархальной семье «непременной обязанностью æфсин была забота о порядке и добрых взаимоотношениях женщин...» [10, 41]. Статус старшей женщины семьи обязывал контролировать не только хозяйственно — бытовую сферу семейной жизни, но и следить за психологическим климатом в семье. У добронравной женщины в обязательство вменялось предотвращение конфликтов и ссор, как в женской половине семьи, так и в мужской. В осетинских пословицах об æфсин говорится: «У хорошей æфсин от глаз ничего не ускользает, а говорит она только хорошее», «Рука старой æфсин изобильна», «Хозяйка в доме должна быть маленьким солнцем и согревать всю семью». Справедливое отношение ко всем членам семьи являлось первым

важным составляющим отношения аѳсин в семье, так как именно она выделяла пропитание и ткани на одежду домочадцев из кѳабиц — кладовой. Возглавляя женскую половину семьи, она выстраивала взаимоотношения в ней на почве взаимоуважения путем личного со-ответствия поведенческим нормам этикета. Одним из первых вопро-сов о заключении брака вставал вопрос о характере и нравах аѳсин. «Весьма часто пугают родителей девушки такими угрозами: «Если вы отдадите дочку вашу в этот дом, эта женщины (нужно разуместь — све-кровь) съест ее» отмечал Дж. Шанаев [11, 10].

Миротворческая роль женщины проявилась в обрядах, связан-ных с обычаем кровной мести, и основными конфликтами, приводив-шими к кровомщению. Сохранившиеся вплоть до начала XX века ми-ротворческие функции отчетливо проявились в традиционный и по-реформенный период развития осетинского общества [12, 63]. Право женщины останавливать кровопролитие базируется на общем соци-ально высоком статусе женщины в осетинском обществе. Подобные женские миротворческие привилегии встречаются как у осетин, так и других народов Кавказа, что свидетельствует об общекавказской по-веденческой традиции. Ответная реакция мужчин на вмешательство женщины в конфликт никогда не сопровождалась агрессией, о чем свидетельствует этнографический материал. Оскорбление женщины проявлением агрессии считалось недостойным и нарушающим муж-ской горский этикет. Важно отметить, что женские миротворческие функции проявлялись через контакт с исключительно женским атри-бутом одежды, а именно платком, наделенным сакральными силами его обладательницы. Для носителей традиционной культуры мате-ринский платок олицетворялся со спасением от неминуемой смерти. Акт усыновления признавался всеми членами конфликтных сторон как закон. Таким образом, в исследование миротворческих традиций можно добавить и женские функции миротворца проявившееся в об-рядах заступничества и покровительства.

Примечания

1. Мисиков М. А. Материалы для антропологии осетин. Одесса: Типография Техникъ, 1916. — 150 с.
2. Штедер Л. Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967.

3. Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. Спб., 2001. 416 с.
4. Доде З. В. Платок и хиджаб. Папаха и чалма. О национальных и конфессиональных традициях в костюме народов Северного Кавказа // Этнографическое обозрение. 2013. № 4.
5. Хетагуров К. Л. Особа (этнографический очерк) // Хетагуров К. Л. Полное собрание сочинений в 5-ти т. Владикавказ: Республиканское издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева, 2000. Т. IV.
6. Кулов К. Д. Матриархат в Осетии. Известия СОНИИ, Т. VIII. 1935.
7. Каргиев С. Г. Примирение кровников // Известия Кавказского отдела императорского русского географического общества Т. XXIV, № 2. Тифлис. 1916.
8. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т.1-2. Владикавказ.: Алания. 1995.
9. Магометов А. Х. Общественный строй и быт осетин в XVII-XIX вв. Орджоникидзе: Ир. 1974. 373 с.
10. Хадилова А. Х. Гендерная идентичность осетин как этнокультурный феномен: этнические характеристики и предпосылки формирования // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова 2011. №3.
11. Шанаев Дж. Свадьба у северных осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 4. Тифлис. 1870.
12. Канукова З. В. Гендерные процессы в Осетии в период общественных трансформаций // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее». Сб. тезисов, докладов и сообщений VI Международной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории. Нальчик-Москва, 2013. Т. 1.
13. Гостиева Л. К. Использование миротворческих традиций в современных условиях // Межнациональные конфликты на Кавказе: методика их преодоления. Тезисы докладов международной конференции. Ассоциация «Содружество народов». 1995.
14. Дауева Т. Т. Конфликты, связанные с заключением брака, и способы их разрешения в традиционном осетинском обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (36). Ч.1.

А. Э. АЙЛАРОВ,
аспирант СОИГСИ
(г. Владикавказ)

ГРЕКИ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ — АЛАНИЯ

В статье рассматривается краткая история и современная жизнедеятельность греческой диаспоры в Республике Северная Осетия-Алания, деятельность национально-культурного общества «Прометей», культурно-просветительская, этноконсолидирующая, воспитательная и другие функции диаспоры. Особое внимание уделено международным связям диаспоры с исторической родиной, с греками, проживающими в других российских регионах. Выявляется также миротворческая миссия греческой диаспоры в решении межэтнических конфликтов.

Ключевые слова: греки, миграция, хозяйство, национально-культурное общество, храм, контакты.

GREEKS IN THE REPUBLIC OF NORTH OSSETIA — ALANIA

The article describes the brief history and contemporary life of the Greek diaspora in the Republic of North Ossetia-Alania, the activities of national cultural societies «Prometheus», cultural-educational, ètnokonsolidiruûšaa, educational, and other features of the diaspora. Special attention is given to the international relations of the community with historical native land, with the Greeks living in other Russian regions. Identifies the peacekeeping mission of the Greek diaspora in resolving inter-ethnic conflicts.

Keywords: Greeks, migration, economy, national cultural society, Temple, contacts.

Греческая диаспора на Северном Кавказе стала складываться в начале XIX века с приходом понтийских греков — строителей из Гюмушхана (Турция), которые обосновались во многих районах Северного Кавказа. После присоединения Грузии к России многочисленные группы мастеровых греков из различных мест Трапезундского пашалыка нелегально прибывали в Грузию в поисках работы. Турецкое правительство пыталось предотвратить отход греков в Россию, но генерал А. П. Ермолов взял их под свою защиту. «Греки нашли у нас убежище от злодеев и убийств» — уверял он [1, 97].

Переселенцы работали на различных строительных объектах. Одна из таких групп во главе со Спиридоном Чекаловым работала

на Военно-Грузинской дороге и в 1827 году обосновалась в крепости Владикавказ, составив ядро будущей общины — первой на Северном Кавказе. Чекалов начал разработку Садонского месторождения, его рудопромышленная деятельность имела успех.

Первыми греками-горожанами Владикавказа стали выходцы из Трапезундского пашалыка. Со временем их численность увеличилась. Миграции греков проходили по маршруту Трапезунд-Ахалцихе-Тифлис-Владикавказ. До Батуми они шли водным путем, поездом доезжали до Тифлиса, а затем добирались до Владикавказа по Военно-Грузинской дороге. Кроме строителей в город прибывали молодые люди с целью получения образования.

С 70-х годов XIX века греки стали принимать российское подданство. В связи со строительством Военно — грузинской дороги численность греков-переселенцев на Северном Кавказе увеличилась. Согласно Первой всеобщей переписи Российской Империи 1897 года, в Терской области проживало 958 греков. Более половины указанной численности греков (52,4%) проживало во Владикавказском (осетинском) округе, в том числе в г. Владикавказе — 487 человек [2, 152-154].

Указанные данные свидетельствуют о том, что Владикавказ был центром расселения греков по области.

В 1917-1918 годах над греческим населением Карской области нависла опасность турецкого геноцида. Часть греков ушла в Грецию, другая — в Грузию, а многие вместе с армянами ушли в Россию, на Северный Кавказ. Они следовали по маршруту Карс-Гумри-Ереван-Тифлис-Владикавказ. Беженцы пополнили городскую греческую общину. Во Владикавказе было представлено около 105 греческих фамилий, многие из которых и сегодня живут в городе.

Социальный состав этнической группы греков был представлен, прежде всего, рабочими (103 человека), торговцами (53 человека). В греческой диаспоре практически не было представителей интеллигенции (кроме 12 служащих в благотворительных учреждениях), не было военных и крестьян [1, 98].

Греки занимались в Осетии строительством домов, соборов, церквей, устройством улиц, тротуаров, площадей, бульваров. Они воздвигали мосты, берегоукрепительные сооружения и другие объекты. В этой сфере жизнедеятельности они имели монополию. В Алагире греки построили уникальный комплекс — декоративные крепостные стены и Вознесенский собор по проекту князя Гагарина (1853 год).

В марте 1862 года турецко-подданные греки братья Федор и Ермолай Есифандовы заключили с городскими властями договор на строительство во Владикавказе тротуаров на Александровском проспекте. Они строили здание Русского театра, гостиницы «Империал», городского клуба («Дом офицеров»).

В мае 1876 года городская дума Владикавказа заключила контракт с турецко-подданным греком Константином Панайотиди на мощение улиц. Он же по поручению городской управы строил каменный мост по улице Краснорядской [3, 91].

В 1881 году городские власти поручили греческим мастерам мостить улицу Московскую, построить водосточные лотки, каменные спуски к реке. Греки приняли активное участие в строительстве первого водопровода в 1881 году. А в феврале 1900 года Владикавказская городская управа заключила с греческими мастерами, а именно, с концессионером Е. С. Скамаранги договор на устройство в городе электрического трамвая и освещения.

Как и другие диаспорные группы, греки мечтали о своем храме. В Осетии было много православных церквей, но греки стремились построить свой храм, что еще раз подтверждает тезис о том, что в условиях иноэтничного окружения церковь выполняет не только и не столько религиозно-культурные задачи, но и функцию консолидации национальной общины [1, 98].

В 1900 году от имени городских греков к Его Преосвященству Владимиру обратились почетный блюститель Владикавказского общества греков, начальник приходского училища П. Е. Марандов и уполномоченные от греческого общества с просьбой разрешить грекам приспособить часть здания греческого начального приходского училища под церковь для греков. В своем прошении они указывали, что лиц греческой национальности в городе 600 человек, и почти все они «оторваны от церкви Христовой», проводят время без религиозного общения с единоверцами, так как в городе нет храма, отправлявшего службу на родном языке, а другого большинство греков не знало. Денег на строительство церкви у них не было, поэтому они просили разрешения временно приспособить зал греческого училища в здании, которое строил Марандов на свои деньги в 3-й части города.

В понедельник 21 мая 1902 года в городе Владикавказе праздновалось заложение греческого храма во имя Св. Константина и Елены, память которых греко-российская церковь чтит в этот день.

Греки сохраняли православную праздничную обрядность, которая имела и этническую специфику. Рождество Христово длилось с 25 декабря до 5 января, т.е. вплоть до следующего праздника — Крещения. Корни крещенских обрядов уходят в область древних религий, но внешняя сторона праздника тесно связана с церковным ритуалом освящения воды и погружения в нее креста. Крещение длится у греков четыре дня: 5 января считается кануном торжества, 6 января — Крещение (богоявление), 7 января — День св. Иоанна Крестителя (Предтечи) и 8 января — «отдача праздника». Греки примыкали после литургии к общему городскому крестному ходу. Национальное самосознание греков выражается и в таких праздниках как «День независимости», который отмечается 25 марта в память о начале восстания греческого народа против турецкого ига в 1821 году, продолжавшегося около 400 лет; а также день «Охи» 28 октября, в честь начала борьбы с фашистами в 1940 году, когда греки ответили на предложение о капитуляции «Охи» (нет) [4].

Вклад греков в годы Великой Отечественной войны достоин особого внимания, большое количество советских греков встали на защиту СССР плечом к плечу с другими народами нашей Родины. Необходимо отметить, что Греция стоит на четвертом месте по количеству жертв, понесенных от фашизма после СССР, Польши, Югославии.

Численность греков в Северной Осетии составляет 22332 человек. В мае 1988 года во Владикавказе было учреждено греческое общество «Прометей» — одно из первых национально-культурных обществ во всей стране. Оно ставило перед собой задачи возрождения национальных традиций, родного языка, народного творчества и ремесел, популяризацию культурных ценностей греческого народа, установление контактов с греческими общинами в России и за рубежом. Так же общество ставит своей целью — укрепление межнациональной дружбы народов, населяющих республику.

Правлением общества проводятся различные мероприятия, цель которых знакомство с греческой национальной культурой. Дважды общество принимало участие в проведении дней города.

Общество «Прометей» имеет постоянные связи с посольством Греции и Республики Кипр в России [4].

Самые крепкие связи общества «Прометей» установлены с другими греческими обществами России, оно входит в Ассоциацию греческих общественных организаций России и является одним из активных членов ассоциации. Руководство общества постоянно

принимало и принимает активное участие в съездах и конференциях АГООР [4].

Президент АГООР — Иван Игнатьевич Саввиди очень много сделавший и делающий для греков России, одновременно исполняет обязанности Президента пятой периферии стран бывшего СССР, координирует деятельность многих греческих организаций Восточной Европы. В 2006 году делегация представителей греческого движения России участвовала во Всемирном съезде греков зарубежья, который проходил в г. Салоники. На форуме было свыше 500 делегатов.

Установлены тесные связи общества «Прометей» с Генеральным Консульством Греции в г. Новороссийске. Между обществом и генеральным секретариатом МИДа Греции были установлены крепкие связи, представители министерства неоднократно бывали на мероприятиях, проводимых в г. Владикавказе, члены общества благодарны Еве Пападату за поддержку и помощь [4].

В своей работе общество «Прометей» постоянно уделяет внимание людям старшего поколения, ухаживает за больными, инвалидами и ветеранами войны. Ежегодно проводятся Рождественские вечера-встречи, часто организовываются выезды по программам отдыха в Грецию для представителей старшего поколения. Сотни детей членов общества «Прометей» посетили историческую родину — Грецию, где отдыхали в различных детских и молодежных центрах. Большую помощь оказывает Генеральный секретариат греков зарубежья МИДа Греции, общество «Маври Таласса», Генеральное Консульство в Новороссийске.

Огромное значение и большую роль на всех этапах развития и становления общества обеспечило его руководство в лице первого председателя Левантидиса Дмитрия Феофилактовича (1988-1993 гг.) и второго председателя Шахбазова Владимира Александровича (1993-1997 гг.). Они, как и многие их соотечественники оставили глубокий след в истории владикавказских греков, память о них вечна [4].

Совет общества разработал и принял программу организационных, технических и культурных мероприятий на 2 года и на последующий период. Помимо вопросов реконструкции и строительства важными аспектами деятельности являются образование и культура.

В первом своем массовом мероприятии — празднование Дня Победы, Совет общества пригласил на одну из загородных баз около 700 человек. С 1997 по 1999 г. на Юге России, под эгидой Министерства иностранных дел Греции проводились Дни греческой культуры.

Проблемы, стоящие перед обществом «Прометей», схожи с проблемами других национально — культурных центров в республике. Для более полного их решения и координации действий обществ в ноябре 1991 года было создано Республиканское межнациональное общественное движение «Наша Осетия». Задачи движения — стабилизация и укрепление межнациональных отношений в республике, консолидация всех прогрессивных сил для создания в Осетии демократического, правового государства, содействие экономическим и социальным реформам, защита прав личности. В декабре вместе с другими участниками движения «Наша Осетия» представители греческого общества «Прометей» приняли участие в работе Первого съезда осетинского народа и в учредительной конференции демократических сил республик в составе РФ.

Во время грузинской агрессии против Южной Осетии председатель греческого общества «Прометей» вместе с другими членами движения подписал обращение к Госсовету Грузии с призывом прекратить кровопролитие и урегулировать конфликт политическими методами.

Так же члены общества выступали за политическое решение осетино-ингушского конфликта. Вместе с представителями других национально-культурных центров ими были подписаны обращения к народу и правительству Республики Ингушетия. Представители греческой диаспоры занимают активную позицию в жизни республики. Среди них есть деятели науки и культуры, руководящие работники, доктора и кандидаты различных наук.

В 2014 году общество выигрывает грант Правительства России и получает право проведения во Владикавказе III Всероссийского съезда православной молодежи России. 20-22 июня 2014 года в честь 25-летия образования общества, проводится 5-й фестиваль «Прометей собирает друзей»

Примечания

1. Канукова З. В. Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009, 236 с.
2. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Терская область. L ХШ.Т.68. Спб, 1905.
3. Шахбазов В. А. Греки Владикавказа. Владикавказ, 2001.
4. ПМА, 2014.

**Р. П. КУЛУМБЕГОВ,
СНС ЮОНИИ, соискатель СОИГСИ
(г. Цхинвал, Южная Осетия)**

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО БРЕНДА

Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-21-13001 «Инновационные ресурсы культурного наследия Северной и Южной Осетии»

Статья посвящена проблеме этнокультурного брендинга Южной Осетии. Предложен анализ источниковой базы, необходимый для выбора объектов и разработки методики популяризации отдельных образов материальной, социальной и духовной сфер жизнедеятельности осетинского народа.

Ключевые слова: национальный брендинг, визуальные образы, этнографические очерки, записки путешественников, монографические исследования, популярные издания.

SCIENTIFIC LITERATURE AS A SOURCE OF NATIONAL BRANDS FORMATION

The article deals with the ethno-cultural branding of South Ossetia. Offers an analysis of the source base, necessary to select objects and to develop methods to popularize individual images of material, social and spiritual spheres of the Ossetian people.

Keywords: national branding, visual images, ethnographic essays, notes traveler, monographs, popular editions.

Для Южной Осетии, которая по причине военно-политических коллизий оказалась на длительное время вне современного мира, важное значение имеет формирование национального брендинга. Именно национальный брендинг — область знаний и практической деятельности, цель которой измерять, выстраивать и управлять репутацией стран — дает реальную возможность региону снова стать узнаваемой и привлекательной территорией.

В этой связи основополагающее значение имеет этнокультурное брендование культурного наследия Северной и Южной Осетии,

которое включает объекты материальной, социальной и духовной культуры. Необходимо теоретическое осмысление материальных и нематериальных составляющих, несущих функцию самосохранения и адаптации в условиях модернизационных перемен и внешних влияний. При этом определение культурного наследия как ресурсного основания инновационного развития приобретает решающую роль.

Исходный материал по культурному наследию Южной Осетии, в частности, дают источники и литература по материальной, социальной и духовной сферам жизнедеятельности народа.

Большой массив данных мы находим в свидетельствах русских и иностранных путешественников, посетивших Южную Осетию. В этнографическом очерке Г. Чурсина «Осетины» — интересные свидетельства о населении Южной Осетии, антропологических данных ее жителей, занятиях, жилищах, хозяйственном быте, одежде, пище, сторонах социального и общественного быта. Наибольший интерес для нас представляет описание национальной кухни, архитектурных и сакральных памятников [24].

Воссоздание быта осетин, проживающих на юге Осетии с успехом можно осуществить, основываясь на трудах Ган К., Дмитриева Н., Кох К., Яновского А. и [7;13;18;26]. Благодаря этим свидетельствам очевидцев старины возможно детальная реконструкция традиционных элементов быта и культуры в их первоизданном виде. Несомненно, что такая аутентичность будет важна для создания эксклюзивных визуальных образов в формировании национального бренда.

В создании национального бренда значение имеет и сфера питания. Поэтому будет интересно познакомиться с исследованием В. Ванеева «Термины пищевых продуктов в осетинском языке», где на основе рассмотрения семантики названия, приводится описание основного набора национальных мясных блюд, бытующих в Южной Осетии, рецептура и способы приготовления [5].

Целый массив исследований дает нам материал об архитектурно-историческом наследии в Южной Осетии. Это важно в формировании брендинга территории, где древние храмы, крепости, башенные и погребальные комплексы создают визуальную привлекательность региона. Из специальных работ этого направления необходимо выделить исследование С. Бессонова «Крепостные сооружения в бассейне реки Большая Лиахва» [3], где описаны крепостные сооружения, расположенные в населенных пунктах Республики Южная Осетия от селения Гуфта в Дзауском районе и до селения Цорбис в

Знаурском районе. Впервые дается научная классификация памятников старины в городе Цхинвал. Отметим, что описание каждого из архитектурных сопровождается исторической справкой.

Среди работ посвященных памятникам архитектуры и природы, надо отметить исследование А. Тибилова «О памятниках природы и старины», где автор попытался изучить особенности творения человека и природы в сочетании друг с другом [22]. Это исследование интересно тем, что оно рассчитано на внимание к Южной Осетии как региону привлекательному для внешнего исследователя (туриста).

Помимо обобщающих трудов были исследования локальных мест бытования архитектурно-исторических памятников. В статье В. Гоголадзе памятники старины Корнисского ущелья Знаурского района даны в исторической ретроспективе [8]. В работе Л. Газзаева дается описание уникального архитектурного памятника циклопической кладки «Зылды маэсыг» [6], в материале Д. Гугкаева история строительства крепости в селении Рук [9].

Практически ни одно ущелье Южной Осетии не осталось без внимания пытливых исследователей: история ущелья Джер и главной его достопримечательности — святилища Джеры-дзуар рассматривается в работе В. Ванеева [4], исторические памятники Цхинвала в работе В. Касрадзе [17], в исследовании С. Сабанова — архитектурные памятники селения Маралет и Ванат [21], башенные комплексы, культовые памятники и орнаментальное искусство горной полосы Южной Осетии изучены Р. Дзаттиаты [11;12], богатый исторический материал по Ленингорскому району в основе исследований П. Закарая [15;16].

В отдельных монографиях описаны и ущельные особенности быта и культурных традиций осетинского народа. Г. Дудаев рассматривает локальные условия в ущелье Бикар-гом Цхинвальского района, отмечая интересные особенности и в психотипе жителей и топонимике [14]. В работе посвященной Чесельтскому ущелью З. Джабиев рассматривает природу, историю населенных пунктов, фамильные предания, культурные и хозяйственные традиции [10].

В фундаментальном труде «Очерки истории Юго-Осетинской автономной области» систематизированы памятники древнейшего и древнего периода и эпохи феодализма [19]. Здесь же мы можем почерпнуть сведения о быте южных осетин, культурных и религиоз-

ных традициях: одежде, пище, культовых местах, формах отправления религиозного культа и др.

В историко-этнографическом очерке В. Абаева «Дружба», автор раскрывает особенности бытования и взаимного обогащения культурных традиций народов населяющих Южную Осетию. Как городского, так и сельского населения во всех его социальных срезах [1].

В исследовании Д. Бекоевой «Этнические стереотипы и представления о нормативной культуре осетин», на материале Южной Осетии изучены некоторые параметры этнокультурной ситуации в регионе [2]. На данных опроса дисперсионных возрастных когорт населения и результатах этнопсихологического изучения предпринята попытка показать соотношение между национальными и интернациональными элементами в культуре. Автор показывает зависимость формирования стереотипов и представлений поведения от развития культуры, степени урбанизации, культурного прошлого и связи с другими народами.

В своем исследовании посвященному осетинскому национальному танцу «Симд» М. Шавлохов указывает, что каждый народ обладает множеством своих замечательных танцев [25]. И среди них наиболее характерными для него является тот, в котором в зависимости от природных условий, обычаев и традиций ярче отражается его характер, особенности быта и истории. В народном танце «Симд» образные картинки жизни воссоздаются с помощью движений корпуса, рук, жестов и мимики лица. Этот танец издревле связан с жизнью народа, с его представлением об окружающем мире и служил для него средством выражения своего отношения к этому миру

Для формирования положительного образа Южной Осетии будет интересно ознакомиться с работой Л. Чибирова «Прогрессивные обряды осетинского народа и их использование в современных условиях» [23]. Здесь дается широкий обзор национального этикета, культурных традиций населения Южной Осетии. Но наиболее ценной частью исследования для успешного формирования национального брендинга является наблюдение за работой молодежного лагеря в селении Кроз Дзауского района Южной Осетии. Мы видим, как воспринимают туристы, приехавшие из регионов СССР югоосетинскую действительность, менталитет местных жителей, какие возникают конфликтные ситуации в общении, поведенческие ситуации.

Фактический материал для формирования национального брендинга территории, может быть, почерпнут из издания «Республика

Южная Осетия. Путеводитель (сост. А. Пухаева) [20]. Здесь представлены экскурсионные маршруты, которые действовали во время СССР в Юго-Осетинской автономной области. Дается сопутствующий исторический и архитектурный обзор региона. Отдельно представлена обзорная экскурсия по г. Цхинвал. В перечне исторических и архитектурных памятников православные храмы, административные здания, музей, Старый мост, соединяющий две части столицы Республики. Среди памятных мест, дома, где проживали известные люди, а также объекты, связанные с тем или иным историческим событием.

Рассматриваются также радиальные экскурсионные маршруты в направлении поселка Квайса и через селения Дзау и Рук к селению Нар Северной Осетии. На всем протяжении маршрутов дается описание природных ландшафтов, знаковых архитектурных и природных памятников, легенды и сказания. Особый интерес материал вызывает тем, что это разработки человека, который на практике занимался вопросами туризма.

Таким образом, имеется необходимая научная литература по Южной Осетии, дающая возможность для разработки основ брендинга территории.

Примечания

1. Абаев В. Д. Дружба. Историко-этнографический очерк — Сталинир, 1947. 79с.

2. Бекоева Д. Д. Этнические стереотипы и представления о нормативной культуре осетин // Известия Юго-Осетинского НИИ. Цхинвал, 1990. Вып. XXXIV.

3. Бессонов С. В. Крепостные сооружения в бассейне реки Большой Лиахвы // ИЮОНИИ. Т. I. Сталинир, 1933. С. 78-99.

4. Ванеев В. Д. Джерское ущелье и святилище Джеры-дзуар // Хурзæрин. 1999. №39.

5. Ванеев В. Д. Термины пищевых продуктов в осетинском языке. // ИЮОНИИ. 1972. Вып. XVII.

6. Газзаев Л. Укрепление «Зилга масыг» // Фидиуæг. 1927. № 7-8. С. 62-66. (на осет. языке).

7. Ган К. Ф. Поездка к верховьям Большой Лиахвы и Ксанки (предпринятая летом 1903 г.) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1905. № 35.

8. Гоголадзе В. Историко-археологический очерк Корнисского ущелья // Фидиуæг. 1965. №11. С. 68-71.

9. Гугкаты Дз.А. Как появилась крепость в селении Рук // Фидиуæг. 1950. № 6. С.33-35. (на осет.языке).
10. Дзабиты З.Т. Чеселтгом (Чесельтское ущелье»). Цхинвал, 2000. 285 с. (на осет.языке).
11. Джатиев Р.Г. Культурные памятники реки Большая Лиахва// ИЮОНИИ, 1974. Вып.ХVII. С.58-63.
12. Дзаттиаты Р.Г. Оборонительные сооружения южных осетин. Цхинвал, 1983. 127 с.
13. Дмитриев Н. Переход через Рокский и Мамисонский перевалы// СМОМПК. Тифлис, 1894. Вып.5.
14. Дудаев Г.Д. Бикаргом (Бикарское ущелье). Цхинвал: Республика, 2012. 72 с. (на осет.языке).
15. Закарая П.П. Крепости-укрепления в Ксанском ущелье.// Вестник Музея Грузии. Т. XVI. Тбилиси, 1950.
16. Закарая П.П. Ларгвисский архитектурный ансамбль.// Вестник Музея Грузии. Т. XIX. Тбилиси, 1956.
17. Касрадзе В. Исторические памятники Сталинира // Газета «Сабчота Осетии». 1959. № 2, 5. (на груз.языке)
18. Кох К. Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837-1838 гг. // В сб: Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С.222-274.
19. Очерки истории Юго-Осетинской автономной области. Тбилиси: Мецниереба, 1985. 349 с.
20. Республика Южная Осетия. Путеводитель (сост.А. Пухаева). Цхинвал: Республика, 2012. 112 с.
21. Сабанты С. Башни селений Маралет и Ванат // Фидиуæг. 1939. № 1. С.43-44. (на осет.языке).
22. Тибилов А.А. О памятниках природы и старины // Фидиуæг. 1929. № 1. С.52-58 (на осет.языке).
23. Чибиров Л А. Прогрессивные обряды осетинского народа и их использование в современных условиях // «Фидиуæг» 1977. №2. С.89-93. (на осет.яз).
24. Чурсин Г.Ф. Осетины (Этнографический очерк). //Труды Закавказской научной Ассоциации, серия I. Тифлис, 1925. Вып.I. 100 с.
25. Шавлохов М.М. Симд. Цхинвал: Ирыстон, 1980. 107 с.
26. Яновский А. Осетины. Цхинвал. 1993. 56 с.

**А. А. МАКИЕВ,
аспирант СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)**

**ПРОЕКТ «ПОТЕРЯННАЯ ОСЕТИЯ»
КАК ЕДИНАЯ БАЗА ДАННЫХ ДЛЯ ИСТОРИКО-
КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ СЕВЕРНОЙ
И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ**

Исследование проведено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 14-21-13001 «Инновационные ресурсы культурного наследия Северной и Южной Осетии»

В статье проведено исследование святилища Реком в Северной Осетии на примере которого рассмотрена возможность использования современных инновационных технологий в хранении, сортировке и оптимизации доступа к материалам объектов историко-культурного наследия. Представлена роль сетевого проекта «Lost Ossetia» в создании единой базы данных для объектов культурного наследия Северной и Южной Осетии.

Ключевые слова: историко-культурный объект, мультимедийный проект, единая база данных.

**THE PROJECT «LOST OSSETIA» AS A SINGLE
DATABASE FOR HISTORICAL AND CULTURAL SITES
OF NORTH SOUTH OSSETIA**

This article deals with the study of the sanctuary Rekom in North Ossetia which is used as an example of the possibility of using modern innovative technologies in storage, sorting and optimization of access to the historical and cultural heritage. It presents the role of the network project «LostOssetia» in creating a single database for cultural heritage of North and South Ossetia.

Keywords: historical and cultural sites, multimedia project, a single database

Россия богата памятниками, отразившими вехи её многовековой истории. Наше культурно-историческое наследие — это духовный, экономический и социальный капитал невозместимой ценности, который, наравне с природными богатствами, является главным

основанием для национального самоуважения и признания России мировым сообществом. Наследие во многом формирует менталитет, утверждает преемственность гуманитарных ценностей и сохраняет традиции. Сохранение культурного наследия — основа дальнейшего развития общества, это конституционная обязанность каждого гражданина страны [12]. «Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры» [6].

Для того чтобы заботиться о сохранении историко-культурного наследия, необходимо осознавать роль каждого объекта в жизни общества или конкретного региона. Информация об историко-культурных объектах Северной и Южной Осетии хранится в архивах, библиотеках, интернете и т. д. Объединение имеющихся материалов в единую базу данных может стать основой эффективного механизма поиска информации.

База данных — это совокупность самостоятельных материалов, систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ) [2].

В современном обществе такой вид хранения данных является самым удобным. Учитывая специфику, необходимая нам база данных должна хранить следующую информацию: месторасположение по ущельному признаку; принадлежность к тому или иному горному обществу (если таковое имеется); принадлежность объекта к какому-либо виду памятников культуры или архитектуры; оценка состояния объекта; отношение объекта к той или иной религии; функции объекта; статус охраны объекта; точные GPS-координаты; отношение объекта к той или иной фамилии; полное описание объекта; видеозаписи объекта; фотографии объекта; информация о людях имеющих отношение к конкретному объекту (создатели, реставраторы, жители и т.д.); любопытные факты об объекте; легенды, истории, мифы, связанные с объектом; техническая информация об объекте.

Мультимедийный проект «Потерянная Осетия» сумел объединить в себе все выше перечисленные данные. Доступ к базе является открытым для любого пользователя сети интернет и располагается по адресу LostOsetia.ru. Благодаря удобному интерфейсу сайта любой желающий может быстро найти необходимую ему информацию. Поиск объектов можно выполнить по:

- районам — в данном разделе показаны все ущелья, находящи-

еся на территории РСО-А и Южной Осетии, с количеством отмеченных на их территориях объектов;

- обществам — раздел содержит список обществ, находящихся на территории РСО-А и Южной Осетии, с количеством объектов отмеченных на их территории;

- религии — раздел отображает сортировку списка объектов по религиозной принадлежности;

- назначению — в данном разделе объекты сгруппированы по назначению: боевые укрепления и замки, братские могилы, жилые, некрополи, общественные, одиночные захоронения, памятные знаки, производственные, прочее, ритуальные, склепы и могильники;

- состоянию — в данном разделе объекты сгруппированы по оценке состояния: критическое, среднее, утрачено, хорошее;

- статусу охраны — в данном разделе объекты сгруппированы по статусу охраны: вновь выявленный, регионального значения, федерального значения;

- «Поиск по объекту» — специальная вкладка, которая позволяет ускорить процесс поиска. [11]

Для того чтобы понять как выглядит база данных проекта «Потерянная Осетия» рассмотрим один из объектов по разделам, которые имеются на сайте.

Наименование: Святилище Реком;

Расположение: Цейское ущелье;

Принадлежность: Алагисрское общество;

Категория: памятник культуры (памятник архитектуры);

Состояние: хорошее состояние;

Религиозная: традиционная религия;

Назначение: ритуальные;

Статус: федерального значения;

Координаты: 43.904578, 42.790793;

Связь с фамилиями: Царазонта [7,105]

Описание: Среди величественных горных пиков Адайхох и Уалпата с их скалистыми отрогами Кальперраг и Цайраг находится воспеваемая поэтами, жемчужина Кавказа — Цейское ущелье. Именно здесь одной из трех слез Бога был сотворен легендарный древний осетинский храм Реком (из двух других слез сотворены известные храмы Мкалгабыр и Таранджелос). Собранный из дерева, без единого гвоздя (кроме окованных ритуальных дверей и ставень) и имеющий оригинальную архитектурную форму, Реком представляет для науки

огромный исследовательский интерес. Несмотря на почти двухвековое изучение этого древнего памятника, многие стороны исследований до сих пор еще не раскрыты или являются спорными; в частности: датировка сооружения, этимология названия, философское и религиозное содержание храма. Ввиду всеобщего научного познавательного внимания к храму и из-за недолговечности строительного материала (местная сосна), Реком многократно реставрировался, и по нему был собран большой архитектурный материал [4,1].

Видео: в данном разделе находятся три видеозаписи с празднования святилища.

Фотографии: в данном разделе хранятся фотографии святилища разных лет.

Люди: Слава Джанаев родился в селении Корнис Знаурского района, закончил строительный факультет ГМИ, участвовал в освободительной войне 1991-1992 гг. Свою жизнь он посвятил изучению осетинской истории. Автор книги «Три слезы бога», художник, реставратор. Человек, который вместе с единомышленниками восстановил святилище Реком, до начала восстановительных работ все ребята соблюдали 1 год пост. Помимо святилища Реком он восстановил ещё 11 святилищ в Северной Осетии [11].

Любопытные факты: Один из самых любимых и почитаемых осетинами праздников. Длится целую неделю. Раньше в святилище Реком шли паломники со всей Осетии, особенно почитали его жители Алагирского общества. Праздник и в прежние времена и в наши дни начинается с закалывания жертвенного животного. Праздник Реком В прежние века поклониться Рекому шли столько паломников, что в святилище негде было яблоку упасть. Это было что-то вроде осетинских Олимпийских игр. Молодежь состязалась в танцах, в пении, в скачках, в стрельбе из лука, в рукопашной борьбе. Поклониться Рекому шли не только осетины, но и грузины. Скорее всего это были огрузинившиеся осетины, и зов крови вел их в святилище одного из самых почитаемых предками дзуаров. На праздник Реком, как и на другие большие всенародные праздники (Хетаджи Уастырджи, Уацилла, и. т. д.) не принято забивать птицу, ставить на стол рыбу, свинину и приготовленные из них продукты. В окрестностях святилища многие фамилии имели временные жилища, в которых поселялись на время праздника. В больших чугунных котлах варили пиво, люди приносили жертвы: кто барана, кто быка. Каждое село накрывало отдельные столы, и люди приглашали друг друга, посылая почетные бокалы. Взявшись за руки, с пением со-

вершали вокруг святилища ритуальное шествие. Женщины не имели права приближаться к святилищу, но посылали туда свои кувинагта, и старшие произносили над ними ритуальные молитвы. Каждое село имело своего дзуарылагта, который наблюдал за ходом праздника и собирал мысайнаг. Босые, с обнаженными головами, с маленькими белыми флажками в руках, они обходили ряды паломников. В прежние времена в качестве мысайнага могли дать лук, стрелы, пуговицу, бусинку, серебряные или медные монеты. По мнению ученых, святилище Реком было построено в 1382 году (хотя это очень спорный вопрос, т.к. раньше Реком находился в другом месте). Реком и по сей день широко отмечается в Осетии. Делают кусарт, приглашают родственников и соседей, возносят молитвы и препоручают себя заботам Уастырджи Рекома. Праздник обычно отмечается в июне [1, 30].

Фольклор: Поднял булатный Батраз сияющий солнцем и луной меч, созданный самим небесным кузнецом, покровителем оружия — Сафой, и одним ударом [8, 310] пресек жизнь Сайнаг-алдара. Жестокостью была месть Нарта Батраза за смерть отца своего Хамыца: многих Нартов он истребил. Других подверг унижительным испытаниям, заставляя выполнять невыполнимые поручения. Этому ему было мало. Пробил он гладкую отвесную скалу крепости Уарпп и со своим мечом Дзусхъара предстал перед советом небожителей — зэдов и дауагов [8, 295]. Победил и их неугомонный Батраз. Оставшиеся из небожителей отправились на небеса — Богу жаловаться. Но Бог не желал совершить насилие над Батразом:

— Он еще мало жил, и не хочется мне, чтобы раньше времени в страну мертвых отправлялся.

Батраз, прослышав, что зэды пожаловались Богу, решил сам направиться к Богу на небо — узнать, каков он. Бог, чтобы уgomонить самого [именитого] из Нартов, бросает перед ним клубок золотой пряжи.

«...Далеко смотрели посвященные древности. Они понимали, что народы приходят и уходят, что империи возникают и погибают, что золотой век науки, искусства и идеализма сменится темными веками суеверий. Имея это в виду, мудрецы старых времен пошли на крайние меры для того, чтобы быть уверенными в сохранности знаний. Они выписали их на горных склонах и замаскировали колоссальными размерами изображений, каждое из которых было геометрическим чудом. Знания в химии и математике они скрыли в мифах, которые невежественные будут хранить вечно, или в арках и переходах своих храмов, которые пожалело время. Они рисовали такими буквами, ко-

торые ни вандализм людей, ни безжалостность стихий не могли стереть полностью. Сегодня люди с изумлением и почтением смотрят на колоссов Мемнона в песках Египта или на странные террасы пирамид в Паланке. Они стоят молчаливыми свидетелями утерянных искусств и наук античности, и мудрость их будет скрыта до тех пор, пока нынешняя раса не научится читать на универсальном языке символизма...» Мэнли Полмер Холл Вместо предисловия Такой крепости и длины была она, как все корни, какие только на земле есть. [Подумал]: «пригодится мне Сатане шубу штопать». — И с коня (за клубком) нагнулся. Клубок же даже с места не сдвинулся. Слез Батраз с коня, раз — другой попробовал поднять клубок, но так и не смог [8, 295].

— Есть и посильнее меня, — сказал Нарт Батраз. — От вражды пользы нет. Собрались снова на совет небожители и сказали:

— Отчего нам не убить Батраза, [8, 289] ведь Бог нас не слушает.

Началась еще более страшная битва на Хазмийском поле. Опять гибнут небожители, — кто от меча, кто от стрел Батраза. Снова пошли зэды и дауаги к Богу и сказали:

— Как хочешь — либо Батраз, либо мы! [8, 289].

Бог сказал им:

— Без ангелов я ничего не поделаю [8, 289].

— Если не погибнет он своей смертью, нет ему погибели [8, 295].

С ним же следует так поступать: за один день я дам солнцу столько жару, как за все семь лет. Из булата он, — (от жажды) станет изнывать. Посреди степи есть один родник [8, 295], Батраз всегда пьет из него. Высушу я родник, и тогда (Батраз) подается к морю. И море по моей воле тоже высохнет, и он умрет.

И выглянуло такое солнце, что мир весь закипел. Начал Батраз изнывать от жажды. Горят его булатные бока. И отправился он к роднику посреди степи [8, 296]. Зэды и дауаги напали на него, Нарт же Батраз словно и не замечает их. (Говорит):

— Погодите, усы, выпачканные толокняной похлебкой, выпью воды, а там рассчитаемся. К роднику-то (Батраз) добрался, но высох родник. Тогда Батраз бросился к морю, но и в море даже глотка не оказалось [8, 296]. Раскалился докрасна сын Хамыца Батраз (У Батраза, когда его жег Курдалагон, одна кишка внутри осталась сырой. Когда она загорелась, то Батраз упал. [8, 289] И испустил дух на берегу моря. Зэды и дауаги в тот же миг окружили умирающего. (Батраз) же испускал такой дух, что многие из небожителей погибли, многие в обморок попадали. И (они) опять предстали перед Богом:

— Живым он нам такого не чинил, какое причинил мертвым. Когда он умер, то испустил такой дух, что истребил нас [8, 296]. А Бог сказал им [8, 291]:

— Пойдите к его мертвому телу, помолитесь ему: «В склепе небесного Сафы (вариант — Софийском склепе) твое вечное место, стань тоньше рыбьей чешуи, легче хмельного лепестка» [8, 291].

Так и поступили небожители. Отыскали двух бычков, рожденных (в дни) Тутыра [8, 296], и запрягли их. (Батраз) поверил, сделал себя легким, и отнесли его в склеп... Когда подошли к дверям, (Батраз) уперся коленом в притолку, и (потому он) не проходил внутрь [8, 293]. Зэды и дауаги отправили к Богу своего посланника:

— Не хочет проходить в склеп, уперся в двери своими большими ногами! [8, 296].

Вот пришел Бог к нему и сказал ему:

— Мой названный сын, чего ты не слушаешься? [8, 290]

— Потому, что тебя не видел!

Тогда Бог Три Слезы (на Батраза) выронил, и из них одна стала Таранджелос, другая — Мыкалгабырта, а третья — Реком. Так положили Батраза в склеп [8, 290]. (А меч Батраза при помощи нескольких тысяч животных подвинули) к берегу и бросили в море. Зброшен меч — пошли волны и ураганы, само море пришло в кипящее состояние, а потом приняло кровавый цвет [8, 314]. (С тех пор) когда весной с небес раздается гром, то говорят, что это удары плети сына Хамыца Батраза, когда он садится на своего коня [8, 293].

Теперь Батраза зовут Уаскергием (Уастырджи)».

Специалистам: Реком представляет собой бревенчатый сруб из целых бревен значительной толщины (от 25 до 30 см в диаметре). Сруб покрыт низкой деревянной крышей, которая опускается широким навесом, поддерживаемым с двух сторон резными деревянными столбами. Столбы отличаются друг от друга по форме и увенчаны сверху художественно оформленными деревянными коньками, которые напоминают голову верблюда с вытянутой шеей. Причем коньки и балки, поддерживающие крышу, являются монолитными Г-образными деталями без скреплений. Мастер, по-видимому, придавал большое значение художественному исполнению коньков; он украсил их типичным осетинским орнаментом. Высокими художественными качествами исполнения коньков может восхищаться даже самый взыскательный художник [9].

Примечательной особенностью святилища Реком является постройка его без применения гвоздей и других железных деталей,

традиционный для древности способ — обло (каждое следующее бревно подгонялось под выемку в предыдущем). Железо (погремушки, звоночки, узоры, оковки на дверях) употреблялось только для украшения.

Помимо разделов, которые описаны, имеются ещё два, но отношения к святилищу Реком они не имеют. Поэтому рассмотрим их отдельно:

- ВОВ — раздел, содержащий список призывников в годы ВОВ имеющих отношение к конкретному объекту;
- репрессии — раздел, содержащий список жителей конкретных селений, подвергавшихся репрессиям [11].

Сайт проекта «Потерянная Осетия» является общедоступным и имеет удобный для пользователей интерфейс. Все данные собираются из книжных, архивных и интернет источников, а так же, при полевых исследованиях, после чего сортируются по разделам. Учитывая все это, мы делаем вывод о том, что сетевой проект «Потерянная Осетия» может стать единой базой для историко-культурных объектов Северной и Южной Осетии.

Примечания

1. Агнаев Г. А., Осетинские обычаи. Владикавказ: Урсдон, 1999.
2. Гражданский кодекс РФ.
3. Гутнов Ф. Х., Осетинские фамилии. Владикавказ: Респект, 2012.
4. Джанаев С. Х., Реком — приемник древних скифских арийских храмов. 1999.
5. Джанаев С. Х., Три слезы Бога. Владикавказ: СОИГСИ, 2007.
6. Конституция Российской Федерации, 1993.
7. Кузнецов В. А., Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ: Ир, 1990.
8. Нарты. Книга 2. Москва: Наука, 1989.
9. Пчелина Е. Г. К работе И. Собиева, Раскопки древней молельни Майрам близ Рекома в Цейском ущелье. Архив Северо-Осетинского государственного объединенного музея истории, архитектуры и литературы.
10. Хамицаева Т. А., Нарты Кадджытæ. Книга 2. Владикавказ: Ир-стон, 2002.
11. LostOsetia.ru.
12. Voopik.ru.

V. ФИЛОЛОГИЯ

**Е. Б. ДЗАПАРОВА,
кфн, снс СОИГСИ**

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «ДУБРОВСКИЙ»: ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ НАЦИОНАЛЬНОГО КОЛОРИТА

В статье рассматриваются особенности перевода повести А. С. Пушкина «Дубровский» на осетинский язык, выявляются сходства и расхождения разноречивых текстов. Автор прослеживает степень формального и смыслового соответствия оригиналу. Отдельное внимание уделяется передаче компонентов национального колорита.

Ключевые слова: художественный перевод, адекватность, переводной текст, исходный текст, аналог, эквивалент.

ARTISTIC TRANSLATION OF THE NOVEL A. S. PUSHKIN «DUBROVSKY»: THE PROBLEM TRANSMISSION NATIONAL COLORING

The article considers the peculiarities of the translation of the novel A.S. Pushkin «Dubrovsky» the Ossetian language, identifies similarities and differences multilingual texts. The author traces the degree of formal and semantic match the original. Special attention is paid transfer of components of national color.

Keywords: literary translation, adequacy, translatable text, source code, similar, equivalent

Творчество А.С. Пушкина неразрывно связано с осетинской литературой, являясь своеобразным ориентиром для многих писателей на протяжении творческого пути. Благодаря Пушкину у них расширился кругозор, шло обогащение жанровой системы произведений.

Плодотворно представлено творчество А.С. Пушкина на осетинском языке. Лирические, драматические произведения, проза писателя не раз становились предметом творческих изысканий осетинских переводчиков. Одними из первых переводчиков лирических произведений Пушкина были К.Л. Хетагуров («Ворон к ворону летит...») и Б. Гуржибеков. Об этом С.З. Габисова пишет следующее: «Коста содействовал сближению русской литературы с осетинской и перевел ряд поэтических произведений на родной язык. Среди переводов имеется и стихотворение Пушкина «Два ворона». Но перевод до того оригинален, что его можно считать совершенно независимым от пушкинского текста. Коста изменил последние две строки второй строфы и придал тем самым стихотворению национальный колорит» [1].

Почти все хрестоматийные произведения великого русского поэта переведены на осетинский язык. Обращаясь к переводу произведений А.С. Пушкина, осетинские переводчики учились у него поэтическому мастерству, его неподражаемой творческой манере. «Чему я продолжаю учиться у Пушкина? Простоте и понятности языка, логической законченности произведений, широте диапазона, глубокой эмоциональности», — отмечал Нигер [2, 91].

Обращение осетинских переводчиков к произведениям А.С. Пушкина считает положительным фактом и Грис Плиев: «Нет ни одного осетинского поэта, который бы не переводил Пушкина на родной язык, и это не просто приобщение осетинского читателя к творчеству русского гения, но и обогащение осетинской культуры».

Обогатить осетинскую литературу художественными ценностями А. С. Пушкина считали своим долгом Ц. Амбалов, С. Бритаев, Нигер (И. В. Джанаев) [4], А. Бритаев, С. Джанаев, Х. Плиев [5], Д. Мамсуров, Т. Бесаев, Д. Дарчиев, Х. Ардасенов, Г. Кайтуков, Я. Хозиев, Г. Мамиев, Г. Плиев, Г. Дзугаев, А. Царукаев, В. Царукаев, Т. Тетцоев, П. Урумов, С. Хугаев, Н. Джусойты, М. Дзасохов, А. Кодзати, Г. Чеджемов, Г. Рамонов, Х. Савлаев, Е. Кочиева, Х. Джиев, К. Ходов, Т. Кокаев, Т. Хаджеты, В. Наниев, К. Мамукаев, А. Кибиров, А. Тедеев, У. Годжиев, Ю. Тигиев, Тассо Гуру (Тамерлан Гуриев), Т. Хетагуров и др.

Об особенностях перевода произведений А. Пушкина на осетинский язык имеется ряд статей, в которых анализируется эквивалентная/неэквивалентная передача оригинального пушкинского стиха [6]. О стихотворениях русского поэта в переводе Нигера И. Дзахов пишет следующее: «Прежде всего, читая переводы Нигера, поражаешься удивительно точным лексическим соответствиям оригиналу. Каждому пушкинскому слову переводчик нашел точное или, если таковых в осетинском языке нет, предельно приближенное соответствие» [7, 107]. В конце своего исследования Дзахов пришел к выводу: «...Нигер тонко сочетал в своем методе перевода как принцип сохранения своеобразия оригинала, так и принцип его национального освоения и сумел указать путь становления осетинской переводческой школы и на практике, и в теории» [7, 117].

Активным переводчиком лирических и драматических произведений А. С. Пушкина на осетинский язык был Грис Плиев. Переводческий талант осетинского писателя, проявленный при переводе произведений русского классика, не раз был по достоинству оценен в критике: «Запомнившиеся с детства наизусть стихи Пушкина «Зимний вечер», «Чадаеву», «Утопленник» и др. на осетинском языке вступают в соперничество с оригиналами, и осетинскому читателю нет нужды обращаться к ним на русском языке, — так хорошо и блистательно переведены!» [8, 275]. А. Гулуев, сам являясь профессиональным переводчиком, отмечал художественную особенность произведений, полученных Г. Плиевым в результате перевода: «Плиты Гришы тæлмацы Пушкины уацмыстæ бирæ æндæрхуызон нæ фесты, сæ формæ, сæ аивдзинад хæлд не 'рцыд, уацмыстæн сæ тых нæ фæлæмæгъдæр» [9, 65-66].

Одним из переводчиков прозаических произведений русского писателя был Арсен Коцоев. Ему принадлежат переводы на осетинский язык повестей «Станционный смотритель» и «Дубровский».

Опубликованные к 100-летней годовщине со дня смерти писателя в 1937 году [10] произведения Пушкина на осетинском языке не становились объектом исследования. В настоящей статье обратимся к переводу повести «Дубровский» и попытаемся проследить адекватную передачу А. Коцоевым особенностей пушкинского произведения.

«Дубровский» относится к незаконченным произведениям писателя, над которым А. С. Пушкин работал с октября 1832 по февраль 1833 г. Произведение было новаторским для своего времени. Остросоциальную проблематику автор вплел в авантурный сюжет, присущий западноевропейским произведениям конца XVIII века. Повесть Пушкина отличает и ее «документальность». Автор использовал судебные дела и реальную историю дворянина, потерявшего обманном путем имение и ставшего разбойником.

В повести «Дубровский» А. С. Пушкин с наибольшей полнотой отражает помещичий провинциальный быт и нравы начала XIX века. Осетинский переводчик со всей ответственностью подошел к переводу указанного произведения. В осетиноязычном варианте вполне уловим индивидуальный пушкинский стиль, переводчик не выходил за рамки повествования.

С первых строк произведения автор вводит читателя в особую атмосферу той эпохи и знакомит его со своими героями: «Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров. Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губерниях, где находилось его имение. Соседи рады были угождать малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени; Кирила Петрович принимал знаки подобострастия как надлежащую дань; дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения...» [11, 126]. Так Пушкин начинает свое повествование. В осетинском переводе отрывок лишен смысловых ошибок. А. Коцоев избегает вольного обращения с фразами оригинала, все они находят свои эквиваленты в переводном тексте. Читаем: «Иу кърорд азты размæ йæ бæстыхæйтæй иуы царди зæронд уырыссаг æлдар Кирилад Петрович Троекуров. Йæ хъæздыгдзинад, зынгæ мыккаг æмæ йæ бастдзинæдтæ йын лæвæрдтой стыр бынат, йæ бæстыхай кæм уыдис, уыцы губернийы. Сыхæгтæ сæхи хъæрдтой йæ цавæрдæриддæр æнæуаг домæнтæ æххæст кæныныл, губернийы чиновниктæ рызтысты йæ койæ. Ки-

рилаэ Петрович лæгъстæйы митæм касти, куыд, чи æмбæлы, ахæм хæс æххæст кæнынмæ. Йæ хæдзар æдзух дзаг уыдис уазджытæй, уыдон æй хъæлдзæг кодтой, ирхæфстой йæ, йемæ æрвыстой йæ уынаерджын, хаттæй-хатт хъаугъаджын хъæлдзæгдзинæдтæ...» [12, 149]. Как видим, для того чтобы отразить облик барина Троекурова, А. Коцоев находит равнозначные единицы переводящего языка, нигде не идеализируя пушкинского героя. Феодалное столкновение Троекурова и Дубровского, прослеживающееся на протяжении всего повествования, находит место и в переводе.

Образ главного героя Владимира Дубровского появляется в повести не сразу, а раскрывается по мере рассказа. Вот перед нами молодой человек приятной наружности, жизненные обстоятельства которого вынуждают стать «благородным разбойником». О чертах внешности Дубровского мы узнаем следующее: «От роду 23 года, роста среднего, лицом чист, бороду бреет, глаза имеет карие, волосы русые, нос прямой. Приметы особые: таковых не оказалось» [11, 160] — «Цæуы йыл 22 азы, йæ ас рæстæмбис, цæсгом сыгъдæг, зачъе даст, йæ цæстытæ бурбын, сæрыхъуынтæ мыдхуыз, йæ фындз раст. Хицæн нысæнттæ: ахæмтæ нæ разындис» [12, 197]. Как видим, в переводе есть небольшие неточности. Переводчик А. Коцоев верен в описании внешности пушкинского героя, но по непонятной причине убавляет возраст Дубровского.

А. Коцоев при переводе не пытался адаптировать художественное произведение под «своего» читателя, вносить в произведение осетинские реалии, или заменять русский национальный колорит своим. Сам Пушкин при переводе на русский язык поэзии иноязычных авторов первостепенную роль отводил национально-культурной специфике текста и ее отражению в переводе. «Обращаясь в период своего зрелого творчества к великим поэтам современности и прошлого (Мицкевич, Шенье, Гораций) и к фольклору («Песни западных славян» — по обработке их Мериме), Пушкин всемерно сохранял, даже выделял элементы народного своеобразия и, в частности, черты местного и исторического колорита, иногда подчеркивая их и соблюдением стихотворной формы оригинала, непривычной для русской поэзии его времени («Будрыс и его сыновья»)» [13, 53]. Национальная окраска переводимого произведения выражается, по мнению известного переводоведа А. В. Федорова, «чаще всего или в образах, наиболее непосредственно отражающих материальную обстановку и социальные условия жизни народа (в частности, в ха-

рактере и поступках действующих лиц) или в насыщенности идиоматикой (в широком смысле слова)» [13, 318].

Произведение Пушкина «Дубровский» изобилует словами-реалиями, обозначающими предметы или явления, связанные не только с русской историей или культурой, но и с культурой других народов. При передаче их в переводной текст А. Коцоев использует транскрипцию или транслитерацию. При этом значения большинства слов-реалий переводчиком поясняются в сносках, и поэтому читателю нет необходимости самому прибегать к помощи словаря. Приведем примеры: «флигельтæ — сæйраг хæдзар йеттæмæ ма кæрты цы агъуыстытæ вæййы, уыдон хуыйнынц афтæ», «генерал-аншеф — инæлары бæрзонддæр цин, «æххæст инæлар»», «урядник — кæсдæр æфсæддон цин зæронд æфсады», «артиллерийы подпоручик — афицеры кæсдæр цин зæронд армийы», «корнет — бæхджын æфсады афицеры кæсдæр цин», «камердинер — лæккадгæнæг», «бельведер — мæсыггонд, хæдзары сæрыл, алы 'рдæм фæлгæсынæн», «клирос — аргъуаны зарджыты лæууæн бынат», «аргъуаны причт — аргъуаны службæгæнджыты иумæйаг ном», «исправник — уезды пъæлицæйы хицау», «мамзель — чызг», «алтар — аргъуаны мидæггаг хатæн». Как видим, в число поясняемых переводчиком лексем попали и иностранные слова, в значениях которых, как представляется, А. Коцоев легко ориентируется.

Переводчик отказался от пояснений осетиноязычному читателю семантики следующих слов: «губернийы чиновник», «приказчик», «тройкæ», «поручик», «къупец», «усадыбæ», «титулярон советник», «апелляци», «извозчик», «сенæ», «колпак», «мундиргонд сюртук», «картуз», «перилæ», «гарем», «гувернер», «мусье», «коляскæ», «канва», «вальс», «трюмо», «кулебякæ», «кафтан» и т.д. С помощью транскрипции и транслитерации переводчик сохранил «лексическую краткость обозначения, соответствующего его привычности в языке подлинника» [14, 32].

В некоторых случаях контекст сам помогал переводчику дать некоторое представление о предмете или понятии. И поэтому А. Коцоеву не составило труда находить эквиваленты словам исходного языка. Например: «горничная» — «кусæг чызг», «гончие» — «сурæг куыдз», «водка» — «арахъ», «нянька» — «дыджызæ», «кучер» — «бæхтæрæг», «барыни» — «æхсинтæ», «посаженная мать» — «кæнгæ мад», «пономарь» — «аргъуаны кусæг», «кум» — «æмдзуарджын» и т.д.

При переводе повести А. С. Пушкина А. Коцоев столкнулся с проблемой компенсации слов в уменьшительно-ласкательной форме: «батюшка», «папенька», «сестрица». Соответствующие стилистические коннотации достаточно трудно передать осетинским языком ввиду отсутствия в нем суффиксов, образующих подобные формы. Да и осетинский менталитет не позволял переводчику применять в тексте ласкательные формы обращения. **Перевод деминутивов** осуществляется нейтральными словами переводящего языка: «нæ фыд», «баба», «мæ хо». Приведем такой пример из оригинала: «С тех пор они каждый день бывали вместе, и Кирила Петрович, отроду не достаивавший никого своим посещением, заезжал запросто в домишко своего старого товарища» [11, 127]. В отрывке обращает на себя внимание перевод пейоратива «домишко». Автор не случайно употребил стилистически нейтральное существительное «дом» в уменьшительно-пренебрежительной форме. Он таким образом еще раз подчеркнул социальное неравенство старшего Дубровского и помещика Троекурова. Переводчик повести и здесь прибегает к замене слова со значением уничижительности нейтральным эквивалентом переводящего языка — «хæдзар». В переводе: «Уæдæй фæстæмæ алы бон дæр уыдысты иумæ, æмæ Кирилæ Петрович, йæ цæрæнбонты исæмæ цæуын йæхицæн чи нæ саккаг кодта, уый-иу йæ зæронд æмбалы хæдзармæ бауади æнæуæлдай гæды митæй».

Перевод пушкинского произведения требовал от переводчика не только блестящего знания обоих языков (оригинала и перевода), теории и практики художественного перевода, но и познаний в зарубежной литературе. Так, в повести А. Пушкин часто употребляет имена зарубежных писателей и героев их произведений. При передаче соответствующих мест в тексте А. Коцоев также прибегает к пояснению в сноске, даже если сам автор отказывается от него. Можно привести следующие примеры: «Радклиф (1764-1823) — англисаг фыссæг» [12, 196], «Ринальдо — немыцаг фыссæг Вульдюцы (1762-1827) роман, кæцы йæ рæстæджы уыдис тынг зындгонд, Ринальдо-Ринальдини — абырджыты фæтæг» [12, 215], «Конрад — номдзыд полякаг поэт Адам Мицкевичы (1798-1855) кадæг «Конрад Валленрод» — ы герой» [12, 218].

В тексте Пушкин употребляет имя персонажа древнегреческой мифологии Амфитриона. Благодаря одноименной пьесе Мольера имя героя, изображенного французским комедиографом радушным хозяином, стало нарицательным. Впоследствии Амфитриона-

ми стали называть хлебосольных, гостеприимных хозяев. В повести «Дубровский» автор использует это имя именно в этом значении: «Пошли за стол. Троекуров отдал полную справедливость винам своего Амфитриона и искусству его повара...» [11, 175]. Как видим, сам Пушкин не дает никого пояснения к указанному им герою. А. Коцоев понял намерение автора оригинала и поясняет в сноске: «Амфитрион — хорзæрдæджын, узагуарзаг фысым» [12, 217]. Переводчик, как кажется, правильно отразил смысл, представляемый в указанном отрывке Пушкиным.

Но пояснения переводчика не всегда, как нам кажется, верны. Перевод, на наш взгляд, не совсем правильно доносит семантику русскоязычного слова «стремяной»: «æгъдынцойгæс — куыдзгæс, кæцыйæн дард иртæсыны бар нæ уыди æлдары æгъдынцойæ» [12, 152]. На наш взгляд, было лишним в переводе упоминать собачника, если речь идет о придворном чине в Русском государстве. Стремяным называли верховного конюха, который сопровождал царя верхом и подавал ему стремя.

У Пушкина в произведении тесно переплетаются язык художественной литературы и живая разговорная речь. Автор широко применяет народно-разговорную лексику, служащую средством социальной характеристики персонажей. В повести она встречается в речи крестьян, помещиков или в авторском повествовании. Приведем примеры из оригинала и соответствующие единицы в переводе А. Коцоева: «...дьявол тебя поberi...» [11, 164] — «...хæйрæг дæ фæхæссæд» [12, 202], «собачьи сын» — «куыдзы фырт», «олухи» — «æдылытæ». Или: «Пошел вон, не до тебя» [11, 142] — «— Афардæг у ардыгæй, дæумæ мæ не 'вдæлы» [12, 171]; «Кто там смел рот разинуть, — сказал грозно исправник...» [11, 146] — «Чи бауæндыдис уым йæ дзых байгом кæнын?» [12, 178]. Переводчик, как видим, нигде не пренебрег указанными единицами переводимого текста. Рабски следуя за оригиналом, А. Коцоев также применяет в переводе слова сниженного стиля.

Воспитанный на французской культуре Пушкин использует в произведении французские слова и изречения. Встречающиеся в речи учителя Дефоржа¹ фразы на французском языке даются в иноязычном написании. Например: «— Que d'isire monsieur? — спросил Дефорж, учтиво ему поклонившись» [11, 163]. Или: «— Monsieur, tris volontiers,

¹ Впоследствии читатель узнает, что под маской учителя Дефоржа в доме барина Троекурова скрывался сам Владимир Дубровский.

— отвечал Дефорж, — *veuillez donner des ordres en consйquence*» [11, 163]. Отразить французские выражения в переводном тексте А. Коцоеву помог сам автор, так как А. Пушкин дает в сноске русский перевод. Переводчику необходимо было лишь передать их на своем языке, оставляя в самом тексте в первоначальном написании.

Немаловажную роль при передаче национальной специфики иноязычного текста играют фразеологизмы [15], пословицы и поговорки [16]. В повести А. С. Пушкина «Дубровский» мы встречаем немало устойчивых единиц языка. Фразеологизмы, в которых неярко отражены «следы» национальной культуры, А. Коцоев передает равнозначными эквивалентами. Например: «мысль... терзала его сердце» — «уыцы хъуыды... зæрдæ скъуыдтæ кодта», «сердце в нем забилось» — «йæ зæрдæ стæлфыдис», «попадешься ему в лапы» — «уый къухы бахауын», «две шкуры сдерет» — «дыууæ цармы дæр бастигъдзæн», «проводив мальчика глазами» — «йæ цæст лæппуйы фæдыл ахæсгæйæ», «он не в духе» — «йæ чемы нæй», «его достояние могло отойти от него в чужие руки» — «йæ мæгуыр ис-бонæн тас уыди йæ къухтæй ацæуынæй».

Местами А. Коцоев передает исходную единицу с заменой слова, входящего в состав фразеологизма: «мысль... пришла ему в голову» — «уыцы разнысан йæ зæрдыл æрбалæууыдис» (голова — сердце), «мысли... стеснились в душе его» — «хъуыдытæ зылдысты йæ сæры» (душа — голова).

Во фразеологических единицах с национально-культурной семантикой А. Коцоевым на осетинский язык передается лишь смысл: «и в грош не ставит» — «ницæмæ дары», «я все выведу на чистую воду» — «æз сбæрæг кæндзынæн хъуыддаг», «во весь дух пустился бежать» — «уыцы-иу згъорд акодта».

Паремии в переводимом тексте встречаются дважды. В одном случае переводчик А. Коцоев заменяет исходный образ паремии на свой: «да ведь на чужой рот пуговицы не нашьешь» — «фæлæ искæй дзыхыл гуыдыр нæ сæвæрдзынæ» (пуговица → замок). В другом — использует буквальный перевод, который, на наш взгляд, не оказывает на читателя художественно-эстетическое воздействие: «каков поп, таков и приход» (значение: соответствовать) — «сауджын цы хуызæн уа, йæ хъæу дæр уый хуызæн».

Особая роль в художественном произведении отводится образным единицам языка. «Образные языковые единицы через определенное образно-оценочное представление ярко и отчетливо отра-

жают этнокультурное своеобразие народа. По общепризнанному мнению, образный фонд языка — наиболее самобытное явление в плане выражения национальной специфики ЯКМ (языковой картины мира — Е. Д.) [17, 3]. Первостепенную роль в создании образности художественной речи играет метафора. Подобные выражения с переносным значением встречаются и в повести А. Пушкина. Приведем примеры метафор из оригинала и в переводе А. Коцоева: «расхаживая тяжелыми шагами взад и вперед по зале...» — «залы мидæг уæззау къæхдзæфтæй дыууæрдæм цæугæйæ...», «он ехал берегом широкого озера» — «цыдысты фæтæн цады былтыл», «Кирилла Петрович пустился рысью» — «Кирилæ Петрович ауагъта йæ бæхы сæппæй», «искры полетели огненной метелью» — «цæхæртæ калдысты зынджы тымыгъау», «пламя страсти» — «уарзондзинады арт». Как видим, все образные единицы исходного текста нашли свое место в переводе. Другие изобразительно-выразительные средства художественного текста — эпитеты — помогают читателю понять взаимоотношения героев, а также отношение к ним самого автора. И если данные оценочные единицы не слишком часто встречаются в повести А. С. Пушкина, свое адекватное отражение они находят в осетинском переводе: «злая улыбка» — «фыдæхы мидбылты худт», «соколик мой ясный» — «мæ ирд уари», «холодным видом» — «уазал уынд», «смертная бледность» — «мæрдон фæлурс». Для передачи сравнений А. Коцоев в каждом случае находит эквивалентные единицы. Сравнимый образ, лежащий в основе оборота, в переводе отражен аналогом: «он гол как сокол» — «уый уарийау бæгънæг у», «барышни стеснились между собой, как робкое стадо козочек...» — «чызджитæ къордæй лæууыдысты тæппуд сæгъты дзугау...», «Марья Кириловна сидела как на иголках» — «Мария Кириловнæ судзинтыл бадæгау уыдис», «Марья Кириловна веселилась как дитя» — «Мария Кириловнæ хъæлдзæг уыди сывæллонау», «брак пугал ее, как плаха, как могила...» — «моймæцыд æй тæрсын кодта, куыд фæрæтæй мард, куыд ингæн».

Таким образом, переводной текст А. Коцоева отвечает всем требованиям адекватного художественного перевода. В нем отражены этнокультурные особенности русского народа. С помощью удачно подобранных эквивалентов передан национальный колорит, образность оригинала. Имеющие небольшие неточности в переводе несколько не влияют на смысловую целостность всего произведения.

Примечания

Габисова С.З. А. С. Пушкин и К.Л. Хетагуров // ossethnos.ru/philology...aspushkin...klhetagurov.html. Дата обращения 28.05.2014.

Очерк истории осетинской советской литературы. Орджоникидзе, 1967. — 420 с.

Толасова Б. Поклон великому поэту // Соц. Осетия. 1990. 30 мая. Цит. по кн.: Гетоева-Миндзаева Л. К., Кусов Г. И. А. С. Пушкин и Владикавказ. Владикавказ: Перо и Кисть, 2010. – 289 с.

Произведения А. С. Пушкина в переводе И. В. Джанаева («Ноджы райгуыраен бæсты», «Топпæхст», «Цырт», «Дурын уазæг») // НА СОИГСИ. Ф. 28, оп. 1, дд. 107-111.

Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум. Перевод на осет. яз. Плиева Х. // НА СОИГСИ. Ф. 61 (лит.), оп. 1, д. 26.

См. Плиев Г. Пушкин на осетинском языке // Рæстдзинад. 1937. 12 января; Гулуты А. А. С. Пушкины æмдзæвгæты тæлмацы тыххæй // Æрыгон коммунист. 1954. 29 августа; Кулаев В. Пушкин в осетинской литературе // Социалистическая Осетия. 1959. № 128; Джусойты Н. Г. Пушкин на осетинском языке (заметки переводчика) / В кн.: Пушкин А. С. Исследования и материалы. М.-Л., 1953. — С. 459-463; Дзатцеева Н. «И назовет меня всяк сущий в ней язык...»: [О переводах А. С. Пушкина на осетинский язык] // Социалистическая Осетия. 1990. 30 мая; Боциева Ф. А. Стихотворение А. С. Пушкина «Я Вас любил» на осетинском языке (к вопросу воссоздания композиции и национально-специфических реалий подлинника) // rusnauka.com:27_NNM_2011/Philologia...93646.doc.htm. Дата обращения 28.05. 2014; Гуриев Т. А. К проблеме перевода произведений А. С. Пушкина на осетинский язык // Пушкин и Кавказ: история и современность. Пятигорск, 1999. – С. 29-30.

Дзахов И. М. К вопросу о художественных переводах в осетинской литературе (Нигер – переводчик Пушкина) // Вопросы осетинского литературоведения. Т. 33. Орджоникидзе, 1978. – С. 104-117.

Дзуццаты Х.-М. А. Соавтор времени. Грис Плиев. Жизнь и смерть. Стихи и поэмы на осетинском языке // Плиты Грис æмæ литературон процесс / Чиныгаразæг, разныхасы автор æмæ бæрнон редактор Хозиты Б. Дзæуджыхъæу: Ир, 2013. – С. 274-278.

Гулуты А. Уырыссаг æвзагæй иронмæ тæлмацгонд уацмыстæ // Мах дуг. 1954. №8. – Ф. 63-86.

Пушкин А. С. Равзæрст прозæ. Дзæуджыхъæу, 1937. — 210 ф.

Пушкин А. С. Дубровский // Пушкин А. С. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. Проза. М.: Художественная литература, 1987. — С. 126-190.

Пушкин А. С. Дубровский. Ратѣлмац ѿ кодта Коцойты А. // Пушкин А. С. Уацмыстѣ. Дзѣуджыхъѣу: Цѣгат Ирыстоны АССР-ы Паддзахадон рауагъдад, 1949. — Ф. 147-236.

Федоров А. В. Основы общей теории перевода: учебник для вузов. Изд. 5-е, перер. и дополн. М.: Изд. Дом «Филология три», СПб: Филологич. ф-т СПбГУ, 2002. — 416 с.

Коломейцева Е. М., Макеева М. Н. Лексические проблемы перевода с английского языка на русский: Учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. — 92 с.

См. Дзапарова Е. Б. Особенности передачи в художественном переводе фразеологических единиц с ярко выраженной национальной спецификой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-2 (24). — С. 87-90.

См. Дзапарова Е. Б. Способы достижения эквивалентности паремий в процессе художественного перевода // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2013. Т. 10. — С. 256-265.

Думназева В. А. Особенности репрезентации национального дискурсивного пространства русским образным словом: автореф. дис... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. — 23 с.

**Ф. О. АБАЕВА,
кфн, снс СОИГСИ
(г. Владикавказ)**

ЛЕКСИКА ПРЕДМЕТНОГО КОДА ОБРЯДОВОГО ТЕКСТА НЕВЕСТЫ

В статье рассматриваются лексика и терминология, связанные с подарками невесты, её приданым. Институт приданого чындзы чырын гом кæныны æгъдау (букв. обряд открытия сундука невесты) занимает особое место в обрядовом свадебном тексте осетин, наряду с не менее важным институтом взятия калыма ирæд/æруæд исыны фæтк. Приданое невесты чындзы фæлыст, также как и калым ирæд/æруæд, отдаваемый за невесту родными жениха, оговаривался заранее, а именно во время свадебного сговора фидыд.

Ключевые слова: обрядовая лексика, институт приданого, предметный код, этимология.

LEXIS OF SUBJECT CODE OF THE BRIDE'S RITUAL TEXT

The article examines lexicon and terminology associated with the gifts of the bride, her dowry. The institution of dowry chyndzy chyryn gom kænyny ægdau (literally opening ceremony chest bride) takes a special place in the wedding ritual text of Ossetians, along with no less important institution of taking kalym iræd/æruæd isyny fætk. Dowry chyndzy fælyst, as well as kalym iræd/æruæd, to give the bride groom family, agreed in advance, namely during the wedding collusion fidyd.

Keywords: ritual lexicon, the institution of dowry, code of subjects, etymology.

Лексема **чындз** при анализе свадебных терминов оказалась наиболее продуктивной. Обрядовые номинации со значением «приданое»: **чындзы дзаума** букв. вещь (одежда) невесты; **чындзы чырын** букв. невестин сундук; **чындзы дзаумæттæ** букв. невестины вещи; **чындзы фæлыст** букв. наряд невесты; **чындзы хæзна** букв. клад (ценности) невесты; **чындзаг/киндздзаг** букв. предназначаемое невесте — показали, что в составе термина данное слово фигурирует в грамматической форме притяжания **чындзы** «невестино».

Персонажный код, включающий в себя специальных людей, которые **укладывали, перевозили и оглашали** приданое, обнаруживает связь с его акциональным кодом, который, проходя через три локуса (*дом невесты* → *дорога* → *дом жениха*), по нашему мнению, соотносится с самой невестой.

Посмотрим на примерах. Термины, обозначающие **участников** обрядов, связанных с приданым и дарами невесты: **дзауматухджытæ** участники свадебного обряда, отвечающие за приданое невесты; **хистæр дзауматухæг** старший среди укладывающих приданое; **къухылхæцæг** шафер; **сылгоймæг-хистæр** старшая женщина; **нæлгоймаг-хистæр** старший мужчина; **хуындзæуттæ** посланцы с подарками; **нымæттухæг** дружка, отвечающий за приданое (букв. в войлок заворачивающий); **чынды лæвæврттæдзурæг** оглашающая подарки невесты (обычно это старшая женщина из числа хуындзæуттæ). Далее. Обрядовые термины **акционального** кода: **чынды дзаумæттæ афснайын** букв. укладывать невестины вещи; **чынды чырын байгом кæныны фæтк** букв. обряд открывания невестиного сундука; **чынды чырын скъахын** букв. вскопать (вскрыть) сундук невесты; **чынды чырын сыгом кæнын** букв. открыть сундук невесты; **чынды дзаумæттæ дзурын** бук. оглашать вещи невесты.

Так, основные терминообразующие глаголы **персонажного и акционального** кодов института приданого осетин: **тухын** сворачивать, мотать; **гом кæнын** открывать, раскрывать; **къахын** вскрывать, копать; **æфснайын** укладывать, убирать, прятать; **дзурын** оглашать воспроизводят в контексте обряда мотивы созидания и зарождения новой жизни.

В обряде открывания невестиного сундука **чынды чырын гом кæныны фæтк** нами усматривается связь и сходство с обрядом снятия свадебной кисеи с лица невесты **хызисæны фæтк**, т.е. всё, связанное с невестой ассоциируется с ней самой.

Укладывание приданого **чынды дзаумæттæ афснайын** сопровождалось молитвенно-ритуальными действиями со стороны **къухылхæцæг**'а и было обусловлено наличием особого участника свадебного обряда **дзауматухæг**. Термин **дзауматухæг** состоит из существительного **дзаума** (вещь, предмет) и глагола **тухын** (мотать, сворачивать); так, из их значений вытекает семантика и функции персонажа — собрать и упаковать вещи невесты для перевозки их в дом жениха. Действия магического характера, связанные

с укладыванием приданого обозначаются следующим термином: **чынды чырыныл абадын** букв. *посидеть на сундуке невесты*; **зæлдаг синаг чынды чырыныл бабæттын** букв. *привязать к невестиному сундуку шёлковую верёвку*. **Дзауматухæг** после укладки вещей в сундук должен был посидеть на нём, затем повязать на левую ручку сундука в качестве амулета шёлковый шнурок, произнося при этом *заговор против сглаза* **цæсты арфæ**.

Группа лексики, называющей предметы приданого бытового характера, наличие которых было обусловлено укладом жизни осетин прошлого столетия: **нывæфтыд лæггътæ** резные шкапулки (коробы), **æрхуы тас** медный таз, **гогон** кувшин для воды, **æлхуи** веретено, **цæггъæдз** челнок, **фæдцæггъдæн** лук для разрыхления шерсти, **пирæн** гребень для расчёсывания шерсти, **къуымбил цæггъдæн кау** станок для сбивания шерсти, **тынуафæн** ткацкий станок, **æлвисæн** прялка **нагъв** кожемялка, **нымæт-нæмæн** орудие для сбивания войлока, **гæрзуæрдæн** приспособление для изготовления и смягчения кожаной верёвки, **хъуылæг** (**хъуылы**, **царвцæггъдæн**, **къуыстил**, **къæрæби**) маслобойка, **фæрсудзæн** цедилка, **царв цæггъдæн** сепаратор, **арынг** корыто для замешивания теста, **арынгхафæн** металлический скребок для корыта, **арынгмæрзæн** кисточка для чистки корыта, **дзул апарæн фиййаг** деревянная доска с ручкой для закладывания хлеба в печь, **фæггът** ступка, **дурын къустæ æмæ тæбæггътæ** глиняные миски и тарелки, **æрхуы хъувгъан** медный рукомошник, **куыф** плетёная корзина. Отдельно в предметном коде института приданого осетин выделяется набор сосудов для воды и пива. Среди них был самый высокий и вместительный — **гогон** (диг. **гогойна**) высокий медный кувшин с длинным, узким горлышком для носки воды из родника. Именно с этим кувшином молодую невесту вели на праздник **донæскъæфæн** (первое водочерпие) к роднику. В приданом были также кувшины меньших размеров: **дурын** (от слова **дур** «камень») глиняный кувшин (для пива), **хъуырау** (диг. **гъосин**) кувшин с ручкой и горлышком, **быркуы** большой кувшин для хранения воды, **сæны мигæнæн** сосуд для вина. Количество названий сосудов-кувшинов указывает на приоритетность воды (жидкости) в жизни осетин, а также, на наш взгляд, это связано и с водной символикой, воплощённой в персонаже невесты.

Данная группа лексики, этимологически восходящая к древне-осетинскому языковому фонду, свидетельствует об устойчиво-

сти обозначаемых ею предметов в составе приданого осетинской невесты.

В обрядовом свадебном тексте осетин «ритуальные предметы играют главенствующую роль в обряде, так как конкретизируют текст, несут в себе символическую и мифическую наполненность. Они выполняют как утилитарную функцию, так и представляют собой достаточно самостоятельное, живое существо, имеющее свой характер и свои определённые наклонности» [1, 118], исходя из этого положения, так называемые «невестины вещи» содержат в себе определённый обрядовый текст, который невозможно «прочитать» не приняв во внимание их символические функции в контексте всего свадебного церемониала.

Чындзы чырын гом кæныны æгъдау Институт приданого в современном обрядовом свадебном тексте осетин воплощает, на наш взгляд, инверсированный реликт выкупа, отдаваемого родными невесты семье жениха, что, в свою очередь, отводит нас к матриархальным корням осетин.

Изготовление, сбор, укладывание, перевоз и оглашение приданого приобретало ритуально-магический характер в контексте обряда. По словам информантов, вещи невесты крест-накрест перетягивались шёлковым шнуром **зæлдаг синагæй балвасын**, что, по нашему мнению, означало богатую жизнь (символика шёлка) и имело апотропейный характер (символика перекрестия). Другим оберегом приданого можно считать *войлочный ковёр* **бинаг нымæт** (диг. **буйнаг**), в который его заворачивали. В нём (ковре) заключена плодородная символика шерсти. Известно также, что *клоковечьей шерсти весенней стрижки* **фисты гæппæл** клали под пятку в обувь жениху и невесте.

Состав свадебной терминологии обрядового текста невесты зависит во многом от картины мира осетин, поскольку «нельзя получить адекватного представления о лексике описываемого языка, если не принимать во внимание её этноспецифичность» [2, 20-21]. Представления осетин о свадебном ритуале как о втором рождении человека находят подтверждение в собственно названии обряда открытия невестиного сундука **чындзы чырын гом кæныны æгъдау**. Символически невеста возрождалась в своём новом статусе и соответственно одежда, и другие атрибуты приданого были новыми; сундук *открывали* **гом кæнын**, *вскрывали* **скъахын**, таким способом, маркируя появление нового человека.

Номинация **чындэдзон чырын** сундук невесты, доминирующая среди обозначений приданого, как и многие свадебные термины произведен от лексемы **чындэ** невеста. Такой сундук отец невесты мастерил или заказывал у кузнеца **куыр**д после того, как дочь **чызг** входила в статус **чындзаг** девушки на выданье, в неделю празднования **Тутыртæ** (считалось, что вещи, изготовленные в эти дни, пойдут *впрок хæлар*). Украшался кованный сундук **згæр чырын** насечкой-**уыгæрдтæ**. Мифологическое происхождение такого сундука, по нашему мнению, не может подвергаться сомнению, поскольку, как известно, у главной нартовской героини **Шатаны** был сундук, в котором хранились **фыдæлтæ хæзнатæ** сокровища предков.

В настоящее время сундук заменяется либо чемоданом **чемо-дан**, **чумæдан**, **дзаумадон**; либо комодом **къамод**; или шифоньером **шифанер**.

После того, как девочка входила в возраст **чындзаг** (девушка на выданье), её начинали обучать всем видам рукоделия, так, она могла своими руками приготовить себе приданое и свадебный наряд. Приготовление приданого начиналось задолго до свадьбы. Девушек с детства учили рукодельному искусству и практически все свадебные подарки родным жениха, шаферу и куму, названной матери, также как и своё приданое, невеста изготовляла своими руками, начиная с тканья сукна и заканчивая вышивкой и украшением свадебного костюма. Единственным условием было то, что **хистæр æфсин** старшая женщина семьи девушки должна была приготовить ей всё то, что делалось из шерсти и войлока. Известно, что в дом жениха часто отправляли дойную корову **дуцгæ хъуг**, кур-наседок **къуырттон кæрчитæ**, пару овец **фыс** в качестве имущества невесты.

Лексика, обозначающая элементы свадебного костюма невесты в основном имеет исконное происхождение, что позволяет сделать вывод о древности и устойчивости самого костюма: (нижняя нательная рубаха **мидæггаг хæдон**; нижние нательные штаны **мидæггаг хæлаф**; сафьяновый корсет **хæлын кæрц** букв. корсет, который надо развязать; короткий (выше колен) бешмет **цыбыр куырæт**; юбка **астæуæйдæлæмæ**; распашное платье из шёлка **разгом дари къаба (къæрткъаба)**; подвесные прикрепляемые застёжками длинные рукава **даргъ уæлармдыстæ**; шапочка невесты **чындызгонп**; шёлковый платок **цыллæ кæлмæрзæн** (диг. *изæлу*); **цыллæ чыссæ** шёлковый кисет, красные штаны **сырх хæлаф**, чулки **цъын-датæ**, кисея невесты **чындыз хыз**; кожаная обувь **æрчитæ** с кожа-

ными ремешками *арчъибостæ*); серебряный, украшенный камнями пояс невесты *чындзы æвзист рон*, как правило, передавался по наследству по материнской линии вместе с серебряными нагрудниками *æвзист риуæгънæджытæ*.

Термин *цыбыр куырæт*, обозначающий утратившийся с течением времени элемент свадебного костюма невесты *короткий бешмет*, застёгивающийся в прошлом на груди специальными застёжками, уходящий корнями в скифо-сарматское прошлое осетин, дошёл и применяется по настоящее время, хотя обозначаемый им предмет видоизменился и представляет собой теперь бордовую-бархатную манишку *тар сырххæдабæриударæн* с пришитыми к ней вручную металлическими застёжками-нагрудниками *риуæгънæджытæ* и завязывающийся под *распашное платье разкæрткъаба* вокруг талии невесты *накладной передник мæнг раздарæн*.

В статье «Кувæндоны мысайнаг», посвящённой приношениям в осетинских святилищах и правилам поведения в них, Хазби Цгъойты пишет, что в женских молельнях (обычно это святилища в честь *Мады Майрæм*), девушки на выданье и молодые невестки привязывали к веткам священных деревьев куски белой материи или ленты для того, чтобы у них появились дети, а те, у кого уже они есть — чтобы были здоровы, девушки — чтобы счастливо выйти замуж [3, 104]. Обряд одевания невесты в свадебный костюм также предполагал вплетение узких полосок белой или цветной (локально) материи *урс хæццилын уадздæгтæ* в косу девушки. Известно, также, что в прошлом после обряда открывания лица невесты *къухылхæцæг* отрывал со свадебного флажка для снятия фаты *Сæрызæд лоскут материи хæццилы гæппæл*, который после повязывали на дерево около святилища *Мады Майрæм*. Семантика лоскутков, развивавшихся на ветру, вместе с белым цветом как цветом святости и чистоты заключалась в том, что молитвословие вскорости будет услышано и желание сбудется.

Вплетённые в косу невесты узкие полоски материи, по нашему мнению, обладали функцией **вотива** и символизировали поклонение священному мировому дереву, воплощённому в персонаже невесты. Сам ритуал вплетения *хæццилтæ лоскутков*, на наш взгляд, означал совершение сакрального молитвословия.

Лексика предметного кода института приданого осетинского свадебного обрядового текста осетин, связанная с *къухмиру-коделием* имеет полностью исконную этимологию: **быды ыстæг**

кард — костяной нож для подбивания нити, **пылы дæндаг** — зуб слона для разглаживания тесьмы, **быдтæ тухæн** — медный станок для тесьмы, **сæхтæг уæрæхгæнæн** — медная игла для расширения петли, **æндахы фæйнæджытæ** — четырёхугольные деревянные дощечки для плетения тесьмы, готовая тесьма для орнаментирования **æлдымбыдтæ**.

Вместе с собой невеста также привозила и свои куклы. Названия таких самодельных кукол: **хæцзылын дедатæ** — букв. тряпичные фигурки в виде человека, **хæцзылын чындзытæ** — букв. тряпичные куклы-невесты, **нымæтын дедатæ** — букв. войлочные фигурки в виде человека, **нымæтын чынзытæ** — войлочные куклы-невесты, **хæцзыл кукла** — тряпичная кукла, **нымæт чындз** — войлочная кукла, **къæцæлын чындз** — деревянная кукла-невеста, **къæцæл кукла** — деревянная кукла. Лексеме **дедатæ** присуща семантика антропоморфности, известно, что на Новый год выпекали **дедатæ** из теста, также в виде людей (ср., **басылтæ** — фигурки в виде животных).

В комплекс подарков невесты **чындзы лæвæрттæ / чызгæрвысты хуынтæ** входили: отрез на черкеску отцу жениха **сиахсы фыдæн фæсмынæй цухъхъайаг**; кусок шерстяной ткани на платье матери жениха **сиахсы мадæн тæбын къабайаг**; башлык брату жениха **сиахсы æфсымæрæн басылыхъхъ**; сафьяновые наколенники и чувяки, башлыки шаферу и кумукъ **ухылхæцæг æмæ æмдзурджынæн сæрак зæнгæйттæ**, **басылыхъхъытæ æмæ сæрак дзабыртæ**; подарок «открывающему» лицу невесты **хызисæджы лæвар**.

Термины, образующие номинации подарков невесты ближайшим родственникам жениха образуются субстантивно с помощью суффикса с семантикой предназначения **-аг**: **æфсинаг** — подарок свекрови, букв. предназначенное свекрови; **хицауаг** — подарок свёкру, букв. предназначенное свёкру; **тиуаг** — подарок деверю, букв. предназначенное брату жениха; **ходыгъдаг** — подарок золовке, букв. предназначенное сестре жениха; **сабиаг** — подарок ребёнку, букв. предназначенное ребёнку.

В понятие **хæрæфырты лæвар** — букв. подарок племяннице (дочери сестры) входят дары братьев матери невесты, причём эти подарки ценились больше остальных и составляли часто большую часть в приданом.

Интерес представляет другой термин, обозначающий обряд открытия невестинного сундука **чындзы чырын скъахын**, что значит

«вскрыть невестин сундук» [4, 106]. Обряд «вскрытия» сундука невесты **чындзы чырын скъахын** совершался через две недели, после того, как привезли приданое. Дружка **къухылхæцæг** открывал невестин сундук и доставал оттуда подарок, при этом, называя, для кого он [подарок] предназначен. *От имени невесты чындзы номæй* он раздавал её подругам (девушкам на выданье) мешочки-кисеты **зæлдаг чыссæ**, сшитые из шёлковой ткани, которые ведут своё происхождение от шёлковых амулетниц алан.

Посвящение обряду открытия сундука трёх ритуальных пирогов с сырной начинкой **æртæ чъирийы скувын**, по утверждению информантов, способствовало тому, что подарки невесты пойдут впрок тем, кому они предназначались. Вербальный код данного ритуала не менее важен, ведь дружка, прежде, чем отдать подарок, произносил **арфæтæ** благопожелания, например, **хайыр дын фæуæд!** пусть будет тебе полезным подарком; **амондджын дзаума дын фæуæд!** пусть будет тебе счастливой вещью; **бирæ азты йæ амондимæ фæдар!** много лет проноси его в счастье; **амондджын лæвар дын фæуæд!** пусть станет тебе счастливым подарком; **хайырлæварфæуæд!** полезным подарком пусть будет и т.д. Данные **арфæтæ**, схожи, на наш взгляд с приговорами, поскольку «приговоры — краткие ритуально-магические тексты, произносимые в качестве сопровождения практических и **обрядовых действий** и **ритуализированных ситуаций** — как самостоятельных, так и входящих в состав крупных фольклорно-этнографических комплексов» [5, 272].

Среди персонажей свадебного обряда вскрывания невестиного сундука выделяется **лæваргур** букв. *просящий (ищущий) подарок*. Обычно, во время раздачи подарков невесты и оглашения приданого, кто-нибудь из женщин и (или) молодых невесток, которых позвали на это мероприятие, подвязывал свой **платочек къухмæрзæн** или **лоскуток белой ткани урс хæцъилы гæппæл** с тем, чтобы им достался небольшой подарок от невесты (платок, зеркальце, иголки, булавки и т.п.). Мужчины с этой целью бросали на сундук свои головные уборы. Такие участники обряда назывались **лæваргур**. Получить подарок, хоть и небольшой, из невестиного сундука было большой удачей и счастливым предзнаменованием. Подарок невесты обозначается как «**фарны лæвар**», что в переводе означает «подарок фарна (счастья, благоденствия)».

В предметный код данного обряда входит, как правило, большой ритуальный пирог **гуыдын**, причём именно в обряде **хуынхаст** та-

кой пирог назывался «**хурыгуыдын**» [6, 338], букв.солнечный пирог. Такое название, возможно, восходит к культу Солнца, тесно связанного со свадебной обрядностью осетин, где невеста олицетворяла возрождающееся Солнце.

Помимо этого, предметными реалиями данного ритуала были: *три пирога с сыром **æртæ хæбизджыны**, мясо (плечевая кость) **базыг**, три «высоких» пирога с обильной сырной начинкой **æртæ дзаджджын чъирийы**, варёная курица **фых карк** и три треугольных ритуальных пирога **æртæ æртæдзыхоны**, шашлык **физонæг**, пиво **баггæны** и, если в доме был маленький ребёнок, то для него специально присылался маленький овальный пирог или хлебец **дзаджджын гуыл**, который символизировал в этом случае ребёнка и в целом выражал символику плодovitости невесты, так как изготовлялся он из того же теста, что и большой ритуальный пирог *привозивших приданое и подарки* — **хурыгуыдын**.*

К изготовлению свадебной вуали невеста приступала непосредственно после **фидыд'а**. Плелась и вышивалась такая *свадебная кисея* **хызшёлковыми нитками из æлдаг**. Символика свадебной кисеи тесно связана с рыболовной сетью и соответственно с водным (женским) началом; причём основное значение лексемы **хыз** — «сеть, сетка», вторичное — «фата». Покрывание головы невесты, связано, возможно, с представлениями о *темени* **тенка** как о канале связи между человеком и внешним миром. Интересно и мнение по этому поводу английского антрополога Эрнеста Кроули: «По примитивным воззрениям, лицезрение есть способ заразы, и эта идея совпадает с психологическим нежеланием видеть опасные вещи и с половой стыдливостью и робостью. В рассмотренных обычаях мы можем различать сознание опасности быть видимой для мужа и чувств стыдливости новобрачной, заставляющее её не видеть его и быть невидимой для него. Эти идеи объясняют происхождение вуали невесты и подобных покрывал» [7, 329-330].

Самостоятельное изготовление невестой свадебного наряда и приданого в прошлом, возможно, явилось следствием опыта матрилокального поселения у осетин. В настоящее же время **разгæмттæ** *наряд невесты* привозят **чындзхæсджытæ** *поезжане*, стоимость которого полностью покрывается стороной жениха, что, на наш взгляд, пришло с патриархальными устоями.

Сравнивая институт приданого со свадебными выкупами у осетин, в числе которых главным является **ирæд калым**, становится

ясно, что, несмотря на материальное сходство этих понятий, они содержат совершенно разные смысловые функции. Прежде всего, приданое — это материальная и моральная поддержка молодой невестки в семье мужа (пока чужой для неё); также оно делало девушку полноценным членом её новой семьи; обеспечивало психологический комфорт её нахождения в чужом локусе.

Интересно и то, что *институт приданого чындзы чырын гом кæныны æгъдау* сохранился и имеет место в современном обрядовом свадебном тексте осетин, а *институт калымаирæд исыны æгъдау* — практически искоренился. Это, на наш взгляд, связано с тем, что приданое сохранилось как инверсированный реликт выкупа, отдаваемый стороной невесты семье жениха, что также отводит нас к матриархальным корням осетин. Нами в этом усматривается вклад в благополучную жизнь дочери в её новой семье.

Примечания

1. Бесолова Е. Б. Язык и обряд: Похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте её текстуально-вербального выражения. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 406 с.

2. Дарчиева М. В. Вербальный код осетинского обрядового текста (на материале некоторых традиционных обрядов): Монография; ФГБУН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. 319 с.

3. Цгоев Х. Ф. Æгъдау — царды мидис. Владикавказ, 2011. 157 с.

4. Каргиев Б. М. Старинные и современные осетинские обычаи. Владикавказ: Аланыстон, 2008. 240 с.

5. Славянские древности: Этнолингвистический словарь/Под общей ред. Н. И. Толстого. М.: «Международные отношения», 2009. Т. 4: Переправа через воду — Сито. 656 с.

6. Айларты И. Х. Ирон фарн: Ирон адæмы цардыуаг æмæ æгъдæуттæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 1996. 520 ф.

7. Кроули, Эрнест. Мистическая роза: Исследование о первобытном браке. Пер. с англ. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 496 с.

**Д. М. ДЗЛИЕВА,
стажер-исследователь СОИГСИ
(г. Владикавказ)**

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ХОРОВОДЫ В ТРАДИЦИОННОЙ ХОРЕОГРАФИИ ОСЕТИН

В статье рассматриваются виды орнаментальных хороводов, объединенных понятием симд. Автор приводит позиции различных исследователей на вопросы генезиса, семантики, функций и исторического развития, освящает вопросы классификации хороводов. В работе проведен анализ музыкально-типологических особенностей инструментальных наигрышей, сопровождающих орнаментальные хороводы. Изучение исторических преобразований приводит автора к выявлению основных тенденций развития традиционной музыкально-хореографической культуры осетин. Публикация снабжена рисунками, схемами и нотными примерами.

Ключевые слова: традиционная культура Осетии, народная хореография, хоровод, танцевальный этикет, историческое развитие.

FANCY ROUND DANCE CHOREOGRAPHY IN TRADITIONAL OSSETIANS

The article tells about the types of ornamental round dances, which are called Simd. The author cites the position of various researchers on questions of genesis, semantics, functions, and historical development, sanctifies the classification round dances. The work has the analyze of musical and typological features of instrumental tunes that accompany the fancy dances. The research of historical reforms gives the possibility of tracing the main stages of traditional musical and choreographic culture of Ossetians. The publication has pictures, diagrams and musical examples.

Keywords: traditional Culture of Ossetia, folk choreography, dance, dance etiquette, historical development.

Традиционная народная культура осетин включает разнообразные виды музыкально-хореографических форм, значительная часть которых функционирует в контексте праздничных гуляний молодежи, объединенных понятием *хъазт*. Значение этого слова перево-

дится как «танцы» или «пляски», а в ряде словосочетаний приобретает эротический подтекст [1, 276], свидетельствующий о брачной символике хореографического действия.

В традиционной культуре осетин *хъазт* был единственным местом, где можно было выбрать себе невесту, поэтому его можно рассматривать как институциональное оформление предсвадебного этапа. Как отмечает Дж. Шанаев: «Обычай позволяет девушкам в это время нарушать свою обычную затворническую жизнь, и своим соучастием оживлять общественные увеселения. <...> На хъазт сходится вся молодежь не связанная еще брачными узами, причем само собою является возможность для всяких наблюдений, делаемых молодыми людьми, с целью выбора себе подруг жизни» [2, 2].

Танцевальное пространство *хъазта* представляет собой символический круг, разделенный на мужскую (правую) и женскую (левую) половины. В современной традиции некоторые параметры организации *хъазта* не столь важны. Например, положение танцевального круга зависит от типа и способа обустройства помещения, в котором проводится гулянье. Ведущее значение приобретает установка на восприятие танцев зрителями, которыми могут быть гости праздника, виновники торжества или специально приглашенный для игры под танцы ансамбль музыкантов.

В современную свадебную традицию осетин включены две разновидности хороводов, которые определяются в осетинской фольклористике как массовые танцы: *симд* и *чепена*.

Рассмотрим основные вопросы функционирования и результаты исторического развития музыкально-хореографических жанров осетинского фольклора на примере орнаментальных хороводов, объединенных понятием *симд*.

Происхождение *симдов* связано с идеей воспроизведения космогонических мифов. Об этом, в частности, высказывается С. Джанайты: «Красивым и величественным танцем молитвой «Симд» воспроизводилась самая возвышенная из когда-либо известных моделей мироздания — своеобразная живая мандала, которая со всеми магическими схемами движения (линиями, перекрещиваниями, кругами, разворотами) воссоздавала, грациозно и грандиозно, последовательность сотворения Вселенной, Земли и Солнца, соединение духа и материи, зарождения жизни и человечества» [3, 15].

Наиболее фундаментальной работой, где дана классификация *симдов* по видам с описаниями и хореографическими схемами, яв-

ляется монография М. Туганова «Осетинские народные танцы» [4]. Автор труда, художник по образованию, представил характеристику танцевальных движений и привел рисунки четырех разновидностей этого танца (см. об этом ниже) [4, 71-79]. Представим, по возможности кратко, характеристику основных видов *симда*.

Нæртон симд («симд Нартов¹») исполнялся «под Новый год вокруг зажженных костров»; он представлял собой «двухэтажный танец, в котором принимали участие только мужчины, главным образом с тридцати до сорокапятилетнего возраста, которые отличались силой и ловкостью» [4, 72]. Существуют свидетельства о том, что «в конце XIX в. корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» В. В. Крестовский, находившийся во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов в действующей армии на Балканах, наблюдал исполнение этой трехъярусной «пирамиды» осетинами – участниками войны, и описал ее в своих мемуарах» [5, 186].

Семантика трехъярусного *симда* связана с традиционными народными представлениями о строении мироздания и его делении на небесную, земную и подземную сферы. Таким образом, принцип орнаментальности, свойственный всем Симдам, получил реализацию не только в графике движения участников хоровода, но и в особых формах структурирования пространства по вертикали.

В настоящее время трехъярусный *симд* получает новую жизнь во вторичных формах фольклора, преимущественно в молодежной среде. Таким образом, в современной фольклорной ситуации «танец выступает чуть ли не главным способом трансляции морально-этических норм <...> общества, связанных с рыцарской моделью поведения, этикетом, традиционными формами общения» [6].

Тымбыл симд («круговой симд») воплощает идею орнаментальности, для которой одной из базовых является форма круга. По описаниям Туганова, плотный круг, образованный мужчинами и женщинами, стоящими попеременно друг с другом двигался то в правую, то в левую стороны [4, 72].

Очевидны связи *Тымбыл симда* и *Нæртон симда*. Они прослеживаются на уровне хореографических особенностей (попеременное движение по кругу вправо-влево) и в форме музыкального сопровождения (оба хоровода исполняются под одну песню — *Æрсимут ма тымбыл симдагъ* («Потанцуйте круговым симдом»). Отличия

¹ Нарты — герои древних эпических сказаний.

двух хороводов касаются состава участников и наличия/отсутствия ярусов. На наш взгляд, изначально однородный мужской состав в *Нартон симде* со временем стал смешанным, что привело к потере ярусной структуры. В приводимом ниже зачинном фрагменте текста хороводной песни на первый план выходит игровое начало, вызывающее аналогии с хороводом *чепена*:

Запевала: А ну-ка, потанцуйте круговым симдом.

Хор: О, райда, ой, райда!

Запевала: Круговым Симдом, плотным Симдом.

Хор: О, райда, ой, райда!

Запевала: Ногами спокойно, плечами легко!

Хор: О, райда, ой, райда!

Запевала: Плечами спокойно, ногами легко!<....>

[4, 73; пер. с осет. Д. Д.]

Происхождение третьей разновидности, *Симда сандæрахъ*, не вполне ясно. Похожий танец с названием *сандыракъ* известен также у кабардинцев, карачаевцев и балкарцев [7, 57]. Этимология названия восходит к тюркским языкам: *sandæraq* от тюрк. *sandaraq* «бред», «бредящий в жару», или от тюрк. *sandal* — «качаться», «бродить», что вызывало ассоциации «с движением мечущегося в жару человека» [8, 29].

Четвертая разновидность, *Нагъуай симд* (от осет. *нагъ* — «подмышка»), вероятно, получил название от характерного способа, с помощью которого участники хоровода держались за руки. На рисунке ниже видно, что в *симдах* мужчины поддерживали женщин под руки, в то время как руки женщин оставались опущенными вниз. По Туганову, это «обычное положение рук» для *симдов*, но, возможно, *Нагъуай симд* представляет один из своеобразных вариантов подобной хватки [4, 79].

Рис. 1

Симд сандæрахъ и *Нагъуай симд* имеют общие принципы построения хореографической композиции. В начальной части осуществляется линейное движение хоровода, после чего пары, одна за другой, отделяются от линии и, проходя перед шеренгой, перемещаются в ее конец. Как следует из работы Туганова, отличия двух хороводов находятся в сфере темпо-ритмических особенностей и характера шага. Движения в *Нагъуай симд* — «медленные и величавые» [4, 77], тогда как темп *Симда сандæрахъ* — «очень быстрый» [4, 80]. На наш взгляд, отличия *Нагъуай симд* и *Симд сандæрахъ* могли быть связаны с локальными версиями одного хоровода в разных регионах Осетии. Абаев, в частности, высказывался, что *Симд сандæрахъ* — «хороводный танец», который «исполнялся в старину в некоторых районах Дигории¹» [8, 29].

В ходе полевой работы 2009-2013 гг. нам встретились описания и других видов *Симда*, не представленные ранее в публикациях: «Вот, например, *Хромой симд* в народе был [наигрывает мелодию. — Д. Д.]. И это на полу-плие² идет: садится человек, одна нога вперед [показывает, напевая мелодию голосом. — Д. Д.]. Это массовый танец — берут друг друга под руки. «Хромой» — это под характер шага, по-осетински — *Къуылых симд*» [Записано автором статьи от Газданова Булата, 1936 г.р., в г. Владикавказе 01.02.2013 г.]

Оценивая динамику исторического развития *симда*, отметим, что ведущей тенденцией некогда является утрата некогда самостоятельных видов этого хоровода и сведение различных вариантов в один. Значительные изменения коснулись и танцевального этикета — неписаного кодекса предписаний и запретов. «Нам говорили так — когда уже взял под руку свою пару, отпускать ее нельзя, нельзя и пару менять. Раньше *симд* долго танцевали, и даже делали перерыв. Однажды девушка попала в пару с парнем, а в перерыве ей брат сказал, что он кровник³ с их фамилией. Девушка, чтоб больше не выходить с ним танцевать, спряталась, но парень добился своего, и ее заставили выйти опять с ним» [Записано автором статьи от Карсановой Тамары, 1948 г.р., в Владикавказе 18.03.2013 г.]. В современной

¹ Дигория — историческое название территории в западной части Северной Осетии.

² Русифицированный вариант хореографического термина *demi-plié* (фр.), который обозначает полуприседание.

³ Кровниками считались представители двух фамилий, находящиеся в отношениях кровной мести.

фольклорной традиции подобный этикет уже не соблюдаются.

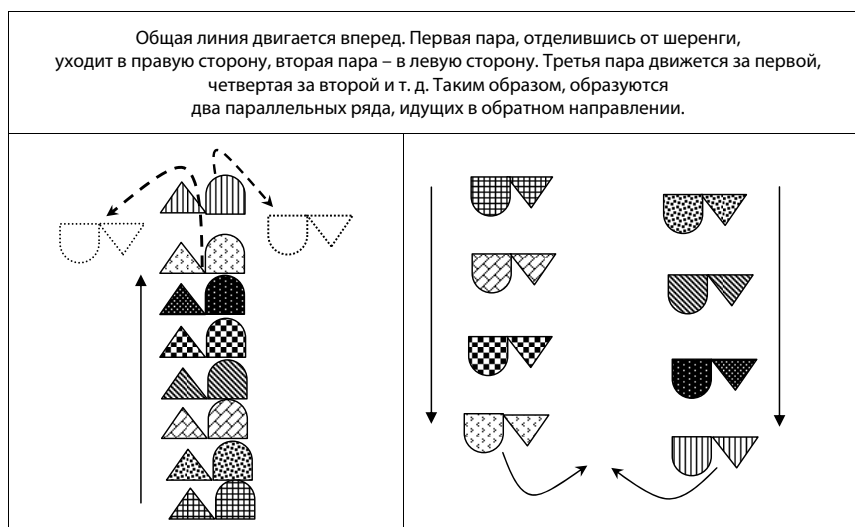
Основными элементами танцевальной композиции современного *симда* являются *рәнхъ* — «ряд» (все стоят в линию — «один за одним») и *тымбыл* — «круг». В настоящее время *симд* также включает в себя и множество других хореографических элементов: *шен*, *до за до* (русифицированные наименования французских балетных терминов), *волна*, *птичка*, *крест*, *поворот* (русские термины) и др.

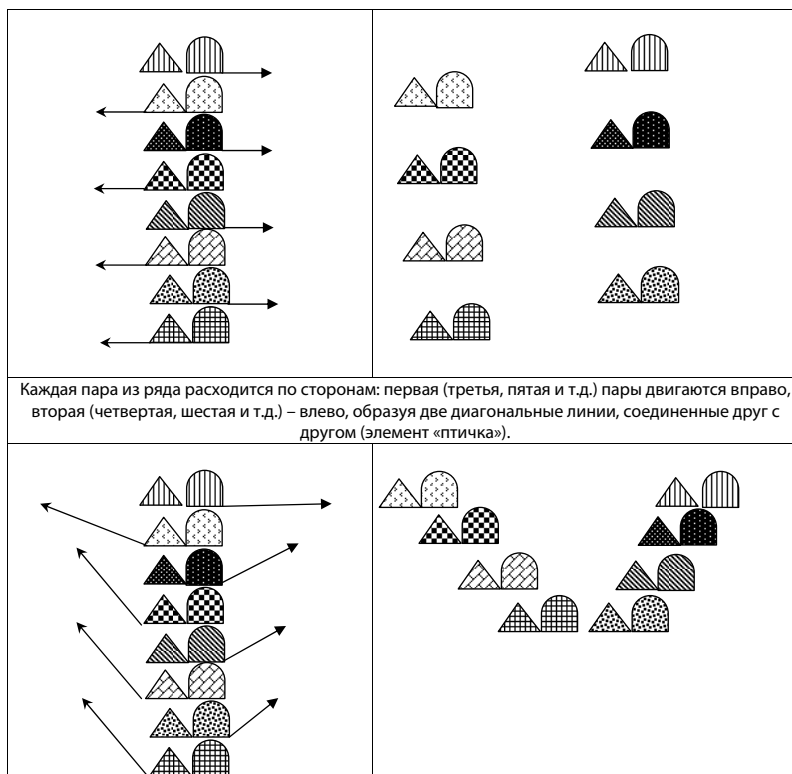
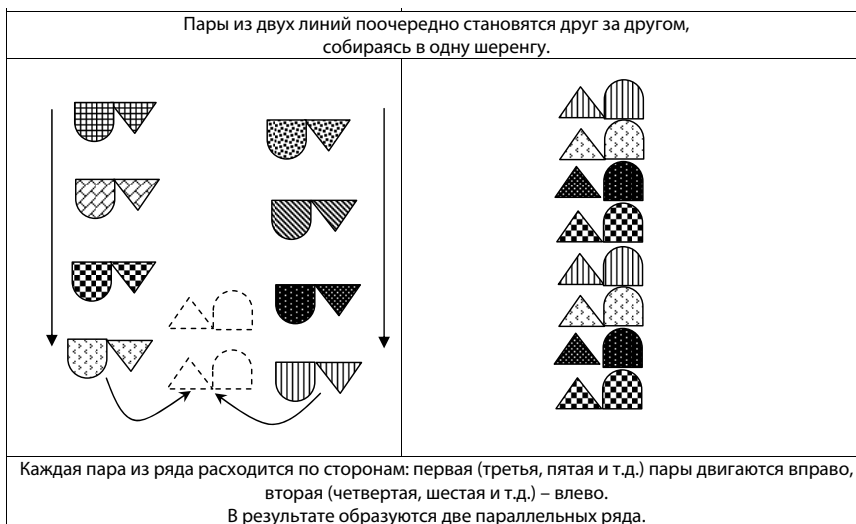
В современной фольклорной практике *рәнхъ* и *тымбыл* видоизменяются, образуя более сложные орнаментальные композиции. Например, *рәнхъ* может не только передвигаться по одной линии, как было отмечено в работе Туганова, но и совершать кружения, перестраиваться в *тымбыл*, а также двигаться вперед/назад. Размыкая обязательное в старину соединение рук, участники хоровода могут двигаться и обособленно, осуществляя, таким образом, перемену позиций (*до за до*) либо проходы (*шен*).

Самой динамичной фигурой современной орнаментальной композиции *симда* становится шеренга из пар, которая легко перестраивается и дает возможности перейти к другим элементам. Одна из главных тенденций развития композиции *симда* состоит в том, что место простых переходов занимают более сложные орнаментальные рисунки: *птичка*, *волна*, движение двумя параллельными рядами и т. д.

Приведем схемы наиболее распространенных орнаментальных элементов композиции:

Схема 1.

Судя по записям первой трети XX в. [9], музыкальное оформление *симдов* некогда был представлено как песенными, так и инструментальными формами. Пласт хороводных песен в современной фольклорной традиции осетин полностью утрачен.

Корпус музыкальных материалов представлен наигрышами, зафиксированными на различных этапах развития осетинской фольклористики. Основной объем источников представлен записями на *ирон хъандзал фæндыре*: самые ранние примеры относятся к 1936 г., последние образцы записаны автором работы в ходе экспедиции 2013 г. Кроме того, имеются несколько записей на *хъисын фæндыр'е*: 1928, 1936, 1990-е (без уточнения), 2010 гг. Всего несколько образцов зафиксировано на балалайке — в 1967 и 1990-е г. В нашем распоряжении имеются материалы, записанные в последние годы во время *хъазта* — от инструментальных ансамблей, где солирующим инструментом является *ирон хъандзал фæндыр*¹.

Пласт наигрышей под *симд* достаточно многообразен; он представлен в системе вариантов, каждый из которых может иметь оригинальное название. «Это для того чтобы как-то различать разные наигрыши их называли, их же много было» [Записано автором статьи от Газданова Булата, 1936 г.р., в г. Владикавказе 01.02.2013 г.]. Наигрыши, объединенные под одним названием, имеют идентичные музыкально-типологические показатели и различаются между собой только в исполнительском отношении.

Названия инструментальных наигрышей могут объединяться по принципу локальной принадлежности, например, по названиям ущелий (*Дигорский симд*, *Туальский симд* и т.д.), в более позднее время — по названиям деревень, сел, городов (*Эльхотовский симд*, *Гизельский симд*). Кроме того, обозначение определенного вида наигрыша может быть связано с именем или фамилией выдающегося народного музыканта, чье исполнение в фольклорной традиции считалось эталоном: «Например, услышал я наигрыш от исполнительницы по фамилии Точиев, и больше никогда его не слышал, потому и назвал его *Симд Точиевых*. Это народная музыка, просто название сами люди давали» [Записано автором статьи от Газданова Булата, 1936 г.р., в г. Владикавказе 01.02.2013 г.].

При разнообразии наигрышей в музыкально-типологическом отношении, все они имеют единые принципы формообразования. Структура наигрышей, сопровождающих *Симд*, представляет собой многократное повторение пары периодичностей типа:

$$(a + a) + (b + b)$$

¹ Инструментальный ансамбль включает осетинскую гармонику, доул и синтезатор.

Их масштабы всегда соотношены как равновеликие и составляют трех-, четырех- или восьмитакты. Наиболее распространены структуры, где периодичность равна четырем тактам — по два двутакта, реже встречаются восьмитактовые периодичности — по два четырехтакта. Как отмечают исследователи, «периодичность получила широчайшее распространение вследствие ее простоты. В частности, она в высшей степени свойственная народной музыке самых различных народов. <...>При этом количество повторений, масштабы повторяемого построения и его внутреннее строение могут быть весьма различными» [10. С. 396].

Приведем пример композиции построенной по принципу строгого повторения пар периодичностей (в нотации соответствующие разделы обозначены квадратными скобками):

Пример 1¹

Для наблюдения над процессами музыкального развития нами была разработана система обозначений уровней проявлений тождества и различия материала. Внутренняя дифференциация свойств музыкального материала раскрывается путем выставления нижнего и верхнего индексов: нижний индекс (a_1 , b_1) применяется для

¹ Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (далее — НА СОИГСИ), ф. искусство, оп. 2, 19. Исп.: Гусалов Бимболат, 1903 г. р. (р. в с. Дарг-кох). Зап. А. Габисов в с. Дарг-кох СО, 1961 г.

фиксации изменений ладо-гармонического плана, верхний индекс (a^1, b^1) используется при мелодическом варьировании. Тожественными будут считаться все варианты, восходящие к одной инвариантной модели.

С помощью описанной выше методики определим структуру приводимого ниже фрагмента инструментального симда:

$$(a+a) + (b+b) + (b_1+b_1) + (b^1+b^1) + (a+a) + (b+b)$$

$$(2+2) + (2+2) + (2+2) + (2+2) + (2+2) + (2+2)$$

Пример 2¹

$\text{♩} = 130$

¹ Дзлиева Д. Личный архив. Аудиофонд 002-036. Исп. Золоева Белла, род.с. Дур-Дур в 1948 г. Зап. в г. Владикавказе 2006 г.

Однако для большинства инструментальных *симдов* характерно более свободное композиционное строение. Примечательно, что, при идентичности музыкального материала, сохранении приема чередования тематизма (**a** и **b**) и обязательности их сдвоенного изложения (**a+a** или **b+b**), в некоторых *симдах* нестабильным оказывается количество повторов каждого тематического материала.

Приведем в пример структуру *Кударского симда*, где после первого проведения объем каждой пары периодичностей возрастает вдвое.

Пример 3¹

$\text{♩} = 130$ **вступление**

¹ Дзлиева Д. Личный архив. Аудиофонд 002-040. Исп.: Газданов Булат, 1936 г. р. (р. с. Ольгинское).

На примере этого наигрыша прослеживается второй план развития музыкальной формы, связанный с вариационным развитием материала каждой пары периодичностей, что, в целом, свойственно большинству *симдов*. К числу наиболее распространенных способов варьирования относятся: широкое использование приемов орнаментации мелодической линии и ритмические дробления.

Проследить динамику исторического развития наигрышей под *симд* позволяет сравнение одного типа наигрыша на *ирон хъ-андзал фжндыре* в записях 1960¹ и 2006² годов. Отметим, что при сохранении основного мелодико-гармонического остова, изменения касаются характера принципов структурного варьирования. В каждой из версий местоположение повторов и их музыкальное воплощение значительно различаются. На наш взгляд, свобода построения композиции наигрышей обусловлена хореографическими особенностями и составляет одно из принципиальных свойств *симда* в целом.

В недалеком прошлом главным критерием взаимодействия музыки и хореографии являлась соотнесенность между собой всех структурных элементов хоровода. Как свидетельствуют народные исполнители, каждый новый орнамент хореографической композиции было «принято начинать с новой фразы» [Записано автором статьи от Газданова Булата, 1936 г.р., в г. Владикавказе 01.02.2013 г.].

В настоящее время взаимодействие танцующих и музыкантов также остается актуальным. Так, например, если переход пар в *симде* требует большего времени, то это закономерно приводит к увеличению числа повторов идентичного музыкального материала, т.е. к структурным изменениям наигрыша. Отметим, что музыкальные образцы, зафиксированные в отрыве от хореографического компонента, специально по просьбе собирателя, приобретают новые свойства, например, признаки форм высшего порядка (свободно трактованная трехчастность, наличие вступлений и заключений и др.).

Обобщая наблюдения, касающиеся исторического развития *симда*, заметим, что с течением времени значительно меняются

¹ НА СОИГСИ, ф. искусство, оп.2, А54. Зап. В. Абаева в с. Зарамаг, 1960 г.

² Дзлиева Д. Личный архив. Аудиофонд002-036. Исп. Золоева Белла, род. с. Дур-Дур в 1948 г. Зап. в г. Владикавказе 2006 г.

его функции. В прошлом это был ритуальный танец, исполняемый при священнодействиях: «Симд» — у придавалось огромное идеологическое значение, поэтому для исполнения его все древние осетинские святилища оформлялись рукотворными площадками «Симды фæз» («Площадка для симда»), и размеры их достигали больших, иногда гигантских, масштабов» [3, 15]. Потеряв ритуальное значение, *симд* переходит в разряд бытовых танцев и начинает функционировать в рамках *хъазта*. Как отмечает И. Мамиева «в современном бытовании танца превалирует аспект разлекательно-эстетический» [11, 176].

В настоящее время *симд* все реже оказывается включен и в свадебный обряд. Лишь в одной четверти проанализированных нами видеозаписей свадебных церемоний последнего десятилетия было зафиксировано исполнение *симда*. Это обстоятельство лишь отчасти может быть объяснено угасанием традиции. Поскольку исполнение оргаментальных движений в хороводе требует хорошей скоординированности и даже синхронности движений всех участников, что для присутствующих на свадьбе гостей является практически невыполнимой задачей.

Примечания

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка Т.1. Л.: Наука, 1979. 655 с.
2. Шанаев Дж. Свадьба у северных осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. Тифлис: Изд. Кавказского Горского управления, 1870. С. 1-30.
3. Джанайты С. Три слезы Бога. Владикавказ, 2007. 158 с.
4. Туганов М. Осетинские танцы // Литературное наследие. Орджоникидзе: Ир, 1977. С. 68-94
5. Уарзиати В. Избранные труды: Этнология. Культура. Семиотика/сост. В.А. Цагараев, Е. М.Кочиева. Владикавказ: Проект-Пресс, 2007. 529 с.
6. Соколова А.Н. Экологические аспекты музыкально-инструментальной культуры западных адыгов. URL:http://vestnik.adygnet.ru/files/2007.3/558/sokolova2007_3.pdf (дата обращения: 07.10.2013).
7. Кудаев М. Ч. Карачаево-балкарские народные танцы. Нальчик: Эльбрус, 1984. 115 с.
8. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка Т.3. Л.: Наука, 1990. 358 с.

9. Осетинские народные песни./Сост. Б. Галаев. М.: Музыка, 1964. 249 с.
10. Мазель Л. А., Цуккерман В. А. Анализ музыкальных произведений. М.: Музыка, 1967. 752 с.
11. Мамиева И. В. Сказитель и его функции: к вопросу об архаическом синкретизме. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. №: 2. Владикавказ. 2013. С. 174-180.

**З. Г. ДОГУЗОВА,
студентка ЮОГУ им. А. А. Тибилова
(Южная Осетия, г. Цхинвал)**

КАТЕГОРИЯ ГЛАГОЛА В ОСЕТИНСКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Глагол в осетинском и персидском языках является одним из важных самостоятельных частей речи, нет такого предложения, в котором бы не участвовал глагол.

Ключевые слова: осетинский язык, персидский язык, глагол, наклонение, основы настоящего времени, основа прошедшего времени, иранские языки.

CATEGORY VERB OSSETIAN AND PERSIAN

Verb the Ossetian and Persian is one of the most important independent parts of speech. Without a verb it can not exist, there is no such which was not verb.

Keywords: Ossetian languages, Persian languages, the verb, the inclination, the basis of the present time, the basis of post time, Iranian languages.

Сравнительно-историческое языкознание — область языкознания, объектом которого является генетически связанные языки. До возникновения сравнительного языкознания не было ясного представления о родстве языков. Прежде она устанавливалась чисто эмпирически, что влекло за собой грубые ошибки.

Родство языков может быть установлено лишь на основе их сравнительно-исторического изучения.

Между родственными языками существует различная степень родства. Есть близкородственные языки, т.е. родство которых устанавливается в результате глубокого этимологического анализа.

Среди всех языков, существующих в мире, наиболее подробно исследована сравнительная грамматика индоевропейских языков.

Сравнение двух языков вне истории дает очень мало для решения задач, стоящих перед специалистами в области сравнительной

грамматики родственных языков. В результате длительной эволюции индоевропейского праязыка возникли современные индоевропейские языки, представляющие много общего, как в корнеслове, так и в форматах.

Иранские языки входят в обширную группу индоевропейских языков [1,12].

На иранских языках говорили многочисленные древние племена и народности: персы, скифы, мидяне, парфяне, согдийцы, хорезмийцы, бактрийцы, сыгравшую большую роль в мировой истории.

К современным иранским языкам относятся: таджикский, персидский, афганский, осетинский, курдский, белуджский и многие другие, менее значительные по численности говорящего на них населения, языки и диалекты (талышский, татский, ягнобский, памирские, гилянский, и другие.)

Иранские языки распространены в Иране, Афганистане, Таджикистане, на Кавказе (Южная и Северная Осетии), в Ираке, Турции, Пакистане [7,9-11].

Объектам данного исследования является анализ глагола в осетинском и персидском языках.

Осетинский — остаток северо-восточной, скифо-сарматской ветви иранских языков.

Письменность на осетинском языке существует с конца XVIII века. Он считается одним из наиболее хорошо исследованных современных языков. Резко выделяющийся среди соседних индоевропейских языков на Кавказе, осетинский язык рано привлек к себе внимание исследователей лингвистов, и первые научные труды по нему появились еще в XIX веке. [Миллер В.Ф. «Осетинские этюды» Вл.1992 г. Миллер В.Ф. «Язык осетин» М.-Л 1962 г. (перевод Исаева М.И.) Шегрен А.М. «Осетинская грамматика с кратким словарем осетино-российским и российско-осетинским СПб, 1984 г. Бенвенист Э. «Очерки изучения осетинского языка».

Другим крупным восточно-иранским языком считается — персидский.

Персидский язык — ведущий язык иранской группы с индоевропейской и литературной традицией, включая шедевры мировой литературы. Возник как продолжение среднеперсидского языка в эпоху исламизации Ирана после арабского завоевания и испытал сильное воздействие арабского языка.

Глагол — часть речи, в основе семантике которой лежит обозначение процесса. Обобщенное понятие процесса конкретизируется лексической семантикой глагола: процесс может обозначать действия лиц, явлений:

отец читает газету «фыд фæрсы газет» — [pedarryzنامemixanad] их состояние:

девочка спит «чызг фынæй кæны» — [doxtarxabast]

Персидский глагол характеризуется богатой системой форм, которые служат для выражения его категориальных значений. Грамматические формы глагола в зависимости от типа образования делятся на простые (синтетические) и описательные (аналитические): синтетические формы образуются из глагольных основ прибавлением личных окончаний и префиксов *mi* и *be* или только из одних основ. Аналитические формы глагола состоят из двух или нескольких слов, из которых одно всегда — вспомогательный глагол [6, 198].

По составу своему глаголы делятся на простые и сложные или составные в осетинском языке.

Простые глаголы — это глаголы, состоящие из одного слова: *бадын* «сидеть», *фыссын* «писать»...

Простые глаголы в осетинском языке бывают неизменяемыми (корневыми) и производными при помощи приставок. Некоторые простые глаголы образовались от имен существительных, к таким глаголам относятся: *къахын* «рыть», «копать» (ср.с *къах* «нога») ...

Со всеми глаголами могут сочетаться живые глагольные приставки *а-*, *ра-*, *ба-*, *ар-*, *ны-*, *с-*, *фæ-*, *æрба-*

Сложные глаголы образуются от имен существительных, числительных, междометий путем сочетания их с вспомогательными глаголами, в качестве которых употребляются *кæнын* «делать», «производить», *уæвын* «быть», *ахуыр кæнын* «учить», «учиться», *сыхъал уæвын* «проснуться», *ныггуыпп ласын* «стукнуть»... [2, 269-272].

Наклонение — грамматическая категория глагола, которая, как известно, выражает устанавливаемое говорящим лицом отношение действия к действительному, разные виды отношений. Иначе говоря, категория наклонения выражает определенную модальность, например, когда говорится «читаю, читал, прочту» — устанавливает реальное действие в настоящем, прошедшем и будущем времени, и выражает безразличие к факту, т.е. нулевую модальность. Это одна модальность. Высказывание же: «читал бы я» — выражает другую модальность — желание. «Пиши!» — это не простая констатация

факта, а выражение воли. Это другая модальность. Наклонение должно характеризоваться, определенной модальностью и специальной формой.

Желательное наклонение обозначает нереальные действия, состояние — процесс, такое действие или состояние — процесс, которое в действительности, на самом деле не осуществляется, не осуществлялось или не будет осуществляться. Оно образуется путем прибавления к основам настоящего и прошедшего времени показателя желательности и в настоящее — будущем времени.

Наклонение наиболее употребительно в сложноподчиненных предложениях (главном и придаточном), причем особенно часто употребляется в сложноподчиненном предложении с условным придаточным.

Желательное наклонение имеет несколько значений:

1. Желательность действия, сопровождаемую предложением другим лицам (обычно собеседникам) осуществить его. Например: Де'мбалмæ фыстæг ныффыстаис. «Написал бы ты письмо своему товарищу».

2. Обусловленность одного действия другим, возможность осуществления одного действия при наличии другого, без указания на их осуществление. Речь идет о действиях, фактически не имеющих места в виду отсутствия необходимых условий. Например: Чынгмæм куы уыдаид, уæд мæ урок сахуыр кодтаин. «Если бы у меня была книга, то выучил бы я свой урок».

3. Долженствование, т.е. такое действие, которое должно было бы иметь место, но почему-либо не осуществлено. Например: Уый дæр фыссид, фæлæ йæ къух рисы. «Он бы тоже писал, но болит у него рука».

4. Возможность: Цы куыстаид æмæ кæимæ ныхас кодтаид, уый нæ уыдис Зæрæдайæн, æмæ йæ цæстытæ хæдзары дзаумæттыл ахаста. «Зараде не с кем было говорить, не было работы, и она бросила взгляд на вещи в комнате».

Желательное наклонение имеет настоящее-будущее и прошедшее время [2].

Желательное наклонение в современном персидском языке сохранилась только форма 3-го лица ед.числа желательного наклонения глагола [budan], [bad] «да будет», «пусть будет» (сокращение от [bovad]). Встречается так же форма с постпозитивной восклицательной частицей [bada] «да будет!» [6, 255-258].

Повелительное наклонение выражает волю говорящего, направленную к другому лицу, побуждение к совершению действия. В зависимости от целенаправленности речи повелительное наклонение может иметь различные оттенки значения:

1. Приказания, категорического требования собеседнику или собеседникам совершить какое-нибудь действие. Например: Рабад, ма хæлар, ардаем фынаей кæнынмае æрбацыдтæ? «Встань мой друг, сюда ты спать пришел?»

2. Просьбы. Например? Чыныг мын авæр «Одолжи мне книгу».

3. Совета, предложения другому лицу или лицам. Например: Фест райсомæй лæгау, ныхс сапонæй дæхи... «Утром вставай как мужчина, умой себя мылом...»

4. Призыва к действию. Например: Рацæут фæсивæ! Рацæут, лæгтæ! Равдисут сахъдзинад хæсты заманы!

«Выходите молодежь! Выходите мужчины! Проявите отвагу во время войны!» [2, 305-311].

Повелительное наклонение в персидском языке передает императивную модальность, поведение собеседника в разной эмоциональной окраске [boroу] «уходи», [beravidbefarmaid] «пожалуйста уйди!»

Приставка [be] — бэ, характеризует отсутствие личного окончания для множественного. Иначе говоря, повелительное наклонение выделяется ясно по форме и по значению.

Глагол в осетинском и персидском языках является одним из важных самостоятельных частей речи. Без глагола не может существовать речь, нет такого предложения, в котором бы не участвовал глагол. В обоих языках глагол выражает действие:

дзурын «гофтæн» — [goftan]

цауын «рафтæн» — [raftan]

В связи с тем, что осетинские и персидские языки являются родственными языками, относятся к индоевропейской группе языков, в обоих языках глагол имеет много общих грамматических категории.

Таковыми общими грамматическими категориями являются:

В осетинском и персидском языках глагол имеет две основы:

1. Основа настоящего времени

2. Основа прошедшего времени.

Основа настоящего времени в осетинском языке образуется путем исключения из форм настоящего времени изъявительного наклонения личных окончаний «ын» — «бадын», «кафын».

Основа настоящего времени в персидском языке образуется двумя способами:

1. Когда напротив инфинитива глагола дается мотивирующая основа:

«кæрдæн» — «кон» — [kon]

«кæфтæн» — «роу» — [rou]

2. когда инфинитив глагола оканчивается на

«идæн» — [idan]

«адæн» — [adan]

Эти окончания механически отбрасываются, оставшаяся морфема это и есть основа настоящего времени.

«порсидæн» — [pors]

«офтадæн» — [oft]

Основа прошедшего времени в осетинском языке, как известно, образуется от основы настоящего времени при помощи суффиксов: д, т, ст, ад.

При помощи суффикса -д образуется основа прошедшего времени от глаголов, в которых основа настоящего времени с окончаниями, оканчивается на одиночные согласные:

в — «цæвын», «æндавын»

гъ — «зæгъын», «уигъын»...

При помощи суффикса -ад образуется основа прошедшего времени от немногих глаголов основа настоящего времени которых оканчивается на группу согласных хс, ст, и сс «æхсын», «арæхсын».

При помощи суффикса -ад образуется основа прошедшего времени от многих глаголов основа настоящего времени которых имеет на конце одиночные согласные:

л — «æппæлын», дз — «æндидзын», ц — «фæлмæцын» и т.д.

При помощи суффикса т образуется основа прошедшего времени от глаголов имеющих на конце основы настоящего времени одиночные согласные з, х, д, ц.

При помощи суффикса ст образуется основа прошедшего времени от некоторых глаголов, имеющих на конце основу настоящего времени р, й:

«æмбарын», «барын», «рæхойын», «хойын».

В персидском же языке основу прошедшего времени можно получить из инфинитива, исключив окончание инфинитива — «ан» «кæрдæн» — «кæрд», «гофтæн» — «гофт», «рæфтан» — «рафт».

Из вышеизложенного следует отметить, глагол в осетинском и

персидском языках одна из важнейших самостоятельных частей речи лексико-грамматическом классе слов.

И более глубокое и длительное сравнительное сопоставление глагола в обоих языках позволит проследить различные этапы его развития.

Примечания

1. Абаев В. И. «Осетинский язык и фольклор». М.-Л., 1945.
2. Багаев Н. К. «Современный осетинский язык». 1963.
3. Камболов Т. Т. «Очерк истории осетинского языка». 2006.
4. Миколайчик В. И. «Основы теоретической грамматики персидского языка». 1980.
5. Рубинчик Ю. А. «Грамматика персидского языка». М., 1988.
6. Рубинчик Ю. А. «Грамматика современного персидского языка». 2001.
7. Сатцаев Э. Б. «Лекционный курс». 2010.

**З. К. ПЛАЕВА,
стажер-исследователь СОИГСИ,
аспирант ИМЛИ РАН**

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СКАЗАНИЙ ОБ АЦАМАЗЕ В ОСЕТИНСКОМ НАРТОВСКОМ ЭПОСЕ

Статья посвящена истории изучения осетинского цикла сказаний о нарте Ацамазе. Особое внимание уделено исследованиям, в которых рассматриваются вопросы происхождения имени и образа Ацамаза. Историкографический анализ показывает, что первоначально Ацамаз представлялся исключительно как волшебный музыкант и певец, однако впоследствии в ряде исследований были отмечены присущие этому герою черты неустрашимого воина. Выявляемая нартовскими мифологическая основа связанных с Ацамазом сюжетов свидетельствует о глубоком архаизме этого образа осетинской нартиады.

Ключевые слова: *нартовский эпос осетин, цикл Ацамаза, историография.*

HISTORY OF STUDYING OF LEGENDS ABOUT ACAMAZ IN OSSETIAN NARTA EPIC

The article discusses the history of studying of legends about Nart Acamaz in Ossetian Narta epic. Particular attention is paid to studies dealing with the issues of genesis about Acamaz's name and character. Historiographical analysis shows that initially Acamaz presented only as a magical musician and singer. But there were found inherent features of this hero as a fearless warrior in a number of studies. Ossetian scientists reveal edmythological basis in cycle of Acamaz which showed a deeper chaism of this image in Ossetia nepos.

Keywords: *Ossetian Narta epic, cycle of Acamaz, historiography*

В осетинской Нартиаде, как и в других национальных версиях, известны так называемые «младшие герои», к которым относится славный певец и музыкант Ацамаз. Юный возраст героя прежде всего подтверждается постоянными эпитетами: маленький (минкъий, чысыл) [1, 321, 383; 10, 388], младший (кæстæр) [1, 327], малолетний (æнахъом) [1, 411], молодой (æвзонг) [1, 383], совсем юный (хæрз æрыгон) [2, 390], находящийся в люльке (авдæнон) [1, 308]. Отметим,

что, в отличие от нартовских богатырей, Ацамаз имеет двух матерей — родную и кормилицу [1, 222, 307], которые не могут удержать маленького нарта в колыбели. Наличие двух матерей может означать, что герою не хватает груди своей родной матери, одна мать не может управиться с ребенком, или обычай аталычества, когда родители отдают своих детей на воспитание другим семьям. По мнению, З.В. Абаевой в Нартовском эпосе осетин, подразумевается то, что родная мать Ацамаза не могла управиться с ребёнком, поскольку герой «не был вскормлен молоком», а предпочитал сосать глетчер [3, 58].

Осетинский Ацамаз в одних сказаниях выступает как воин, а в других — как музыкант. Однако Ю.С. Гаглойты считает, что образ Ацамаза-воина не свойствен осетинскому эпосу и появился под влиянием эпоса ближайших соседей осетин [4, 109].

Основное место в нартоведческих исследованиях циклу Ацамаза отведено в работах сравнительного плана: В.И. Абаева [5; 6; 7], З.В. Абаевой [3], Г. Бейли [8], А.Х. Бязырова [9], Ю.С. Гаглойти [4], Ю.А. Дзицойти [10], Э.Б. Сатцаева [11], А.А. Туаллагова [12, 13], З.К. Ханаевой [14], А.Р. Чочиева [15], а также в отдельных статьях: Т.А. Гуриева [16; 17] и А.Б. Бритаевой [18; 19].

Во всех национальных версиях нартиады сказания об отдельных героях складываются в циклы, число которых варьируется. Выдающийся ученый В.И. Абаев выделил четыре центральных цикла в эпосе осетин: 1) Начало нартов (Уархаг и его сыновья, Ахсар и Ахсартаг); 2) Урузмаг и Шатана; 3) Сослан (Сосруко); 4) Батрадз. По мнению исследователя, важными, если не по объему, то по значению, являются также циклы хитроумного Сырдона и чудесного музыканта Ацамаза [5, 152]. С 1876-1960 гг. было выделено и зафиксировано такое значительное число эпических текстов, посвященных Ацамазу, что позволяет отнести сказания об этом герое к самостоятельному циклу.

Исследователь осетинского эпоса А.Х. Бязыров рассматриваемый цикл разделил на шесть групп сюжетов: 1) Игра Ацамаза на свирели [1, 348-357]; 2) Победа на состязании женихов [1, 386-394]; 3) Гибель хана Елта-Быца [1, 429-446]; 4) Ацамаз и дева-наездница [1, 332-333]; 5) Пленение Ацамаза [1, 314-318]; 6) Присвоение чужой добычи [1, 416-418; 9, 65]. Однако классификацию А.Х. Бязырова следует дополнить сюжетами о споре Ацамаза со своей женой Агундой [1, 405-409], спасении Ацамазом своего старого отца Аца от смер-

тельной болезни и от врага нартов Быда — Уаига, а также о гибели героя от руки другого нарта Сослана/Созырыко [20].

В.И. Абаев в монографии «Нартовский эпос осетин» выделил «Песнь о нарте Ацамазе» из сюжетов, связанных с именем этого героя, как «одну из жемчужин осетинской народной поэзии» [5, 199]. В сказании о женитьбе Ацамаза, по мнению ученого, большое внимание уделяется его игре на волшебной свирели, от звуков которой просыпается весь окружающий мир, т. е. нарт-музыкант своими песнями приносит весну. Следовательно, Ацамаз напоминает солнечного героя, а его брак с красавицей Агундой является «весенним мифом» [5, 200].

В приведенной работе имя Ацамаза рассматривается как старое аланское, хотя первоначально В.И. Абаев полагал, что оно турецкого происхождения со значением «не открывающий (неприступный)», где *-maz* обозначает отрицание [6, 252]. Позже ученый предложил иную этимологию, возводя вторую часть этого имени к авестийскому *-maz* «большой, великий», а в первой части *'was'* наблюдает утрату первоначальной *'w'* [6, 208, 252; 21, 22].

Следует отметить, что имя Ацамаза некоторыми исследователями возводится к имени его отца Аца и связывается с аланским этнонаименованием *'ac'*, откуда происходит грузинское название *osi* и русское «осетины» [8, 247; 22, д. 137, л. 15; 10, 12]. Предполагалось переводить данное имя как «сильнейший» [8, 241-242]; «божество, божественный» (*wasæ*) [10, 12], «Бог Великий» [7, 208; 13, 93; 14, 202], напоминающий солнечного божества скифского мира [13, 93]; «Великий Ас» — «воплощение героя и бога нового, юного поколения» [13, 89-91] или связать с скифо-аланским именем Атамаз («Ата Великий») [16, 14-25; 17, 39-49].

Исследователь нартовского эпоса осетин Т.А. Гуриев, в работе, посвященной Ацамазу, наблюдает два противоположных стиля музыки в осетинской Нартиаде: радостная, восторженная игра Ацамаза на своей волшебной свирели и траурная, похоронная музыка Сырдона [17, 35-36].

Известно, что в осетинском эпосе фигурирует и другой музыкант — Сырдон, являющийся создателем древнего осетинского музыкального инструмента — фандыр, который в отчаянии делает его из останков своих детей, убитых отцом Батрадза, нартом Хамыцем. Следовательно, игра Сырдона на фандыре значительно отличается от вдохновенных звуков волшебной свирели Ацамаза.

По мнению Т.А. Гуриева, образ Ацамаза можно считать весьма древним, отражающим пережитки идеологии периода шаманизма, который мог появиться во времена знакомства создателей героического эпоса с профессиональной музыкой, вызывающей всеобщее восхищение [17, 37].

Немалый интерес представляет работа А.А. Туаллагова «Скифо-сарматский мир и Нартовский эпос осетин», в четвертой главе которой отводится значительное место образу Ацамаза. Автор связывает его с мифом об аримаспах [13, 92], поскольку в эпосе осетин известен сюжет, в котором Ацамаз является одноглазым юношей [1, 435]. По мнению ученого, образ Ацамаза, являющийся изначально древним, был со временем заменен обычным образом героя «в силу увязывания мотива одноглазости с темными силами» [13, 92].

Как известно, нартвовские богатыри находились в тесных отношениях с небесными богами. А.А. Туаллагову удалось расширить круг характеристик божеств осетинского пантеона: Уастырджи, Уацила, Афсати, Елиа, Никкола, Татартуп, Фалвара [12, 200-337], которые помогают Ацамазу в совершении подвигов и принимают участие в сватовстве к единственной дочери Сайнаг-алдара, красавице Агунде [1, 348-357; 360; 363].

В своей работе А.А. Туаллагов упоминает гипотезу Ю.А. Дзиццойти о замене рода Ацата другим родом жрецов Алагата [13, 95; 10, 12]. Такая замена могла быть связана с тем, что род Ацата в эпосе «дублирует» род Алагата. Вполне вероятно, что первоначально род жрецов именовался как Ацата [10, 12], а волшебный музыкальный инструмент Ацамаза может символизировать жречество [13, 95].

Поскольку в нартвовском эпосе осетин встречаются варианты, в которых известны только два рода — Ахсартагата и Бората, Ю.А. Дзиццойти вслед за Ж. Дюмезилем связывает исчезновение фамилии Ацата (Алагата) с функциональным его значением, проявляющее менее четко, по сравнению с остальными родами [23, 173; 10, 14].

К «Воинам — Героям Молодого Поколения», «военной аристократии», «племени As (Was)» А.Р. Чочиев относит юных Батрадза, Ацамаза, Тотрадза, Асану [15, 88], которые являются «образцами рыцарского поведения и рыцарских качеств во всех разделах рыцарства — от искусства боя до музыки и танца, обхождения с женщинами» [15, 69]. Этих героев исследователь называет «безупречными», поскольку они не пользуются колдовской и магической

силой [15, 85]. Однако в цикле сказаний об Ацамазе обнаруживаются явные черты хитрого героя, не раз прибегающего к помощи волшебной свирели, которая досталась роду Ацата от покровителя диких животных Афсати или даже самого Бога [24, 28-37]. Если в одних сюжетах герою помогает чудесная свирель, то в других его спасителем выступает говорящий конь отца, старого Аца [1, 304, 314, 404, 429]. В сказании «Шапка-невидимка нартов» Ацамаз обхитрил не только нартов, но и самого Сырдона. В отсутствие Ацамаза нарты завладели крепостью Гори, но никак не могли поделить добытое имущество. Самыми ценными были три чудесных предмета: шапка-невидимка, веревка и подошвы-самоходы. По совету своей жены Уадзафтау, Ацамаз обманывает нартов и забирает их добычу себе [1, 416-418]. Следовательно, в данном сюжете функции Ацамаза совпадают с функциями «злого гения нартов» Сырдона, в основном действующего во вред нартам.

В цикле сказаний об Ацамазе З. К. Ханаева выделяет часто встречающиеся мотивы, переходящие из сказания в сказание. Эти мотивы превращаются в «устойчивые сюжетные блоки» и играют большую роль в сюжетообразовании цикла, т. к. создают «повествовательную цепочку, в которую выстраиваются события одно за другим в логической последовательности» [14, 15]. Устойчивые комплексы продуктивных мотивов наблюдаются в вариантах сказания о Насран-алдаре, встречающиеся во всем эпосе. К ним следует отнести мотивы увечья (богатырские игры героя), испытание матери юным героем, месть за кровь отца, мотив отправления героя в нартовское войско, причем перед отправкой маленький нарт выводит и отмыкает коня своего отца, берет его оружие, от жажды испускающее сильнее пламя [14, 77-79].

А.Б. Бритаева разделяет мнение В.И. Абаева о солярном происхождении образа Ацамаза [18, 14-18] и предпринимает попытки провести параллели между осетинским Ацамазом и другими версиями Нартовского эпоса. А.Б. Бритаева разбирает сюжет о мести Ацамаза за кровь отца, который является общим для большинства национальных версий. Одинаковыми являются и мотивы испытания матери с целью выведывания имени убийцы отца и добывания отцовского коня и оружия [19, 305-310].

Э.Б. Сатцаев в монографии, посвященной сравнительному анализу сюжетных мотивов Нартовского эпоса и эпической поэмы Шахнаме Фирдуоси, функции Ацамаза связывает с функциями и ролью

духов Хаурватата и Амртата в зароастризме, а также с божеством света, правды и честности Митрой [11, 82].

В связи с указанными наблюдениями, хотелось бы отметить, что образ осетинского Ацамаза достаточно сложен. В нартоведческих исследованиях этот герой непременно характеризуется как славный музыкант. Исследователи рассматривают Ацамаза как эпическую ипостась солярного божества, что свидетельствует о глубоком архаизме данного образа и побуждает к его дальнейшему изучению.

Итак, в трудах, посвященных циклу Ацамаза, в основном рассматриваются вопросы этимологии имени героя; связи этого героя с древней мифологией и другими персонажами; дается краткая сравнительная характеристика одного из основных сюжетов в цикле Ацамаза — мести за кровь отца с другими национальными версиями Нартовского эпоса.

Примечания

1. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу:Цæгат Ирыстон Абаиты В. номыл гум. æмæ соц. иртасæнты институт:Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграффон куыстуат, 2007. Ч. IV. 548 ф.

2. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу:Цæгат Ирыстон Абаиты В. гум. æмæ соц. иртасæнты институтырауагъдадон-полиграффон куыстуат, 2012. Ч. VII. 617 ф.

3. Абаева З.В. Этюды по нартскому эпосу. Цхинвали: Ирыстон, 1978. 178 с.

4. Гаглойти Ю.С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали: Ирыстон, 1977. 203 с.

5. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Избранные труды. Владикавказ: Ир, 1990. Т. 1. С. 142-242.

6. Абаев В.И. О собственных именах нартовского эпоса // Избранные труды. Владикавказ. Т. 1. С.243-259.

7. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л.: Наука, 1949. 598 с.

8. Bailey H.W. Ossetic (Narta) // Traditions of Heroic and Epic Poetry. London, 1980. P. 241-242.

9. Бязыров А.Х. Указатель циклов и сюжетов осетинских нартских сказаний и песен // Известия ЮОНИИ. Цхинвали: Мецниереба, 1971. Т. 17. С. 43-71.

10. Дзиццойти Ю.А. Нарты и их соседи. Владикавказ, 1992. 279 с.

11. Сатцаев Э.Б. Нартовский эпос и иранская поэма Шахнаме (схожие сюжетные мотивы). Владикавказ, 2008. 156 с.
12. Туаллагов А. А. Всеволод Федорович Миллер и осетиноведение. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 210. 433 с.
13. Туаллагов А. А. Скифо-сарматский мир и Нартовский эпос осетин. Владикавказ, 2001. С. 90-100.
14. Ханаева З. К. Поэтика осетинского нартовского эпоса. Владикавказ, 2009. 108 с.
15. Чочиев А. Р. Нарты — Арии и арийская идеология. М.: Акалис, 1996. Кн. 1. 264 с.
16. Гуриев Т. А. Имя скифского возраста — Ацамаз // Антропонимия осетинского нартовского эпоса. Орджоникидзе, 1981. С. 11-23.
17. Гуриев Т. А. Имя скифского царя в эпосе: Ацамаз // Наследие скифов и алан. Владикавказ, 1991. С. 33-49.
18. Бритаева А. Б. Образ Ацамаза-музыканта в Нартовском эпосе осетин // Вопросы литературы и фольклора. Вып. 4. Владикавказ, 2010. С. 14-18.
19. Бритаева А. Б. Цикл сказаний об Ацамазе в нартовском эпосе: сравнительно-текстологический анализ национальных версий // Кавказоведение в XXI в.: проблемы, идеи, решения (II Всероссийские Миллеровские чтения). Владикавказ: Ир, 2011. С. 305-310.
20. Плаева З. К. Основные сюжеты цикла сказаний об Ацамазе в осетинском Нартовском эпосе // Новые российские гуманитарные исследования // URL: http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=595 (Дата обращения 11.06.2014)
21. Johann Knobloch. Homerische Helden und christliche Heilige in der Kaukasischen Narten epic. Heidelberg, 1991. P. 22.
22. Алборов Б. А. Осетинские племенные, сословные и фамильные названия // НА СОИГСИ. Ф. 19. Оп. I.
23. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976. 273 с.
24. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: Цæгат Ирыстонны Абайты В. номыл гум. æмæ соц. иртасæнты институт: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфион куыстуат, 2004. Ч. II. 896 ф.

**С. А. СОКУРОВА,
маг. КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)**

ОТРАЖЕНИЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

В статье освещается отражение Кавказской войны в русской литературе XIX века. Кроме того исследуются истоки русского романтизма и его особенности.

Ключевые слова: Кавказская война, романтизм, русская литература.

REFLECTION OF CAUCASIAN WAR IN RUSSIAN LITERATURE OF XIX CENTURY

The article studies the reflection of the Caucasian war in Russian literature in the XIX century. Also investigated the origins of Russian romanticism in literature and its features.

Keywords: Caucasian war, romanticism, russian literature.

Тема Кавказа в творчестве русских писателей и поэтов XIX века занимает особое место. Исторические судьбы Кавказа, его культурные и политические связи с Российским государством, с русской культурой освещены в произведениях целой плеяды известных русских писателей и поэтов. Литература является одной из ярких форм непосредственного отражения исторической действительности. В ней запечатлеваются самые значимые исторические процессы, события и явления. Именно поэтому литературные произведения являются для исследователя важнейшими источниками по истории XIX века. Анализ избранной темы определил комплексный подход, включающий в себя элементы историко-литературного, феноменологического и описательного подходов. Методами осуществления феноменологического исследования является анализ источников непосредственного созерцательного отражения объектов реальности, то есть, художественных произведений. Именно они являются

в рамках нашего исследования объектами феноменологического анализа. Феноменологический подход предполагает использование в рамках исторических исследований художественных образов, которые являются важным источником реконструкции прошлого. Художественные произведения формируют в сознании общества различные представления об исторических событиях, освещают происходящее в особой плоскости, в них отсутствуют запреты и штампы, характерные для иных видов источников. Для исследователя подобный историографический материал бесценен. Особое место в литературных произведениях занимает тема Кавказской войны, ментальные особенности народов Кавказа, их образ жизни и картина мира. События Кавказской войны развивались на фоне сложных взаимоотношений Российского государства народами, населявшими Кавказ. Эти и другие вопросы широко обсуждались в литературной и публицистической среде.

Русская «кавказская» литература XIX века ставит проблему политической, культурной и ментальной целостности, идентичности у человека на Кавказской войне, в Российской империи [1, 56]. Трактовкой проблемы самоопределения человека в мире «кавказская» литература того времени обязана романтизму, который предлагал биполярную модель действительности. Литературные романтические беглецы и пленники действуют на Кавказе в совершенно незнакомом, чужом пространстве, полном тревог и опасностей. При этом романтизм предполагает постепенное изменение сознания кавказского служилого, происходит противоречивый процесс трансформации ментальной идентичности человека на Кавказе. Об этом писал в своем рассказе «Кавказец» М. Ю. Лермонтов, в котором поэт говорит о особенностях русских людей, служивших на Кавказе. «Кавказцами» он называет именно русских солдат и офицеров. В этом коротком рассказе отражается отношение служивших на Кавказе людей к этому краю, показаны психологические аспекты формирования характера кавказского служилого.

«Ужасный край чудес» [2, 17] — строка из стихотворения **«Я видел Азии бесплодные пределы...»** А. С. Пушкина. Пожалуй, в этой фразе заключено основное содержание представлений о Кавказе у русских писателей. Писатели восхищались этим краем, для них это был совершенно новый мир, который им предстояло познать. Несмотря на все тяготы войны, они находили на Кавказе неиссякаемый источник сюжетов для своего творчества; дух свободы и без-

рассудства восхищал поэтов, жизнь и самобытная культура местных жителей давала простор воображению. Отношения людей пронизываются понятиями чести и свободы. Даже праздность, бедность, вероломство выступают в романтических произведениях лишь как черты, позволяющие обострить значение других позитивных характеристик: праздность — это время набеговых, рискованных замыслов, бедность — несвязанность роскошью и меркантильным расчетом, вероломство — как бы обращение «не спи, казак, во тьме ночной чеченец ходит за рекой». Свобода, отвага, дерзость — неотъемлемые качества горцев, именно эти достойные восхищения черты характера воспеваются в художественных произведениях. Главный горский персонаж этого русского восприятия — разбойник, одинокий всадник, свободный охотник, враг [3, 114], встреченный на горной тропе, чей неочевидный силуэт заставляет напрячь все силы и отвечать, кто есть ты сам. Этот разбойник — в чем-то почти учитель [4, 5]. Во многих произведениях А. С. Пушкина, А. А. Бестужева-Марлинского и М. Ю. Лермонтова Кавказ противопоставлен России не только как Восток, но и как «край свободы». Л. Н. Толстой уже позже отмечал, что на Кавказе удивительным образом сочетаются противоположные понятия — война и свобода [5, 15].

Кавказ представляется в творчестве М. Ю. Лермонтова наиболее полно. Для него этот край стал настоящей поэтической родиной. Его творчество проникнуто любовью и восхищением этим диким далеким краем. Каждая его строка — признание в любви, каждое стихотворение — гимн красоте природы и кавказскому образу жизни: «Кавказ! далекая страна! Жилище вольности простой! И ты несчастьями полна. И окровавлена войной!..». Особое место среди его произведений занимает короткий рассказ «Кавказец», в котором поэт говорит о особенностях русских людей, служивших на Кавказе. «Кавказцами» он называет именно русских солдат и офицеров. В этом коротком рассказе отражается отношение служивших на Кавказе людей к этому краю, показаны психологические аспекты формирования характера кавказского служилого.

Русские писатели и поэты XIX в. в своих произведениях зачастую обращаются к изображению кавказских женщин. Это неудивительно, ведь представление о Кавказе было бы неполным без изображения женских образов и характеров. Истоками формирования традиции обращения русских писателей к женским образам Кавказа был романтизм английских поэтов — Т. Мура, П. Б. Шелли и прежде

всего Дж. Г. Байрона, автора восточных поэм «Гяур», «Абидосская невеста», «Корсар», «Лара», «Паризина».

В научной литературе существует огромное количество исследовательских работ, в которых анализируются произведения русских писателей, так или иначе связанных с Кавказом и кавказскими войнами. Писатели по-разному оценивали Кавказскую войну — одни считали ее жестокой и неоправданной, другие признавали ее историческую неизбежность, третьи предлагали варианты мирного сосуществования России и кавказских горцев. Свое отношение к разворачивающимся драматическим событиям на Кавказе между Российским государством и горскими народами писатели выражали в своих литературных трудах, публицистических сочинениях. Многие из них поддерживали имперскую политику России и признавали прогрессивное ее значение для народов, населяющих Кавказский регион. Зачастую они в своих произведениях героизировали кавказских генералов, восхищались их «твердостью», «железной волей», восхваляли их деятельность на Кавказе. Некоторые — напротив — осуждали царскую политику, выражали сочувствие сопротивлявшимся российской колонизации кавказским народам, восхищались ими, и главными героями их произведений становились удалые бесстрашные кавказцы и прекрасные черкешенки.

Созданный классиками образ Кавказа являет собой достояние всей мировой литературы. Кавказские произведения русских писателей составляют целый пласт общероссийской культуры — поэмы, стихотворения, романы; каждое произведение является источником реконструкции картины мира кавказцев и кавказского образа жизни. Н. Я. Эйдельман в предисловии к своей монографии пишет, что без Кавказа не появились бы великие произведения и великие характеры [6, 15]. В научной литературе существует огромное количество исследовательских работ, в которых анализируются произведения русских писателей, так или иначе связанных с Кавказом и кавказскими войнами. Писатели по-разному оценивали Кавказскую войну — одни считали ее жестокой и неоправданной, другие признавали ее историческую неизбежность, третьи предлагали варианты мирного сосуществования России и кавказских горцев. Свое отношение к разворачивающимся драматическим событиям на Кавказе между Российским государством и горскими народами писатели выражали в своих литературных трудах, публицистических сочинениях. Многие из них поддерживали имперскую политику России

и признавали прогрессивное ее значение для народов, населяющих Кавказский регион. Зачастую они в своих произведениях героизировали кавказских генералов, восхищались их «твердостью», «железной волей», восхваляли их деятельность на Кавказе. Некоторые, напротив — осуждали царскую политику, выражали сочувствие сопротивлявшимся российской колонизации кавказским народам, восхищались ими, и главными героями их произведений становились удалые бесстрашные кавказцы и прекрасные черкешенки.

Примечания

1. Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. С-Пб.: Звезда, 2000.

2. Пушкин А. С. Дон, Кавказ в русской поэзии/Сост. Бойченко В. А., Ростов-на-Дону.: Изд.-во Ростовского ун.-та.

3. Судацова Н. Д. Военная тема в творчестве М. Ю. Лермонтова. М. Ю. Лермонтов и Кавказ: материалы Всероссийской научно-практической конференции/Сост. В. И. Белик. Ставрополь, 2012.

4. Цуциев А. А. Русские и кавказцы: очерк незеркальной неприязни // Вестник института цивилизации. Выпуск 1, 1998.

5. **Урушадзе А. Т.** Формирование образа Кавказа в российской общественной мысли (конец XVIII — середина XIX вв. // Научно-культурологический журнал, №8. 2012.

6. Эйдельман Н.Я. Быть может за хребтом Кавказа... М: Наука, 1990.

**И. В. МАМИЕВА,
кфн, внс СОИГСИ,
Е. Х. ЦОКОЛАЕВА,
аспирант СОИГСИ (г. Владикавказ)**

СИМВОЛ «МОСТ / ХИД» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ОСЕТИН

В статье под углом зрения фольклорно-мифологической традиции и преломления ее в индивидуально-авторской картине мира анализируется семантика образа «мост» в осетинской поэзии. Результаты исследования позволяют раскрыть смысловую динамику символа, своеобразие литературно-художественных трансформаций, специфику связи с концепцией восхождения героя к своей духовной сущности, своему высшему «Я».

Ключевые слова: осетинская поэзия, традиция и новации, символ, мост, вариативность, лестница, радуга, «опасный переход», тернарная вертикаль, герой и его миссия.

SYMBOL «BRIDGEWORK» IN ART CONSCIOUSNESS OSSETIANS

This article from the perspective of folklore and mythological tradition and its refractive index to the individual author's view of the world analyzed the semantics of the image of «bridge» in the Ossetian poetry. The study results reveal the dynamics of semantic character and uniqueness of literary and artistic transformation, due to the specificity of the concept of climbing hero to his spiritual essence, his higher 'I'.

Keywords: Ossetian poetry, tradition and innovation, character, bridge, variability, ladder, rainbow, «dangerous crossing», ternary vertical, the hero and his mission.

В мифопоэтической традиции мост олицетворяет «образ связи», или способ сообщения между разными точками сакрального пространства [1, Т. II, 176]. Любопытна в этом отношении роль моста в цикле о Сырдоне в Нартовском эпосе осетин. Сырдон — сын хтонического существа (Залийский змей, покровитель вод Гатаг, некий дух-посредник и пр.). Матерью его чаще всего выступают женские образы, также связанные с колдовской, хтонической

энергией земли (Дзерасса, Шатана, демоница). Дом Сырдона находится «под мостом, у самых его устоев». Расположение жилища на границе двух миров говорит о причастности эпического персонажа к типу «пороговых людей», отмеченных транзитностью состояния (экскурсы между мирами) [2, 120]. В. А. Цагараев считает, что поскольку образ моста в эпосе есть «символ перехода», то «Сырдон проявляет в себе еще и идею проводника через мост, по ту сторону, в иной мир» [3, 255]. Инверсную функциональность моста на основе сказания «Как появился фандыр» выводит И. В. Мамиева, которая рассматривает этот символ в контексте обряда инициации. В образе Сырдона, утверждает исследователь, реализована парадигма «обратного жертвоприношения»: из хтонической зоны в «срединный мир» — через гибель детей и сакральный дар нартам (фандыр). Следствием данного акта является пересмотр отношений в системе «свой-чужой» [2, 120]. Ритуальный смысл переправы через мост, по мысли И. В. Мамиевой, художественно отражен и в романе-мифе «Слезы Сырдона» Н. Г. Джусойты, в частности, в избирательности мест захоронения участников стодневого похода нартов к новой территории жизни: «славный воин Ардагу, последний осколок старой генерации», похоронен у моста, в порубежном локусе (он так и остался «чужим» в космосе Сырдонова мира), в то время как Аминат («посвященная») обрела покой на поселенческом кладбище за мостом, в ином хронотопе [4, 314].

Символом границы в эпосе «Нарты» выступает также *Мæрдты хид/Мæрдти хед, Елсират* — «мост мертвых», который ведет к воротам Страны мертвых. Он представляет собой тонкое бревно или волосинку, протянутую над пропастью [5, 352]. Семантика моста мертвых раскрывается через обрядовость. Необходимым помощником души в преодолении препятствий считается конь. Совершение обряда посвящения «бæхфæлдисын» сопровождается объяснением душе усопшего пути его следования в Царстве мертвых: «Доедешь до моста из одной волосинки» (в другом варианте: «И придется тебе идти по мосту из одинокой жерди»). Этот фрагмент встречается в произведении Коста Хетагурова «На кладбище»: «Бахæццаæ уыззынæ иу æрдуйы хидмæ, — маргъ ыл нæ тæхы!» («Встретишь ты мост из одной волосинки, — /Птице не перепорхнуть»).

«Мæрдты хид» имеет аналогию в мифах и верованиях других народов. В русском фольклоре границей между мирами выступает

Калинов (ый) мост [6, 232]; в иранской мифологии — Чинват, «мост судебного разбора», вершимого над душами умерших; под стопой грешника он становится узким, «как лезвие бритвы», праведнику кажется шириной «в девять копий или двадцать семь стрел» [1, Т. II, 629]; в финской — «веревочный мост» или «мост-нить», который ведет через реку Маналу [1, Т. II, 98]. В исламской традиции описывается мост Сират, тонкий, как волос, острый, как меч. По Сирату праведники свободно идут в рай, грешники же падают в ад, в пламя геенны под мостом [1, Т. I, 186]. Подобным образом в христианстве грешники, не сумев пройти по мосту, падают в Ад. Известный историк религий и мифолог М. Элиаде в контексте шаманской практики трактует феномен моста как «парадоксальный проход» и «узкую дверь», «расщелину», которая «расширяется только на мгновение и герой (или посвященный, шаман и т.п.) должен использовать это парадоксальное мгновение, чтобы проскользнуть в «потусторонний мир» [7, 143]. Знание об «опасном переходе» в иной мир открывается нам в сюжетах осетинского фольклора о непрерывно сталкивающихся, «словно бараны лбами», скалах: проскочить между ними если и возможно, то только хлестнув коня так, чтобы от ладони всадника отскочил лоскут кожи, а от бедра коня — кровавый кусок мяса («Армы тъæпæнæй чъылбыс куыд фелвæса, бæхы агъдæй та — чъепси»).

Свидетельством жизненности смыслов, заключенных в концепт-символе «мост», является активная востребованность его осетинской поэзией с первых своих шагов и по сей день. Образ моста как «опасного перехода», как горизонтальной границы между двумя полярными точками времени-пространства мастерски использовал Нигер в стихотворении «На мосту» (1930), ставшем значимым явлением в осетинской. Исследователями творчества поэта оно признано программным, но при этом взгляды их относительно идейно-содержательной стороны произведения разнятся.

Так, С.Т. Марзоев, называя стихотворение автобиографическим, трактует образ моста как аллегорию перехода Нигера от «стихийных форм борьбы... к формам сознательным, к идейной закалке, к социалистической идеологии» [8, 80]. Эта же мысль отчетливо очерчена в книге Х.Н. Ардасенова «Жизнь и поэзия» [9, 114]. Схематизм априорных выводов дает о себе знать и в современных разысканиях: «Духовную жизнь нового человека, новой Осетии отражает стихотворение Нигера «На мосту» [10, 19].

Несомненно, в анализируемом стихотворении мировоззренческий аспект присутствует, но его расшифровка требует более внимательного отношения к текстуальной основе. Обратимся к фабульным событиям. Лирический герой, убегая от сшибки природных стихий, оказывается перед мостом, перекинутым между двумя скалами. Мучимый тревожными раздумьями он все же ступает на мост и в страхе мчится по нему «быстрее зайца»; спотыкается на середине, падает ничком. Лежа на мосту в состоянии, близком к обморочному, оглядывается назад, как бы оценивая ситуацию. Там — «могильная чернота», стихия становится все свирепей, вот-вот настигнет беглеца. Он понимает, обратного пути нет («В ад возвратится кто сам добровольно?!»). Смотрит, что его ожидает впереди, но там картина не менее страшна. Тучи, как стаи волков, врываются в ущелья, терзают скалы; небо пронзает их огненными стрелами молний. Какофония битвы-грозы ужасает, путником овладевает чувство безысходности и отчаяния. Голова его безвольно свешивается с моста, и брызги воды касаются лица. Это поворотный пункт в архитектонике стихотворения. Внимание лирического субъекта переключается на водный поток: горная река, не оглядываясь назад, «не озираясь по сторонам», не зная сомнений, весело катит свои волны в море-океан. Внезапно меняется настроение, энергия реки и всполох света впереди (блеснувшая из-за туч «золотая нить») придают поверженному надежду и силы. Кризис миновал, выбор сделан — только вперед!

Даже по фабульной канве видно, что «На мосту» — сюжетное, композиционно выстроенное произведение, со сложной системой символов, позволяющих раскрыть образ лирического героя. Чтобы понять его, нужен глубокий анализ на уровне социально-исторического, идеологического, эмоционально-психологического, и эстетического пластов [11, 112].

В целях нашего исследования существенное значение приобретает дискуссия по поводу символично-мифологической составляющей стихотворения. Наиболее полному художественному разбору подвергли его Ш. Ф. Джикаев и Н. Г. Джусойты. Первый считает, что «мост» у Нигера имеет прямую аналогию в фольклоре («мост испытания» в виде волоса «*æрдуйын хид*», «огнепути» «*артвағндаг*»), и объясняет его как символ движения героя — мыслителя и борца — к большой цели, определяющим же содержание стихотворения считает мотив борьбы [12, 19]. Н. Г. Джусойты, характеризуя поня-

тие «фæлварæн хид», утверждает, что это авторская мифологема, поскольку в устно-поэтическом творчестве осетин, хоть мотив испытания и существует, но само действие никак не номинировано.

Исследователи не сходятся и в определении прототипической основы «На мосту». Отвергая мировоззренческий подтекст произведения, Ш. Ф. Джикаев сосредоточивает свое внимание на символике моста и двух сопутствующих ему образах, которые, по его мнению, послужили основой для ошибочных умозаключений. Это — вставной притчевый эпизод о прыжке тура в пропасть, не поддающийся логическому объяснению (стихийный протест), и образ реки, «спешащей» к морю (осознанная цель). При этом сам исследователь не считает, что река у Нигера наделена символическим смыслом, полагая, что она лишь своим свойством (движением вперед) «подсказала» герою правильное решение.

Н. Г. Джусойты, напротив, думает, что река в стихотворении — это олицетворение народа, а сам образ моста объясняется им как платформа для раздумий художника о проблеме «единства поэта и народа» [11, 111]. Доводы Н. Г. Джусойты, касающиеся связи реки-народа и лирического героя в стихотворении «На мосту», кажутся нам, как и его оппоненту, неубедительными. Мы склонны трактовать данный образ в общемифологическом значении: как символ движения и очищения. Не случайно капли воды снимают с героя физическую и душевную усталость и помогают ему определиться с вектором движения.

По-разному трактуется учеными-филологами и мотивация «опасного перехода» через мост. Путник Нигера, считает Джикаев, в непогоду вынужден переправляться через мост над бездной, движимый какой-то, неизвестной нам, но важной целью. Н. Г. Джусойты полагает, что герой бежит от обстоятельств тревожного времени (кровавый разгул деникинщины). Модель «пути-испытания», выстроенная им, основывается на динамичной смене состояний лирического субъекта: 1) спасаясь бегством, он вынужден ступить на узкий горный мост; 2) споткнувшись на середине, преодолеваем сомнениями, куда же ему податься: вперед или назад; 3) с середины моста начинается сознательное движение к цели.

Ситуацию выбора под другим углом зрения освещает Ш. Ф. Джикаев. Исследователь категорически отрицает утвердившийся в отечественном литературоведении тезис о том, что время написания и сам образ моста указывают на переломную веху в жизни Нигера.

В своем выборе между «старой и новой Осетией» поэт определился задолго до этого, утверждает он, апеллируя к конкретным произведениям автора: «Вперед» (1917), «Живи!..» (1920), «Я не раб» (1928) и др.. [12, 20].

Подводя итоги литературных дебатов, отметим, что были высказаны полярные взгляды как на мотивацию опасной переправы через мост, так и на сам характер литературного героя. В чем сходятся участники спора, так это в определении сюжетообразующего образа-символа «мост» как наделенного функцией экзамена духа: испытания в преодолении трудностей и препятствий на пути к большой цели (по Ш. Ф. Джикаеву), в перебарывании собственных страхов и осуществлении выбора жизненного пути — вперед, в социалистическую новь (по Н. Г. Джусойты).

Для нас важно в данной полемике уяснить одно: «мост» в мифологическом сознании осетин и «мост» в поэтической интерпретации Нигера, несомненно, имеют точки схождения (мотив испытания, преодоления внутренних противоречий с целью достижения гармонии души). Но фольклорный образ у Нигера претерпел значительную трансформацию. Приобретая новые, отвечающие запросам времени, значения, из общего символа он перешел в категорию авторского. И, можно сказать, утратил при этом идею, лежащую в исконной основе. В самом деле, в стихотворении Нигера мост уже не выступает как элемент соединения сакрально члененного пространства. Семантика его раскрывается во взаимосвязи с авторскими переживаниями, социальными и историческими вехами эпохи.

Своеобразной литературной перекличкой с Нигером предстает стихотворение Н. Г. Джусойты с тем же названием («На мосту», 1974). Основана она не на близости сюжета, а на сходстве исповедальности звучания, на творческом усвоении автором мотива испытания на правду и честность перед самим собой. Семантику моста у Н. Джусойты можно интерпретировать в двух аспектах: 1) как реальную картину (эскиз) тяжелой, подверженной ежеминутному риску, жизни в горах; 2) в символическом плане: мост как переход в иной мир — не в идейно-политическом смысле, а в ракурсе христианской традиции. На это указывает сравнение «распятого» между двумя горами висячего моста с мученической казнью Христа, которую он принял во имя спасения человечества. Аналогия подкрепляется последующим уподоблением моста «дороге в Рай»;

бездонное ущелье, в свою очередь, представляется аналогом Ада, куда падают не прошедшие «контроль» грешники. Не удивительно, что внутренние ощущения лирического героя имеют «очистительный» характер — наподобие святого причащения: «Сыстад улы рæбынæй намыс!» — человек и его Честь оказываются один на один с Создателем, и уже нет смысла обвинять в своих изъянах и проступках кого-либо другого, приписывать себе несуществующие заслуги, перед судом Божиим остаётся только сожалеть о собственных грехах и об упущенных возможностях творить добро («Æз мæ сонт тæригъæдтыл кæуын,/Æз æнæконд хæрзиуджытæ мысын...»). Можно заключить, что в интерпретации моста как «опасного перехода» Н.Г. Джусоев делает акцент на евангельском понимании слова «фæлварæн» как испытанию искушением.

В мифологиях народов мира известен также мост, который направлен по тернарной вертикали и соединяет землю с небом, человека с Богом, низ с верхом [1, Т. II, 177]. Ученые полагают, что в случаях с вертикальной линией соединения пространственных сфер мы имеем варианты Мирового древа [7, 267]. Вертикальный мост (или его модификации) ведет как в небо, так и в нижний мир. В осетинском фольклоре функции подобного моста выполняет, в частности, веревка, по которой героя по огненному пути спускают под землю («Когда крикну «горю, горю», в семь раз ниже опустите меня под землю»).

Этот фрагмент мифологического действия хорошо обыгран в стихотворении Ш.Ф. Джикаева «Сквозь огонь испытания прошел я без страха...» (1994), в котором говорится о восхождении героя «из Ада в небо Вышнее». «Тестирование огнем» осуществляет здесь целый ряд функций: *доказательную* («Уынут мын ныр уæ тæрхонны мæ раст»); *очистительную* («Мæ хъыг дзы басыгъд, рухс хур мыл ыскаст») и собственно *проводниковую* («Ысхызтæн æз Уæллаг арвмæ Зындонæй»). Дар Любви (в духовном смысле), обретенный испытываемым в процессе поверки огнем, наполняет его энергией созидания. Интертекст стихотворения отсылает читателя к образу Прометея/Амрана осетинской мифологии. Персонаж автора предстает в ипостаси освобожденного Похитителя огня, восстанавливающего гармонию в земной части космического пространства (разрушение «черной башни» — места обитания темных сил). В качестве культурного героя он куёт лемех из особой стали, засеивает пашню «зерном благодати», пролагает путь к забытому людь-

ми Храму (к Богу). В то же время очевидна аллюзия на «Бусину желаний» Алихана Токаева. Подобно обладателю этого волшебного предмета, а вернее сказать, — как бы наследуя его миссию, субъект речи в анализируемом произведении струит на пути-дороги землян свет, высеченный им из «*æрвдур*» — метеоритного камня.

Впрочем, возможно, автор вложил сугубо профессиональное содержание в понятие культурной миссии героя. Кузницу в этом случае следовало бы интерпретировать как творческую мастерскую, где выковывается «орудие» животворного труда, несущего людям духовность и божественную благодать. При таком прочтении стихотворного текста несомненна перекличка с «Надеждой» К. Л. Хетагурова, в котором великий поэт излагает свое жизненное и поэтическое кредо: «А сердце народа!/Как нива оно,/Где светлые всходы/Взрастить мне дано» (Пер. Б. Иринина).

При вариативности толкования отдельных фрагментов идея произведения Ш. Ф. Джикаева остается неизменной. Из нее явствует, что «восхождение» лирического героя преследует не только цель собственного духовного просветления, но и реконструирования жизни на земле, в которой лукавому — раздолье, а праведному — неволя и погибель. Мысль о воцарении зла (хаоса) в обители человечества изложена через посредство утверждения гармонии Вышнего («Ам нал тæрсын хæйрæг æмæ руймонæй,/Уæлæрвты нæу Зынгыскъæфæг дæр баст»).

Таким образом, мы можем говорить об отражении в стихотворении Ш. Джикаева обряда перехода, осуществленного в форме ритуала испытания огнем. Целью инициации, полагаем, является возврат в социум утраченной им жизненной энергии и благодати. Следует заметить при этом, что структурирование автором пространства как души своего героя (микрокосм), так и вселенной (макркосм), не отличается четкостью линий. Это в некоторой степени затрудняет интерпретацию оригинальной образности произведения.

По функциональной направленности к символу *моста* в мифологии и художественном сознании осетин примыкают *лестница* и *радуга*. Эти три образа-понятия выступают в роли связующих звеньев между мирами. Лестница как символ соединения трех уровней вертикали впервые поэтическое воплощение получает в одноименном стихотворении А. Токаева («Асин»). Здесь вырисовывается модель движения человеческой души, ее путь к дости-

жению высшей цели, божественной субстанции. Маршрут лирического героя и его спутника пролегает от земной сферы к небесам по высокой лестнице, которая символизирует проверку мужества, крепости духа. Не поддаться слабости, не трусить — вот наставления лирического героя его спутнику, когда взор обоих устремляется вниз, в бездну («дæлдзæхмæ»). Удержаться и не упасть — неотъемлемый этап испытания, а сопровождающие процесс слезы, вероятно, знаменуют катарсис, подготавливающий встречу с сакральным. Или, возможно, они — реакция на то, что при взгляде сверху открывается путникам в том мире, который они только что оставили. Во всяком случае, плач героев в художественной системе стихотворения — не показатель проявления слабости, скорее, — некий индекс преодоления ими соблазна выбора, пусть и гибельного, но свободного от сверхусилий пути, отступничества от идеала духовно-сущностных исканий.

Мы помним, что в осетинской мифологии проводником в Царство мертвых выступает конь. В стихотворении А. Токаева в духе его символистских взглядов мотив коня трансформируется в просветительскую идею Разума как побудителя и мощную опору на пути восхождения героев от мрака бездны к «небесному притину».

Идея вертикального моста между различными зонами бытийного пространства оригинально претворяется и в стихотворении Г. Бестауты «Прощайте, сны весны моей певучей...» (1977). Но здесь мы сталкиваемся уже не с трудным опасным подъемом по лестнице, а с быстрым, полетным вознесением по радуге-мосту на солнечном луче.

Начинается стихотворение с описания полночного чуда, случившегося с героем: высверк молний («Æмæ ныррухс æрвæрттывдæй мæ зæрдæ»), грома грохотанье («Ызнæт æрвнæрдæй байдзаг и мæ уд»), искрящаяся радуга («Мæ сæрмæ скалдта арвырон цæхæртæ») и звонкий призывный смех «голубоглазого ангела» над головой... («Æрвгъуыздзæст зæд мæм йе 'рфæнæй ныххудт»). Живой отклик лирического «я» на магическую атрибутику стихии, взаимопереходимость эмотивных смыслов радости и горя («Мæ ррисаг цин, мæ удылтайгæ маст!...») несут в себе, вероятно, идею нерасчлененного единства человека и вселенной и маркируют выход его на новый уровень бытия. Внимая внутреннему голосу лирический субъект устремлен к «зениту небесной сферы». На этом пути ему уже удалось, подобно совершающим восхождение геро-

ям А. Токаева, достигнуть звездных пределов («Ыстъялытимаэ сси маэ гуырды æмдзæрин»). В анализируемом стихотворении очевидно также сходство с «Бусиной желаний» того же автора, особенно на уровне концепции героя-Спасителя — «сеятеля животворного света», своеобразным генератором которого является «соразмерное солнцу, горящее любовью к людям сердце» персонажа. (Свет, как известно, олицетворяет божественную силу и святость.)

Как уже сказано, пребывание лирического героя Г. Бестауты в небесах — явление виртуальное, земное притяжение он преодолел лишь в своем сне. Внезапно «ужасный гвалт ударил в уши разом», и рухнул мост, по которому сновидец шел к небу, наступило пробуждение. Велико разочарование «мостостроителя» Г. Бестауты. Однако сон-откровение внушает ему ощущение избранности: о «небесном сне земного сына» как знании о грядущем Даре он первый поведаёт приверженцам.

Высокий эмоциональный накал присущ стихотворению К. Ходова «Последнее слово Хазби Калоева» (1972). В нем автор раскрывает трагическую судьбу 22-летнего юноши, которого называли «восходящим солнцем осетинской поэзии». В обрисовке внутренних переживаний персонажа в предсмертный час особая роль отводится образу моста с символикой креста, создаваемого пересечением горизонтальной и вертикальной линий.

Читатель, знакомый с творчеством Хазби Калоева, уже с первых строк обнаружит интертекстуальную основу, отсылающую нас к его известному стихотворению в прозе «Я иду... Иду, и, кто знает, может в последний путь...» — своеобразному прощальному слову родной земле, Иристону.

Поэтический текст К. Ходова диктует разноуровневое прочтение. Первый уровень — это реалии Великой Отечественной войны. Автор проецирует на образ лирического героя факты биографии его прототипа (Хазби Калоев, как известно, будучи командиром танка, погиб на Курской дуге в 1943 году: сгорел заживо в танке). Лирический субъект, подобно нигеровскому персонажу («На мосту»), обнаруживает, что пути назад отрезаны, за ним с грохотом рушатся мосты.

Кажется, что все силы зла ополчились против воина-патриота. Его танк объят пламенем, отчаянно стучит в висках кровь, но герой нацелен только на победу и продолжает двигаться вперед. Напряжение и драматизм ситуации подчеркнуты цветовой гаммой

(синее пламя пожарищ, раскаленная докрасна техника), необычными сравнениями (ход охваченной огнем машины напоминает конвульсии накаленного сердца), синтаксическими паузами, эмоционально-императивными особенностями речи в целом.

Нигер в вышеозначенном стихотворении изображает своего героя в состоянии идейно-мировоззренческого выбора, которое обыкновенно характеризуется как «человек на распутье». К. Ходов живописует апокалипсический ад войны, но вектор движения героя в нем не преломляется («Фæлæ уæддæр мæ цыды кой кæнын...»). Если что-то и обращает мысли вспять, то это любовь к отчей земле, внутренние переживания о тех, кого оставил за линией фронта... Впрочем, воспоминания обрываются, едва начавшись («Афонмæ.../Ирыстоны.../Фæсырхбынтæ и тута...»). Тревожный ряд вопросов и идиоматических восклицаний предваряет ситуацию тупика — мосты горят уже и впереди.

С этого момента начинается вторая жизнь Хазби Калоева — в ином измерении. Ей сопутствует новый, онтологический уровень осмысления произведения. Обостренное порубежное восприятие героя подчеркнуто непривычным для осетинской литературы видом апеллятива, направленного субъектом речи на самого себя: «Вот ты и в беде (в бедственном положении), Калоя-сын, в беде...». В этом автообращении сконцентрирован сложный сплав ощущений: призыв к мужеству, осознание безвыходности ситуации, горькое сожаление... Повторно возникает образ горящего сердца; здесь, помимо изобразительных функций, он несет и символическую нагрузку. Сравнение с горьковским Данко расширяет смысловое пространство смерти, которая констатируется самим героем.

«Переход» из горизонтали в вертикальную плоскость по небесному мосту-радуге воспринимается лирическим «я» как продолжение его земного шествия к победе над фашизмом. В авторской же концепции человека предсмертное видение героя воспринимается как восхождение его к бессмертию, одержание духовной победы.

Два пути присутствуют в судьбе литературного персонажа К. Ходова, в точке их пересечения земные понятия замещаются бытийными, горизонтальная плоскость — вертикалью. Если вспомнить символику Солнечного креста в индоевропейской мифологии, то можно говорить о знаке абсолюта и совершенства. Но К. Ходов

привносит в идею обретения «небесной благодати» финальный штрих, придающий стихотворению необычайную эмоциональную пронзительность. Речь идет о последних мыслях героя по поводу трагического неурюстройства оставляемого им мира. На языке символов это выражено образом радуги-«моста богов», упирающейся в землю, в лужу крови.

Прерванная мысль — как свидетельство гаснущего сознания, но за ней посыл к тому, что связующая с живыми нить не обрывается со смертью героя. Символика последовательно сменяющегося образного ряда (*мост-радуга-лестница*), таким образом, помимо традиционных понятий испытания и духовного восхождения, приобретает смысл посмертной памяти в обеих ее значениях (память живых об ушедшем и ушедшего о живых).

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. В мифологии и эпосе закрепилось понимание моста как связующего звена между различными пространственными зонами. Традиционным при этом является мотив испытания героя и «трудного перехода».

2. На протяжении развития осетинской поэзии образ моста не переставал интересовать мастеров слова. В основе рассмотренных нами текстов в целом лежит идея движения, организующая художественный мир и структурно-смысловое пространство произведений. Мотив пути-испытания, пути-перехода воплощается в символике моста и его различных модификаций (лестница, веревка, радуга, острие ножа, солнечный луч и пр.), анализ которых позволил определить своеобразие индивидуально-авторской концепции духовного роста лирического героя, а через это — своеобразие концепции человека и мира.

3. Динамика значений и смыслов образа моста в осетинской поэзии напрямую соотносится с идеологическими и этико-эстетическими исканиями и запросами времени. Так, для творчества А. Токаева, поэта-символиста, творившего в начале XX века, характерен мост-вертикаль как проекция мифологической оси мира. Функциональное значение его соотносится с авторской концепцией героя, преследующего цель духовного совершенствования, достижения абсолюта.

«Мост испытания» Нигера («На мосту») расположен в горизонтальной плоскости. Семантическая структура его полностью ли-

шена сакральных черт, что не должно удивлять в разгар советской атеистической пропаганды на рубеже 1920-1930-х гг., времени написания стихотворения. В последние десятилетия XX века, с постепенным возвратом к культовым корням, активно востребованы как мифологическая символика моста, так и духовное философское преломление ее в осетинской поэзии начала XX века, в первую очередь, в творчестве Алихана Токаева.

Обращение к архаическим истокам понятия, в одном случае, происходит на подсознательном уровне. Так, мироустроительная идея в стихотворении Ш. Джикаева («Сквозь огонь испытания прошел я без страха...»), на наш взгляд, — в большей степени «подсказка» всплывающих архетипов глубокой древности, нежели реализация осознанного авторского замысла. В другом случае, традиционная мифологическая семантика заменяется более поздней — христианской (Н. Джусойты. «На мосту») или воспроизводится как виртуальная реальность (в форме сна — «Прощайте, сны весны моей певучей...» Г. Бестауты; как предсмертное видение — «Последнее слово Хазби Калоева» К. Ходова).

Но общим для осетинских художников слова является использование символики моста как способа воплощения идеи духовного восхождения человека, обретения им небесной благодати в целях восстановления утраченной гармонии мира, благоустройства жизни на земле.

Примечания

1. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х томах: 2-е изд./Гл. ред. С. А. Токарев. М.: СЭ, 1977. Т.1. 671 с.; 1988. Т. 2. 719 с.
2. Мамиева И. В. Архетип сказителя в осетинском эпосе «Нарты» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 8 (38). Ч. 1. С. 119-121.
3. Цагараев В. А. Золотая яблоня нартов: История, мифология, искусство, семантика. Владикавказ: РИПП им. В. А. Гасиева, 2000. 300 с.
4. Мамиева И. В. Мир нартов в пространстве художественной литературы («Слезы Сырдона» Н. Джусойты) // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: Сборник научных трудов. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 304-318.
5. Осетинская этнографическая энциклопедия./Сост. Л. А. Чибиров. Владикавказ: «Проект-Пресс», 2012. С. 352-353.

6. Пропп. В.Я. Русская сказка. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.
7. Элиаде М. Шаманизм: Архаические техники экстаза. Киев: «София», 2000. 480 с.
8. Марзоев С. Проблема положительного героя в творчестве Нигера. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1956. 153 с.
9. Ардасенты Х. Цард æмæ поэзи. Орджоникидзе: Цæгат Ирыстонны чингуыты рауагъдад, 1962. 168 с.
10. Кабулова Г.С. Художественное отражение природы в осетинской поэзии: Автореф. дис... канд. филол. наук. Владикавказ, 2009. 26 с.
11. Джусойты Н. Нигеры æмдзæвгæ «Хидыл»: Ныхас уацмысы арæзт æмæ мидисыл // Мах дуг.1988. № 3. С. 104-116.
12. Гуæздæрты А., Джыккайты Ш. Нигер: портреттæ, иллюстрацитæ, документтæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 1996. 120 с.

**Н. М. ДЗЕРАНОВА,
(г. Владикавказ)**

ОТРАЖЕНИЕ НОРМ ОБЫЧНОГО ПРАВА В ЯЗЫКЕ ОСЕТИН

В статье рассматриваются нормы обычного права горцев через концепт туг «кровь», лежащего в основе значительного количества словосочетаний. Институт кровной мести горцев Северного Кавказа возник ещё при родовом строе как эффективная форма самообороны и самосохранения.

Ключевые слова: обычное право; институт кровной мести; «взять» кровь; медиаторский суд; примирение.

CUSTOMARY LAW REFLECTION IN THE OSSETIAN LANGUAGE

The article deals with customary law through the concept of mountaineers tug «blood» that underlies a significant amount of phrases. Institute vendetta Highlanders North Caucasus arose when the tribal system as an effective form of self-defense and self-preservation.

Keywords: customary law; Institute of vendetta; «to take» blood; mediatory court; reconciliation.

Как известно, межродовые столкновения горцев разрешались по адату кровной мести или третьейским судом.

Ф. И. Леонтович писал, что «адат (по-осетински Агъдау, по-чеченски Адель) с незначительными изменениями тот же самый у всех народов Владикавказского округа» [Леонтович, 1883:19]. Он считался законом для горцев, и его обязаны были чтить все. Адат рассматривал абсолютно все преступления.

Самыми жестоко наказуемыми преступлениями считались убийство, воровство надочажной цепи и изнасилование, которые влекли за собой исключительно кровную месть [Скитский, 1972:306].

Очаг у горцев считался символом единства, непрерывности и защиты всего рода. Все важнейшие действия, дела семейной жизни

совершались у очага. К нему приносили новорожденного, от него провожали и к нему приводили невесту, при касании цепи враг становился под покровительство данного дома и т.д. Надочажная цепь была священна. Любого рода осквернение цепи смывалось только кровью.

Не менее чтили и женщин. Характерной чертой патриархальных нравов у горцев была целомудренность и сдержанность в выражении своих чувств. Осетины неукоснительно соблюдали правила морали, а за невыполнение следовало тяжелое наказание, презрение, бойкот, либо вообще кровомщение.

Что же касается увечья, ранений (даже случайных ранений), убийства (случайного, в том числе) считалось, что за кровь надо платить кровью. Причем убийцами в основном были молодые люди, а отвечать приходилось от самого младшего до самого старшего мужского поколения всего рода. Старейшины рода отвечали за все молодое поколение. Они решали все судебные дела (и не судебные, в том числе), постановляя при этом правила, по которым что-то запрещалось, что-то дозволялось.

По осетинским законом морали, всё поколение непрекословно подчинялось старейшинам своего рода, а любое ослушание или шалость или даже неосторожность принималось как преступление со стороны старейшин, вот поэтому и страдал весь род. В результате любое убийство считалось умышленным.

Так, если во время ссоры между людьми, лошадью, скотиной, собакой, следствием чего являлась смерть, — это подвергалось кровной мести.

Бывало, что во время скачек некто случайно, по неосторожности, задевал человека, который от этого погибал, то это тоже приводило к цепи убийств, которые продолжались несколько поколений. При этом если виновники скрывались в чужих краях, то даже там их настигала кровная месть. После чего кровомститель шел на могилу своего сородича, где громко объявлял: «Я убил его, твоего убийцу». Прекрасной иллюстрацией этому служат слова Ф. И. Леонтовича: «Каждый родственник убитого обязывается священным долгом мстить смертью убийце и его родственникам; не исполнивший этого подвергается жестокому бесчестию, а семейство и даже весь род его — возможным обидам: поэтому после всякого убийства следует явная война между родом убитого и племенем убийцы» [Леонтович, 1883:2]. Так месть годами уничтожала людей.

Во время примирения кровников каждый из своего рода созывал мудрейших старейшин, лучших представителей рода, медиаторов: «Дабы избежать кровного мщения, родственники убитого почти всегда ходатайствуют о примирении (берждалы); и как скоро получают согласие, то для назначения удовлетворения обе стороны выбирают по несколько медиаторов (терхапелегъ), всегда наблюдая, чтобы со стороны истцов было одним более. Медиаторы составляют совет и определяют меру возмездия детям мужского рода, а если их нет, то родственникам по мужскому колену» [Леонтович, 1883:2].

Со временем, теряя по большей части молодое поколение, старейшины вмешались в кровавые «возмездия» и постепенно внедрились выкуп: «Уплата штрафа за убийство распределялось следующим способом: одна треть — скотиной, другая — оружием, третья — медными котлами. Оценка всего имущества предоставлялась тем же присяжным» [Скитский, 1956:160].

Изначально все же выкуп считался унижительным. Не все его принимали, но со временем он прижился. Даже появились обряды по примирению кровников.

Мера наказания за любого рода провинности для простолюдина и феодала была разной, т.е. чем богаче и сильнее род, тем меньше составлял выкуп. Несправедливость присуща всем временам. Бывало и такое, что среднее сословие после выплаты кровной мести становилось банкротом.

В работе Ф.И. Леонтович кропотливо перечисляет за всякого рода убийств меру наказания, отмечая цену за кровь, начиная от более влиятельных до нуждающихся [Леонтович, 1883:28-29].

Обычай кровной мести и способы его предупреждения и примирения наблюдались у всех народов с незапамятных времен: в догосударственном обществе защита жизни, имущества и чести могла осуществляться только членами того коллектива, к которому принадлежал пострадавший.

Как исходит из научной литературы, знакомство с непосредственными проявлениями кровной мести уже на стадии разложения родового строя или в виде пережитка показывает, что право ее совершения дотеле распространяется в основном на ближайших родственников. «При отсутствии же таковых германские обычаи, как и обычаи многих других народов, распространяют его до отдаленнейших родственников. Но при этом к мести не допускаются женщины», что наблюдается у осетин [Ковалевский, II. 1886:20-21].

Привлечение к совершению мести в случае надобности достаточно отдаленных родственников, не имевших ничего общего с убитым, существовало у абхазцев, но и у них на женщин не распространялась эта священная для рода обязанность. Правда, в исключительных случаях в качестве мстителей могли допускаться «представители материнского рода и племянники по линии сестры, что можно понять как пережиток более древнего времени, когда женщина наравне с мужчиной выступала кровомстительницей...» [Инал-Ипа, 1960:227]. По мнению М. М. Ковалевского такая практика имела место и в других социумах: «...И действительно, обычное право чехов сохранило случай, когда обязанность мести, правда, при известных условиях, может пасть на вдову или незамужнюю женщину. Первоначально, таким образом, в качестве мстителей выступали все представители древнейшего коллектива. Но в свою очередь и вина распространялась на всех без исключения родичей...» [Ковалевский, II.1886:22].

Мы обратили внимание на конкретизацию участников кровной мести: «...Если у осетин к ответственности мог привлекаться любой представитель враждебного рода, но мужского пола» [Там же, с. 24], то «у многих негрских племен, например, банака, убийство отмщается на любом из виновной группы, будь-то взрослый или ребенок, мужчина или женщина» [Косвен, 1925:43]. Как видим, месть имеет общее начало, но со своими особенностями, к которым в первую очередь относится стремление к равному возмездию, выразившему в правиле: жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб.

Кровная месть и вообще нанесение ответного ущерба на той стадии было суровой необходимостью. Ведь когда община теряла человека, то изменялось соотношение сил в пользу той, члены которой совершили убийство: «Смерть каждого человека влечет за собой поминки (хисты, харнаги, годовщины смерти). Через несколько десятков лет от многочисленных, более или менее богатых фамилий, остаются лишь несколько детей, стариков и женщин... Складываются про них печальные монотонные песни, распространяемые по Осетии молодежью...» [Бритаев, 1911:388].

Считалось, если оставить убийство безнаказанным, то это откроет дорогу для новых такого же рода действий, что, в конце концов, может привести к гибели общины, не нашедшей сил для ответного удара. Уничтожение члена общины-обидчика, считается, восстанавливало баланс сил, во-вторых, было предупреждением всем сосе-

дям, что ни одна смерть члена данной общины не останется безнаказанной: они неотвратно понесут потери. Не следует думать, что убийство члена рода для обидчика могло быть воздаянием только за убийство. Оно могло быть и воздаянием за другие тяжкие виды ущерба.

По мнению А.Х. Магометова, именно кровная месть могла вызвать ответную кровную месть и положить начало бесконечной эстафете убийств, которая в итоге приводила к гибели враждующие коллективы. Это и вызвало к жизни необходимость в каких-то правилах, которые бы регулировали конфликты между коллективами. В случае нанесения потерпевшей стороной эквивалентного ущерба стороне, инициировавшей конфликт, он считался исчерпанным, и вражде приходил конец. Отныне потерпевшая сторона не имела права на возмездие. Если же она пыталась это сделать, то разгорался новый конфликт, снова вспыхивала вражда [Магометов, 2001:3012]. Это стало основанием для начала формирования *справедливости* и как понятия, и как чувства, причем первый способ ее восстановления — *возмездие*, т.е. нанесение потерпевшей стороной точно такого же ущерба стороне обидчика или обидчиков. Понятие справедливости отныне стало важнейшим в обычном праве. Оттуда оно перешло в законное право, где сохранило свое значение. Возникнув в сфере обычного права, понятие справедливости затем вошло и в число категорий морали.

Имея древние истоки, обычай кровной мести сохранился кое-где до наших дней. Как показало изучение судебно-следственной практики, случаи убийств по мотиву кровной мести ещё в XX веке сохранялись на территории России, преимущественно среди народов Северного Кавказа: Адыгеи, Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Чечни. К примеру, Г.И. Диасамидзе отмечает наличие «кровной мести» у аджарского народа [Диасамидзе, 1974].

Термин *туз* «кровь» по праву считается одним из интереснейших концептов как этнографического, так и юридического характера, он имеет отношение к обычному праву осетин и лежит в основе большого количества словосочетаний. Наше обращение к «Историко-этимологическому словарю осетинского языка» [Т. III, 1979:309] В.И. Абаева дало возможность привести их в качестве иллюстраций к положениям о кровной мести осетин. Кровная месть в прошлом являлась одним из нерушимых институтов обычного права не толь-

ко осетин, но и у всех горцев Северного Кавказа: чеченцев, ингушей, балкарцев, черкесов, карачаевцев и др., а также у грузин-горцев, хевсуров, абхазцев, сванов и других народов Закавказья. Исследователи считают, что возникла она как мера самосохранения и как самая эффективная форма самообороны. Этим, думаем, можно объяснить её живучесть, пусть и в пережиточной форме, до первых лет Советской власти [Магомедов, 1974:263].

Обычай кровной мести возник у горцев Кавказа во времена родового строя. Но уже в феодальную эпоху размер её выкупа (**туджы аргъ** «цена крови»; «вира»; «возмещение за кровь») ставится уже в зависимость от сословно-классовой принадлежности обиженного (**тугисæг/тогесæг** «кровомститель», «мститель за кровь») и обидчика (**туджджын** «кровник, т.е. человек, находящийся в отношениях кровной мести с родом или семьей, член которых погиб от его руки или от руки представителей его семьи, рода»). Члены рода должны были оказывать друг другу помощь и защиту. В случае убийства на ближайших родственников убитого и на его других его родственников ложилось священное право и обязанность **туг райсын** «взять кровь» или **туг исын** «мстить за кровь».

Жертвой мстителя (**тугагуыр** «ищущий случая отомстить за кровь, или кровомститель») мог стать как сам убийца **марæг**, так и любой из его родичей (**æрвад**). В результате две фамилии или два рода становились кровниками — **туджджынтæ**.

Бывали случаи, когда кровников **туджджынтæ** удавалось при посредничестве авторитетных и красноречивых стариков примирить с соблюдением особого ритуала **туджы фынг/тоги цитæ** «букв. стол крови, т. е. пиршество, устраиваемое в знак примирения между кровниками» и уплатой выкупа **туджы аргъ** «цена крови»; «вира»; «возмещение за кровь». Заметим, что денежный выкуп достигал непомерно высокой цены. Иногда ради примирения отдавали девушку **цыты чызг** «девушка чести» тому, с кем становились кровниками.

Дело кровной мести было поставлено у осетин очень жестко, **тугдары** «кровника», «лица, над кем тяготеет кровная месть» не спрашивали о его виновности, считалось делом чести «взять цену крови» с тех, кто **туг дары** букв. «задолжал кровь, т. е. подлежит кровной мести».

Если сразу же или вскоре после убийства родственника неудавалось «вернуть его кровь» **йæ туг райсын**, то долг мести за кровь

(*туг фидын* «платить, возмещать за кровь») переходил по наследству.

Прогрессивными осетинами понималось, что кровная месть — одна из наиболее плачевных зол, которые мешают быстрому культурному развитию осетинского народа. Она — обычное явление в Осетии, влечет за собой гибель многих фамилий. Причиной кровной мести является в большинстве случаев какой-нибудь пустяк, «совершенно маловажное дело». Осетин не любит обращаться за помощью к правосудию, ибо он для этого, прежде всего, не обеспечен материально, он не может вести свое дело, предпочитая свою силу, ловкость и оружие правосудию» [Бритаев, 1911:386].

Ещё М.М. Ковалевский писал, что «никакие описания родовых междуусобий в песнях Эдды и Нибелунгах не в состоянии дать такого верного представления о <...> кровной мести, как сухой перечень фактов, делаемый протоколами медиаторского суда в Дигории или в Алагире» [Ковалевский, II. 1886:3].

Примечания

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л.: Наука, 1979.

2. Бритаев С.-Б. Кровная месть // Газ. «Терские ведомости», 1911. № 256.

3. Диасамидзе, Г.И. Убийство на почве кровной мести по Советскому уголовному праву (по материалам Аджарской АССР). АКД. Свердловск, 1974.

4. Инал-ипа Ш. Абхазы. Сухуми: Абгосиздат, 1960.

5. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон (Обычное право у осетин в историко-сравнительном освещении). Т. II. 1886.

6. Косвен М. Преступление и наказание в догосударственном обществе, М.-Л.: АН СССР, 1925.

7. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев: материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. II. Од. 1883.

8. Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1974.

9. Скитский Б.В. Хрестоматия по истории Осетии. Ч.1. Орджоникидзе. 1956.

10. Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе. 1972.

VI. ПОЛИТОЛОГИЯ

З. С. ДУЛАЕВА,
аспирант СОГУ им. КЛ. Хетагурова
(г. Владикавказ)

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XX-XXI ВВ.

В статье отводится внимание новым суверенным государствам, образовавшимся после распада СССР, их этнополитическим взаимоотношениям. Главной проблемой в исследуемой работе являются этнополитические конфликты, связанные с основами международного права — вопросами территориальной целостности государств и право народа на самоопределение. Вместе с тем, в статье проводится анализ предложений по вариантам разрешения конфликтов в регионе Южного Кавказа.

Ключевые слова: Южный Кавказ, этнополитический конфликт, дестабилизация, вооруженные столкновения, конфронтация, постбиполярный период.

ON THE ETHNOPOLITICAL CONFLICTS IN SOUTH CAUCASUS IN THE LATE TWENTIETH-XXI CENTURIES

In the article is given attention to the new sovereign States formed after disintegration of the USSR, their ethno-political relations. The main problem in the study are of ethno-political conflicts associated with the fundamentals of international law — territorial

integrity of States and the right of people to self-determination. However, the article gives the analysis of offers on the possibilities of conflict resolution in the South Caucasus region.

Keywords: *South Caucasus, ethnopolitical conflict, instability, armed conflicts, confrontation, post-bipolar period.*

После распада СССР на постсоветском пространстве, в частности в регионе Южного Кавказа, возникает этнополитическая дестабилизация, характеризующаяся социально-политическими, территориальными, конфессиональными и межнациональными противоречиями. Начало этнополитическим конфликтам на Южном Кавказе положила проводимая политика глав СССР по автономизации региона, которая шла вплоть до второй половины 80-х гг. XX в. Учреждение национальных автономий в союзных республиках Закавказья явились причиной возникновения этнических столкновений, так как при их создании не были учтены этнокультурные, демографические, конфессиональные и иные особенности. Отсутствие взвешенной национальной политики, а также игнорирование центром вопроса по разрешению сложившейся ситуации привели к замораживанию комплекса проблем этнополитического характера в регионе [1,103]. В данной статье проводится анализ возникновения, стадии развития и современное состояние этнополитического кризиса в регионе Южного Кавказа на основе которого дается попытка дать свой взгляд видения по урегулированию и стабилизации конфликтного состояния южно-кавказского региона.

В современное время при сложившихся обстоятельствах в регионе Южного Кавказа, следует согласиться с российским политологом С. М. Маркедоновым, что понятия «Кавказ» и «конфликты» в постсоветский период стали синонимами. Начиная с конца восьмидесятых годов XX века, Кавказ стал одним из регионов евразийского континента, где отмечались наиболее острые этнополитические конфликты и войны. Из восьми вооруженных этнополитических и гражданских конфликтов на постсоветском пространстве шесть имели место в Кавказском регионе [2]. Однако на современном этапе ученые-аналитики окончательно оформленными этнополитическими конфликтами на Южном Кавказе выделяют три: Нагорно-карабахский, грузино-абхазский и югоосетинский конфликты. Для южно-кавказского региона наличие сложных этнических проблем и противоречий трансформирующиеся в вооруженные конфликты являются свойственные этому региону, поскольку формирование этнических групп не всегда зависело

от существования собственного государственного образования. Во многом важную роль в развертывании этнополитических конфликтов сыграли политические элиты региона. Конец 80-х гг. XX в. ознаменовался политической либерализацией СССР, ослабившим абсолютный контроль тоталитарного режима и приведший к активизации региональных политических элит на Южном Кавказе. На начальных этапах деятельность региональных политических элит носила умеренный характер, но вскоре игнорирование центром требований автономных образований привело к отдалению от Союзных органов власти региональных сил и частичной радикализации политических движений в Карабахе, Абхазии и Южной Осетии. Среди множества обостряющих факторов, бывали случаи, когда политические лидеры являлись зачинщиками и провокаторами, приводившие к усилению этнополитической дестабилизации в регионе. Таким примером служит гражданский марш в г. Цхинвал, инициированный президентом З. Гамсахурдиа в ноябре 1989 г., шедший под эгидой «защиты грузинского населения» от попыток Верховного Совета Южно-Осетинской автономной области изменить свой автономный статус. Итогом, которого стала первая возникшая конфронтация между грузинскими демонстрантами и осетинами [3, 26]. Следует отметить, что активное воздействие в развертывании конфликтов на Южном Кавказе оказывали миграционные процессы, отмечающиеся в 50–70-е гг. XX в. Демографическое изменение ситуации воспринималось между конфликтующими сторонами достаточно болезненно, и явилось существенным показателем межэтнических противоречий в регионе.

Что касается религиозного фактора, то он занимает значительное место в этнополитических конфликтах. Однако, если конфессиональная составляющая в определенной мере присутствовала в грузино-абхазском и в карабахском конфликтах, то в грузино-осетинском противостоянии ввиду того, что и осетины, и грузины являются приверженцами христианства православного толка, религиозный фактор отсутствовал полностью. Эти особенности еще раз отмечают, насколько специфичным является Кавказ с ее пестрым многонациональным, этническим, языковым и культурным разнообразием и для урегулирования кризиса такого разнородного и противоречивого региона требуется универсальный подход. Таковыми являются причины и этапы развития этнополитических конфликтов на Кавказе. Каково же современное состояние и важность урегули-

рования этнополитических конфликтов для российской и мировой общественности? Существуют ли пути их разрешения, и какие государства способны стать посредниками по урегулированию конфликтного состояния региона? На эти и другие вопросы дается попытка дать ответ в предлагаемой статье.

Россия, как правопреемница Советской власти, играла и играет роль главного посредника в урегулировании замороженных конфликтов, будь то Нагорный Карабах, Абхазия или Южная Осетия.

В самом длительном и кровопролитном из всех этнополитических противостояний постбиполярного периода — Нагорно-карабахском, Россия занимает сторону своего стратегического партнера — Армении. На современном этапе этот конфликт является формально замороженный, однако при неблагоприятных обстоятельствах способен перерасти в крупное противостояние регионального масштаба. В этой связи необходимо в скорейшем времени наладить политический диалог конфликтующих сторон, посредством неформальных обязательств и решить тем самым спорные вопросы [4,50].

Что касается российско-грузинского диалога, то после распада СССР наблюдается явная противоречивость двусторонних отношений. Если при националистически настроенном президенте Грузии З. Гамсахурдиа взаимоотношения между двумя государствами не складывались, то его преемник Э. Шеварднадзе пытался договориться с Москвой по вопросам урегулирования грузино-абхазского конфликта. Однако Абхазия не собиралась идти на уступки Тбилиси, а Москва не считала нужным оказывать воздействие на нее. Так, с середины 1990-х гг. Шеварднадзе начал ориентироваться на США, что привело к ухудшению отношений между Россией и Грузией. При правительстве М. Саакашвили российско-грузинский диалог дал свое развитие, но ненадолго. Россия проявляла готовность урегулировать конфликты Грузии с Абхазией и Южной Осетией. Но явная антироссийская направленность Саакашвили, проводимая им военная полицейская операция по борьбе с югоосетинскими контрабандистами, а также стремление вступить в НАТО, ухудшала отношения между двумя государствами [5,139-141]. К тому же вспыхнувший вооруженный конфликт в августе 2008 г. на Южном Кавказе, создал второй фронт в противостоянии России и Грузии. Москва встала на защиту русскоязычного населения Южной Осетии в вооруженной агрессии Грузии.

Возникшая конфронтация между Россией и Грузией стали рубежом между прежним состоянием дел на Южном Кавказе и новыми реалиями. Неспособность и нежелание Грузии мирным путем разрешить грузино-южноосетинский и грузино-абхазский конфликты создали тупиковую ситуацию. В Тбилиси рассчитывали на быструю победу, переоценив возможности влияния США и Евросоюза на Россию. Однако положение дел стали совсем иными. Южная Осетия и Абхазия получили признание независимости со стороны России, а вскоре и со стороны некоторых других стран. На сегодняшний день на территории Южной Осетии, Нагорного Карабаха и Абхазии не ведутся активные военные действия и их вполне можно считать «замороженными». Однако попытки окончательного урегулирования конфликтов международными организациями (ООН, СНГ, ОБСЕ и т.д. [6,75-83] не прекращаются. Это связано с угрозой возобновления вооруженных столкновений, т.к. эскалация этнополитической ситуации в регионе чрезвычайно высока.

Таким образом, в ходе переговоров выдвигаются различные варианты решения этих проблем:

1. Автономия Абхазии, Южной Осетии в составе Грузии и Нагорного Карабаха в составе Азербайджана;
2. Федеративное по названию, но конфедеративное по существу государственное образование в составе, соответственно, Грузии, Абхазии и Южной Осетии; Азербайджана и Нагорного Карабаха с равными правами сторон;
3. Полная независимость Абхазии, Южной Осетии от Грузии и Нагорного Карабаха от Азербайджана [7,88].

Так, Азербайджан и Грузия являются заинтересованными в сохранении своей территориальной целостности. Поэтому их, естественно, устраивает только первый вариант и для его реализации они готовы на повторные действия силового характера. Абхазия, Нагорный Карабах и Южная Осетия, добиваясь полной независимости, отдают предпочтение третьему варианту, заявляя при этом о готовности вести переговоры по второму варианту.

Подводя итог, важно отметить, что вне зависимости от выбора механизмов урегулирования этнополитических конфликтов Закавказья, важно учесть их специфическую природу и в связи с этим выработать универсальный подход для каждого из них и только таким образом, возможен выход из кризисного состояния региона.

Примечания

1. Смолянский В.Н. Национальные конфликты в СССР и СНГ (1985-1992 гг.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. С. 103.
2. Маркедонов С.М. Сепаратизм на Большом Кавказе в постсоветский период: предпосылки, итоги перспективы//Актуальные проблемы Европы.–2009.–№ 3.
3. Южная Осетия: кровь и пепел/Сборник АНТИ. Владикавказ: «Ир», 1991. С. 26.
4. Аршев А.Г. «Внешний фактор» на Кавказе и российско-армянское сотрудничество // Россия и Армения: перспективы углубления стратегического партнерства (Москва, 12 марта 2010 г.): материалы круглого стола/под ред. Д. А. Александрова. М., 2010. С.50.
5. Тренин Д.М. Post-imperium:евразийская история. М.2012.,С.139-141.
6. Россия и Закавказье в современном мире/Под ред. М. Авакова, А.Г. Лисова. М., ИМЭМО РАН, 2002. С. 75-83.
7. Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа.М.: «Международные отношения», 2001. С. 88.

**Р.К. КЕЛЕХСАЕВ,
соискатель СОИГСИ
(г. Владикавказ)**

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ МОЗДОКСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ — АЛАНИЯ)

*В статье рассматривается конфессиональная обстановка в **Моздокском районе** Республики Северная Осетия-Алания, который изначально формировался как полиэтническое и поликонфессиональное образование. На основе экспертного опроса сотрудников городской и районной администраций, руководителей религиозных общин и глав национально-культурных обществ анализируются конфессионально — государственные и межконфессиональные отношения, сложившиеся в начале 2000-ых годов.*

Ключевые слова: миграции, этнические группы, православие, ислам, пятидесятники, баптисты, иеговисты, адвентисты, крещенные кабардинцы, национально-культурные организации, государственно-конфессиональные отношения.

RELIGIOUS SITUATION IN A MULTICULTURAL REGION (FOR EXAMPLE MOZDOK DISTRICT REPUBLIC OF NORTH OSSETIA — ALANIA)

The article considers the confessional situation in Mozdok district of North Ossetia-Alania, which was originally formed as a multiethnic and multi-confessional education. On the basis of the expert survey of employees of city and regional administrations, community leaders and heads of national cultural societies analyzed confessional — public and interfaith relations established in the early 2000s.

Keywords: migration, ethnic groups, Orthodoxy, Islam, Pentecostals, Baptists, Jehovah's Witnesses, Adventists, baptized Kabardinians national-cultural organizations, state-confessional relations.

Конфессиональная ситуация в Моздокском районе Республики Северная Осетия-Алания определяется миграционными процессами и связанными с ними изменениями этнической карты района.

По численности и влиянию на государственную и общественную жизнь ведущие позиции занимает православная вера и ее носители. Достаточно сильны и позиции мусульман, численность которых резко увеличилась в последние годы в результате миграционных передвижений. Далее (по убывающей) находятся пятидесятники, баптисты, иеговисты, адвентисты. Здесь же проживает уникальная этническая группа крещенных кабардинцев, сохраняющих свою конфессиональную самобытность.

Нужно отметить, что численность представителей конфессий в АМСУ Моздокского района определяется по этническому принципу, т.е. по традиционной конфессиональной принадлежности представителя этноса. Все подсчеты строятся не на индивидуально заявленной конфессиональной приверженности, а на некоем огульном зачислении в мусульманскую общину представителей этносов, традиционно придерживающихся исламской традиции. Такая методика порождает недоверие и споры между представителями православного и мусульманского духовенства и сомнения исследователей [1, 20].

Эксперты отмечают уменьшение в начале 2000-ых годов удельного веса православного населения и соответственно увеличение доли мусульман в Моздокском районе. Сотрудниками администрации была дана следующая оценка конфессиональной обстановки в районе: иеговисты и пятидесятники изолируют своих последователей от социума, а мусульмане несут потенциальную угрозу терроризма [5, 1-4]. Данная оценка, полагаем, дана по следующим причинам. В АМСУ большую озабоченность вызывает увеличение численности в районе чеченцев, кумыков и ингушей. Поскольку последние традиционно мусульмане, то ислам автоматически причисляется к конфликтогенным факторам. Деятельность пятидесятников и иеговистов в районе находится под жестким контролем — свидетелям Иеговы запрещена проповедь, а пресвитерианская церковь «Еммануил» лишена регистрации как юридическое лицо. Эти действия в отношении названных общин были предприняты в связи с нарушением последними законодательства и неоднократными жалобами на них жителей района.

Эксперты также высказали озабоченность тем, что «этническое лицо города и района изменяется кардинально», за последние три года из района выехало 903 коренных жителей, т.е. русских и осетин [5, 6].

В Моздоке проживает 2000 кумыков и 1850 чеченцев, в Кизляре — 12,5 тысяч кумыков. Селение Хурикау преимущественно ингушское. Таким образом, приблизительное число мусульман в районе можно оценить минимум в 16 тыс. человек. При численности населения района в 89 тыс. жителей мусульмане составляют около 18% населения района [2]. Селение Предгорное — кумыкское, моноэтническое и моноконфессиональное. Глава села одновременно является заместителем сельского муфтия. Мусульмане (чеченцы и ингуши) активно лоббируют свои интересы, в том числе и в сфере реализации конфессиональных свобод, причем стремятся делать это не только на районном и республиканском уровнях, но и на федеральном уровне. Действительно, впервые в истории Моздока была создана мечеть, несмотря на возмущение немусульманского населения города. Официально она открывалась как духовная школа, фактически выполняет функции мечети. По документам же мусульманские общины зарегистрированы только в селении Кизляр. Богослужения происходят совместно для кумыков и чеченцев, но последние склонны к обособлению; в Кизляре построено две мечети и ставится вопрос о постройке третьей [8,2].

Корейцев в районе проживает около полутора тысяч. Некоторая их часть (около трети) вовлечена в религиозную жизнь в рамках пресвитерианской церкви Еммануил. Проповедники приезжают из КБР — городов Майский, Прохладный, т.е. бывших казачьих станиц с преобладающим русским населением. Пресвитерианская церковь дважды (в 2003 и 2005 гг.) упразднена как юридическое лицо, однако продолжает свою деятельность.

В районе также действуют, несмотря на официальный запрет, свидетели Иеговы, которые распространяют свою литературу и проповедуют.

Администрация района оказывает поддержку православным приходам в станицах Павлодольской, Терской и в самом городе Моздок. Большинство армян, проживающих в районе, исповедуют православие. Отметим, что единственная действующая в настоящее время церковь в Моздоке, ранее была армянской, а во второй половине 40-х годов XX века здание храма было передано РПЦ.

АМСУ Моздокского района сетует на отсутствие сформулированной конфессиональной политики. Не имея полномочий регулировать деятельность религиозных групп, администрация видит вы-

ход из положения в расширении полномочий в этой сфере, а также в придании Моздоку статуса «закрытого города» [5, 6].

Эксперты из числа православного духовенства считают, что обстановку в настоящее время можно назвать стабильной, хотя и напряженной: существует конфликт между носителями исламской традиции и православными, носящий не межконфессиональный, а скорее межэтнический характер, имея ввиду противостояние русских и кумыков [7,2].

Отток русского населения автоматически означает уменьшение удельного веса православного населения, а также баптистов [9,86]. Есть сведения о наличии в районе исламских проповедников экстремизма; признается активность баптистов, пятидесятников, начинают действовать иеговисты, в меньшей степени — адвентисты.

Число прихожан, регулярно посещающих воскресные богослужения в Моздокской церкви, возраставшее с начала 90-х гг., в настоящее время постоянно и составляет около 150 чел.; при церкви действует воскресная школа, которую посещают около 60 детей; во 2-ой СШ Моздока преподается курс «Основы православной культуры». Православное духовенство активно взаимодействует с воинскими частями, расквартированными в Моздоке, солдаты и офицеры регулярно приходят на службы. Духовенство поднимает вопрос о Моздокском Свято-Успенском храме, который требует реконструкции; при нем возводится новое церковное здание. Контакты с районной администрацией ограничиваются редкими встречами на общем собрании, которые признаются не эффективными. Ставится вопрос и о создании координационного совета по взаимодействию с конфессиями при районной администрации. Духовенство высказывает администрации пожелание — вести более активную политику в сфере конфессиональных отношений. С другими религиозными общинами приходы района отношений не поддерживают [7,3].

Эксперты из числа мусульман считают, что администрация сел. Кизляр и Предгорное оказывает поддержку мусульманам, составляющим подавляющее большинство жителей этих населенных пунктов. Их религиозная жизнь активна, уразу держат. В хадж отправляются в основном жители Кизляра и Моздока. Молодежь посещает мечеть, но влияние у имама признается слабым. Мусульмане настаивают на том, что ситуацию внутри общины контролируют самостоятельно [6,2]. С ДУМСО они связь не поддерживали. Однако с приходом 17 марта 2011 года нового руководства ДУМСО в лице муфтия

Х. Гацалова и его сторонников, мусульмане стараются действовать более согласованно не только в рамках своей конфессии, но и с православной церковью, с общественными организациями [9, 88].

Экспертный опрос глав национально-культурных центров — чеченского и кумыкского — также помог прояснить ситуацию внутри мусульманской общины района. Выяснилось, что эксперты — чеченцы оценивают конфессиональную ситуацию положительно. При этом считают, что АМСУ должна оказывать нам поддержку в свободной регистрации чеченцев на постоянное место жительства в районе, наделении глав национально-культурных обществ дополнительными полномочиями. Декларируется солидарность с представителями других мусульманских общин, прежде всего кумыкской, а также заявлено, что поступающая в район религиозная литература проверяется имамом (кумыком) на предмет наличия экстремистских высказываний. Однако выявлено, что в ряде публикаций в газетах «Да'уа» и «Минарет», которые бесплатно распространяются в мечетях района, содержались сомнительные по содержанию призывы. Ставится вопрос об открытии медресе в Моздоке.

Эксперты-кумыки признали факт религиозной нетерпимости, но считают, что это провоцируется непродуманными действиями властей. Имам Моздокской мечети получил образование в Египте, часть молодежи (25-30 чел.) училась в духовных заведениях Сирии. В 2005 г. в хадж из района отправилось до 50 человек. Приобщение молодежи к исламу понимается как возможность уберечь ее от пороков общества. По заявлению экспертов, специалисты для преподавания религиозных дисциплин и средства для строительства мечети в городе имеются. Влияние лидеров НКО на ситуацию в конфессиональной сфере расценивают как незначительное. Есть примеры «добровольно-принудительного» обложения мусульман на строительство мечетей со стороны лидеров мусульманской общины. Высок мобилизационный потенциал мусульман. Ситуация внутри уммы со стороны не отслеживается, даже ДУМСО. Мусульмане склонны к обособлению. Центр религиозной жизни (здесь находятся кладбище, халяльные лавки, продается специальная литература) в районе — пока селение Кизляр, но предпринимаются активные меры для создания условий нормального отправления религиозных потребностей мусульман в районном центре [8,3].

По отношению к пятидесятникам (Российская церковь христиан веры евангельской «Еммануил») администрация проявляет

жесткость. Если в начале 90-х отношения с АМСУ были нормальными, то сейчас говорится об их ухудшении. После мер, предпринятых АМСУ в отношении церкви «Еммануил» численность прихожан резко сократилась (приблизительно с 1 тыс. до 400 чел.). Некоторое время действовал медицинский центр по оказанию помощи детям и неврологическим больным, по поводу законности деятельности которого у АМСУ возникал ряд вопросов, после чего она была пресечена.

Баптистская община — одна из старейших в Северной Осетии, действуют с 1882 г. В городе Моздок существуют две общины, но они не взаимодействуют. Религиозность населения ниже, чем в 1990-х гг. Сформировался постоянный приход — около 100 человек, преимущественно женщины. Молодежи среди прихожан немного; на собрания по разбору Священного Писания члены общины приводят своих детей; с другими протестантскими группами община не контактирует. Религиозная община находится в сознательной общественной самоизоляции. Миссионерской деятельности она не ведет, проблем с администрацией не имеет, к приверженцам ислама проявляет повышенную настороженность. В отношении администрации высказывается просьба — сохранение положений законов, гарантирующих свободу совести и равные права религиозных объединений в соответствии с Конституцией РФ [5,4].

Таким образом, из проведенного исследования следует, что Православная Церковь поддерживает политику, проводимую администрацией района в отношении мигрантов и этнических групп. Мусульмане (кумыки, чеченцы, ингуши) выступают за изменение этой политики в сторону большего внимания к названным этническим группам. Протестантские организации в Моздокском районе немногочисленны и на жизнь района влияют слабо. Единственный механизм влияния на конфессиональную жизнь, который есть у администрации, это возможность выделения/невыделения земли для постройки культовых зданий. Однако то, что мусульмане и иеговисты организуются не только в специальных зданиях, но приспособляют частные домовладения, заставляет признать этот рычаг малоэффективным. Также АМСУ пытается воздействовать на деятельность мусульманской общины посредством Дома дружбы, но, поскольку там представлены этнические, а не конфессиональные лидеры, этот рычаг также малоэффективен.

Конфессиональная ситуация в Моздокском районе с начала

2000-ых годов определялась как угрожающая, на настоящий момент эксперты склонны оценивать ее как сложную и требующую постоянного мониторинга.

Примечания

1. Апполонов А. И. Роль толерантности в осмыслении значимости этнокультурной идентичности (на примере студентов полиэтничного региона) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота, 2014. № 1. Ч. 1.

2. Итоги всероссийской переписи населения 2010. <http://www.perepis-2010./results-of-the-census/results-inform.php>

3. Канукова З. В. Федосова Е. В. Этнокультурное пространство Северной Осетии: историко-социологический анализ. Владикавказ, ИПО СОИГСИ, 2011. 296 с.

4. Канукова З. В. Хубулова С. А. Религия в истории и культуре полиэтничного города (Владикавказ во второй половине XIX-начале XX в.)

5. Полевой материал автора, фокус — группа с сотрудниками администрации местного самоуправления Моздокского района Республики Северная Осетия-Алания. Моздок. 11.12.2012.

6. Полевой материал автора, фокус — группа с представителями исламского духовенства Моздокского района Республики Северная Осетия-Алания. Моздок. 16.12.2012.

7. Полевой материал автора, фокус — группа с представителями православного духовенства Моздокского района Республики Северная Осетия-Алания. Моздок. 16.12.2012.

8. Полевой материал автора, фокус — группа с представителями глав чеченского и кумыкского национально-культурных центров Моздокского района Республики Северная Осетия-Алания. Моздок. 15.12.2012.

9. Северный Кавказ: взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития. Под ред. А. Г. Матвеевой, А. Ю. Скакова и И. С. Савина. Москва: Институт востоковедения РАН, 2012.— 172 с.

**М. Х. АМШОКОВА,
КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)**

**СИНТЕЗ И КОНФЛИКТ
РЕЛИГИОЗНОГО И ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ
СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ
(КОНЕЦ XX — НАЧАЛЕ XXI В.)**

В данной статье рассматривается синтез и конфликт религиозного и этнического самосознания северокавказских народов в современный период. Отмечены причины конфликтных ситуаций между этнической и религиозной идентичностью. Также рассматривается насколько взаимодополняют друг друга эти две идентичности. Определена цель статьи и проблемное поле.

Ключевые слова: *религия, религиозное самосознание, этническое самосознание, хабзизм, культурогенез, политизированность, фундаментализация религии, маргинализированность.*

**SYNTHESIS AND CONFLICT OF RELIGIOUS AND ETHNIC
IDENTITY NORTH CAUCASIAN PEOPLES (XX-XXI)**

In this article synthesis and the conflict of religious and ethnic consciousness of the North Caucasian people during the modern period is considered. The reasons of conflict situations between ethnic and religious identity are noted. Also it is considered as far as these two identity complement each other. Definite purpose of article and problem field.

Key words: *religion, religious identity, ethnic identity, Chartism, politicized nature, fundamentalization religion, marginaliziranih.*

Современное религиозное сознание народов Северного Кавказа во многом связано с борьбой за вырождение религиозности на протяжении советской эпохи. Вслед атеистической пропаганды на религиозное сознание народов стали влиять современные процессы глобализации социально-экономического пространства [6, 42].

Для этих процессов, прежде всего, характерно развитие национального самосознания и религиозности. Довольно часто этниче-

ские и религиозные факторы в значительной мере дополняют друг друга. И необходимо отметить, что нельзя упускать то, что национальные и религиозные традиции веками сосуществовали и на их развитие полное влияние оказывали геополитические, исторические, экономические и военные причины. Таким образом, традиционная географическая, этнографическая и культурно-психологическая общность региона сегодня дополняется геополитическим единством, что ярко проявляется во взаимозависимости политических, экономических, этнических и религиозных процессов. Но вместе с тем причиной дезинтеграционного явления послужило сегодняшнее религиозное противостояние [4].

Наиболее общей базовой характеристикой религиозной идентичности является **состояние религиозности**. Оно синтезирует качественно-количественную определенность уровня, степени и характера религиозности в их единстве и устойчивом сочетании с личностным восприятием своей принадлежности к данному мировоззрению. Для раскрытия ее состояния используются не только результаты опросов (особенно, когда речь идет о состоянии религиозности в стране, крупном этническом регионе и т.д.), но и анализ процессов, происходящих в массовом религиозном сознании и религиозной идеологии. Раскрытию религиозной идентичности способствует представление о конфессиональной структуре населения, направленности, характере и интенсивности деятельности религиозных организаций, объединений верующих, их влияние на окружающую социальную среду. Именно такой подход и позволяет более реально оценить состояние религиозной идентичности, которая достаточно противоречива и неоднозначна. Религиозную идентичность можно определить через весь диапазон отношения людей к религии: от религиозности (разных форм и интенсивности) — через колебания в вере (неопределенность отношения к религии, индифферентность) — до неверия и атеизма.

В нашей стране произошло сближение понятий национальная и религиозная идентичность, которые взаимно покрывают друг друга, в свою очередь порождая весьма сложные взаимосвязи в общественном сознании и социальной практике [7, 49-50].

В Российской Федерации проблема формирования идентичности стоит особенно остро, так как российская идентичность чрезвычайно дифференцирована и неустойчива. Осознавая и переживая свою принадлежность к пересекающимся множествам, индивиды,

социальные группы и общества становятся носителями сложной, множественной идентичности. Поэтому все чаще обсуждается проблема кризиса или «утраты» идентичности [3].

Внимание многих исследователей всегда привлекал Северный Кавказ, темой изучения были проблемы истории, культуры и этнографии северокавказских народов. В ходе возникших в последнее десятилетие национальных противостояний и конфликтов в данном регионе они обращают внимание в основном на этнополитические проблемы, а меньше всего культурным и этнокультурным проблемам. И, несмотря на это, этническая культура народов Северного Кавказа является неотъемлемой частью духовной культуры современного общества, вопросы, касающиеся формирования национального самосознания имеют чрезвычайно важное научно-теоретическое значение [8].

Прошедшая Олимпиада в Сочи вызвала серьезный рост Черкесского национального движения. В то же время, она вызвала или усилила внутри черкесского движения серьезные дискуссии, в том числе и относительно роли религии в истории и культуре народа, а также в его будущем.

Основная цель черкесских организаций, в частности «Черкесского конгресса» — это восстановление единства черкесского народа на его исторической родине. Черкесское движение стремится уйти от результатов советского национал-социализма, которое привело к формированию отдельных адыгских народов: черкесов, кабардинцев, адыгейцев и шапсугов. Конечно, миф о едином черкесском народе апеллирует к некогда существовавшей Черкесии, которую населял черкесский народ. В то же время возникает вопрос духовной основы этого единства, поиски которого среди адыгов все еще не закончены. Выбор, как правило, оказывается между двумя идеологическими системами: исламом, который собственно и был знаменем черкесского сопротивления экспансии Российской империи в XIX веке, и изобретаемым «родноверием» в виде хабзизма. Несмотря на очевидную объединяющую и мобилизующую роль, которую ислам играл в истории адыгов, практически ни один документ черкесских национальных движений не апеллирует к исламу и не говорит о нем как об одной из культурных основ этнической идентичности [9].

Однако в целом позиция по исламскому политическому проекту на Северном Кавказе у руководителей черкесского национально-

го движения отрицательная. Они не видят Черкесию ни в качестве исламского государства, ни в качестве вилаята «Имарата Кавказ». Черкесия для них — вполне самостоятельное и самодостаточное объединение всех этнических черкесов на исторической Родине. Это главная цель. Весьма примечательна была полемика вокруг фигуры Султана Сосналиева, кабардинца, который был в свое время министром обороны и вице-премьером Абхазии, генералом Вооруженных сил Абхазии. После интервью одного из лидеров исламистов Анзора Астемирова, которое он дал весной 2009 года, развернулась дискуссия о том, кем он все-таки был — выдающимся национальным деятелем или все же примкнул к исламскому крылу. Исламистам было очень важно подчеркнуть факт якобы имеющегося перехода на их сторону, в качестве политики выбивания почвы из-под этнического национализма и перевода движения на исламские рельсы. Они показывают, что даже такие деятели переходят на их сторону. И называют язычеством то, что составляет этническую культуру адыгских народов.

Итак, ислам как идеология черкесского национального движения сегодня невозможен. Многие черкесские лидеры считают ислам как минимум мешающим национальной консолидации адыгов, а часто и просто чуждым адыгам. Естественно шел процесс поиска альтернативы, которая была найдена в духовной культуре самих черкесов, как ее понимает черкесская интеллигенция. В последнее время мы являемся свидетелями изобретения «исконной» черкесской религии, хабзизма, который противопоставляется «чуждому» исламу. В конструировании хабзизма активно участвует адыгская интеллигенция, в том числе используются труды ученых, которые описывают в своих трудах реконструируемые обычаи и обряды, связываемые с доисламскими временами (Барасби Бгажноков, Аслан Ципинов) [9].

К сожалению, сегодня трудно сказать, насколько широко распространен хабзизм, и насколько глубоко разбираются в его философии те, кто считает себя его последователями. Существуют самые разные оценки. Один из молодежных лидеров черкесского движения из Карачаево-Черкесии считает, что значительная часть черкесской националистической молодежи отвергает ислам и переходит в хабзизм. Это, в частности, находит выражение в смене мусульманских имен и фамилий на «традиционные» адыгские. По мнению этого лидера, до 70% лидеров черкесского движения нахо-

дятся на позициях хабзизма. Конечно, это явное преувеличение, но то, насколько серьезную озабоченность проникновением хабзизма выражали даже официальные и достаточно умеренные исламские лидеры, говорит о том, что проблема как минимум существует.

Полевые исследования, проведенные А. Ярлыкаповым в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее, позволяют сделать вывод о том, что противостояние по линии «исламист — хабзист» постепенно набирает обороты. По крайней мере, обсуждение проблемы религиозного выбора вышло на широкий уровень, а официальные исламские лидеры в интервью выражают серьезную обеспокоенность деятельностью хабзистов. О накале противостояния свидетельствует также и то, что в нем есть уже и погибшие: Аслан Ципинов, наиболее активный деятель хабзистов, был убит предположительно исламскими радикалами в декабре 2010 года [9].

Таким образом, религиозный фактор играет заметную роль в Черкесском национальном движении. Дискуссии относительно религиозного выбора свидетельствуют о секулярном характере этого движения, которое ищет одну из идеологических опор в религии: исламе, который исповедует большинство адыгов, или конструируемом хабзизме. Причем попытки некоторых лидеров опереться на конструируемое «родноверие» в виде хабзизма ведут не к консолидации, а к еще одной линии разлома в и без того разношерстном черкесском движении. За последние 10 лет противостояние «исламистов» и «хабзистов» стало настолько ожесточенным, что даже самые яростные сторонники хабзизма признают опасность дальнейшей эскалации противостояния для единства черкесского движения [9].

В 90-е годы наблюдается рост религиозности, это явление дало возможность многим ученым говорить о так называемом движении «духовного маятника», когда после пребывания в «атеистическом положении», этот маятник начал движение в обратном, «религиозном» направлении.

Религиозное толкование мира является способом завладения миром, исследование всех смыслов окружающей действительности. Верование обеспечивает религиозное смыслоозначение повседневной жизни людей, и задает иерархически построенную систему норм, в соответствии с которой одни действия разрешены, другие запрещены, и тем самым определяет моральные позиции по отношению к миру. Религиозность также является побудитель-

ной силой, мотивом определенного рода социального действия, направленного на овладение миром. Кроме того, религия воспитывает у своих последователей способность рационализации окружающей действительности.

Показания социологических исследований отмечают, что, в отличие от других регионов страны, население Северного Кавказа в подавляющем большинстве является верующим, причем не формально принадлежащими к определенной конфессии, а активными исполнителями необходимых обрядов и церемоний. Социологическое исследование, которое провел Крицкий в 1997 году по религиозному вопросу в этом регионе дали следующие результаты: уровень верующих среди чеченцев — до 97%, ингушей — 95%, карачаевцев — 88% [5]. Также социологический опрос был проведен в 2010 году И. Текушквым и К. Шевченко, которые дали следующие результаты: Чечня, Грозный — 81% опрошенных считают, что ислам играет большую роль в их жизни; Нальчик, Кабардино-Балкария — 36% опрошенных каждый день совершают молитву; Назрань, Ингушетия — 80% удовлетворены соблюдением прав мусульман в Ингушетии; Махачкала, Дагестан — 90% отрицательно относятся к ваххабизму; Черкесск, Карачаево-Черкесия — 32% не удовлетворены соблюдением прав мусульман в Карачаево-Черкесии [2, 189].

Необходимо отметить, что не только объективные исторические факторы обусловили высокий уровень религиозного самосознания северокавказских народов, этому послужили и еще другие причины. Так, как уже ранее отмечалось, что в течении последнего десятилетия XX века по всей территории России наблюдался процесс фундаментализации религии, первоначально ислама, нарастала ее роль для политической и этнической мобилизации. Началось распространение различного рода конфликтов, которые входили в рамки религиозных организаций, началось развитие сектантства. В большей степени распространение этих экстремистских вероучений происходит среди мусульманских народов Северного Кавказа [5].

В современном мире наблюдается рост межконфессионального противостояния, основная причина, которая заключается в существовании определенного временного разрыва и несоответствие между различными формами организации общества. Сопротивления каким-либо изменениям и попыткам сохранить свою идентичность приводит к появлению и росту движений, основывающиеся

на «обоснованные» доказательства своей уникальности и правоты. В данной ситуации это является наиболее характерным оправданием для ислама.

Таким образом, следствием благоприятных условий для распространения в Российской Федерации различных форм политического насилия, основными методами которые стали диверсия, террор, захват заложников послужили кризисные процессы СССР и впоследствии ее распад, системный кризис в России и идеология потребительства. Для достижения своих целей часто используется исламское прикрытие. Необходимо подчеркнуть, что ислам как религия не является фактором политического насилия. В большинстве случаев он оказывается лишь формой, в которую это насилие выражено. В настоящий момент достаточно велика угроза использования ислама для политического насилия в регионах традиционного распространения данной религии [5].

На Северном Кавказе религия стала принимать полнокровную жизнь, и в связи с этим самое пристальное внимание следует обратить государству на тенденции и условия исламского возрождения, также на трудности, с которыми сталкивается Русская Православная Церковь в зоне военного конфликта. Следует отметить, что возможности и степень влияния православия достаточно велики, и теперь следует крайне взвешенно подходить к вопросу религии особенно в условиях исламского прозелитизма. Данный подход позволит избежать увеличения межконфессионального напряжения, в основном это было связано с проблемами этнонационального развития северокавказских народов.

90-е гг. XX века значительно тем, что начинают приобретать влияние различные этнорелигиозные политические течения в ряде регионов страны, которые непосредственно выражают интересы не одного, а группы этносов, которые объединены общей идеей и идеологией [5].

Формирование национального самосознания и уникальной, оригинальной этнокультуры народов Северного Кавказа ограничивалась и ограничивается до настоящего времени двумя негативными факторами. Это миграционные процессы и так называемый «посттравматический синдром», который появился во всех слоях общества после чеченской войны [8].

Л. Н. Гумилев писал, касаясь социальных проблем этносов: «Химера — это сосуществование двух или чуждых этносов в одной эко-

логической нише. Обычно химеры — последствия миграции и, как правило, неустойчивы» [1, 157].

Негативные акции, которые были вызваны официальной государственной идеологией и связанные с ними процессы миграции, а также насильственное переселение целых народов, привели к манкуртизации, к утрате нравственных ориентиров, к неразвитому их национального самосознания, к неполноценному сознанию людей. Для таких людей культура как тип социальной памяти, как форма трансляции социального опыта и способ социализации личности была мертва. С этим нельзя не согласиться, когда речь идет о формировании национального самосознания и возрождения этнокультур [8].

По сей день в России нет официального определения диагноза «посттравматический синдром», поэтому его лечением не занимаются, хотя ученые уже бьют тревогу, пишут о коварном характере посттравматического синдрома, о его отрицательном влиянии на окружающих, на формирование качественного национального самосознания. Психологи объединили симптомы посттравматического синдрома в три основные группы. Первая — это навязчивые переживания. Они возникают у человека внезапно, не спровоцированные никакими реальными ситуациями настоящей жизни. Крайняя степень таких переживаний — полное погружение в прошлое. Вторая группа — симптомы избегания, когда человек избегает всего, что напоминает ему о войне. Мысли о ней могут заглушаться всеми доступными средствами: от алкоголя до наркотиков. Для этих людей важна социальная реабилитация, возвращение их в нормальную жизнь. Третья группа — симптомы повышенной физиологической возбудимости: вспышки гнева, агрессивность, реакция настороженности. Со временем посттравматический синдром не утихает, а наоборот, усиливается, появляется психологический страх [8].

В религиозном сознании народов Северного Кавказа сегодня можно выделить два религиозно-культурных, которые обладают культурогенным потенциалом, течения, в рамках которых можно выделить группы с субкультурными признаками, порождаемыми особенностями религиозных воззрений.

Первое течение условно можно определить как «мусульманское», второе — «традиционное». Последний термин, возможно, не совсем корректен, так как и ислам, и христианство для народов Северного Кавказа стали таким же «традиционным», как и народные

верования. Однако употребление термина «языческое» менее корректен в силу того, что сами северокавказцы в свои традиционные верования вкладывают монотеистические взгляды, относясь к термину «язычество» отрицательно, а термин, которым сегодня апеллируют исследователи, «неоязыческое», не охватывает все явление в целом.

Первое течение характеризуется стремлением к исповеданию ислама, второе пытается генерировать некое самобытное адыгское вероисповедание. Эти два течения характеризуются активностью культурогенеза, актуального и потенциального, внутреннего и внешнего. Следует отметить, что под внутренним культурогенезом подразумевается как происходящий внутри течений, так и индивидуально-личностный.

В рамках обозначенных течений можно подчеркнуть субкультурные признаки, в особой форме проявляющиеся у маргинализованных групп. Характерной чертой последних можно назвать, условно говоря, политизированность, выступающую в качестве маргинализирующего фактора [6, 56-57].

Таким образом, если рассматривать национальное самосознание как явление в системе общественного сознания и влияющие на них этнокультурные факторы, важно отметить, что национальное, этническое сознание — это сложный, длительный, противоречивый феномен.

Конфликт религиозной и этнической идентичности прослеживается во всех регионах Северного Кавказа, в ходе проведенных исследователями социологических исследований, так как в силу того что в современный период происходит возрождение религии повышается роль религиозной идентичности, а этническая идентичность отходит на второй план. Но не смотря на это, отдельные представители разных народов отстаивают преобладание этнической идентичности, в виду того что они опираются на обычаи и традиции, тем самым порождая конфликтные ситуации между народами.

Для развития религиозной и этнической идентичности необходим синтез, потому что объединение этих двух форм идентичности не противоречат друг другу, а являются взаимодополнением для познания человеческого мира в современном обществе.

Примечания

1. Гумилев Л. Н. Письмо в редакцию // Вопросы философии. 1989. № 5.
2. Ислам на Северном Кавказе: история и современность./Под ред. И. Текушева и К. Шевченко. Прага, MediumOrient, 2011.
3. Исламская и национальная идентичность на Кавказе // URL:http://islamtoday.ru/islam_v_rossii/islamskaya_i_nacionalnaya_identichnost_na_kavkaze/ — Дата доступа: 15.06.2014.
4. Папуашвили Т. К вопросу об основах религиозного экстремизма // URL: <http://www.ca-c.org/journal/cac-11-2000/03.papuashv.shtml> — Дата обращения: 5.05.2014.
5. Религия на Северном Кавказе // URL: <http://newsruss.ru/doc/index.php> — Дата доступа: 5.05.2014.
6. Таказов Ф. М. Генезис религиозных воззрений народов Северного Кавказа. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009. 211 с.
7. Тощенко Ж. Т. Религиозная идентичность и бюрократия // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах)/Отв. ред. М. П. Мчедлов. М.: Институт социологии РАН, 2008.
8. Эфендиев Ф. С. Этнокультура и национальное самосознание. Нальчик, 1999 // URL: <http://www.norillag.info/efendiev.htm> — Дата доступа: 5.05.2014.
9. Ярлыкапов А. Черкесы между исламом и хабзизмом // URL: <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=21249> — Дата доступа: 5.07.2014.

**Р.М. МАМАРАЕВ,
нс ИИАЭ ДНЦ РАН
(г. Махачкала)**

ПАРЛАМЕНТСКАЯ СИСТЕМА ВЫБОРОВ ГЛАВЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН И МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

В статье говорится о новой модели избирательного права, позволяющей настроить региональные избирательные системы таким образом, чтобы они соответствовали объективным потребностям политической системы. Но предложенная на федеральном уровне система самовыдвижения не отвечает интересам ни региональных элит, ни политических партий.

Ключевые слова: избирательная система, выборы, регион, субъект, политическая система, муниципальные депутаты.

PARLIAMENTARY ELECTION SYSTEM HEADS REPUBLIC OF DAGESTAN AND THE PUBLIC'S OPINION

The article says the new model franchise, allows you to configure the regional electoral system so as to conform to the objective needs of the political system. But the proposed federal system of self-interest does not meet any of the regional elites or political parties.

Keywords: electoral system, elections, region, subject, political system, municipal deputies.

Через восемь лет после отмены прямых выборов губернаторов у россиян вновь появляется право лично участвовать в избрании руководителя своего региона. С 2004 г. в России предложения о назначении губернаторов вносились президентом страны на утверждение в региональный парламент из числа кандидатов, предложенных победившей на региональных выборах партией. В 2011 г. Д. М. Медведев выступил с инициативой изменения такого порядка и возврата к прямым выборам при сохранении президентского фильтра. Президент, который еще в декабре 2010 г. сомневался в необходимости возврата к прямым выборам, спустя год, по его словам, услышал тех, кто ждет перемен, и согласился, что «надо дать всем активным гражданам законную возможность участия в по-

литической жизни». Соответствующий законопроект был внесен в Думу президентом 16 января 2012 г., Госдума приняла его 25 апреля того же года, спустя два дня одобрил Совет Федерации и 2 мая он был подписан главой государства. Таким образом, он стал одним из главных документов, принятых в рамках политической реформы, которую инициировал Д. М. Медведев в последние месяцы пребывания на посту президента. В соответствии с законом кандидаты на должность главы субъекта Федерации выдвигаются политическими партиями. При этом партия вправе выдвинуть как партийного, так и беспартийного россиянина. Кроме того, баллотироваться в губернаторы смогут граждане России старше 30 лет в порядке самовыдвижения, если такая норма будет прописана в региональном законе.

В период с декабря 2011 г. по апрель 2012 г., в процессе внесения изменений в избирательное законодательство Российской Федерации в части возвращения прямых выборов глав субъектов регионов, у различных политических макроигроков существовал комплекс ожиданий и интересов относительно проводимой реформы. К таким макроигрокам можно отнести Администрацию Президента РФ и федеральную власть в целом, региональные власти (и шире — региональные элиты), политические партии. Данное изменение является объективной потребностью развития политической системы России, которое обозначилось в конце 2011-2012 гг. и на удовлетворение которой было направлено возвращение выборов глав регионов. Таким образом, модель выборов региональных лидеров, включая и муниципальную власть, может быть оценена в контексте ожиданий различных субъектов политического процесса и объективных потребностей развития политической системы РФ.

Противоречия между интересами и ожиданиями разных макроигроков на региональных выборах, объективные потребности развития политической системы, публичные аргументы в пользу «муниципального отбора» и практикой проведения выборов становятся фактором, влияющим на восприятие проведенной реформы избирательного законодательства. Необходимость повышения легитимности региональных руководителей и формирования у населения представления об их полной ответственности за ситуацию в регионе — объективная потребность развития политической системы РФ. Ожидания федеральной власти, регионов и партий по данной позиции совпадают.

Возврат прямых выборов позволит Центру снять с себя часть ответственности за ситуацию в конкретном регионе (социально-экономические проблемы и непопулярные преобразования), поскольку руководить регионами будут лица, поддержанные и населением, и местными элитами. Прежняя система «назначения» губернаторов, завязанная на президенте и федеральное руководство партии, обладающей большинством в региональном парламенте, формировала представление о подотчётности региональной власти федеральному Центру.

В свою очередь, главы субъектов РФ с помощью прямых выборов надеются усилить свой политический вес во взаимоотношениях, как с федеральной властью, так и с населением и элитами региона. В обмен на принятие на себя персональной ответственности за ситуацию в регионе перед федеральной властью, они получают больше свободы в действиях, избравшись на прямых выборах и получив поддержку муниципальных депутатов. Партии, прежде всего, «Единая Россия» в статусе «партии власти», получают возможность улучшить свои позиции в регионе в случае победы на губернаторских выборах своего кандидата.

Из потребности в повышении легитимности региональной власти посредством прямых губернаторских выборов вытекает другая объективная потребность развития политической системы России — возможность свободного выдвижения на выборы всех кандидатов, способных представить программу развития региона и пользующихся значимой популярностью у населения. Свободная конкуренция должна повышать легитимность победителя выборов. При этом для обеспечения стабильности политической системы важно, чтобы от избирательной кампании могли отсекаются деструктивные кандидаты, играющие на ослабление этой системы.

С учетом значимости губернаторских выборов, в отличие от выборов глав муниципальных образований или депутатов представительных органов разных уровней, федеральная власть заинтересована в фильтрующем механизме, который мог бы обеспечить преемственность отношений региональной власти с Центром и дать страховку от прихода к руководству неугодного кандидата.

Так называемый «муниципальный фильтр» (кандидат на пост главы региона должен заручиться поддержкой 5-10% глав и депутатов муниципальных образований) не в полной мере отвечает ожиданиям политических партий. Крупные партии, представленные в Госду-

ме или парламенте региона, рассчитывают на облегчение процедур выдвижения своих кандидатов и отмену муниципального фильтра, стремясь сохранить свои преобладающие позиции в нарождающейся конкуренции с новыми партиями. Для новых партий муниципальный фильтр является препятствием. Оппозиционные партии заинтересованы избавиться от «опеки» со стороны региональных властей на выборах в регионе, чему также мешает муниципальный фильтр.

Предложенная на федеральном уровне модель позволяет построить региональные избирательные системы таким образом, чтобы они соответствовали объективным потребностям политической системы. Однако возможность самовыдвижения не отвечает интересам ни региональных элит, ни политических партий.

В связи с падением авторитета губернаторского корпуса и проблемами при формировании кадрового резерва на должности глав регионов объективной потребностью политической системы России на нынешнем этапе становится формирование дополнительных каналов выдвижения новых лидеров на региональном и местном уровнях. Которые будут способны взять на себя ответственность за управление регионами и обеспечить эффективное региональное развитие. Однако при этом федеральная власть заинтересована в том, чтобы новые лидеры оказались системными политическими игроками, способными найти общий язык с местными элитами.

Новые партии, создаваемые после либерализации партийного законодательства, объективно заинтересованы в привлечении новых лидеров и механизмах их выдвижения в муниципальную и региональную политику.

Действующие региональные руководители, напротив, опасаются появления новых лидеров в регионе в связи с возвращением выборности губернаторов. Однако, на случай ухода губернатора — «долгожителя», у региональных элит существует заинтересованность в выдвижении новых лидеров для региона из своей среды, «снизу» (вместо насаждения в регион лидеров «сверху»). Региональные власти могут использовать «муниципальный фильтр» для сдерживания процесса появления новых политических лидеров.

Объективная потребность развития демократической избирательной системы России состоит в проведении максимально конкурентных и свободных выборов. При этом стратегически для политической системы и общества важно, чтобы выборы не приводили к резкому ослаблению стабильности региональной политической

системы, в том числе в части взаимодействия с федеральным уровнем власти по вопросу развития региона. Федеральная власть заинтересована в том, чтобы иметь возможность влиять на процесс выдвижения кандидатов, в крайних случаях отсекая выдвижение деструктивных или неугодных кандидатов. Прямой порядок избрания высших должностных лиц субъектов РФ формально не предусматривает участия органов федеральной власти, кроме форс-мажорных случаев. В связи с этим в законодательство был введен рамочный механизм «президентских консультаций», который является страховочным. В перспективе для федеральной власти может быть важно иметь инструменты давления на наиболее независимых губернаторов, в том числе при помощи участия в выборах сильных оппонентов действующему губернатору, которые введут в кампанию проблемную повестку, чтобы снизить рейтинг губернатора и привлечь электорат на свою сторону.

Региональные элиты, группирующиеся вокруг действующих глав, могут попытаться ослабить возможность Центра и различных федеральных групп вмешиваться в ход избирательной кампании с целью сохранения за собой основных рычагов управления кампанией. Муниципальный фильтр при необходимости позволяет региональным элитам отсекавать федеральных кандидатов, препятствовать Центру в регистрации оппонентов губернатору и пытаться выдвинуть авторитетного регионального политика без согласования с Центром. В то же время оппозиционно настроенная часть региональных элит может иметь потребность в обращении за поддержкой к федеральной власти.

Разумеется, и федеральная власть, и региональные элиты заинтересованы в сохранении инструментов управления избирательным процессом в регионе, и с этим обусловлено появление в федеральном законе президентского и муниципального фильтров. Последний является инструментом, который позволяет региональным элитам управлять избирательной кампанией. В перспективе его применение ограничивает воздействие федерального Центра на ход выборов.

В связи со сложившейся ситуацией вокруг принятия нового закона о всенародных выборах глав регионов Российской Федерации представители политической элиты северокавказских субъектов РФ обратились к федеральной власти с просьбой отменить прямые выборы глав регионов в СКФО.

По их мнению, возвращение прямых выборов региональных глав порой приводит к накалу общественно-политической ситуации, ухудшению социально-экономического положения, разжиганию межрегиональной розни и к угрозе безопасности. Чтобы избежать подобных неприятностей, предлагается вернуться к прежней модели: региональные депутаты-партийцы предлагают президенту России две-три кандидатуры на пост главы региона, после чего за одобренных претендентов голосуют в местном законодательном собрании. В. В. Путин одобрил инициативу и высказался за то, чтобы дать право всем субъектам учитывать свою специфику. Правда, тут же оговорился, что не обязательно нужно побуждать подавляющее большинство субъектов возвращаться к прежним формулам.

Обращения и высказывания глав северокавказских республик президенту РФ по поводу отмены всенародных выборов в регионе, способствовали тому, что Госдума РФ начала пересмотр политической реформы, которая была проведена после массовых протестных акций 2011-2012 гг. Госдумой РФ были приняты поправки к закону «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов власти субъектов РФ», которые позволят регионам отменять выборы губернаторов. Согласно законопроекту каждый регион будет вправе самостоятельно принять решение о порядке выборов своего руководителя — будет ли он избираться прямым голосованием или избираться депутатами регионального парламента (для этого субъекту надо будет принять свой региональный закон). В последнем случае парламентские партии, а также партии, которые имеют фракции в заксобраниях, должны представить на рассмотрение президенту не менее трех кандидатур на пост губернатора. Глава государства из предложенного списка отбирает трех претендентов и вносит на утверждение в заксобрание. Аналогичный порядок был и до возврата прямых выборов губернаторов, но тогда кандидатуру вносила только победившая на выборах в данном регионе партия. Внесенная депутатами законодательная инициатива очень похожа на прежнюю схему назначения губернаторов, отмененную президентом Дмитрием Медведевым.

27 марта 2013 г. эти изменения были утверждены Советом Федерации РФ, а 2 апреля законопроект был подписан В. В. Путиным. Тем самым со 2 апреля регионам дано право выбирать: доверить ли избрание регионального главы народу или же переложить эту

участь на местные законодательные органы. Данная законодательная инициатива федерального центра совпала с двумя важными региональными событиями: выборам президентов Дагестана и Ингушетии 8 сентября 2013 г.

Данные поправки в закон о прямых выборах глав регионов вызвали среди политиков, экспертов, обычных граждан бурные дискуссии и обсуждения и нет единого мнения в этом вопросе.

После принятия данного закона на федеральном уровне в Дагестане начались политические дебаты на тему «Как в республике проводить выборы: всенародно или депутатами парламента?» Вопрос проведения выборов стал самой обсуждаемой темой. Были сторонники и противники.

18 апреля 2013 г. на 23-й сессии Народного Собрания РД был рассмотрен проект закона Республики Дагестан «О внесении изменений в Конституцию Республики Дагестан». В частности, были предложены изменения, внесенные группой депутатов, которые связаны с возможностью избрания высшего должностного лица депутатами законодательного органа власти. В результате проведенного голосования законопроект о внесении поправок в Конституцию РД был принят большинством голосов. Теперь именно парламентарии будут выбирать главу исполнительной власти нашей республики. Предлагать кандидатуру главы республики будут политические партии, а самовыдвиженцев не будет.

Оценка дагестанскими избирателями новой системы выборов:

Как показывают обсуждения вопроса выборов глав северокавказских республик, тема выборов главы Республики Дагестан и муниципальных выборов актуальна на сегодняшний день. Поэтому необходимо проанализировать систему региональных выборов для Республики Дагестан, выявить положительные и отрицательные стороны. Через социологический опрос выявить общественное мнение к новой системе выборов глав регионов, выявить политическую активность и политическое участие, политическую культуру населения.

Характеристика опроса. Социологическое исследование проведено в 2013 г. в Акушинском, Карабудахкентском, Кизилюртовском, Новолакском, Сулейман-Стальском, Хасавюртовском, Шамильском районах, гг. Махачкала, Каспийск.

Таблица 1

Распределение респондентов по основным характеристикам

	Национальность	
	Количество опрошенных (чел.)	% от общего числа ответов
Аварцы	122	30,7
Даргинцы	90	22,6
Кумыки	34	8,5
Лезгины	61	15,3
Лакцы	67	16,8
Другие	28	7
Всего:	398	100
Социальное положение		
Служащий	109	27,2
Рабочий	74	18,5
Предприниматель	30	7,5
Работник сельского хозяйства	35	8,7
Студент	92	22,9
Безработный	34	8,5
Пенсионер	30	7,5
Другое	7	1,7
Всего:	401	100
Образование		
Неполное среднее	23	5,9
Среднее	69	17,6
Среднее специальное	98	24,9
Высшее и незаконченное высшее	213	54,2
Всего:	393	100
Возраст		
До 20 лет	37	37
От 20 до 30 лет	120	30,3
От 30 до 40 лет	98	24,7
От 40 до 50	91	23
От 50 лет и выше	52	13,1
Всего:	396	100

В настоящее время актуализация исследования общественного мнения о новой системе выборов главы Дагестана обусловлена проведенной политической реформой федеральной власти и бурными обсуждениями данной реформы со стороны политиков,

экспертов, обычных граждан. Существуют как сторонники, так противники данной реформы. Основные доводы данной реформы, что прямы выборы многонациональных субъектах Российской Федерации, в частности на Северном Кавказе, могут привести к межнациональной напряженности.

Целью социологического исследования является изучение мнения населения Республики Дагестан к принятому закону и поправкам в федеральный закон о порядке выборов глав субъектов Российской Федерации, а также выявление мнения дагестанских народов по поводу возможности возникновения межнациональной напряженности, в случае проведения прямых выборов в республики.

Значимость и оценка профессиональных качеств руководителя республики приведена на следующей таблице (см.: таб. № 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как вы думаете, по какому признаку должен назначаться/избираться глава Дагестана?»
(%)

Национальности // Варианты ответов	Я считаю, что глава Дагестана должен быть избран только с учетом профессиональных качеств	Я считаю, что глава Дагестана должен быть избран с учетом национальной принадлежности	Другое
Аварцы	92,6	5,8	1,7
Даргинцы	92,1	5,6	2,2
Кумыки	93,9	6,1	0
Лезгины	86,9	4,9	8,2
Лакцы	91,0	1,5	7,5
Другие	88,9	3,7	7,4
Всего:	91,2	4,8	4,0

Приведенные в таблице результаты показывают, что для дагестанских избирателей важным критерием назначения или же выборов главы республики является исключительно профессиональные качества. Доля отметивших, необходимость учета этнической принадлежности первого лица Дагестана очень небольшая, и больше всего таковых среди опрошенных кумыков, т.е. можно сделать вывод, что при выборе главы республики, национальный признак, для опрошенных, не имеет ярко выраженного характера. Однако, декларируемые политические установки отличаются от реалий и свидетельствуют о противоположном — в массовом сознании да-

гестанцев, надо оговориться на обыденном уровне, имеет место позиция, что тот или иной руководящий пост является «аварским», «кумыкским», «даргинским» и т.д., что не способствует формированию политической сознательности и политической культуры. Также следует отметить, что в советский период соблюдалась определенная пропорциональность в кадровой политике.

«Болотное движение» и «болотный протест» в определенной степени вынудили государственную власть на проведение некоторых уступок политической оппозиции. Одной из таких уступок является предложения о введении всенародных выборов глав российских субъектов. Если одни, этнически русские регионы, позитивно оценили возможность принятия участия во всенародных выборах, то в национальных окраинах такое новшество вызвало неоднозначное отношение. Звучали самые разные позиции — от непрозрачности проведения выборов, до подкупа избирателей и проникновения криминальных элементов во властные структуры дагестанского политической системы. В опросе для нас интерес представлял выявление отношения дагестанцев к всенародным выборам глав регионов, в том числе и Дагестана, поэтому им был задан вопрос *«Как вы относитесь к тому, чтобы ввести всенародные выборы президента Республики Дагестан?»*. Полученные результаты нашего опроса свидетельствуют, что респонденты акцентировали внимание на двух положительных вариантах ответов — «положительно, т.к. только народ Дагестана должен выбирать своего президента, того кому доверяет» (46,7%) и «положительно, т.к. дагестанским народам будет предоставлена возможность участвовать в выборе главы республики» (21,1%). Больше всего выбравших первый вариант ответа среди кумыков (51,5%), даргинцев (50,6%), аварцев (47,9%), лакцев (44,8%) и относительно меньше среди лезгин (39,3%). Второй позиции придерживается большая часть опрошенных даргинцев (29,2%). При этом отрицательно к возможности введения всенародных выборов президента Республики Дагестан относятся (16,8%) с мотивацией «всенародные выборы главы Дагестана приведут к подкупу избирателей и приходу к власти национальных кланов» и 13,6% подчеркивают, что «Дагестан многонациональная республика и всенародные выборы главы Дагестана приведут к межнациональному противостоянию».

Далее в опросе был задан «контрольный вопрос» *«Как вы считаете, кто должен выбирать президента Дагестана?»*. Опрошенные

последовательны в своих суждениях и отмечают вариант ответа, который может явиться основой для вывода о наличии у дагестанцев высокого уровня политической культуры: «*все дагестанские народы путем всенародного голосования*» — 62,1%, среди них выше доля даргинцев (74,2%) и кумыков (72,7%). При этом лакцы (37,3%), аварцы (33,9%) и лезгины (31,1) разделяют суждение, что президент Дагестана должен «*назначаться указом президента России*» (по всему массиву опрошенных 30,9%). Всего 5,0% опрошенных отметили вариант ответа «*депутаты Народного Собрания Республики Дагестан*», что свидетельствует о низком рейтинге данного политического института в массовом сознании дагестанцев.

Далее 44,2% опрошенных считают, что назначение главы Республики Дагестан президентом Российской Федерации поможет избежать возможных межнациональных столкновений, приходу к власти клановости, преступности, укреплению вертикали власти. По этнической принадлежности данное суждение разделяют 54,5% аварцев, 47,8% лакцев, 38,2% даргинцы, 37,7% лезгин, 27,3% кумыков. В то же время, с небольшой разницей (39,2%), опрошенные демонстрируют свое недоверие к возможности путем назначения главы республики ликвидировать существующие во всех сферах дагестанского общества проблемы. По этнической принадлежности ответы распределились следующим образом: кумыки (63,6%), даргинцы (46,1%), лезгины (42,6%), лакцы (34,3%) и аварцы (28,9%).

Одной из причин принятия Народным собранием Дагестана решения о необходимости отмены всенародных выборов главы республики было, если так можно выразиться, незрелость политической сознательности дагестанского избирателя. В ходе опроса с целью выявления уровня политической сознательности дагестанского избирателя был задан вопрос «*Как вы думаете, приведет ли всенародное избрание президента Дагестана к дестабилизации ситуации, неуправляемости республики и угрозе безопасности?*». По всему массиву опрошенных 42,0% разделяют мнение — «нет, народ не допустит межнациональных конфликтов (как этого не было при назначении президентов Республики Дагестан)», — среди них кумыки (51,5%), аварцы (46,3%), лакцы (44,8%), лезгины (37,7%) и даргинцы (37,1%). Вместе с тем вариант ответа «да, это может ухудшить общественно-политическую ситуацию и способствовать появлению межнационального противостояния в республике» отметили 23,4%, из них 24,8% аварцев, 24,6% лезгин, 22,5% даргинцев, 21,2%

кумыков, 19,4% лакцев. Большая доля респондентов «затруднилась ответить» (32,7%) — 37,7% лезгин, 37,1% даргинцев, 35,8% лакцев, 27,3% кумыков и 25,6% аварцев. Расположение на второй позиции суждения «затрудняюсь ответить» может свидетельствовать, с одной стороны, об аполитичности дагестанцев, с другой, нежеланием выразить свою позицию, а продемонстрировать свой «молчаливый политический протест».

Наше исследование, в котором мы постарались проанализировать политические установки дагестанского избирателя, показывает существующие в их массовом сознании предпочтения и отношение, к одной из самых болезненных проблем, к российской избирательной системе. С одной стороны, опрошенные демонстрируют положительное отношение к введению всенародных выборов главы республики, при этом подчеркивают значимость не этнической принадлежности, а профессиональных качеств руководителя. Вместе с тем, обозначая свое позитивное отношение к введенным в избирательную систему России изменениям, опрошенные выражают свое чаще негативное отношение к выборам, более того, не исключают возможность проникновения в политическую систему Дагестана политически неграмотных представителей, которые преследуют свои личные интересы.

**А. С. ХАЛИЛОВА,
кин ФГБУН ИИАЭ ДНЦ РАН,
(г. Махачкала)**

ИНТЕРАКЦИЯ ДАГЕСТАНЦЕВ И КУБАНЦЕВ В 1980-2010 ГОДАХ: ТРУДНОСТИ, ОСОБЕННОСТИ И ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФв рамках научно-исследовательского проекта РФНФ № 12-31-01201 «Общественно-политические взаимоотношения, миграционные контакты и социально-бытовое сотрудничество Республики Дагестан с Краснодарским краем, Ставрополем и Ростовской областью в 1980-2010 г.».

В статье на основе полевого материала, данных статистики, социологических опросов и других источников рассматриваются вопросы, связанные с интеракцией выходцев из Дагестана и старожильческого населения Краснодарского края в 1980-2010 годах. В частности, особое внимание уделяется складыванию в глазах местных жителей Кубани повседневного облика дагестанцев, определяется отношение к ним в связи с половозрастной характеристикой, видом деятельности и периодом пребывания в крае. Сделана попытка выявить позитивные и негативные факторы, опосредовано влияющие на восприятие местным населением мигрантов из Дагестана.

Ключевые слова: Дагестан, миграция, русские, юг России, образ друга, образ врага, сезонные работы, сотрудничество.

INTERACTION AND DAGESTANIANS KUBAN IN 1980-2010 YEARS: DIFFICULTIES FEATURES AND GOOD PRACTICE

On the basis of field data, statistics, opinion polls and other sources considered issues related to the interaction of natives of Dagestan and old residents of the Krasnodar Territory in 1980-2010, respectively. In particular, attention is folding in the eyes of locals Kuban everyday appearance Dagestani determined attitude to them in connection with the age and gender characteristics, type of activity and the period of stay in the province. Attempts to identify the positive and negative factors affecting the perception is mediated by the local population of migrants from Dagestan.

Keywords: Dagestan, migration, Russian, South Russia, the image of a friend, an enemy, seasonal work, cooperation.

В современный период в исторической науке все большее значение приобретают исследования связанные с вопросами адаптации, социализации и интеграции не славянских народов России в среде русского населения. Особое место среди них занимают работы связанные с взаимодействием народов на Северном Кавказе. Основной причиной для этого стала активность, проявленная северокавказскими учеными, стремившимися в 1990-2000 годы в силу сложившихся исторических и общественно-политических обстоятельств, а также снятого идеологического прессинга наиболее подробно осветить историю каждого этноса, подчеркивая его уникальность и независимость от других народов, населяющих регион. Негативной стороной такого типа исследований стало отнесение на второй план аспектов, связанных с фактами дружбы народов, взаимопомощи, активного сотрудничества во всех сферах жизнедеятельности и т.д. Осознание этого упущения привело к появлению ряда исследований в какой-то мере освещающих эти вопросы. Однако, в большинстве своем они носят обобщающий или обзорный характер. В связи с этим, а также в рамках противодействия все нарастающей, под действием СМИ, ксенофобии в обществе, исследования подобного плана становятся насущной необходимостью.

В частности, в данной работе сделана попытка изучить интеракцию выходцев из Республики Дагестан и старожильческого населения Краснодарского края в 1980-2000 годы. В связи с небольшой вариативностью, поясняем, что в конкретной работе термин «интеракция» используется для обозначения «взаимодействия, взаимного влияния людей или воздействия групп друг на друга, а также непосредственной межличностной коммуникации, важнейшей особенностью которой признается способность человека «принимать роль другого», представлять себе (ощущать), как его воспринимает партнер по общению (или группа)» [1, 442]. Подчеркнем, что особое внимание в работе уделяется проблеме складывания в процессе интеракции в повседневной жизни у славянского населения Кубани, как преобладающей части этого социума, собирательного образа дагестанца.

Проводить исследование, в избранных временных рамках, было решено в связи с возможностью проследить за изменениями в процессе интеракции под воздействием таких явлений, как политика интернационализма и дружбы народов, распространявшаяся на территории СССР; период обостренной самоидентификации этно-

сов в новообразованной Российской Федерации; восстановление межнационального диалога и внедрение установок на толерантное отношение ко всем жителям России в целом, и Северного Кавказа в частности.

Как известно, процесс интеграции выходцев из Дагестана в среду старожильческого население Краснодарского края имеет достаточно продолжительную историю. Особенно усилился этот процесс в середине прошлого столетия, в связи с расширением сезонной сельскохозяйственной миграции из Дагестана на Кубань и ее перерастанием в постоянное место жительства части прибывающих сюда специалистов. Проводившееся в 60-70 годы XX столетия в Дагестане плановое переселение горцев на равнинные территории с целью обеспечить жителей республики необходимыми земельными ресурсами, как таковое к 80-м годам XX в. было практически завершено. Однако, нужды далеко не всех дагестанцев были удовлетворены. Параллельно с ним шло и стихийное, продолжавшееся и после прекращения планового переселения. Стихийное переселение шло без учета потребностей общественных хозяйств в трудовых ресурсах и количества земель, закрепленных за ними. Обеспеченность земель на одного трудоспособного колхозника на начало 1970 г. была уже выше у жителя горных районов, чем у равнинного [2, 737].

Это обстоятельство вынуждало дагестанцев искать лучшей жизни за пределами республики. Как говорят участники переселенческого движения, «...в советское время тебя везде ждали, главное чтобы ты работал и был специалистом...» [3]. Эта твердая уверенность привела к созданию на Кубани дагестанских социальных сети, приводивших год за годом к постепенному увеличению числа прибывающих. Рассматривая схему прибытия, подчеркнем, что основными причинами для выезда дагестанцев в Краснодарский край были и остаются социальная и материальная неустроенность в своем регионе. «Вот, советские времена, когда были, у нашего отца было 5 сыновей, всем надо очаг иметь со временем. Отец попросил у председателя совхоза место для дома, а он ответил, если я тебе место дам, тогда и другим дать надо, а всем земли не хватит. Вот тогда я и поменял место жительства» — говорит один из респондентов около 30 лет, проживающий в крае [4]. В целом, это выражение характеризует жизненную ситуацию значительной части выезжающих из республики.

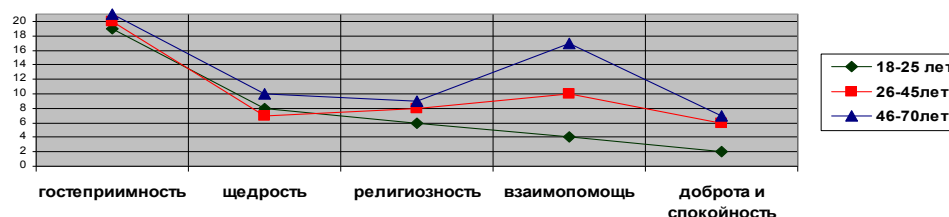
Именно за этой частью дагестанцев в общественном сознании жителей края закрепился «образ друга», своего человека. Зачастую мигрантов из Дагестана с большим стажем проживания в крае его население любовно именуется «они наши... кубанские дагестанцы» [5]. О них с теплотой отзываются представители старшего и среднего поколений, подчеркивая: «Доверяем, знаем хорошо этих людей. 20 лет проработали в колхозе «СПК Колос», в садах зоотехником он был», «...В совхозе с ними работали. Мы общаемся семьями с дагестанцами, у нас все нормально, и в гости друг к другу ходим» [6].

Да и сами дагестанцы, проживающие в крае более 20 лет, отвечая на вопрос о взаимодействии с местным населением, говорят: «Я вообще общенародное поведение с армейских времен хорошо знаю, мне тут не было трудно с людьми, всегда общий язык нахожу»; «... Тут все хорошо, когда везде хорошо, заработать на кусок хлеба можно. Главное чтобы мы сами вели себя спокойно, если мы ведем хорошо. Можно со всеми подружиться, и находить общий язык»; «Да, нам здесь очень спокойно, хорошо живется, Дай Бог, чтобы и так дальше здесь было. И возвращаться ни за что бы, ни захотел. Дома мой и детей тут построены» [7]. Таким образом, налицо явное понимание со стороны выходцев из Дагестана ситуации в регионе, положительная направленность в отношениях с местным населением, старание в соблюдении норм и правил принимающего социума.

Что касается молодежи, то, по мнению респондентов этой возрастной категории, в образ «дагестанца-друга» вплетаются и некоторые другие черты. Среди них чаще всего упоминаются мужественность, решительность, щедрость, целеустремленность, здоровый образ жизни, трудолюбие. В частности, девушки подчеркивают: «... дагестанцы отличаются щедростью, надежностью, способностью защитить себя и представителей своей семьи. И вообще, в целом дагестанцы более мужественны, чем и привлекают внимание местных девушек. Им ничего не стоит подойти к девушке и попытаться познакомиться. При этом, в отличие от других кавказцев, они никогда не в оскорбляются, если им отказали этой просьбе, не грубят и спокойно уходят. А наши ребята будут стоять в сторонке, долго собираться с духом, прежде чем подойти» [8]. В тоже время, в молодежной среде бытует мнение о более низком уровне подготовки у дагестанских абитуриентов, что в определенной мере снижает статус дагестанцев. Однако, молодые люди признают, что эта характеристика не от-

носится более чем 20-40% дагестанцев. В ряде случаев формированию такой характеристики способствует наличие на первых курсах многих вузов Кубани одного или двух выходцев из Дагестана, имеющих высокие показатели баллов ЕГЭ по русскому языку, позволившие им обойти местных жителей при поступлении, но очень плохо владеющие навыками разговорной речи. В то же время, при более плотном контакте местных молодых людей в период совместной работы с дагестанцами в различных молодежных и научных мероприятиях эта точка зрения меняется на противоположную. «Я вот отправил краснодарских ребят на молодежный форум в Дагестане в прошлом году, — в беседе сообщает постоянный представитель РД в Краснодарском крае Р.А. Ибрагимов, — вернувшись, они мне сказали, что мы бы и не подумали, что сегодня в Дагестане есть такие умные ребята...» [9].

Более достоверную оценку основным характеристикам дагестанцев, данным жителями Кубани мы отразили в графике № 1 в соответствии с результатами социологического опроса, проводившегося в крае в 2013 году по теме: «Социальное восприятие выходцев из Дагестана местными жителями Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев в 1980-20120 годах. В опросе приняло участие 115 человек. Наиболее присущими дагестанцам, среди восьми предложенных и возможности предложить свой вариант, были названы показанные в графике черты.

График № 1 Какие положительные черты свойственны дагестанцам.

Отметим, что респондентами в наиболее меньшем процентном соотношении были отмечены такие черты как терпеливость — 1,7%, интеллигентность — 1,8%. Обращает внимание на себя и тот факт, что численный перевес оценке положительных качеств, принадлежит старшему поколению. В целом же, оценки достаточно сбалансированы.

Расширяя экспертную базу опрашиваемых местных жителей, в число экспертов по вопросам интеракции дагестанцев и кубанцев в указанный период были привлечены также и представители властей, разных уровней. Оценивая взаимодействие в подведомственных им структурах, они дали достаточно близкие по содержанию комментарии. В частности: «Отношения в крае складываются великолепно... их (дагестанцев — Авт.) никто не различает, нельзя их выделить из общества. Сегодня у нас очень много совместных браков, это учитывая и то, что Краснодарский край наиболее спокойный»; «У нас все студенты выглядят одинаково, и даже в аудитории часто трудно отличить, кто есть кто. Мы ежегодно проводим фестиваль этажи, межнациональный, межконфессиональный праздник. У нас могут случиться напряженность на соревновательной основе, спортивной, научной, но мы это блокируем. Сами студенты, против этого. У нас проводятся научные конференции, семинары по межнациональным вопросам, в частности, Столыпинские чтения»; «Я скажу у нас не плохие отношения, на все праздники мы привлекаем все национальности. Ежегодно в 38 школе проходят совместные мероприятия, например, «Наш дом Кубань»; «Я могу судить только с точки зрения молодежи, моя целевая группа — это молодежь. Могу сказать, что они принимают активное участие в молодежной политике города. Они готовы активно проявлять себя на поприще межкультурного диалога, гармонизацию межнациональных отношений. Так же в центре национальных культур существует ряд представителей-дагестанцев, которые принимали участие в наших творческих фестивалях. Я считаю, что они здесь себя комфортно чувствуют» [10]. Еще раз подтверждает тезис о гармоничной интеракции большего числа дагестанцев в социум Краснодарского края один из участников экспертного опроса «Миграция в Южном федеральном округе» из Краснодарского края, отмечая, что «... более того, все они (дагестанцы — Авт.) демонстрируют некоторую «оседлость» путем скорейшей социализации в местное сообщество. Многим это успешно удается...» [11, 121].

В то же время есть определенная доля дагестанских мигрантов, которые с трудом интегрируются в принимающее сообщество и способствуют формированию в общественном сознании жителей Кубани негативных черт в характеристике повседневного облика дагестанца — жителя Краснодарского края. Характеристики этого явления со стороны старожильческого населения звучат следую-

щим образом: «Они когда собираются, то бывают более активными, иногда более развязанными, но это же касается и нашей молодежи, при этом они не преступают рамки дозволенного»; «Иногда, правда, приезжая из кавказских республик, ребята несут с собой свои традиции, обычаи и пытаются их тиражировать на общероссийском уровне. Я думаю, что если мы приедем в аул и устроим перед домами аксакалов казачьи пляски, это не понравится никому. Тут важно, чтобы все понимали, что все должны жить по конституции»; «А у тех студентов, которые приехали, особенно в первое время наблюдается отступление от привычных в регионе норм, но это не связано с их осознанным стремлением вести себя не в рамках. Это проявление ментальности, свойственной дагестанцам открытости самого населения»; «А мне хочется спросить, почему они (дагестанцы, приезжающие на несколько дней — Авт.) все бандюки, как говорят СМИ. Почему горячая точка из Чечни переместилась в Дагестан? Это от того, что главарь там, главарь там, и в каждом ауле война. Это мы только и видим. У меня и друзья есть среди дагестанцев. И не хочется их обидеть. Не было случая, что они обидели или оскорбили. Не пройдут мимо, если несую сумки, всегда их ребята помогут. Но они наши, а те другие» [12].

В основном в число трудно социализирующихся входят люди, приезжающие из Дагестана на короткий срок, а также студенты вузов и СУЗов края первого курса, о чем сообщают респонденты как славянских, так и дагестанских национальностей. В частности, «кубанские» дагестанцы, сетуя на поведение приезжающих, называют их — гастролерами. В беседах часто звучит: «Хотя, говорить о том, что все 100% хорошо нельзя. Проблемы иногда возникают со студентами, но это дети, которых нужно воспитывать, показывать своим примером, как нужно дружить. Однако основное число неприятных событий происходит из-за приезжающих на несколько дней. Я уехал из Дагестана 30 лет назад, сейчас Дагестан совершенно другой... Наши ребята приезжая сюда считают, что все, что есть здесь, все им легко доступно... Все проблемы только из-за различий в менталитете, здесь национальная компонента отсутствует...»; «Здесь, сколько наши приезжают, все зарабатывают, от 500 до 1000 рублей в день. Из-за девчонок иногда драки бывают, но это везде есть. Единичные случаи, но мы здесь с администрацией все сглаживаем»; «Для меня жить здесь (в крае) никакой проблемы нет. Об этом говорит должность и

статус, который я занимаю, я вхожу в ректорат, являюсь членом ученого совета КубГУ. Отношение ко мне абсолютно адекватное, меня ругают, как и местных жителей, когда я что-то не выполняю, и так же хвалят. Отчасти это (негативное отношение к дагестанцам) формируется не теми, кто уже корни пустил здесь, уже забыл, что он является мигрантом, а людьми, которые приезжают в край на 1-2 дня»; «Нас тут считают местными, дети выросли здесь. Даже в Дагестан не особенно хотят ехать. Если я их (местных жителей — Авт) уважаю, то и они нас уважают. Однако, есть лихачи, которые на пару дней приезжают из Дагестана, пытаются себя так показать. Именно они все осложняют» [13].

В тоже время хочется отметить, что факты недовольства поведением молодых дагестанцев зафиксированы не только со стороны недагестанских этносов, но и со стороны самих жителей Республики Дагестан. Однако, это вполне закономерный процесс. Как отмечают исследователи: «Реакция на новых мигрантов вряд ли отличается от таковой в других частях света: с прежними мигрантами якобы было проще, они сами стремились адаптироваться к условиям принимающей стороны, в результате чего и старожилам пообвыкнуться с ними оказывалось легче... С мигрантами последних волн очень многое происходит не так. Адаптация среди них идет иначе... У представителей принимающих сторон это рождает не злобу к переселенцам, а горечь и обиду за произошедшее» [14, 235].

Таким образом, становится ясно, что негативный фактор в облике дагестанцев формируется за счет экстравертного поведения новоприбывших из Дагестана, еще не вовлеченных в процесс адаптации либо не ставящих целью социализацию в крае. Усугубляет ситуацию и тот факт, что СМИ и новостные сайты сети Интернет в погоне за сенсациями наиболее активно тиражируют именно эти акты возмущения гражданского спокойствия, которые впоследствии обрастают форумами, с явно националистическими подтекстами [15]. Отличительной особенностью традиционно русских регионов юга России является и то, что при восприятии населением этих актов в независимости от реального места прибытия зачинщиков беспорядков им единодушно присваиваются пренебрежительные названия «эти с кавказских республик, чурки, звери...» с последующим отнесением в ранг «врага», что приводит к нарастанию ксенофобии в отношении всех жителей не славян-

ского происхождения. Причем при более детальном выяснении обстоятельств, сами респонденты признают, что собственно с дагестанцами, зачастую, конфликтов такого плана нет. Подтверждая свои слова примерами дружбы с представителем того или иного дагестанского этноса, либо объясняя тщательной опекой со стороны дагестанских старожилов в крае и работой постоянного представительства РД. Стоит заметить, и тот факт, что при широком развертывании форума, на первый план выходит недовольство местного населения не национальностью джигитующих и танцующих молодчиков или собственно «Лезгинкой», а нарушением правил общежития. Как отмечает автор большой статьи о казачьей лезгинке: «К сожалению, связывать в единое целое нарушение общественного порядка и кавказский танец, имеющий многовековую историю, стало само собой разумеющимся даже среди потомков казаков...» [16]

Для завершения формирования негативных черт в облике дагестанца — жителя Кубани, уместно привести данные уже упомянутого соцопроса по этому критерию. Так в графике № 2 отражены негативные черты, которые ассоциируются у населения Краснодарского края с дагестанцами.

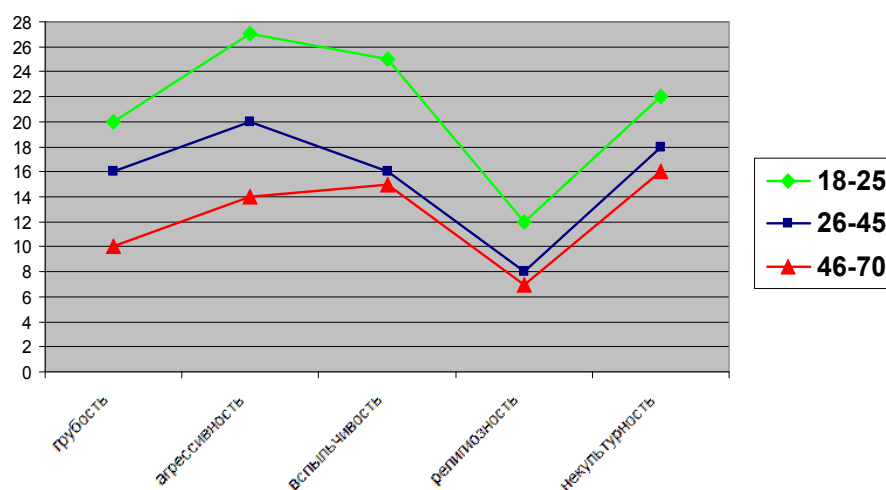

График № 2

Как видно из графика, все выделенные респондентами характеристики относятся к сфере коммуникативных функций человека, той области ментальности, в которой труднее всего идет про-

цесс интеракции, а именно восприятия себя на месте собеседника. Ментальности русского человека, характеризующейся плавностью и завершенностью форм, не присущи горская резкость, отрывистость мышления, зачастую воспринимаемые ими как грубость, агрессивность либо вспыльчивость. А разница в традиционных воспитательных установках, видится в ряде случаев, как признак некультурности.

По мнению большинства старожильческого населения важнейшей из причин, приводящей к нарушению гармоничности процессов интеракции является то, что «...мы плохо друг друга знаем. И вот в отношении поездок в Дагестан, этот стереотип (о нежелательности поездок в РД — Авт.) связан с деятельностью СМИ, так как все их внимание привлекается к плохому, а о позитивных сторонах, о проектах, которые развиваются в республике, совершенно не упоминается». И как рекомендации руководящим структурам со стороны выходцев из Дагестана звучит: «Нужно, чтобы чиновники поработали над этим вопросом, чтобы перестали по телевидению и в газетах всякое плохое писать. Вот это и вызывает обострение в отношениях с местными...».

Подводя итог можно сказать, что в целом процесс интеракции выходцев из Дагестана и жителей Краснодарского края протекает в созидательном русле, а в складывающемся в сознании обывателей собирательном образе дагестанца все же преобладают черты «друга», а не «врага». Также как и социально-бытовые отношения, между дагестанскими мигрантами и старожильческим населением в крае, несмотря на широкое тиражирование СМИ признаков все нарастающего «народного недовольства», находятся на стадии мирного сосуществования в рамках общей территории проживания. Что же касается единичных случаев нестандартного поведения, то на сегодняшний день они расцениваются обеими сторонами в соответствии с установленными законами, как акты хулиганства, и, по мнению большинства, должны караться в соответствии с установленными нормами права. В то же время, именно эти акты нарушения дагестанской молодежью общественного порядка, должны восприниматься на всех уровнях дагестанского сообщества как тревожный сигнал, говорящий о том, что в погоне за материальными ценностями мы — дагестанцы, можем утратить самое главное — статус культурного, образованного и адаптивного народа.

Примечания

1. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000 г.
2. Лысенко Ю.М., Гаджиева З.Н. Политика переселения горцев на равнину — особый фактор социально-экономического развития Дагестана. 1960-1970-е гг. // Фундаментальные исследования. 2013. № 4 (часть 3).
3. Полевой материал автора (ПМА) 2014 г. ст. Нововеличковская Краснодарский край (муж. 51 год, хозяин магазина).
4. ПМА 2014. г. ст. Нововеличковская Краснодарский край (жен. 43 года, хозяин продавец).
5. ПМА 2014. г. Краснодар, Краснодарский край (муж. 60 лет, преподаватель).
6. ПМА 2014. ст. Динская Краснодарский край (муж, 49 лет, покупатель).
7. ПМА 2014 Краснодарский край.
8. ПМА 2014 г. Краснодар, Краснодарский край (жен, 24 года, работник библиотеки).
9. ПМА 2014 Краснодар, Краснодарский край.
10. ПМА 2014 Краснодарский край (постоянный представитель РД в Краснодарском крае; заместитель секретаря Краснодарского регионального политического совета, проректор Кубанского государственного университета; заместитель главы администрации ст. Нововеличковская, Динского района; ведущий специалист отдела реализации молодежных программ управления по делам молодежи г. Краснодар).
11. Халилова А.С., Халидова О.Б., Гебеков.Г.Ф. Дагестанцы — жители Краснодарского края: к вопросу об изменениях в процессе интеграции народов юга России в 1980-2010 годы [электронный ресурс] // сайт журнала «Современные проблемы науки и образования». 2013. № 6 // URL:www.science-education.ru/113-11679 (дата обращения: 24.05.2014).
12. ПМА 2014 Краснодарский край (ведущий специалист отдела реализации молодежных программ управления по делам молодежи г. Краснодар; заместитель секретаря Краснодарского регионального политического совета; д.полит.н., профессор КубГУ; жительница ст. Динская.65 лет.).
13. ПМА 2014 Краснодарский край (постоянный представитель

РД в Краснодарском крае; муж. 65 лет, старейшина дагестанской общины ст. Нововеличковская, Динского района; председатель студенческого профкома КубГУ; муж. 47 лет, частный предприниматель ст. Новотитаровская).

14. Карпов Ю. Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные проблемы в Дагестане в XX- начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. С.448.

15. Ночью на дорогах Краснодара уже пляшут лезгинку 13.09.2011 [электронный ресурс].//ТВ Советская Кубань/URL:http://www.youtube.com/watch?v=50B_TIScebl (дата обращения 22.06.2014); Власти Краснодара будут бороться с лезгинкой на ночных улицах города [электронный ресурс] // Новостной сайт «Югополис» 04.06.2012./URL: <http://www.yugopolis.ru/news/social/2012/06/04/35610/administraciya-> (дата обращения 22.06.2014); Общественная жизнь [электронный ресурс].// Форум «Кубань.ру»./URL: http://forums.kuban.ru/f1476/vlasti_krasnodara_budut_borot-sya_s_lezginkoj_na_nochnyh_ulicah_goroda-2683385.html (дата обращения 22.06.2014).

16. Кучеров Н. Казачья лезгинка: правда ли, что казаки танцуют лезгинку, и как они это делают [электронный ресурс].// Сайт «Кавказская политика»/URL: <http://kavpolit.com/kazachya-lezginka-2/>(дата обращения 22.06.2014)

«СТУПЕНЬ В НАУКУ»

КРИСТИНА АБАЕВА,
ученица 3 кл. МБОУ СОШ№ 26
(г. Владикавказ)

АКСО КОЛИЕВ — ОСНОВАТЕЛЬ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОСЕТИИ

Говорят, что дерево легче измерить, когда оно упало. В этом отношении человек подобен дереву, ибо наиболее объективную оценку его жизни и деятельности можно дать лишь после его ухода в иной мир.

Человек, о котором мы хотим провести исследовательскую работу, заслужил от народа оценку, высеченную на надгробной плите во дворе Осетинской церкви: «Рухсаг у, рухсаг! Агас Ир дæ бузныг сты». «Мир праху твоему! Вся Осетия тебе благодарна». Любой осетин мечтает получить столь высокое признание своих заслуг перед Отечеством. Но таких счастливицев- единицы.

Столь лестную характеристику он заслужил за короткий срок своей жизни. Это дань памяти заслугам человека, так много сделав-

шего для развития духовной культуры и просвещения родного народа. Этот человек — Аксо Колиев.

Родился он в конце (ноябрь — декабрь) 1822 года во владикавказском осетинском ауле (Ирыкау). Отец его Беса (Виссарион) — выходец из Мамисонского общества. Когда переселились родители Аксо во владикавказский аул, нам не удалось обнаружить, во всяком случае, в списках жителей этого аула в 1819 году значится простой бедняк — горец, сторож Осетинской церкви Беса Колиев. Позже он стал старостой этой же церкви.

Аксо начальное образование получил во Владикавказском духовном училище, после окончания которого в 1839 году за проявленную одарённость был направлен в Тифлисскую духовную семинарию. Он был первым осетином, окончившим эту семинарию (1845 год). Тифлисская духовная семинария считалась тогда самым высшим и авторитетным учебным заведением на Кавказе. В семинарии изучали церковные науки, философию, литературу, церковную и гражданскую историю, латинский, греческий, русский и осетинский языки. По всем этим предметам Аксо имел отличные оценки.

После семинарии Аксо Колиев был направлен во Владикавказ в качестве инспектора и учителя осетинского языка духовного училища, где он сам прежде учился. В дальнейшем он был благочинным, управляющим осетинскими приходами, смотрителем (директором) Владикавказского духовного училища. С окончанием семинарии до самой смерти он свою работу в качестве священника совмещал с активной деятельностью учителя, педагога.

Аксо Колиев относится к числу передовых просветителей Осетии середины XIX века. Он хорошо знал родной осетинский язык, переводил церковные книги с русского языка, состоял в комиссии по рецензированию и редактированию переводов духовных книг. Он продвинулся как общественный деятель, крупный педагог, как первый осетинский просветитель. Используя все доступные (по условиям того времени) возможности, он проявлял исключительное старание в развитии общественного самосознания народа, умножении школьной сети в Осетии и об определении в них детей осетин — тружеников. Можно смело утверждать, что все те школы, которые появились в осетинских аулах в 50-60 годы, были открыты при личном участии А. Колиева или по его инициативе.

Работая управляющим всех школ в Северной Осетии, Колиев использовал имевшиеся возможности для улучшения школьных ус-

ловий: расширения базы, совершенствования учебных программ, улучшения преподавания предметов, особенно осетинского языка, обучения детей горцев за счёт казны.

Однако деятельность А. Колиева не ограничилась вниманием к школе и школьникам: его заботила и судьба выпускников школ. Пользуясь своим служебным положением, а также добрым отношением к себе местной администрации, Колиев одних выпускников устраивал на работу, а других, более одарённых, по его ходатайству посылали учиться дальше. В одном только 1848 году по настоянию Колиева семь выпускников церковно-приходской школы продолжали образование в высших духовных академиях и семинариях Москвы, Тифлиса, Екатеринославля, Воронежа.

Нельзя обойти стороной и то исключительное значение, которое придавал А. Колиев развитию национального самосознания учащихся, что было возможно лишь через изучение осетинского языка. Он проявлял максимум усилий для привития детям любви к родному языку, к лучшим национальным обычаям и традициям. Подвижнической деятельности А. Колиева высокую оценку дали выдающиеся представители осетинской культуры.

Сека Гадиев выразил это в следующих словах: «Аксо хорошо знал и отлично понимал свой народ. Днём и ночью не знал покоя и отдыха. Как птица — великая труженица, облетел Осетию вдоль и поперёк., побывал многократно во всех ближних и дальних районах, чтобы объединить народ во имя добра, справедливости и лучшего светлого будущего» [1, 530-531].

В 1847 году во Владикавказе побывал великий русский хирург профессор Санкт-Петербургской медико — хирургической академии Николай Иванович Пирогов. Комендант крепости генерал — лейтенант Нестеров, хорошо зная о живом интересе Пирогова к жизни и быту кавказских народов,

собрал у себя небольшое, но весьма интересное общество. Среди гостей были генерал — майор Асланбек Туганов и его младший брат Аслангирей (родные дяди выдающегося осетинского художника Махарбека Туганова), молодой настоятель Осетинской церкви Аксо Колиев, и его сподвижники Даниил Чонкадзе и Василий Цораев. Интересен факт, что 500 рублей, полученные им за операцию племянницы Тугановых, великий хирург распорядился передать А. Колиеву «на нужды народного образования». Внимание со стороны великого хирурга и покровительство его немало

способствовало успехам Аксо Колиева в его просветительской деятельности.

В подвижническом труде А. Колиева на благо народа просвещение всегда занимало доминирующее место. Его заслуги в этом деле поистине выдающиеся. Блистательный педагог и выдающийся просветитель, он обессмертил своё имя и как зачинатель женского образования в Осетии.

Истоки школьного образования в Северной Осетии восходят к 60-ти годам XVIII века. Официально первая миссионерская школа для детей открыта в Моздоке в 1764 году. Влияние этого события на культурную жизнь Осетии было весьма существенным. Первая осетинская школа дала сильный толчок для развёртывания школьного строительства в Осетии. При этом открывавшиеся школы были мужскими. Лишь ровно спустя сто лет, в 1862 году, впервые пороги школы переступили и девочки — осетинки. А открыл школу по личной инициативе Аксо Колиев. Вот как описывает этот подвижнический акт управляющий осетинским приходом архимандрит Иосиф: «Первый он понял, что для воспитания поколений на христианских началах нужна прежде всего христианская семья, а следовательно, и христианская мать: и вот по своей собственной инициативе и на собственные скудные средства образует он небольшую школу для девочек — осетинок. Помещаясь сам со своей семьёй в двух небольших комнатах, он находит возможным здесь же заниматься со своими ученицами». Школа располагалась на улице Тарской (ныне улица Цаголова) В школу первый раз поступили 18 учениц. Колиев намеревался увеличить количество учащихся в последующие годы. Такой поступок мог совершить лишь подлинный патриот своего народа, человек, думающий о его будущем, осознающий всю созидательную силу просвещения. Как отмечалось выше, Колиев был человеком несостоятельным. Расходы на школу он брал на себя, обрекая семью на скудный паёк. Однако ни материальные трудности, ни жилищные неудобства не испугали просвещенца, ибо дело, которое он делал, было божеским: поднять роль женщины — осетинки в глазах общества, просветить её. О высоком понимании А. Колиевым своей просветительской роли свидетельствуют и его слова, ставшие хрестоматийными:

«Чтобы правильно воспитать новое поколение, для этого требуется образованная и передовая семья, а для создания такой семьи нужна, прежде всего, образованная и передовая женщина».

Весть о новой школе облетела всю Северную Осетию. Она стала популярной, и горцы — осетины стали охотно устраивать туда своих дочерей. Впервые перед осетинкой открылись двери школы, возникла реальная возможность получить образование. Первые девушки, которые «с усердием и любовью занимались учением осетинской азбуки» это — Зиновия, Наталия, Кетован и Саломея Газдановы, Агафия и Гаяна Таучеловы, Варвара Гусиева, Мария Коченова, Дария Бабиева.

По прошествии полугода А. Колиев подвёл итоги работы своей школы. Он убедился в том, что усилия, затраченные им, заметно приближали его к намеченной цели. Вместе с тем он ясно осознал, что для поднятия учебного процесса на должный уровень необходимо вложить в школу значительно больше финансов, нежели те, которыми он располагал.

С необыкновенным упорством в течение 4-х лет Колиев самостоятельно вёл основанную им школу, сам преподавал ученицам все предметы, приобретал учебные пособия, сам набирал учениц. Но, для нормального функционирования класса с 20-25 учащимися необходимо было взять хотя бы двух учителей: одного по изучению родного языка, Закона Божьего и других предметов, а второго — по обучению девочек рукоделию. Учитывая материальные затруднения А. Колиева, «Общество восстановления христианства на Кавказе» с пониманием отнеслось к его просьбе и сочло возможным ежегодно выделять по 300 рублей для покрытия расходов на жалование учителям и приобретения необходимых материалов для занятия рукоделием. Остальные заботы (ремонт, наём прислуги, снабжение необходимыми принадлежностями) школа брала на себя. До нас дошли имена тех, кого Колиев рекомендовал принять в школу в качестве учителей: Александра Цаликова, завершившего обучение в Тифлисской духовной семинарии, и Александру Габисову, славившуюся своим мастерством по рукоделию.

В 1866 году после скоропостижной смерти А. Колиева шефство над его школой взяло на себя «Общество восстановления христианства на Кавказе». Для неё нашли относительно удобное помещение с двумя классными комнатами и другими служебными помещениями. Поскольку ей покровительствовала её Высочество Великая княгиня Ольга Фёдоровна, школа была названа Ольгинской.

С переходом школы в ведение «Общества» учебный процесс в осетинской женской школе оживился. Благодаря этой школе жен-

щины в Осетии получали доступ к образованию значительно раньше, чем в остальных районах Северного Кавказа и Российской империи в целом.

«Во всё время существования, — писал К. Хетагуров, — школа пользовалась необыкновенной любовью и доверием осетин. Она не могла вмещать всех желающих учиться в ней. Безусловно, она была лучшим учреждением просветительной деятельности «Общества восстановления православного христианства на Кавказе», она насаждала в отдалённых уголках горной Осетии неувядаемые зародыши просвещения; она давала неувядаемых тружеников для сельских школ... Школа эта становилась насущной потребностью для всего народа».

Школа постепенно меняла свой облик, становилась популярной. Однако в начале 90-х годов над ней сгустились чёрные тучи: без оправдательных на то причин, власти задумали перевести её в Закавказье. Когда опасность стала реальной, лучшие представители осетинской интеллигенции, возглавляемые К. Хетагуровым, грудью встали на защиту школы. «Школа эта, — писал К. Хетагуров, — находясь во Владикавказе, в умственном и административном центре Осетии, оказала самое благотворное влияние на положение женщин в Осетии [2,49].

Из стен этого заведения, одного из лучших светочей христианского просвещения среди горских племён Кавказа, вышли десятки интеллигентных осетинок, примерных тружениц — матерей семейств и народных учительниц, в которых всё сильнее и сильнее ощущается потребность для духовно-нравственного воспитания как мужского, так и женского населения» [2].

В результате усилий народной интеллигенции школу удалось отстоять, но те, кто ратовал за её сохранение, были строго наказаны. В частности, К. Хетагуров был выслан из Терской области, С. Кокиева лишили места учителя реального училища, а священник А. Цаликов вынужден был переселиться в Пятигорск.

Вслед за Ольгинской женской школой в городе Владикавказе женские школы открылись и в других населённых пунктах Осетии: Салугардане (1870), Ардоне, Дарг-Кохе, Ольгинском (1871), Гизели, Хумалаге, Вольно — Христианском (1872), Даргавсе (1878) и других. Сам факт их возникновения самым тесным и непосредственным образом связан со школой Аксо Колиева. Учительницами в них были исключительно выпускницы этой школы.

Школа Аксо Колиева просуществовала до 1918 года. Новые власти Терской республики решили на основе объединения Владикавказского осетинского трёхлетнего приюта с другими учебными заведениями открыть педагогический институт, ныне Северо-Осетинский Государственный Университет им. К. Хетагурова.

За 56 лет своего существования школа оказала огромное влияние на приобщение осетинок к благам культуры и просвещения. Из стен школы вышло более 500 выпускниц. Культурное воздействие их на осетинское общество было весьма велико, ибо они в подавляющем большинстве предпочитали труд учительницы в функционирующих к тому времени школах, насаждали, по словам К. Хетагурова, в отдельных уголках Осетии неувядаемые зародыши просвещения.

Многогранная фигура Аксо Колиева была бы представлена не полностью без его литературно — поэтического творчества. Он фактически первым стал писать стихотворения на родном языке.

С педагогической и религиозной священнической работой Колиева тесно был связан такой вид деятельности его, как издание на осетинском языке книг и учебников. Он сам был превосходным переводчиком. Его перу принадлежит целый ряд переведённых на осетинский язык духовных книг. Специалисты осетинского языка в прошлом и настоящем отмечали, что его переводы являются исключительно правильными, точными, язык в них чистый, сочный, народный. Его переводы способствовали значительному улучшению и развитию осетинской письменности. В этом заслуга Колиева — переводчика.

Нам неизвестно, когда Аксо начал писать, и вполне вероятно, что его перу принадлежало большее количество стихотворений, но мы сегодня располагаем только тремя произведениями, по которым можем судить о нём, как о поэте.

Первым в печати появилось стихотворение «Чырыстийы рухс райгасдзинад» («Светлое Христово воскресение»).

Следующее стихотворение «Мады Майрæмы кады зарæг» («Хвалебная песнь о Матери Марии»).

Третье стихотворение «Мах фыд» («Отче наш») осталось в рукописи и хранится в НА СОИГСИ.

Внимание к себе стихотворения Колиева привлекли не столько своими художественными достоинствами, а тем, что они были

первыми образцами поэтического творчества на родном языке. По общему признанию писателей и литературоведов, начиная с Сека Гадиева и кончая Нафи Джусойты, язык стихотворений Колиева — главная их ценность; он понятен и привлекателен, очень близок к современному осетинскому языку. Что касается ритма стихотворений, то он очень близок к ритму народной поэзии. Стих музыкальный, звучный, легко выпевается.

Говорят, тот, кто начинает первым, испытывает большие трудности. Что касается Аксо Колиева, то, проведя первую борозду на поэтическом поле, он стал выдающимся деятелем национальной культуры на заре её зарождения: до него в Осетии на осетинском языке никто не занимался стихотворчеством.

Воистину, большое видится на расстоянии: чем больше времени отделяет нас от той далёкой поры, тем более значимыми и существенными кажутся нам великие деяния, которые Аксо Колиев творил в деле просвещения родного народа и развития его духовной культуры.

Светлый образ Аксо Колиева — одного из наиболее ярких представителей первой плеяды просветителей Осетии навсегда останется в памяти осетинского народа, служению которому он посвятил всю свою сознательную жизнь.

Литература

1. Ардасенов Х.Н. Очерки развития осетинской литературы. Орджоникидзе, 1959 г.
2. Берёзов Б. Подвижник, просветитель, педагог, поэт // «Социалистическая Осетия», 15 сентября, 1990 г., № 213 (20708).
3. Гадиев Сека. Сочинения. Дзауджикау, «Ир», 1991 г.
4. Каргиев Э. Женское образование в Северной Осетии // «Социалистическая Осетия», 29 октября, 1990 г., № 242.
6. Коста Хетагуров. Собр. соч., том 3, М., 1974 г.
7. Чибиров Л. Выдающийся просветитель. Владикавказ, «Алания», 1999 г.
8. Материалы Интернета: сайт «История Владикавказа» <http://www.osetiaonline.ru>; сайт «Осетины» <http://osetians.com/rus>

**КАМРАН МАРДАНОВ,
ученик 7 класса МБОУ СОШ № 1
(ст. Архонская РСО-А)**

НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ, КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЕТСЯ...

Богата и разнообразна история России с её неповторимыми красотами. Но главное достоинство — города и веши с величественными куполами соборов, церквей и часовен. Одной из таких частичек и является наша станица Архонская, изначальный казачий форпост вокруг города Владикавказа. Первыми ее жителями стали переселенцы с Украины и Белоруссии, христиане, верившие Богу и полагавшиеся на Его помощь. В 1838 году уже была основана станица Архонская, обнесенная защитным плетнем и рвом с населением в 46 дворов и численностью в 139 душ (по данным архива).

Все это делалось со становлением казачества на Кавказе.

Сторожевые курганы, которые сохранились частично и до нашего времени, Веденов курган (по трассе Архонская-Беслан), курган-пост Красивый (по трассе Архонская-Владикавказ) являлись и сторожевыми и благословением казакам и путникам, отправлявшихся в дорогу.

На каждом кургане посту была своя колокольня с крестом, которая служила не только для оповещения населения, но и неимением церкви, возвещала праздничный звон.

Первоначально своего храма в станице не было. Это объяснялось тем, что станица находилась близко к городу Владикавказу, столице Терской области. Казаки семьями на подводах ездили в город на церковную службу.

По благословию благочинного Епархии на сборы и казачьи взносы в 1847 году начали строить станичную церковь, которая располагалась в центре поселения. В 1886 году церковь была освящена

во имя святого Благоверного князя Александра Невского. И это сделано неспроста.

Князь Александр Невский принадлежит к числу великих людей истории нашего Отечества, чья деятельность не просто оказала влияние на судьбу страны и предопределила ход русской истории на многие столетия вперед. Это воин и защитник Руси, а казаки станицы являлись защитниками южных рубежей своей страны.

Александр Невскому выпало править Русью в тяжелейший переломный момент, когда Русь претерпела разорительные набеги татаро-монгол, шведов, поляков, литовцев и других диких племен. В этот период решался вопрос о сохранении существования Руси, о ее государственности и самостоятельности.

Родился Александр в 1220 году и очень рано был вовлечен в политические события, которые бурно развивались вокруг Великого Новгорода, являвшимся одним из крупнейших городов средневековой Руси. В судьбе Александра повторилась судьба его отца Ярослава со множеством жизненных препятствий, взлетов и падений, наделившая крепостью силы духа и волею к победе.

Именно Александр Невский смог решить вопрос «особой татарской политики», что способствовало устранению цели новых вторжений Орды на Русь. «Два подвига Александра Невского — подвиг брани на Западе (защита от набегов) и подвиг смирения на Востоке (смирение с татарским захватом) — имели одну цель: сохранение православия, как нравственно-политической силы русского народа. Цель эта была достигнута: возрастание русского православного царства совершилось на почве, уготованной Александром» (историк Русского Зарубежья академик Г. В. Вернадский).

Как свидетельствует автор «Княжеского жития», Князь церкви воздвиг, города отстроил, людей разогнанных собрал в дома их.

Особую заботу князь проявлял по отношению к Церкви, украшая храмы книгами и утварью, жалуя их богатыми дарами и землей.

Церковное почитание святого князя началось сразу же после его смерти, когда во время погребения князь будто живой: «Простер руку свою и принял грамоту из руки митрополита...: Так прославил Бог своего угодника».

Во имя святого благоверного князя Александра Невского построено много церквей, монастырей на Руси, в Санкт-Петербурге действует с 18 века Александро-Невская Лавра.

В нашей станице действует, совершает богослужения молитвенный Дом Александра Невского, который защищает станицу от нападков зла.

В годы революции и начавшегося атеизма последним священнослужителем был протоирей Феофилакт (Водолазкин). В 1918 году в праздник Преображения Господня он совершил свою последнее богослужение, после чего был арестован сразу членами Терского ЧК и расстрелян без суда и следствия (архив церкви). Похоронен на территории разрушенной церкви в станице (ныне возрождающейся). Служить остался дьякон Анемподисет.

В 1937 году «активистами» была сорвана колокольня на церкви и разрушен купол, а в 1938 году храм Александра Невского разрушен и разобран нерадивыми жителями. Началось страшное время безбожия и репрессии для станицы, но вера не оставляла людей.

Из архивных данных следует, что примерно в 1940 году был открыт молитвенный дом (одна большая комната) в доме Сухачевых, угол улиц Кирова и Ворошилова. Хозяин этого дома был в 1937 году репрессирован, сослан на Беломорканал и за свою веру там же вместе с другими христианами, заживо закопан (архив семьи Сухачевых). Потом этот дом был отдан семье Гутновых по распоряжению райисполкома.

Небольшой приход тайно окормлял иеросхимонах Иоасаф, чтобы молитвенно защищать станицу.

4 ноября 1945 года по ул. Ленина, 96 в доме Дробнич Александра был открыт и освящен молитвенный дом. Служили там иеросхимонах Иоасаф (Яков Аггеевич Бунделев) насельник Свято-Троицкого мужского монастыря г. Владикавказа. Вместе с ним в приходе помогала в служении схимонахиня Ерофея жительница станицы (Ирина Яковлевна Руденко).

Скончался иеросхимонах Иоасаф 22 июня 1956. Погребен на госпитальном кладбище, а 14 сентября 1982 года перезахоронен на кладбище около завода «Электроконтактор» г. Владикавказа.

Схимонахиня Ерофея погребена на кладбище станицы недалеко от центрального прохода.

Пономарил в этом молитвенном доме наш добрый архимандрит, ныне приснопоминаемый, отец Матфей (Лев Васильевич Мормыль).

Архимандрит Матфей родился 5 марта 1938 года в нашей родной станице Архонской (бывшей Терской республики) в семье потомственных казаков. А как известно, станичные казаки славились

своим хоровым пением, богатыми музыкальными традициями. С самого детства отец Матфей готовил себя к богослужению. После окончания Архонской средней школы с отличием, но за свою искреннюю любовь к богу, терпя много унижений, оскорблений, насмешек и не получив золотую медаль за учебу, в 1956 году он поступает в Ставропольскую духовную семинарию которую окончил в 1956 году. В 1963 году окончил Московскую духовную академию. С 21 июня 1961 года до скончания своей земной жизни архимандрит Матфей нес послушания в Троице-Сергиевой Лавре в Сергиевом Посаде — уставщик и старший регент, руководитель объединенного хора Свято-Троицкой Сергиевой Лавры и Московских духовных академии и семинарии.

Своим монашеским трудом архимандрит Матфей, в сложный период «советского плена» Русской церкви, воссоздал церковно-певческие традиции, что на долгие годы является образцом, эталоном молитвенного певческого обращения к Богу, в воспевании его Небесной славы.

Находясь так далеко от своей малой родины, отец Матфей посылал свои молитвы к богу о мире и спокойствии в станице, о защите и её покрове от врагов. Приезжая в родной материнский кров, о. Матфей приходит в церковь (Молитвенный дом) Александра Невского, неся жителям свою доброту,

ласку и внимание. На стене станичной церкви открыта мемориальная доска памяти архимандрита Матфея. По его пути пошел и выпускник нашей школы Джаджиев Андрей, ныне насельник Аланского Свято-Успенского мужского монастыря, монах Алексей. Он закончил Ставропольскую духовную семинарию. Каждый раз он приезжает в церковь Александра Невского, ведь она начало его духовного пути.

Летом 1947 года совместными усилиями иеросхимонаха Иоасафа и схимонахини Ерофеи был куплен дом по ул. Казбекская, 8 в котором был основан приход и 2 сентября этого же года освящен постоянный молитвенный дом в честь Благоверного князя святого Александра Невского, который действует и по настоящее время.

Священники-настоятели церкви в станице: протоирей Борис (Рыбаков) протоирей Иоанн (Макаренко), иерей о. Владимир, иерей о. Иоанн- с любовью и верой окормляли приход, расширялись и достраивали подсобные помещения, но, самое основное, доносили и возрождали христианскую веру. Учили прихожан доброте, любви,

терпимости друг к другу. С 12 февраля 1989 года и по настоящее время настоятелем церкви Александра Невского в станице является протоирей Евгений (Стратейчук). Молитвенный пастырь, за своё 26-летнее служение в станице, знает практически каждого жителя.

В 2011 году в помощь для служения в церкви был утвержден иерей о. Виталий (Стратейчук).

Каждый год, 12 сентября, в день освящения молитвенного дома и 6 декабря, в день представления Благоверного великого князя Александра Невского, в станичном храме отмечается Престольный праздник, на который приезжают христиане из г. Владикавказа, сёл и станиц нашей Республики.

Прихожане верят в защиту и помощь небесного покровителя нашей станицы. В настоящее время, силами жителей станицы и спонсорской помощи, возводится на старом фундаменте разрушенного храма новый храм. Его золотые кресты освящают станицу всех жителей от мала до велика, защищая от напастей. Мы, растущее поколение, верим в «дивные Дела твои Господи» и своих небесных покровителей.

Список литературы

1. Хитров М. И. Александр Невский — Великий князь
2. Петрова А. И. Православный литературный календарь

Архивные данные:

1. Архив церкви
2. Архив семьи Сухачевых
3. Архив семьи Стратейчук
4. Архив ст. Архонской

**КИРИЛЛ НОВИКОВ,
ученик 10 кл. МБОУ СОШ
(ст. Павлодольская РСО-А)**

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ ЦЕРКВЕЙ В СТАНИЦЕ ПАВЛОДОЛЬСКОЙ

История станицы Павлодольской, моей малой родины, неразрывно связана с Православием. Есть множество источников информации о становлении православия в станице, но все они разрознены.

В процессе работы были собраны воедино все документальные источники и дополнены новыми сведениями из фонда архива в результате собственных исследований.

В архиве найден документ от 20 января 1906 г. — рапорт священника Василия Попова с просьбой о выделении места для постройки каменной церкви, т. к. старая пришла в ветхость и вместимостью не соответствует наличеству населения станицы [1].

В другом рапорте от 28 февраля 1906 г. «Преосвященнейшему Гедеону, Епископу Владикавказскому и Моздокскому. От временно исполняющего обязанности благочинного церквей 5го округа Владикавказской епархии священника Алексея Сасыкина. Почтительный Рапорт от священника церкви ст. Павлодольской Василия Попова на сбор средств пожертвований на построение нового храма. Строительство шло на народные пожертвования, собранные в станице Павлодольской и других поселениях [2]. Сборщикам выдавались медные копилки, они ходили в народ, собирая пожертвования медными деньгами.

В ходе анализа документа подтвердилась гипотеза о том, что кирпичный храм был построен на народные деньги. Фигурируют раннее не известные фамилии священников Алексея Сасыкина и Василия Попова, именно они стояли у истоков начала основания храма, который сейчас восстановлен станичниками. В ходе исследования

документов выяснилось откуда привозили строительные материалы, кто из казаков следил за строительством и сбором средств.

Выражаем искреннюю благодарность организаторам этого конкурса, за предоставленную возможность совершить эту работу, которая очень необходима. Есть история казачества, история станицы, история школы, а вот истории возникновения и возрождения церквей не было. Теперь эта работа займёт достойное место в музее школы станицы Павлодольской.

Духовную основу терского казачества, безусловно, составляла религия. Именно она явилась сплачивающим и объединяющим фактором в терской казачьей общине. Пёстрое по своему этническому составу терское казачество было не однородно и в религиозном плане. В течении длительного периода формирования казачества на Тереке сюда стекались представители различных вероисповеданий, для них важно было чувство личной веры, не мешавшей жить по закону общинного братства. Именно состояние «Бога в душе» являлось основной чертой в характере Терского казака. Первые поселенцы принадлежали к староверам и согласно духовному регламенту от 1721 года на них возлагались определённые ограничения. Казаки неоднократно жаловались, что пользуясь этим «регламентом», военные чиновники и офицеры притесняли казаков — староверов и чинили им «великие обиды».

Культовые сооружения состоявшие, как правило, из часовен и молельных домов, находились в весьма ветхом состоянии. Часто отсутствовали даже самые необходимые церковные реквизиты [3].

На всём пути казака сопровождала и Православная церковь. Для казака церковь — это не только культовое сооружение, организующее пространство и являющееся центром поселения. Это мерило истинно народного откровения, его духовного могущества. Подчеркнём, что речь идёт о православной церкви, которой он отдаёт предпочтение перед всеми остальными. Митрополит пишет: «История знает много грехов казачества... Но эти грехи казачества искупаются его крепким, здоровым национальным чувством и глубокою преданностью святой Православной Церкви... Казак верит просто по старине, — среди казаков много «староверов» — старообрядцев, — но верит крепко, любит свою церковь всей душой и ни за что ей не изменит».

Красота храма являлась особой гордостью казаков и по этому терцы ничего не жалели для благополучия своих церквей. Своим

храмам терцы передавали часть военной добычи. Для отлития колоколов жертвовали отнятыми у неприятеля пушками. На украшение ризниц (помещений при храмах для хранения одежды священников и церковной утвари) и иконостасов (покрытая иконами стена, отделяющая алтарь — восточную часть христианского храма, от остальной части внутреннего объёма церкви) казаки отдавали немало серебра, золота, жемчуга и драгоценных камней [4]. Доброжелательное отношение и щедрые пожертвования казаков способствовали появлению на Терской земле всё новых и новых храмов и пределов в казачьих станицах. Как пример тому может служить открытие Павлодольской деревянной церкви в 1803 году.

Слобода «Павлов Дол» была основана в 1777 году как мирное гражданское поселение. Её появление было встречено доброжелательно, так как она обеспечивала военный гарнизон крепости Моздок продовольствием и другими необходимыми вещами [5]. Постепенно население увеличивалось и появилась потребность в строительстве церкви. В 1800 году в центре слободы по указу архиепископа Астраханского и Моздокского Платона стали строить деревянную Православную церковь во имя святителя и чудотворца Николая. В 1803 году строительство завершилось и новая церковь была освещена. Известно, что первым церковным старостой был Егор Савельев, от него 10 сентября 1803 года эту должность принял Назар Иванов. Церковь построили без единого гвоздя. Так же известно, что она была походной, то есть легко разбиралась и собиралась.

В 1823 году по приказу генерала Ермолова слобода Павлодольская была приписана к казачьему сословию, переименована в станицу, а жители стали называться казаками.

С целью экономии места, дома казаки строили в один ряд, где на каждый двор приходилось 100-150 кв. саженей. Такая скученность построек, состоящих из легковоспламеняющихся материалов, являлась в случае пожара причиной уничтожения целых жилых улиц. По воспоминаниям современников в начале 20 века произошло 2 крупных пожара. Один из них пришёлся на праздник святого Пантелеймона. Во время пожара сгорела и церковь.

В настоящее время в Георгиевске стоит деревянная церковь, являющаяся точной копией Павлодольской деревянной церкви. Это подтверждено Немовым Николаем Ивановичем — 1923 года рожде-

ния, Орловой Анастасией Александровной — 1912 года рождения, Бороздиной Анастасией Ивановной — 1922 года рождения.

Остов этой церкви до сих пор цел. На этом месте установлен мемориал.

17 октября 1888 года в районе станции Борки потерпел крушение царский поезд. К счастью ни Государь Император Александр III, ни члены его семьи не пострадали. Вся эта история была преподнесена как чудесное спасение. По всей России в память этого события были сооружены несколько десятков церквей и часовен.

18 мая 1889 года в станице Павлодольской, на местном кладбище была освящена церковь Св. Николая сооруженная в память чудесного спасения царской семьи. Ее освящение состоялось при большом скоплении народа в присутствии войскового начальства. Чин освящения совершил епископ Владикавказский Иосиф.

Николаевская церковь была сооружена в довольно быстрые сроки на личные средства генерал-майора от кавалерии Стефана Александровича Венеровского.

Генерал Венеровский принадлежал к числу славных казачьих военачальников второй половины XIX века. Он родился 20 декабря 1828 года в станице Екатериноградской. Детство и первые юношеские годы он провел в станице Павлодольской. Службу начал простым казаком в Горском казачьем полку Кавказского казачьего войска 27 мая 1845 года. Всю Крымскую войну 1852-1856 гг. он провел на Кавказском театре военных действий, был ранен. В дальнейшем он долго служил на Кубани. С 1864 года командовал 2-м Урупским казачьим полком, был атаманом Уманского отдела, командовал Екатеринадарским казачьим полком, затем был назначен атаманом Темрюкского отдела, после чего стал атаманом Ейского отдела. Во время посещения Государем Императором Кавказа в 1888 году, генерал Венеровским был назначен начальником охраны Государя Императора Александра III и Августейшего Семейства на время пребывания их в Екатеринодаре.

Узнав о крушении на станции Борки, случившейся буквально через месяц после того как Венеровский общался с Государем Императором Стефан Александрович сразу же проникся мыслью, что это знак Божий, что в ответ необходимо сделать Богоугодное дело — соорудить храм. Что он и сделал.

Прожив долгую жизнь, дослужившись до чина генерала от кавалерии С. А. Венеровский, скончался в начале XX века, оставив о себе

добрую память среди кубанских и терских казаков. Похоронен он в родной станице Павлодольской рядом с сооруженным им храмом.

Генерал был женат на дочери протоиерея Грабова Аграфене Осиповне. У него был сыновья Георгий, Константин и дочери Мария и Ольга. Константин, как и отец стал офицером, служил в управлении Пятигорского отдела ТКВ. Военную карьеру избрал и внук генерала — Дмитрий Константинович. Он участвовал в Первой мировой войне и Белом движении. В чине есаула Д.К. Венеровский покинул родину и скончался во Франции в 1983 году. Дальнейшие следы династии Венеровских теряются [6].

Ни сколько не думая о себе, отблагодарив Небеса, Стефан Александрович тем самым увековечил свое имя. Уже больше века минуло с того дня как засиял Николаевский храм в станице Павлодольской, и до сих пор он служит людям, радует глаз. Как и когда-то Государь Император, так и это храм остался цел и невредим, пережив годы лихолетий и безбожия. Видно это знак Божий.

В 1887 году было решено построить новую каменную церковь, так как старая пришла в ветхость и вместимостью не соответствовала количеству населения станицы. В 1906 году был образован строительный комитет, его председателем стал священник Леонид Белоусов. В архиве найден документ от 20 января 1906 г. — рапорт священника Василия Попова с просьбой о выделении места для постройки каменной церкви, т. к. старая пришла в ветхость и вместимостью не соответствует наличеству населения станицы. В другом рапорте от 28 февраля 1906 г. «Преосвященнейшему Геддеону, Епископу Владикавказскому и Моздокскому. От временно исполняющего обязанности благочинного церковей 5-го округа Владикавказской епархии священника Алексея Сасыкина. Почтительный Рапорт от священника церкви ст. Павлодольской Василия Попова на сбор средств пожертвований на построение нового храма. Строительство шло на народные пожертвования, собранные в станице Павлодольской и других поселениях [1]. Сборщикам выдавались медные копилки, они ходили в народ, собирая пожертвования медными деньгами. Раствор для кладки кирпича замешивали на яйце.

В 1912 году Храм был освещён в честь Иконы нерукотворного образа спасителя Иисуса Христа, и начал работать. В 1939 году закрыли работу новой церкви. Последний священник в ней был Селевёрстов. С 21 по 28 августа 1942 года наша авиация наносила

бомбовые удары. Многие жители спасались от бомбёжки в церкви. 27 августа 1942 года в районе церкви произошла перестрелка, четверо бойцов были на колокольне, немецкая разведка находилась вокруг храма. Наша артиллерия по наводке наших бойцов вела огонь по церкви со стороны села Сухотского. Один из снарядов проломил стену на колокольне. Трое бойцов погибли, четвёртый был ранен осколками в обе ноги. Ближе к вечеру стрельба прекратилась. Позже двери храма и деревянные полы были сняты немецкими солдатами для устройства переправы через реку Терек.

С 1943 года работала часовня, находящаяся на кладбище как церковь. Священником был Гуськов. В 1962 году священником стал пьяница Дымарь, он был отлучён от церкви и часовню закрыли, а в 1982 она была открыта заново. В 1993 году ко мне на приём в станичный Совет, (вспоминает Кущенко А. И. тогда он работал там председателем), пришёл Чепчин Николай Тихонович. Я поинтересовался, может ли он спроектировать купола (из окон Совета хорошо была видна церковь). Он ответил, что может, закажите пожарную лестницу. На следующий день прибыла пожарная машина из Моздокской пожарной части. Николай Тихонович взобрался на главный разрушенный купол, произвёл все замеры. Через два дня принёс эскиз центрального купола. Мы обратились к председателю Колхоза Соловьёву Н.И. Он активно поддержал идею восстановления храма. В процессе работ соединились два талантливых специалиста Чепчин и Жилович. Колхоз выделил, металл, кровельное железо, место в МТМ для монтажа куполов. Многие люди вносили личные сбережения от души и сердца по несколько раз.

В 1992 году началось восстановление разрушенного храма станицы.

6 октября 2007 года его осветили заново и он возобновил свою работу. Осветил церковь архиепископ Ставропольский и Владикавказский Феофан.

Настоятель храма священник Евгений Колесников.

В настоящее время Русская Православная Церковь остается одной из самых влиятельных общественных и политических сил в современной России.

Вместе с тем возрождение Православной веры началось и в станице Павлодольской. Была полностью восстановлена церковь «Спаса Нерукотворного образа Иисуса Христа».

Примечания

1. Центральный государственный архив РСО — Алания. Фонд 143, опись 2, документ 174.
2. Центральный государственный архив РСО — Алания. Фонд 143, опись 2, документ 434.
3. Центральный государственный архив РСО — Алания. Фонд 13, оп 1, д.681 Терский календарь на 1901 год.
4. Караулов М. А. Очерки казачьей старины. Газета «Терские ведомости» 1909 г., №128, 1910, №93.
5. Баранов Е.С. С Северного Кавказа о переселенцах — новосёлах. //Журнал «Правда», 1904 г., № 3,4.
6. Потто В. А. «2 Века Терского Казачьего Войска»
7. Центральный государственный архив РСО-Алании. Фонд 143, опись 2, документ 174.

ПЕТР ТУККАЕВ
г.Владикавказ, РСО-Алания
ученик 10 кл. МБОУ гимназии №5

РОДОСЛОВНАЯ ФАМИЛИИ ТУККАЕВЫХ

На протяжении всей истории человечества в моменты перелома и кризиса люди всегда обращались к прошлому, к своим корням и истокам, пытались найти правильные ответы на происходящее. Люди хотят знать историю своих фамилий, бережно собирают документы и старые фотографии.

С самого раннего детства я знал, что мои предки переселились в село Христиановское из селения Камунта (Уаллагком Дигорского ущелья).

Дигория (дигорск. осет. Дигорæ, иронское.осет. Дыгур) — историческое название территории в западной части Республики Северная Осетия — Алания по бассейну реки Урух (Ирæф), на северном склоне Главного Кавказского хребта. В настоящее время обычно выделяют Дигорию по административным границам Ирафского и Дигорского районов Северной Осетии [10].

Горная Дигория делится на несколько частей: Устур — Дигорæ (в переводе «большая Дигория»), Тъæпæн — Дигорæ («плоскостная» или точнее плоскостная Дигория), Донифарс (дословно — «сторона реки» или возможно от Донифахс — склон у реки) и Уаллагком (осет. Уæллагком — «Верхнее ущелье») [10].

Известный покоритель альпийских вершин Н.В. Поггенполь писал: «Почему так хороша Дигория, почему в других местах я не ощущал того удовольствия, как здесь, среди зелёных лугов, омываемых Урухом, и великолепных хвойных лесов, в тёмную зелень которых спускаются белые ленты ледников? Отдельные элементы горного ландшафта сочетаются в Дигории поразительно мягко и живописно, нет ничего угрюмого и мрачного, а свежая изумрудная зелень лугов, благородные, архитектурные линии тонко вырезанных

вершин с блестящим фирновым покровом у их подножий ласкают взор счастливым сочетанием красок...» [31], [32].

Тот, кто поднимется по крутой горной тропинке на высокий перевал и увидит суровый, чарующий мир снежных вершин и ледников, кто почувствует бездонную, захватывающую дух глубину лесистых ущелий, тот на всю жизнь полюбит этот край.

Камунта (осет. — диг. Къæмунтæ, осет.-ирон. Къæмынтæ) — самое высокогорное село в Ирафском районе Республики Северная Осетия — Алания (Россия), входит в муниципальное образование «Галиатское сельское поселение», в котором проживает 49 жителей, в самой Камунте — 16 человек [15, 130].

Село располагается в верховьях Дигорского ущелья на левом берегу реки Комидон — в так называемой области Уаллагком, части исторической области Дигории [12,77].

Слово «Уаллагком» по — осетински означает «верхнее ущелье». И действительно, аулы, объединяемые под этим названием, занимают крайний верх Дигорского ущелья (самого западного из осетинских ущелий), расположенного по течению р. Сонгутидон — одного из наиболее крупных притоков Уруха (Ирафа).

Когда-то Уаллагком был густонаселённым районом. Об этом говорят пустынные, сейчас полуразрушенные аулы (Цирохс, Ахсиаг, Хонсар) [23].

Среди уаллагкомцев общепринято мнение, что их предки пришли в эти места именно из Алагирского ущелья и являлись носителями «чистого» иронского диалекта.

Название села, по мнению А.Д. Цагаевой, произошло от личного и основы фамильного имени — Камунон (осет.Къæмынон) [10].

Село Камунта стало известно за пределами Кавказа с конца XIX века, благодаря обнаруженным здесь древним и средневековым предметам различных материальных культур [14].

На территории Камунты находилось поселение знаменитой культуры бронзового и железного веков на Северном Кавказе — кобанской (XIV-V вв. до н.э.). Непосредственно Камунтское древнее поселение относится к позднебронзовой эпохе. В связи с тем, что нынешняя Камунта строилась на месте древнего поселения, многие остатки памятников этой культуры оказались уничтожены и доступ современным археологам к ним несколько затруднён. Вокруг села археологами также обнаружены различные могильники, где, среди прочих артефактов, была найдена знаменитая фигура оленя. По-

мимо кобанских, здесь присутствуют археологические памятники культуры алан V/VI-XI веков. В катакомбных захоронениях родовой аланской знати обнаружена керамика, ювелирные изделия, фрагменты орнаментированных тканей, золотые украшения и монеты из различных регионов: византийские V-IX веков, сасанидские VI века и аббасидские серебряные диргемы VIII века [13].

По историческим данным, в Камунта проживали представители таких фамилий как: Цопановы, Туккаевы, Бекмурзовы, Албеговы, Атаевы, Дзилиховы, Битаевы, Болатовы, Бозровы, Габуевы, Каргаевы, Тахоховы, Тобоевы, Бутаевы, Чехоевы [27, 42-45].

Одна из фамилий, которая проживала в Камунте, это моя фамилия -Туккаевы. Арвадэлта (æрвадæлтæ) фамилии Туккаевых — Цаголовы. Один из выдающихся представителей фамилии Цаголовых —

Генерал-майор, доктор философских наук, ветеран войны в Афганистане.

Ким Македонович [29]

Ким Македонович родился в январе 1930 года в многодетной трудовой семье в Северо-Осетинском селе Дигора, где получил среднее образование и начал свою трудовую биографию. В 1950 году окончил Владикавказское художественно-педагогическое училище. В Вооруженных Силах СССР — с 1950 по декабрь 1989 года. В 1953 году окончил Ейское военно-морское авиационное училище им. И. В. Сталина. Затем — служба в частях

Черноморского, Балтийского флотов, в Прибалтийском, Туркестанском, Северо-Кавказском и Московском военных округах.

В 1960 году окончил Северо-Осетинский государственный педагогический институт им. К.Л. Хетагурова. Участник боевых действий в Афганистане (1981–1984, 1987 гг.).

Кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор.

Советник Президента РСО — Алания. Неоднократно возглавлял Российскую делегацию на заседаниях специальных комиссий и комитетов ООН.

Действительный член Российской академии естественных наук, Академии военных наук, Академии политических наук, действительный член Международной академии духовного единства наро-

дов мира. Член Союза писателей СССР, России. Имеет почетные звания: «Заслуженный работник гидрометеослужбы СССР», «Участник войны в Афганистане», «Ветеран Вооруженных Сил СССР».

Генерал-майор, удостоен 28 государственных наград и почетных знаков СССР, России, Афганистана, Польши [30].

Фамилия Туккаевы образована от имени Тукай, диалектной формы мужского тюркского имени Тукай. Она, как и многие восточные имена состоит из двух частей.

Первая из них восходит к древнетюркскому слову «тук» в значении «будь обеспечен пищей».

Вторая часть ведёт своё начало от древнетюркского «ай» — «луна».

Однако некоторые учёные полагают, что имя Тукай в переводе с древнетюркского языка означает «место, поросшее лесом». Таким образом, потомок человека, которого звали Тукай, со временем получил фамилию Туккаев [29].

Для получения данных о роде Туккаевых, со слов старших фамилии, моей бабушки Туккаевой-Темираевой Валентины (Валегки) Константиновны и архивным данным, мною было составлено генеалогическое древо Туккаевых.

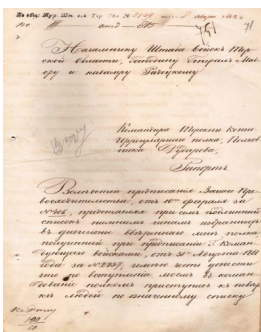
К сожалению, уже нет в живых тех старших, которые бы могли указать, подсказать при составлении генеалогического древа имя первого Туккаева, от которого пошёл наш род. Не известен и век, с которого началась наша фамилия. По всем имеющимся данным, это приблизительно конец 17 века, хотя как я предполагаю, корни моего рода уходят далеко в прошлое.

Работая в Центральном Государственном Архиве РСО-Алания с документами 1886 года, мне удалось установить имена четырёх представителей своей фамилии, неизвестных до сегодняшнего дня. Это: Габис Туккаев, Бытимир Туккаев, Хосцау Туккаев, Мышико Туккаев.

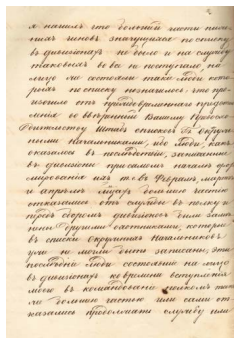
По всем собранным на сегодняшний день данным, удалось составить генеалогическое древо до 6 поколения.

Мой род пошёл от моего предка Батмурза, у него был сын Саго, у которого было четыре сына: Авсимайху, Кермен, Иван, Басил (мой прадедушка). У моего прадедушки Василя (Басила) было три сына: **Пётр (Буту)** — мой дедушка, Калман и Симон. У Петра (Буту) — сын **Казбек (Казик)**, мой папа. А у Казбека — сын Петр. Это я. Меня назвали в честь моего прославленного дедушки.

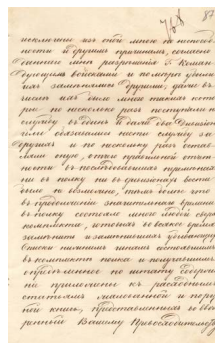

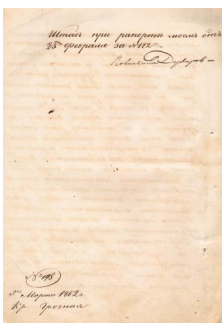
[3]

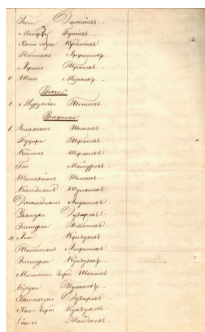
[4]

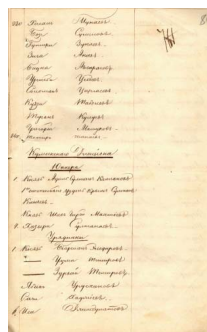
[7]

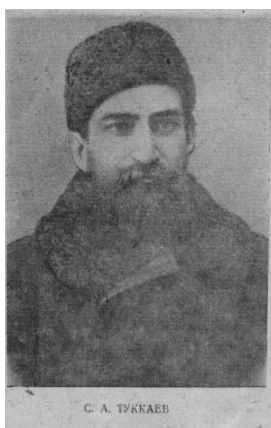
[8]

[5]

[6]

С. А. ТУККАЕВ

Туккаев Соломон (Габуди) Алексеевич (1857-1870)
— учёный, историк, этнограф

Соломон (Габуди) Алексеевич Туккаев родился 16 декабря 1857 г. в сел. Христиановское (ныне г. Дигора). Окончил Владикавказское реальное училище. 21 октября 1880 г. С. Туккаев поступил в Петербургский лесной институт, однако по состоянию здоровья вынужден был переехать в Москву и поступить в Петровскую сельскохозяйственную и лесную Академию [18].

С.А. Туккаев был тесно связан с выдающимся русским учёным В.Ф. Миллером, он принимал активное участие в его историко-этнографических исследованиях. В 1882 г.

В. Ф. Миллер издал знаменитые «Осетинские этюды» [18].

В труде В. Ф. Миллера были широко использованы этнографические материалы, собранные осетинской интеллигенцией, в том чис-

ле и материалы С. А. Туккаева по религиозным верованиям дигорцев (праздник фацбадан, раздел о небесных светилах) [18].

Ф. М. Миллер писал в предисловии ко 2-й части «Осетинских этюдов»: «В заключение, заявляем вторично нашу признательность Солomonу Алексеевичу Туккаеву, которому мы обязаны нашими сведениями по дигорскому наречию, а также по религиозным верованиям и обычаям дигорцев» [20].

Научная работа С. Туккаева в области осетинской истории и этнографии протекала под руководством В. Ф. Миллера.

Фамильное предание Туккаевых «Туккаевская болезнь», записанное Туккаевым в селе Христиановское, было опубликовано в сборнике «Осетинские этюды» (№12) (Миллер 1881 Ч.1:99-101).

От Масико Туккаева, С. Туккаевым были записаны две интересные дигорские сказки — «Кривой великан» и «Асаго», которые также были опубликованы Вс. Миллером [24].

С. Туккаев записал пять дигорских сказок, которые в 1891 г. по его черновой рукописи транскрипцией В. Ф. Миллера были напечатаны в Петербурге в издании Академии Наук с немецким переводом и глоссарием. Дигорские сказки были переведены и изданы на немецком языке бароном Ф. Р. Штакельбергом.

Известный историк — кавказовед Г. А. Кокиев в своей статье «Этнограф осетинского народа С. А. Туккаев (краткий библиографический очерк)» писал: «Насыщенный историко — этнографическими материалами, с начала и до конца построенный на личных полевых наблюдениях автора, очерк Туккаева весьма ярко рисует земельные отношения осетин нагорной полосы, а потому для истории осетин конца XIX века он имеет исключительное значение» [18].

С. А. Туккаев учёный, о трудах которого можно много ещё говорить и писать. А сколько бы ещё интересного и полезного он мог принести науке, если бы так рано не ушёл из жизни.

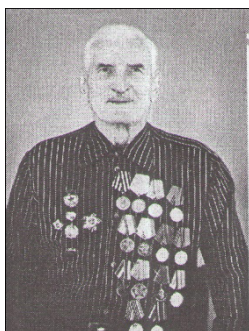

Туккаев Кермен — родной брат моего прадедушки

Кермен, окончил исторический факультет Северо-Осетинского Педагогического института. Затем поступает в Камышенское танковое училище, где его и застала Великая Отечественная война.

В августе 1942 г. окончив учёбу его, молодого лейтенанта направили в Сталинград на тракторный завод для получения новых боевых машин.

Вскоре танкист Туккаев был отозван и направлен в г. Горький. К сожалению, не долго пришлось защищать Родину Кермену. Только год. 4 августа 1943 г. пал он смертью храбрых. Бой под Орлом для него стал последним [28]. Кермена похоронили в братской могиле на Первомайской площади г. Орла 5.08.1943 г. На памятнике, который был поставлен на братской могиле его фамилия и имя высечены золотыми буквами — Туккаев Кермен.

Туккаев Анатолий (Агубе) Андреевич — двоюродный брат моего дедушки

Родился в с. Христиановское Северной Осетии в 1923 году [30].

На фронте был с 1942 г. Войну закончил под Берлином.

Награждён орденом Отечественной войны и десятью медалями, среди них медаль «За боевые заслуги».

Туккаев Арсен Андреевич — двоюродный брат моего дедушки.

Родился 3 мая 1920 г. с. Христиановское Северной Осетии [30].

На фронте был с первых дней войны в качестве моториста, затем механиком авиаполка, старшина.

Награждён орденом Отечественной войны II ст., 17 медалями, в т. ч «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За оборону Ленинграда».

Мои прадедушка Василий (Басил), прабабушка Дарья (Гого), дедушка Пётр (Буту).

(Фотография сделана перед отъездом дедушки, на Западную Украину для прохождения службы) (Мой дедушка Пётр (Буту))

Мой прадедушка Василий (Басил), со слов моей бабушки Валентины Константиновны, был красивый, удивительно мягкий, добрый, сдержанный и порядочный человек. Он был очень высокого роста, более 2 метров. И на сколько, был высок его рост, настолько была широко его душа. Это был человек слова!

Прабабушка же моя, Туккаева Дарья (Гого) в девичестве Акоева, была очень импульсивной, весёлой женщиной. И как говорят, очень хорошо играла на осетинской гармошке. Именно благодаря своей великолепной игре, она подкупила сердце моего прадедушки.

Мой дедушка, Туккаев Пётр (Буту) Васильевич, родился в 1919 г. в с. Христиановское.

Как рассказывают, он обладал хорошей физической подготовкой, в совершенстве владел техникой штанги, классической и вольной борьбы.

Молодым лейтенантом, командиром роты, он встретил войну на Западной Украине.

Первыми удар приняли на себя пограничники, а в бой в 7 часов утра вступили регулярные войска 102-го стрелкового полка 41-й стрелковой дивизии, в составе которой служил и мой дорогой дедушка. Его рота отчаянно сражалась. Фашисты никак не ожидали такого сопротивления. И как же много солдат полегло тогда в этом неравном бою [28].

В неравном этом бою мой дедушка, раненный в ногу, держась из последних сил, стоял перед оставшимися бойцами своей роты.

Вступив в неравный бой, их осталось только двое, после чего они углубились в лес.

Так мой дедушка с группой солдат попал в состав партизан Житомирской области, где ему пришлось пережить много радостей и тревог, побед и горечи, потерю друзей.

В известном партизанском отряде Ивана Цандровского, он был назначен командиром разведвзвода, где разрабатывал планы различных операций, вместе со своими товарищами устраивал засады на дорогах, чтобы уничтожить фашистские обозы, машины.

Когда с Житомирщины были изгнаны немецко-фашистские захватчики, моего дедушку избрали председателем колхоза. Долгое время это хозяйство, благодаря его усилиям и прекрасным организаторским способностям, занимало первое место в районе.

После окончания Великой Отечественной войны он вернулся в

родную Осетию.

В 1947 году дедушка становится чемпионом республики и Центрального совета общества «Динамо» по классической борьбе [28].

Мой дедушка — Туккаев Пётр (Буту) Васильевич, кавалер ордена Красной звезды и медалей «За отвагу» и «Партизану Отечественной войны», а также обладатель многих других наград.

Очень тяжёлые испытания выпали на его долю.

Во многих книгах, газетных статьях о ветеранах Великой Отечественной войны описываются героические подвиги, совершенные моим дедушкой — Туккаевым Петром (Буту) Васильевичем.

До сих пор люди, которые были знакомы с моим дедушкой, рассказывают о его достоинствах, человеческих качествах, которые могут служить примером для подражания молодому поколению. По их словам, он был гордостью не только своей фамилии, но и всей республики.

Мой папа — Туккаев Казбек Петрович, «Заслуженный работник культуры РСО-Алания», «Заслуженный работник культуры РФ».

Это человек, скажу без преувеличения, о достоинствах которого можно много рассказывать. Педагог. Воспитатель. Наставник детей и молодёжи, внёсший огромный вклад в воспитание подрастающего поколения нашей республики.

Он прививал детям любовь и уважение к истории, культуре и традициям народов Кавказа, учил их жить в мире и согласии со все-

ми народами. Безмерно талантливый и одарённый, с раннего детства популяризировал музыкальную культуру Осетии.

Туккаев Петр Казбекович, племянник (хæрæфырт) фамилии Касаевых.

Я, Туккаев Петр Казбекович, учусь в 10 классе гимназии №5, г. Владикавказ

С 5 лет участвую и являюсь победителем различных Республиканских, Региональных, Всероссийских, Международных конкурсов по изобразительному искусству и техническому творчеству.

У каждого человека есть своя Родина. Моя Родина — Камунта, где родились и жили мои предки.

Отсюда, из Камунта, в 1852 году Туккаевы переселились в селение Христиановское.

Я очень горжусь своей фамилией!

Каждый день, просыпаясь, я разговариваю с ними: «Как больно мне, милый дедушка и папа, что вас нет рядом со мной. Но я обещаю вам, что ваш единственный внук и сын будет достоин вашего имени. Будьте уверены, что знамя чести, достоинства и самоотверженности, которые вы пронесли по жизни гордо, я понесу дальше, не посрамив вашего светлого имени...

Литература

1. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.17. Лл.21.
2. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.17. Л.21.об.
3. ЦГА РСО-А. Ф.53. Оп.1. Д.432. Л.71.
4. ЦГА РСО-А. Ф.53. Оп.1. Д.432. Л.71об.
5. ЦГА РСО-А. Ф.53. Оп.1. Д.432. Л.76 об.
6. ЦГА РСО-А. Ф.53. Оп.1. Д.432. Л.81.
7. ЦГА РСО-А. Ф.53. Оп.1. Д.432. Л.87.
8. ЦГА РСО-А. Ф.53. Оп.1. Д.432. Л.87об.
9. Цагаева А.Д. Топонимия Северной Осетии Ч.2. Орджоникидзе, 1975.
10. Скитский Б.В. Осетинские общества в горах Кавказа (XV в. — XIX в.). 1982.
11. Камунта/БСЭ. Москва: «Советская Энциклопедия», 1973.
12. Крупнов Е. И. памятники Кобанской культуры Северного Кавказа/Древняя история Северного Кавказа. М. 1960.

13. Камунта/СИЭ. М.: Советская Энциклопедия, 1973.
14. Политический паспорт — официальный сайт Ирафского района.
15. Агибалова В.В. По Дигорскому ущелью. Орджоникидзе, ИР, 1976.
16. Туккаев С.А. В горах Дигории //ТВ. 1889. № 90,91, 93, 101.
17. Кокиев Г.А. С. В. Кокиев — этнограф осетинского народа //СЭ. 1946.
18. Дигорские сказания //Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. М. 1902. Вып. IX, VIII, XI, XII, XIII.
19. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1881. Ч. I. 1882. Ч. II.
20. Миллер В. Ф. В горах Осетии // Русская мысль. Кн. IX. М., 1881.
21. Тменов В.Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1981.
22. Исаев М. И. Дигорский диалект осетинского языка. М., 1966.
23. Миллер В.Ф. Сборник материалов по этнографии. М., 1885. вып.1.
24. Фото Антона Атаркова. Дигорское ущелье, с. Камунта/strana.ru[http://](http://strana.ru)
25. История Северо-Осетинской АССР. Т.1. М., 1959.
26. Гецаев А.А. Происхождение фамилий Дигорского ущелья. Владикавказ, 1999.
27. Гагиев С.Г. По зову долга. Владикавказ, издательство «ИР», 1992.
28. Происхождение фамилии Туккаевы/ufolog.ru/names/order/Туккаев.
29. Дзагурова Г. Т Сыны Отечества. Владикавказ, 2003.
30. Батыров У.А. Солдаты Победы 1941-1945. Владикавказ, ИР, 2005. 5
31. Поггенполь Н.В. По ледникам Дигории и Балкарии. Ежегодник Русского горного общества, т.5, М., 1907.
32. www.skitalets.ru/books/2010/digoria_agibalova/.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

*****

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и РСО-А выступил соорганизатором **V открытых Шегреновских ученических чтений**, прошедших **30 апреля 2014 года** во владикавказской средней общеобразовательной многопрофильной школе № 38 им. В.М. Дегоева. Мероприятие было приурочено к **220-летию со дня рождения академика А.М. Шегрена**.

Приветствуя участников чтений на торжественной церемонии открытия, директор СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и РСО-А, доктор исторических наук, профессор **З. В. Канукова** подчеркнула важность приобщения к научным изысканиям учащихся школ, для которых первые шаги в науке могут послужить стимулом к новым исследованиям и интересным открытиям. Залина Владимировна пригласила талантливых школьников и их руководителей к сотрудничеству с Научно-образовательным центром СОИГСИ «Гуманитарий». После торжественного открытия работа конференции продолжилась по секциям: «Литературоведение (осетинская литература)», «Литературоведение (русская литература)», «Лингвистика», «Этнография», «История Осетии», «География, экология, краеведение», «Искусствоведение», «Педагогика и психология».

Основу экспертных советов большинства секций составили научные сотрудники СОИГСИ: заведующий отделом фольклора и литературы, доктор филологических наук **Ф.М. Токазов**, заведующая Научно-образовательным центром «Гуманитарий», кандидат исто-

рических наук **Э.Ш. Гутиева**, научный сотрудник отдела фольклора и литературы, кандидат филологических наук **Е.Б. Дзапарова** и научный сотрудник отдела социально-политических исследований, кандидат исторических наук **Б.А. Синанов**.

Победителям и призерам каждой из восьми секций были вручены дипломы.

* * * * *

Делегация СОИГСИ им. В. И. Абаева приняла участие в Международной научной конференции «Актуальные проблемы общей и чеченской филологии» («Дешериевские* чтения-2014»)

28-30 апреля 2014 г. в Институте чеченской и общей филологии Чеченского государственного университета состоялась Международная научная конференция «Актуальные проблемы общей и чеченской филологии» («Дешериевские чтения-2014»), приуроченная ко Дню чеченского языка.

В работе конференции приняли участие представители министерства ЧР по национальной политике, внешним связям, печати и информации, министерства образования и науки ЧР, ученые и представители высших учебных заведений Северного Кавказа и других регионов страны.

Северную Осетию на форуме представили сотрудники СОИГСИ им. В.И. Абаева — д.ф.н., ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания, заслуженный деятель науки РСО-А **Е.Б. Бе-**

солова, к.ф.н., научный сотрудник отдела осетинского языкознания **Ф. О. Абаева**, к.ф.н., старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы **М. В. Дарчиева**, а также соискатели института **И. А. Кодзати** и **А. Б. Кокоева**.

Е. Б. Бесолова выступила на пленарном заседании с докладом «Этнолингвистический и этнокультурный аспект категории родства, родственных связей и отношений у осетин», затем возглавив работу секции «Теория языка; социоллингвистика, этнолингвистика; эколингвистика; психоллингвистика». В рамках секции был заслушан доклад **Ф. О. Абаевой** «Собственно свадебный обрядовый текст осетин (акциональный код)».

М. В. Дарчиева представила доклад «Фольклорный концепт æмгъуыд как обозначение точного назначенного срока в осетинских эпических текстах» на объединенном заседании секций «Фольклор» и «Русская и зарубежная литература; русскоязычная проза северокавказских авторов».

И. А. Кодзати выступила на секции «Грамматика, фразеология; этнокультурные, лингвокультурологические аспекты исследования языков народов Кавказа» с докладом «О фразеологической деривации осетинского языка».

*Юнус Дешериевич Дешериев (1918-2005) — чеченский советский и российский ученый-кавказовед, доктор филологических наук, почетный академик Академии наук Чеченской Республики, автор монографий по бацбийскому, чеченскому, хиналугскому языкам и первой в кавказоведении сравнительной исторической грамматики нахских языков, лауреат премии Арнольда Чикобава.

*****

Молодые ученые СОИГСИ приняли участие в V Международной научно-практической конференции «Молодые ученые в решении актуальных проблем науки»

20 июня 2014 г. в Северо-Осетинской государственной медицинской академии **состоялась V Международная научно-практическая конференция «Молодые ученые в решении актуальных проблем науки»**, организованная Министерством РСО-А по делам молодежи, физической культуры и спорта, Владикавказским научным центром РАН и РСО-А, Советом молодых ученых и специалистов при Главе РСО-А и Северо-Осетинским отделением Общероссийской общественной организации «Российский союз молодых ученых».

В конференции приняли участие молодые ученые и специалисты научных учреждений республики и других регионов России, стран СНГ и дальнего зарубежья.

В рамках секции «Гуманитарные науки» под председательством к.и.н., научного сотрудника отдела социально-политических исследований СОИГСИ, председателя СМУ СОИГСИ и члена СМУС при Главе РСО-А **Б.А. Синанова** прозвучали доклады представителей института: старшего научного сотрудника отдела фольклора и литературы, к.ф.н. **М.В. Дарчиевой** («Об измерении времени и длительности эпического действия в осетинской «Нартиаде»), старшего научного сотрудника отдела осетинского языкознания, к.ф.н.

Ф. О. Абаевой («Лексика предметного кода обрядового свадебного текста осетин и абхазов») и соискателя **И. А. Кодзати** «Семантические регистры многозначного слова «хæстæг» и фразеологические единицы осетинского языка».

Также в ходе работы конференции состоялись совместное заседание представителей Советов молодых ученых и специалистов Северо-Кавказского Федерального Округа и выставка научно-технического творчества молодежи.

По итогам конференции планируется издание сборника научных трудов, а статьи участников будут включены в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

*****

19-20 июня 2014 г. в Махачкале прошла IV Международная научная конференция «Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи», посвященная 90-летию со дня основания Института языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы Дагестанского научного центра РАН

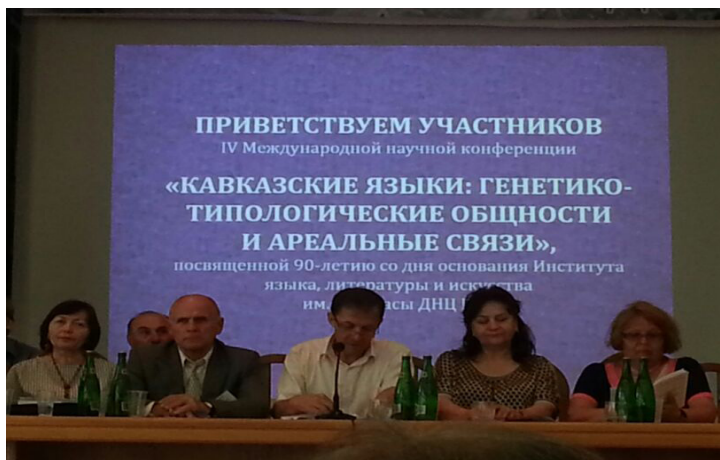
В конференции приняли участие сотрудники Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева: дфн, ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания **Елена Бутусовна Бесолова**; кфн, снс отдела осетинского языкознания **Лариса Батразовна Моргоева**; кфн, снс отдела фольклора и литературы **Мадина Владимировна Дарчиева**; кфн, снс отдела осетинского языкознания Фатима Олеговна Абаева и соискатель отдела осетинского языкознания **Ирида Ахсаровна Код-**

зати (научный руководитель — д.ф.н., в.н.с. отдела осетинского языкознания СОИГСИ им. В. И. Абаева Бесолова Е. Б.).

В рамках работы конференции в секции «Типологическая общность кавказских и индоевропейских языков. Проблемы описательной лингвистики» были представлены следующие доклады сотрудников СОИГСИ им. В. И. Абаева:

1. «Об одном топониме-булгаризме осетинского языка» (Бесолова Е. Б.);
2. «Особенности оградительных формул в осетинском языке» (Моргоева Л. Б.);
3. «О темпоральной лексике в языке осетинского фольклора» (Дарчиева М. В.);
4. «Лексика института приданого у осетин» (Абаева Ф. О.);
5. «Досоветский этап изучения процессов фразообразования в осетинском языке» (Кодзати И. А.)

В заключительный день работы конференции был проведен круглый стол «Языки Кавказа — современное состояние и перспективы», после которого состоялось подведение итогов.

*****

24-25 июня 2014 года в Северо-Осетинском институте гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева состоялась IX Международная историко-филологическая школа-конференция молодых ученых «Современная методология гуманитарного исследования».

Организаторами ежегодного научного мероприятия выступили Научно-образовательный центр «Гуманитарий» и Совет молодых ученых СОИГСИ.

Им удалось собрать представительный форум, в котором участвовало более 50 человек (студенты, магистранты, аспиранты, молодые преподаватели и научные сотрудники), представлявших высшие учебные заведения и научно-исследовательские институты РАН — Республики Кабардино-Балкария, Дагестана, Чеченской Республики, Северной Осетии и Ставропольского края, а также исследователи из Грузии и Республики Южная Осетия.

Гостей и участников конференции по традиции приветствовала директор СОИГСИ, д.и.н., профессор **З. В. Канукова**, которая в очередной раз подчеркнула приоритетность поддержки молодых ученых для института.

Конференцию продолжили мастер-классы. Ученый секретарь диссертационного совета при Северо-Осетинском государственном университете им. К.Л. Хетагурова, д.пед.н., профессор **С. Р. Чеджемов** рассказал молодым ученым, готовящимся к защите кандидатских диссертаций, о научно-правовых аспектах присуждения ученых степеней и званий; молодые исследователи из первых уст узнали о специфике подготовки и подачи документов для защиты диссертации, а также о правилах работы с архивными фондами, соблюдение которых поможет скорейшему поиску нужной информации.

Директор Центрального государственного архива РСО-А **Л. С. Засеева** провела мастер-класс на тему «Архивная эвристика».

Во второй день конференции состоялись секционные заседания по направлениям: «История», «Этнология и антропология», «Филология», «Социология и политология». Доклады молодых ученых также предварялись мастер-классами старшего научного сотрудника отдела этнологии СОИГСИ, д.и.н. **И. Т. Марзоева** («Устный источник как метод и источник исторического исследования») и заслуженного деятеля искусств Российской Федерации **Л. Х. Кануковой** («Осетинский музыкальный фольклор»).

Итоги работы конференции подвела заместитель директора СОИГСИ по науке, д.и.н., профессор **С. А. Айларова**, которая отметила важность для молодых ученых участия в подобных конференциях.

Материалы школы-конференции будут опубликованы в выпуске № 12 научного журнала «Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых».

*****

С 29 июня по 4 июля сотрудники Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева кфн, снс отдела осетинского языкознания Фатима Абаева и кфн, снс отдела фольклора и литературы Мадина Дарчиева принимали участие в шестидневной Летней школе «Наука vs жизнь», организованной Открытым университетом «Сколково» совместно с Федеральным агентством научных организаций России.

Основной целью Летней школы, по мнению организаторов, являлось формирование сообщества молодых ученых, продвигающих и реализующих стратегии научных исследований и разработок в России, а также помощь молодым ученым в развитии карьерных стратегий.

В работе Школы приняли участие молодые ученые из ведущих научно-исследовательских институтов России и зарубежья; участники программ и мероприятий ОтУС; студенты, аспиранты и молодые ученые из университетов и научных центров — партнеров Фонда «Сколково»; сотрудники компаний-участников проекта «Сколково»; сотрудники ведущих НИИ, университетов и технологических корпораций России и мира; представители органов государственного управления и институтов развития РФ.

Мероприятия впервые проходили в Гиперкубе «Сколково». Одной из основных задач, которую ставили перед собой организаторы школы под руководством исполнительного директора Открытого

университета «Сколково» **Андрея Егорова**, — показать молодым ученым их возможности, карьерные траектории, как индивидуальные, так и совместные, по интеграции в инновационную систему России.

В течение шести дней работы Летней школы участники, разбившись на восемь команд, разрабатывали свои предложения по поводу того, вокруг каких целей, задач, ценностей следует формировать сообщество молодых ученых, а также какие могут быть разработаны инструменты по взаимодействию молодых ученых с органами власти, с индустрией, с обществом, друг с другом. Каждый день школы имел свою собственную задачу и тематику.

В заключительный день Летней школы участники окончательно доработали свои предложения по созданию сообщества молодых ученых, затем представили их на суд экспертной комиссии, в состав которой вошли представители ФАНО, «Сколково» и офиса Microsoft.

*****

В издательской серии «Первая монография» Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева вышла книга:

❖ **Бедоева И. А. «Традиционные хмельные напитки Осетии (XIX-XX вв.)»**

Монография Ирины Бедоевой «Традиционные хмельные напитки осетин (XIX-XX вв.)» — оригинальное научное исследование, она актуальна, содержательна и представляет научно-практический интерес.

В культуре жизнеобеспечения осетин большое значение придается традиционным хмельным напиткам, в которых выражаются как социально-культурные и духовные, так и экономические ценности. В связи с этим, монография молодого ученого И.А. Бедоевой способствует сохранению национально-культурного наследия.

**ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ
ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

ВЫП. 12

Научный журнал

Компьютерная верстка — *А.В. Черная*

Подписано в печать 10.08.2014

Формат бумаги 70×108 ¹/₁₆. Бум. 65 гр. Гарнитура шрифта «Myriad»

Тираж 100 экз. Заказ №62. Усл.п.л. 33,5

Отпечатано в ИПЦ СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО–А

362040, РСО–Алания, г.Владикавказ, пр. Мира, 10

e-mail: rio-soigsi@mail.ru